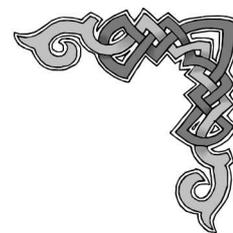

ООО «Наука и образование»

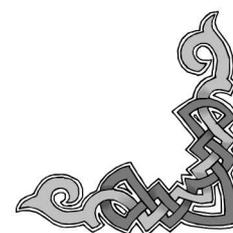
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 10
2019**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2019, № 10

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 2

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

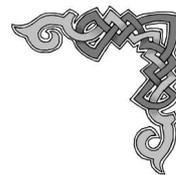
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ессентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

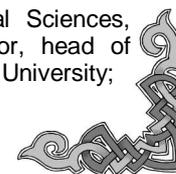
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of sociopolitical researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, candidate of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, the editor-in-chief «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academicien of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Волков Юрий Григорьевич,

Бугаенко Юлия Юрьевна,

Касьянов Валерий Васильевич,

Куемжиева Светлана Александровна,

Харитонов Евгений Михайлович.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Айвазян О.О. Социологические парадигмы правовой коммуникации в ракурсе формирования коммуникативно-правовой культуры личности	15
Байрамкулова Д.Д. Социальное здоровье женщин репродуктивного возраста в оценке работников сферы здравоохранения Ставропольского края	20
Бондаренко Н.С., Алексенко Е.В. Пропаганда как способ коммуникативного воздействия на потребителей в рамках рекламной деятельности	26
Ван Бин Система управления в государственных вузах КНР	29
Викторов А.Ш. Категории социального неравенства: теоретический анализ	34
Воденко К.В., Тихоновскова М.П., Асланов Я.А. Стратегии обеспечения духовной безопасности молодежи в условия формирования информационных угроз и развития сетевых сообществ	41
Волков Ю.Г. Субъекты сетевого сообщества: социальные позиции и установки	48
Воробьёв Г.А., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Формирование установки на здоровый образ жизни как мера профилактики девиантного поведения среди молодежи	54
Золин И.Е. Рынок труда и проблема дефицита кадров	59
Иваненко И.И. К вопросу о взаимодействии отечественных структур государственного и местного управления до императорского периода	64
Иванова А.Я. Роль китайской еды и китайских ресторанов в межкультурном взаимодействии России и Китая	71
Касьянов В.В., Самыгин С.И. Историческая и коллективная память и социальный порядок	76
Кузнецов Д.Н. Социологический анализ качеств современного менеджера	81
Кубекова А.С., Шагина И.Р., Смахина Т.А. Анализ самооценки здоровья студентов медицинского университета	83
Курбатов В.И., Волков Ю.Г., Воденко К.В. Молодежная субкультура в сетевых сообществах: приоритеты молодежи в социальных сетях и трансформация социально-информационного поведения	87
Маслова О.М., Григорьева Н.В. Городская и сельская бедность: региональный аспект	98
Пугачев О.С., Пугачева Н.П., Дорофеева Т.Г. Социальная реальность в аспекте глобализации	102
Самыгин П.С., Самыгин С.И., Попов М.Ю. Правовое просвещение и формирование правовой культуры современной российской студенческой молодежи	105

Снеговая О.А., Карапетян Е.А., Власова В.Н. Коммуникативно-компетентностный подход в образовательном пространстве высшей школы	110
Хорошкевич Н.Г. Подготовка специалистов в сфере ядерной энергетики в постиндустриальном обществе	115
Шагина И.Р., Кубекова А.С., Смахина Т.А. Оценка динамики состояния здоровья студентов медицинского университета в период обучения	121
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Алехина А.В., Рябчиков В.В. Прощение как целеустановка в праве	127
Афаунов А.З., Хавдок А.М., Татлок А.К. Правовой нигилизм российской молодежи: объективные и субъективные аспекты проблемы	130
Белевский Р.А. Некоторые оперативные-разыскные аспекты проведения опроса на современном этапе	135
Волковская Л.Н. Современная правовая практика обеспечения вещных прав и законного владения граждан Российской Федерации	137
Гришин Д.А., Волкова Н.В. Вопросы совершенствования уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность на примере зарубежных стран	141
Гурулева Э.А., Иванова Н.А. Отдельные проблемы возмещения убытков и взыскания неустойки как мера гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств	145
Дворжицкая М.А. Теоретические и практические аспекты прикосновенности к преступлению	148
Жога Е.Ю., Васенин А.Ю., Тхаровская О.Ю. О правовом регулировании деятельности ФСБ России по борьбе с терроризмом	151
Здунова Д.И. Форма государства: причины многообразия форм	155
Кислицын Н.А., Паранин В.А. Правовые аспекты противодействия и пресечения террористических актов на транспорте	157
Козлова М.В. Авторы и их наследники как участники правоотношений при несостоятельности (банкротстве)	160
Кошечкина Я.А., Шагинянец С.С. Следственные действия, связанные с ограничением конституционных прав граждан, проводимые по решению суда	164
Куракина С.И., Круглов Д.Н. О перспективах цифрового правотворчества	168
Манаенков К.Л. Правовой статус апартаментов. Проблемные вопросы судебной практики	172
Маркелов С.В. Инновационные технологии в российской уголовно-исполнительной системе	175
Некрасов В.Н. Искусственный интеллект как вид общественно опасной инновации в уголовном праве России	179
Моисеева О.Г., Печатнова Ю.В., Стаценко Д.А. Политико-правовой анализ процесса реформирования России и Китая в период XX–XXI вв.	182
Пушкарев Е.А. Юридизация обыденных отношений в России в аспекте теории правового государства	185
Савенко И.А. Проблемы определения понятия и меры борьбы с международным терроризмом	189
Савин А.А. Условно-досрочное освобождение осужденных, больных социально значимым заболеванием. Проблемы и предложения	194

Семенов С.А., Шаназарова Е.В. Гражданско-правовая характеристика устава как основного учредительного документа кредитного потребительского кооператива	197
Семенова Е.Г. Передача недвижимости в конструкции приобретения права собственности по договору продажи недвижимости	201
Смирнов А.М. Какова же на самом деле динамика преступности в России, и что на нее влияет?	206
Смирнов А.М. Некоторые вопросы легитимности необходимой обороны, относящиеся к характеру посягательства	209
Смирнов А.М. Условия легитимности необходимой обороны во временных пределах	212
Терещенко А.П. Отечественное и зарубежное законодательство о противодействии налоговым преступлениям как угрозе экономической безопасности государства	215
Шищенко Е.А. Нарушение авторских и смежных прав: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации	218
Якушева Т.В., Горювая В.Ю., Горювой С.А. Применение методов нейролингвистического программирования в уголовном процессе	221
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Бакшеев С.Л. Теоретические аспекты бережливого производства	227
Ежов А.Ю. Особенности современных методов управления инновационным предприятием	231
Казибекова Н.А., Исмиева З.М., Казибеков И.М. Управленческий учет в медицинских организациях	235
Коновалова Т.В., Надирян С.Л. Алгоритм выбора подвижного состава для перевозки грузов	239
Курилин В.В., Горячев В.С. Модели оценки системы автоматизации оформления заказов	243
Мажанская Е.В., Пасечник А.С., Шишкина Д.Ф., Калинина Д.А., Гамаева Д.А. Здоровое население как основной фактор качественной производительности труда	246
Назарчук Н.П., Коростелева О.А. Оценка тенденций развития рынка ипотечного кредитования в Российской Федерации	250
Щербакова Е.П. Проблемы оценки эффективности деятельности служб внутреннего аудита коммерческих организаций	253

CONTENTS:

Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Oksana O. Ayvazyan Sociological paradigms of legal communication from the perspective of the formation of a communicative and legal culture of an individual	15
Dinara D. Bairamkulova Social health of women of reproductive age in the assessment of health workers of the Stavropol territory	20
Nadezhda S. Bondarenko, Elena V. Aleksenko Propaganda as a method of communicative impact on consumers in the framework of promotional activities	26
Bing Wang Management system in state universities of China	29
Alexander Sh. Viktorov Theoretical analysis of categories of social inequality	34
Konstantin V. Vodenko, Maria P. Tikhonovskova, Yakov A. Aslanov Strategies for providing spiritual security youth in the context of the formation of information threats and the development of network communities	41
Yuri G. Volkov Subjects of the network community: social positions and attitudes	48
Gennady A. Vorobiev, Natalya Kh. Gafiatulina, Sergey I. Samygin Forming a plant for a healthy lifestyle as a measure of prevention of deviant behavior among youth	54
Igor E. Zolin Labour market and shortage of personnel	59
Igor N. Ivanenko To the question about interaction of domestic structures of state and local government before the imperial period	64
Alena Ya. Ivanova Role of chinese food and chinese restaurants in the inter-cultural interaction of Russia and China	71
Valery V. Kasyanov, Sergey I. Samygin Historical and collective memory and social order	76
Dmitry N. Kuznetsov Sociological analysis of the qualities of a modern manager	81
Aliya S. Kubekova, Inna R. Shagina, Tatiana A. Smakhtina Analysis of the self-assessment of health of students of medical university	83
Vladimir I. Kurbatov, Yuri G. Volkov, Konstantin V. Vodenko Youth subculture in online communities: youth priorities in social networks and transformation social-informationbehavior	87
Olga M. Maslova, Natalia V. Grigoryeva Urban and rural poverty: regional aspect	98
Oleg S. Pugachev, Natalya P. Pugacheva, Tatiana G. Dorofeeva Social reality in the aspect of globalization	102
Petr S. Samygin, Sergey I. Samygin, Mikhail U. Popov Legal education and formation of legal culture of modern Russian students	105
Olga A. Snegovaya, Elena A. Karapetyan, Victoria N. Vlasova Communicative-competence approach in the educational space of higher school	110
Natalya G. Horoshkevich Nuclear energy training In post-industrial society	115

Inna R. Shagina, Aliya S. Kubekova, Tatiana A. Smakhtina Evaluation of the dynamics of the health condition of students of medical university during training	121
JURISPRUDENCE	
Anna V. Alyokhina, Vadim V. Ryabchikov Forgiveness as a goal setting in law	127
Anzor Z. Afaunov, Anzaur M. Havdock, Adam K. Tatlock Legal nihilism of Russian youth: objective and subjective aspects of the problem	130
Roman A. Belevskiy Some operational aspects of the current survey	135
Ludmila N. Volkovskaya Modern legal practice of ensuring the substantive rights and legal possession of citizens of the Russian Federation	137
Denis A. Grishin, Natalya V. Volkova Questions of improving criminal responsibility for illegal banking activity on the example of foreign countries	141
Alvira A. Guruleva, NellyA. Ivanova Problems of damages and recovery of penalty for violation of obligations	145
Marina A. Dvorzhitskaya The oretical and practical aspects of implication to a crime	148
Elena Yu. Zhoga, Andrew Yu. Vasenin, Olga Yu. Tharovskaya On the legal regulation of the FSB of Russia in the fight against terrorism	151
Diana I. Zdunova State form: reason for the diversity of forms	155
Nikolay A. Kislitsyn, Vitaly A. Parakhin Legal aspects of counteraction and suppression of terrorist acts on transport	157
Mariia V. Kozlova Authors and their heirs as participants of legal relations in insolvency (bankruptcy)	160
Yana A. Koshechkina, Sofya S. Shaginiants Investigative measures restricting the constitutional rights of individuals by court order	164
Svetlana I. Kurakina, Dmitrii N. Kruglov On the prospects of digital lawmaking	168
Kirill L. Manaenkov Legal status of apartments. problem issues of judicial practice	172
Sergey V. Markelov Innovative technologies in the Russian penal system	175
Vasily N. Necrasov Artificial intelligence as a type of socially dangerous innovation in Russian criminal law	179
Oksana G. Moiseeva, Yulia V. Pechatnova, Daria A. Statsenko Political and legal analysis of the reform process in Russia and China in XX–XXI centuries	182
Pushkarev Evgeny Legalisation of everyday relations in Russia in the aspect of the theory of the rule of law	185
Irina A. Savenko Problems of definition and measures to combat international terrorism	189
Andrey A. Savin Parole of convicts, patients with socially significant disease. Problems and suggestions	194
Sergey A. Semenov, Elena V. Shanazarova Civil and legal characteristics of the articles of association as the main constituent document of the credit consumer cooperative	197
Ekaterina G. Semenova Transfer of real estate in the construction of acquisition of property rights under the real estate sales agreement	201
Alexander M. Smirnov What is the dynamics of criminality in Russia, and what influence it?	206

Alexander M. Smirnov Some issues of legitimacy of necessary defense relating to the character of treatment	209
Alexander M. Smirnov Legitimate conditions of necessary defense in temporary limits	212
Alexey P. Tereshchenko Domestic and foreign legislation on combating tax crimes as a threat to the economic security of the state	215
Elena A. Shishchenko Violation of copyright and related rights: criminal-legal characteristic and problems of qualification	218
Tamara V. Yakusheva, Victoria Yu. Gorovaya, Svyatoslav A. Gorovoy Application of neurolinguistic programming methods in criminal proceedings	221
ECONOMIC SCIENCES	
Sergey L. Baksheev Theoretical aspects of lean production	227
Albert Y. Ezhov Features of modern methods of managing an innovative enterprise	231
Naida A. Kazibekova, Zamira M. Ismieva, Islam M. Kazibekov Management records in medical organizations	235
Tatyana V. Konovalova, Sofia L. Nadiryan The algorithm of a choice of rolling stock for transportation of goods	239
Vladislav V. Kurilin, Vladislav S. Goryachev Ordering automation system evaluation models	243
Elizabeta V. Majanskaya, Anastasia S. Pasechnik, Darya F. Shishkin, Darya A. Calinina, Darya A. Gamayeva Healthy populations as the main factor in quality labor productivity	246
Natalia P. Nazarchuk, Olesya A. Korosteleva Assessment of trends in the mortgage market in the Russian Federation	250
Ekaterina P. Shcherbakova Problems of evaluating the efficiency of the activities of the services of the internal audit of commercial organizations	253

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Айвазян Оксана Оганесовна
кандидат педагогических наук,
начальник
редакционно-издательского отдела,
доцент кафедры философии,
культуроведения
и социальных коммуникаций,
Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма
O.O.Ayvazyan@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАКУРСЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

■ ■ ■

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению социокультурных основ правовой коммуникации в ракурсе формирования коммуникативно-правовой культуры личности. Автором представлен анализ различных социологических концепций правовой коммуникации современных деятелей науки, рассматривающих правовую коммуникацию как компонент коммуникативно-правовой культуры личности. В работе отмечается, что социокультурные теории в трудах В.С. Соловьева и П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, П.А. Сорокина, Н.С. Тимашева, Г.Д. Гурвич и др. раскрывают правовую коммуникацию как взаимосвязь правовых основ с нравственным началом. Это позволяет рассуждать о государстве, в котором основой является справедливость и христианство, что, безусловно, оправдывает основополагающую задачу органов власти совершенствовать внешние и внутренние условия, способствующие достойному существованию общества. При этом достойная жизнедеятельность граждан возможна при условии сочетания справедливости, гуманности, толерантности и нравственности во всех своих проявлениях, т. е. как общая, так и коммуникативно-правовая культура должны быть на должном уровне. Помимо этого в работе представляются результаты исследования, направленного на выявление социальных основ правовой коммуникации в ракурсе формирования коммуникативно-правовой культуры личности. В заключении делаются выводы о значимости исследуемой проблематики, обоснованием этому служит то, что правовая система в современном социокультурном обществе представляет собой коммуникативный процесс, в рамках которого происходит коммуникативно-правовое взаимодействие.

Oksana O. Ayvazyan
Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of the Publishing Department,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Cultural Studies
and Social Communications,
Kuban State University
of Physical Education, Sports and Tourism
O.O.Ayvazyan@mail.ru

SOCIOLOGICAL PARADIGMS OF LEGAL COMMUNICATION FROM THE PERSPECTIVE OF THE FORMATION OF A COMMUNICATIVE AND LEGAL CULTURE OF AN INDIVIDUAL

■ ■ ■

Annotation. The article is devoted to the consideration of the sociocultural foundations of legal communication in the perspective of the formation of a communicative and legal culture of an individual. The analysis of various sociological concepts of legal communication of modern scientists, considering legal communication as a component of the communicative and legal culture of an individual is presented. The paper notes that sociocultural theories in the works of famous scientists V.S. Soloviev and P.I. Novgorodtseva, L.I. Petrazhitzky, P.A. Sorokina, N.S. Timasheva, G.D. Gurvich et al. Disclose legal communication as an interconnection of legal foundations with a moral principle. That allows us to talk about a state in which justice and Christianity are the foundation, which, of course, justifies the fundamental task of the authorities to improve the external and internal conditions conducive to the decent existence of society. At the same time, a worthy vital activity of citizens is possible provided that justice, humanity, tolerance and morality are combined in all their manifestations, that is, both the general culture and the communicative-legal should be at the proper level. In addition, the work presents the results of a study aimed at identifying the social foundations of legal communication in the perspective of the formation of a communicative and legal culture of an individual. In conclusion, conclusions are made about the significance of the studied issues, the rationale for this is that the legal system in modern sociocultural society is a communicative process in which communicative-legal interaction takes place.

Ключевые слова: право, коммуникация, правовая коммуникация, социологические основы правовой коммуникации, правовая культура, коммуникативно-правовая культура, социокультурное пространство.

Keywords: law, communication, legal communication, sociological foundations of legal communication, legal culture, communication and legal culture, sociocultural space.

Введение. Становление личности в условиях социокультурных трансформаций различных сфер жизнедеятельности происходит под влиянием различных социокультурных и социально-правовых внутренних и внешних факторов. В этой связи мы считаем необходимым и, даже важным, рассмотреть правовую коммуникацию в ракурсе формирования коммуникативно-правовой культуры личности как социокультурного феномена с учетом социологического познания.

Целью исследования является выявление социокультурных основ правовой коммуникации в ракурсе формирования коммуникативно-правовой культуры личности в современном социокультурном пространстве.

Методы исследования. Исследование включает изучение, анализ и обобщение литературных источников, включающих описание социологических основ правовой коммуникации в ракурсе формирования коммуникативно-правовой культуры личности в современном социокультурном пространстве. Также социологический опрос и количественный анализ полученных результатов.

Изложение основного материала. Социологическая парадигма как детерминанта формирования коммуникативно-правовой культуры личности заключается в выявлении социокультурных и нравственных аспектов правовой коммуникации, исследованием которых занимались известные ученые, видные деятели социологической науки В.С. Соловьев и П.И. Новгородцев [6, с. 714].

Правовая коммуникация в концепции В.С. Соловьева заключается во взаимосвязи права, этики и нравственности, что предполагает принудительную нравственную справедливость. Право, являясь компонентом правовой культуры, понимается как нравственное явление: «право есть низший предел или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный» [7, с. 108]. Такая характеристика содержится и в «Оправдании добра»: «право есть низший предел или определенный минимум нравственности» [7, с. 328].

Взаимосвязь правовых основ с этикой и нравственным началом, по мнению В.С. Соловьева, позволяет рассуждать о государстве, в котором основой является справедливость, что, безусловно, оправдывает основополагающую задачу органов власти совершенствовать внешние и внутренние условия, способствующие достойному существованию общества [7, с. 40]. При этом достойная жизнедеятельность граждан возможна при условии сочетания справедливости, гуманности, толерантности и нравственности во

всех своих проявлениях, т.е. как общая культура, так и правовая должна быть на должном уровне [2]. Также важным является и то, что данная цель достигается в процессе речевого акта (общения) в социально-правовой сфере посредством эффективного коммуникативного взаимодействия, построенного с учетом вышеуказанных условий.

Еще одним, но не менее важным представителем социологического знания в рассмотрении правовой коммуникации в рамках данного исследования является русский юрист-правовед, общественный и политический деятель, историк П.И. Новгородцев [4, с. 100], который утверждал, что право должно опираться на вечные основы морального сознания, отразив наличие особой взаимосвязи ценностной и правовой систем. В основе его научных изысканий лежит возрождение естественного права. В понимании П.И. Новгородцева, «естественное право – это совокупность идеальных, нравственных представлений о праве», при этом данная взаимосвязь заключается во взаимодействии права и нравственности, так как «оно представляет собой реакцию нравственного сознания (личности) против положительных установлений» [3, с. 3]. И, с учетом его точки зрения, в целях создания цельной этической системы необходимым является взаимодействие нормированности Канта с социокультурной идеей, выдвинутой Гегелем.

Таким образом, с учетом рассмотренных концепций В.С. Соловьева и П.И. Новгородцева, имеется возможность интерпретировать их идеи в русле данного исследования следующим образом: право как компонент правовой культуры, включающее естественное право, моральные и этические нормы, совершенствуется в процессе правового просвещения средствами языка, что способствует формированию коммуникативно-правовой культуры личности.

В направлении изучения формирования правовой культуры через правовую коммуникацию в аспекте социологического знания также можно отметить российского и польского ученого, правоведа, социолога, Л.И. Петражицкого, русского, американского социолога и культуролога П.А. Сорокина, русского социолога и правоведа, публициста, общественного деятеля Н.С. Тимашева, а также российского правоведа и французского социолога-позитивиста Г.Д. Гурвича [6, с. 720]. Л.И. Петражицкий «в своем основном научном достижении, разработке теории социальных норм, раскрывал их взаимосвязь с обязанностями как моральными (нравственными), так и правовыми (юридическими). К нравственным нормам он относил переживание долга и его выполнение, к юридическим – это понимание долга как обязанности по отношению к другому»

[5]. Но, несмотря на сказанное, нормы призваны выполнять следующие основополагающие функции: мотивационную (импульсивную), стимулирующую или сдерживающую определенные действия и педагогическую, способствующую развитию определенных психических склонностей, предрасположенностей людей. На основании данной теории в рамках исследуемой проблематики можно констатировать, что все участники правового взаимодействия находятся в состоянии правовой коммуникации, «создавая» право. В связи с этим возникает необходимость формирования коммуникативно-правовой культуры через систему правовой коммуникации и с социально-психологической позиции.

Другим, но не менее значимым представителем, исследующим правовую культуру через правовую коммуникацию в аспекте социологического знания, является П.А. Сорокин [8, с. 14], им проведен анализ правовых институтов в контексте общесоциологической теории, предполагающей переход от идеациональной к чувственной культуре, характеризующейся процессом постепенной девальвации этических и правовых норм.

В своих научных трактатах Н.С. Тимашев [9, с. 487] рассматривал основы права как некий вторичный феномен, объединяющий первичные социальные явления, нравственно-этические нормы и властную структуру, анализ которых должен проводиться комплексно, что позволяет выявить общую правовую культуру социума, включающую все аспекты жизнедеятельности населения, в том числе и правовую социокультурную компетентность.

Г.Д. Гурвич [1] исследовал правовую проблематику посредством выделения первичных компонентов правовой действительности. По мнению ученого, первичными компонентами правовой системы, включающей правовую коммуникацию, являются формы социабельности, через которые проявляется правовая плюрализм. При этом Г.Д. Гурвич под термином «социабельность» предполагает существование человека в обществе, т.е. коммуникативное взаимодействие (общение, коммуникация) столь важное для право-

вой сферы жизнедеятельности социума. Мыслитель особое значение придавал общению, так как оно является основополагающим побудительным мотивом ко всем сферам жизни человечества, что также приводит к развитию и формированию основ права и коммуникативно-правовой культуры.

С целью выявления социологических основ правовой коммуникации, направленных на формирование коммуникативно-правовой культуры личности, нами был проведен социологический опрос в Краснодарском крае, г. Краснодаре. Выборка респондентов составила 200 человек, возраст от 17 до 65 лет.

В частности, им был задан вопрос: Что же общество понимает под термином «правовая коммуникация»? Результаты ответов свидетельствуют о неоднозначности в понимании терминологического значения данного понятия. Ответы респондентов распределились таким образом: 42 %, то есть, подавляющее большинство респондентов, затруднялись ответить, 26 % опрошенных отнесли данное понятие к общению в правовой сфере, 32 % заключили данное понятие в рамки только лишь основ права (рис. 1).

Поскольку большинство респондентов соотнесли понятия «правовая коммуникация» и «право», следующий вопрос был направлен на выявление сущности понятий «право» и «закон». Результаты показали, что основная масса опрошиваемых – 48 % также считает, что эти понятия тождественны, лишь небольшое количество, 30 % респондентов, разграничили их в соответствии с правилами, хотя были и те, которые затруднились ответить (рис. 2).

Результаты ответов на вопрос «На что должно опираться право в своем регулировании?» свидетельствуют о том, что абсолютное большинство, 52 % опрошиваемых, отметили – закон, 30 % высказали мнение о необходимости опоры на нравственность и мораль, лишь 18 % респондентов ответили, что опора должна быть основана на чувстве долга, т.е. понимании долга как обязанности по отношению к другому (рис. 3).

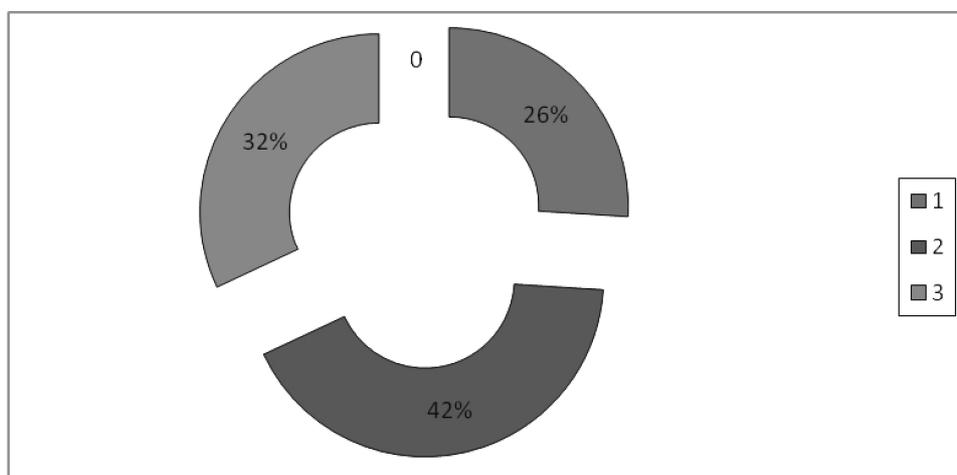

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что такое «правовая коммуникация»?»: 1 – общение в правовой сфере; 2 – затруднялись ответить; 3 – право

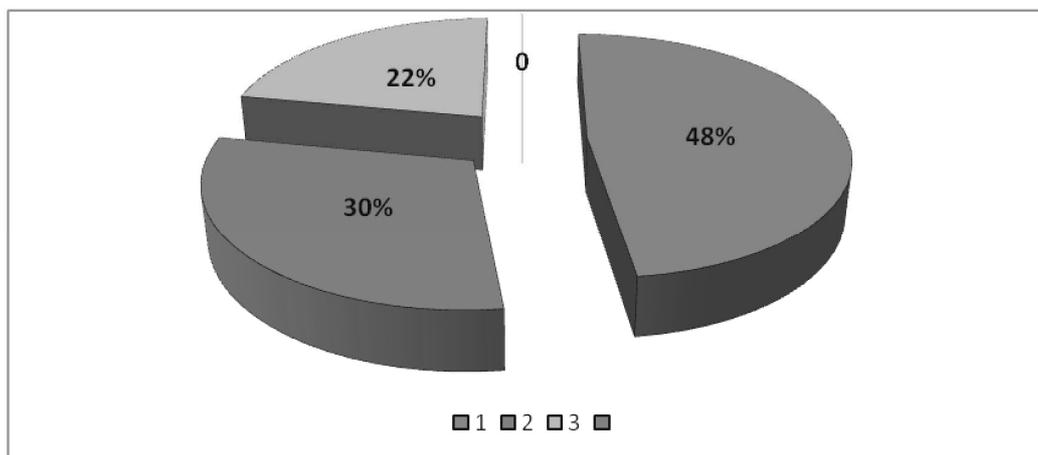

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Одинаковы ли значения понятий «право» и «закон»?»: 1 – тождественные понятия; 2 – различные; 3 – затруднялись ответить

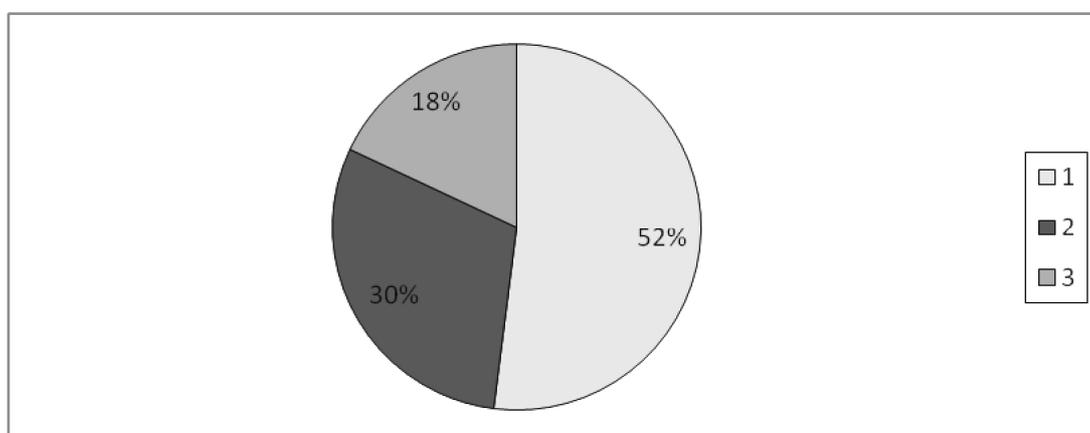

Рисунок 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «На что должно опираться право в своем регулировании?»: 1 – закон; 2 – нравственность и мораль; 3 – долг

Исходя из полученных нами данных, можно сделать вывод о том, что в обществе более развита правовая (нормативная) основа регулирования права и правовой коммуникации, нежели нравственная и мотивационная, из-за того что население не в полной мере осознает сущность понятий «право» и «закон». Данные результаты указывают на недостаточный уровень коммуникативно-правовой культуры у респондентов, поскольку бессознательное следование нормативным основам «говорит» о несформированности личности как индивидуальности со своей точкой зрения. Помимо этого, в ходе проведенного исследования было выявлено то, что знания о правовой коммуникации остаются на низком уровне, что также вызывает особую тревогу.

Литература:

1. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения // Г.Д. Гурвич; Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 848 с.

Заключение. Результаты проведенного социологического опроса указывают на несформированность коммуникативно-правовой культуры, судя по данным, указанным в работе, поскольку общественность недостаточно осведомлена об этом явлении.

Таким образом, с учетом рассмотренных социологических теорий правовой коммуникации можно прийти к выводу о том, что правовая система представляет собой коммуникативный процесс, в рамках которого происходит коммуникативно-правовое взаимодействие, включающее интерпретацию и толкование правовых текстов, а также применение их на практике субъектами современного общества, что способствует формированию коммуникативно-правовой культуры личности.

Literature:

1. Gurvich G.D. Philosophy and sociology of law : Selected works // SPb. : Publishing house SPb. state University, Publishing house of the faculty of law of St. Petersburg. state University, 2004. 848 p.

2. *Кукушкина А.А.* Правовое образование в социокультурном пространстве России: региональный аспект. Дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2018. 167 с.
3. *Новгородцев П.И.* Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. М., 1896. С. 3.
4. *Новгородцев П.И.* Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XIX–XX вв. М., 1918. С. 100.
5. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 ч. Часть 1. М. : Изд-во Юрайт, 2018. 295 с.
6. *Поляков А.В.* Теоретико-правовой ренессанс начала XX в.: Основные школы и направления; Правовые учения «Русского зарубежья» // История политических и правовых учений. СПб. : Издательский Дом СПб. гос. ун-та. Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2007. С. 714–83
7. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия : собрание сочинений. 2-е изд. / В.С. Соловьев; Под. ред. В.С. Соловьева, Э.Л. Радлова. Т. 8. Изд. : Просвещение. СПб., 1914. С. 108.
8. *Сорокин П.А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919. С. 1.
9. Тимашев Н.С. Рост и сфера социологии права / Н.С. Тимашев, Г. Беккер, А. Босков // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 487.
2. *Kukushkina A.A.* Legal education in the socio-cultural space of Russia: regional aspect. Dis. ... edging. sociological sciences. Maikop, 2018. 167 p.
3. *Novgorodtsev P.I.* Historical school of lawyers, its origin and fate. M., 1896. C. 3.
4. *Novgorodtsev P.I.* Lectures on the history of philosophy of law. Teachings of the New time. XIX–XX centuries. M., 1918. P. 100.
5. *Petrazhitsky L.I.* Theory of law and state in connection with the theory of morality. In 2 h. Part 1. M. : Yurayt Publishing house, 2018. 295 p.
6. *Polyakov AV.* History of political and legal teachings. SPb. : Publishing House Of St. Petersburg. State University. Publishing house of the faculty of law of St. Petersburg State University, 2007. P. 714–83.
7. *Solovyov V.S.* The Justification of the good. Moral philosophy: collected works. 2nd ed. / V.S. Solovyov edited by V.S. Solovyov and E.L. Radlov. Vol. 8. Ed. : Education. SPb., 1914. P. 108.
8. *Sorokin P.A.* Elementary textbook of the General theory of law in connection with the theory of the state. Yaroslavl, 1919. P. 1.
9. *Timashev N.S.* Growth and field of sociology of law / N.S. Timashev, G. Becker, A.Boskov // Modern sociological theory in its continuity and change. M., 1961. P. 487.

Байрамкулова Динара Далхатовна
соискатель кафедры социологии,
Северо-Кавказский
федеральный университет,
куратор группы преподавателей
корпоративного отдела,
Школа английского языка «Skyeng»
(компания «Langroom LTD»
soc.ncfu@yandex.ru

Dinara D. Bairamkulova
Applicant of Department of Sociology,
North Caucasian Federal University,
Teacher Group Curator
Corporate Department,
«Skyeng» english school
(Langroom LTD Company)
soc.ncfu@yandex.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИН РЕПРОДУКТИВНОГО ВОЗРАСТА В ОЦЕНКЕ РАБОТНИКОВ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

SOCIAL HEALTH OF WOMEN OF REPRODUCTIVE AGE IN THE ASSESSMENT OF HEALTH WORKERS OF THE STAVROPOL TERRITORY

Аннотация. В статье представлены результаты анализа данных эмпирического исследования социального здоровья женщин репродуктивного возраста, проведенного автором в городских и сельских населенных пунктах Ставропольского края. Выявлены позиции работников здравоохранения руководящего звена и рядового медицинского персонала в отношении определения социального здоровья женщин исследуемой категории и факторов, влияющих на него.

Annotation. The article presents the results of the data analysis of the empirical study of social health of women of reproductive age, conducted by the author in urban and rural settlements of the Stavropol territory. Positions of health care workers of the senior management and ordinary medical personnel concerning definition of social health of women of the studied category and the factors influencing it are revealed.

Ключевые слова: женщины репродуктивного возраста, социальное здоровье, сохранение и поддержания социального здоровья, физическое здоровье, психическое здоровье, нравственное здоровье, репродуктивное здоровье.

Keywords: women of reproductive age, social health, preservation and maintenance of social health, physical health, mental health, moral health, reproductive health.

Социальная категория женщин репродуктивного возраста (15–45 лет) является объектом пристального внимания со стороны различных субъектов социальных отношений, деятельность которых направлена на охрану здоровья, защиту и обеспечение социального благополучия женщин. Так, Распоряжением Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р была утверждена Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы. В разделе III «Направления реализации Стратегии» отмечено: Реализация направления «Создание условий для сохранения здоровья женщин всех возрастов» предполагает решение задачи повышения доступности и качества оказания медицинской помощи женщинам и девочкам. Решение указанной задачи предполагает реализацию следующих мер:

– профилактику неинфекционных заболеваний у женщин и снижение факторов риска их развития;

– расширение гарантий доступности для женщин и девочек генетической диагностики, включая биохимическую диагностику, ДНК-диагностику и преимплантационную диагностику, с целью профилактики наследственных жизнеугрожающих и хронических прогрессирующих редких (орфанных) заболеваний;

– повышение мотивации к ведению здорового образа жизни, в том числе разработка и реализация информационно-образовательных программ, направленных на информирование женщин о вреде табакокурения, потребления алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ;

– совершенствование программ профилактических осмотров и диспансеризации женщин и девочек; совершенствование оказания специализированной медицинской помощи женщинам и девочкам;

– развитие системы охраны репродуктивного здоровья с учетом особенностей состояния здоровья женщин, в том числе с использованием вспомогательных репродуктивных технологий (включая экстракорпоральное оплодотворение);

– обеспечение медико-социальной поддержки беременных женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации, оказание помощи женщинам в ситуации репродуктивного выбора, включая социальное сопровождение, предоставление социально-медицинских, социально-психологических, социально-правовых, социально-бытовых и иных социальных услуг» [5].

Репродуктивному здоровью женщин посвящено достаточно много исследований [1]. Проблема репродуктивного здоровья женщин отражена в многообразных аспектах, в том числе, в аксиологическом, экономическом; в аспекте социальной работы [2].

Мы в своем исследовании исходим из того, что репродуктивное здоровье женщин фертильного возраста является составной частью их социального здоровья. Под социальным здоровьем женщин репродуктивного возраста мы понимаем комплексную (системную) характеристику данной социально-демографической категории, включающую физическую, в том числе – репродуктивную, психическую и нравственную составляющие, уровень которых обусловлен субъективными и объективными факторами.

Физическое здоровье женщин репродуктивного возраста – это естественное состояние организма, обусловленное нормальным функционированием всех его органов и систем, в том числе, репродуктивных.

Репродуктивное здоровье женщины подразумевает под собой отсутствие заболеваний репродуктивной системы, способность к воспроизведению потомства и определяет количество детей в семье.

Социально-психологическое здоровье женщин репродуктивного возраста характеризуется следующими показателями:

– стабильным функционированием психики, обеспечивающее гармонию между различными сторонами личности женщины репродуктивного возраста, прежде всего, наличие позитивного образа Я;

– сформированностью системы установок и мотивов поведения в социальной среде, ориентированных на позитивный образ женщины репродуктивного возраста;

– удовлетворенностью жизнью данного возрастного периода; социальное самочувствие, адекватное репродуктивному возрасту;

– удовлетворенностью социальной инфраструктурой среды обитания;

– социально-коммуникативный компонентом, то есть, взаимоотношением с социальным окружением, способствующим формированию адекватной самооценки себя как женщины репродуктивного возраста.

Нравственное здоровье женщин репродуктивного возраста характеризуется соблюдением/несо-

блюдением социально-нравственных норм представителями данной социально-демографической категории, приверженностью определенным ценностям.

Итак, мы можем констатировать, что социальное здоровье женщин репродуктивного возраста – баланс многих факторов.

Анализ научных источников показал, что данный социальный феномен не исследован в достаточной степени средствами социологии. При этом необходимо отметить, что социальному здоровью, в целом, в литературе уделено много внимания, и спектр интереса к нему весьма разнообразен [3]. Одним из аспектов темы социального здоровья, в том числе, женщин репродуктивного возраста, являются проблемы самосохранительного/саморазрушительного поведения, поведенческих рисков, которым посвящены работы С.А. Вангородской, И.В. Журавлева, О.В. Илюхиной, А.А. Ковалевой, Л.А. Лещенко, В.Я. Шклярчук [4].

Однако социальное здоровье женщин репродуктивного возраста исследовано слабо как теоретически, так и эмпирически.

Для содержательного заполнения обнаруженной нами исследовательской лакуны мы осуществили эмпирическое исследование методом экспертной оценки работников здравоохранения Ставропольского края, направленное на выявление мнения респондентов о социальном здоровье женщин репродуктивного возраста. Экспертный опрос работников здравоохранения Ставропольского края был проведен в декабре 2018 года методом анкетирования. Всего в нем приняли участие 37 человек из числа представителей профессионального сообщества – все они имеют высшее образование, в том числе, 5 человек – ученую степень и звание; средний возраст медиков составляет 44,8 лет, в том числе, лиц до 35 лет – примерно пятая часть; треть опрошенных – в возрасте 36-45 лет; немногим более четверти респондентов находятся в возрасте 46-55 лет; старше 55 лет – тоже около пятой части.

Многим более половины участников (52,4 %) экспертного опроса живут и работают в городах Ставропольского края, остальные – в селах и поселках городского типа. Среди участников опроса есть представители с разным семейным статусом, что позволяет привлекать для ответов на вопросы о социальном здоровье женщин репродуктивного возраста не только профессиональные знания и опыт, но и личный статусно-ролевой опыт в семейных отношениях.

Для решения исследовательской задачи – уточнения понятия «социальное здоровье женщин репродуктивного возраста» в восприятии профессионального сообщества медицинских работников – экспертам был задан открытый вопрос: «Что такое, в Вашем понимании, социальное здоровье женщин репродуктивного возраста?». Из числа 37 опрошенных экспертов содержательный ответ на открытый во-

прос о смысловой нагрузке понятия «социальное здоровье женщин репродуктивного возраста» дали 20 человек. Ответы в транскрипции респондентов следующие: «то, как женщина, имеющая детей, чувствует себя в своем окружении»; «способность женщины существовать в социуме»; «способность человека контактировать с социумом»; «способность женщины находить компромиссы в обществе»; «гармония психического и физического здоровья и материального благополучия»; «отсутствие заболеваний репродуктивных органов и способность к воспроизводству потомства»; «правильное питание, формирование здоровых привычек в подростковом возрасте, возможность обеспечить нормальные условия для детей»; «умение контактировать с социумом, социальное здоровье складывается под влиянием семьи, друзей и других людей, которые присутствуют в нашей жизни»; «способность женщины существовать в социуме»; «уверенность в завтрашнем дне, что можно продолжать потомство, гарантии государства, надежная оплачиваемая работа»; «хорошее питание, занятия спортом, положение в обществе»; «отсутствие стресса»; «степень удовлетворенности социальным положением, профессиональной и личной востребованностью»; «состояние организма, определяющее способность человека контактировать с окружающими, развитие социальных навыков»; – «система взаимосвязей: женщина – окружающая среда и женщина – ее состояние здоровья»; «благополучие в семье, здоровье родителем и близких, интересная работа, образование, верные и преданные друзья»; «фертильность, работоспособность»; «комплекс мер социальной поддержки женщин государством»; «состояние здоровья, позволяющее общаться с окружающими людьми»; «состояние здоровья, дающее возможность человеку контактировать с окружающими его людьми»; «регулярное наблюдение у врачей, обследование».

В представленных высказываниях социальное здоровье женщин репродуктивного возраста, в той или иной мере, сопряжено со следующими составляющими:

- с наличием позитивных социальных связей и контактов с социумом у женщины;
- с хорошим физическим здоровьем и самочувствием;
- с институциональными механизмами сохранения физического здоровья и условий поддержки материнства и детства.

Таким образом, активная личная позиция женщины в создании социальных связей и отношений в социуме превалирует в содержательной части восприятия экспертным сообществом социального здоровья женщин репродуктивного возраста.

Участникам экспертного опроса был предложен перечень составных частей понятия «социальное здоровье женщин репродуктивного возраста», представленный в научной литературе, ко-

торый они оценили в зависимости от значимости составной части. Первое место по значимости, по мнению экспертов, занимает психическое здоровье (средний балл 9,9 по десятибалльной шкале); на втором месте – физическое здоровье (средний балл 9,3 по десятибалльной шкале); на третьем месте – наличие семьи (средний балл 8,4 по десятибалльной шкале); на четвертом месте – занятость (учеба, работа) (средний балл 8,3 по десятибалльной шкале); на пятом месте – нравственное здоровье (целевые установки, одобряемые обществом и поведение женщин в соответствии с этим) (средний балл 8,2 по десятибалльной шкале); на шестом месте – развитая сеть социальных контактов (общение) (средний балл 7,3 по десятибалльной шкале).

Таким образом, согласно результатам опроса, ключевая роль в определении социального здоровья женщин репродуктивного возраста принадлежит психическому и физическому здоровью, что является, преимущественно, характеристиками, получаемыми от рождения. В то время как наличие семьи, занятость, нравственное здоровье и сеть социальных контактов – это, в большей степени характеристики, которые обеспечиваются и развиваются в течение всей жизни и могут быть существенно улучшены.

В ходе экспертного опроса представители медицинского профессионального сообщества дали оценку современного состояния социального здоровья женщин репродуктивного возраста. По мнению трети экспертов за последние 10 лет социальное здоровье женщин репродуктивного возраста ухудшилось, причем, более негативные оценки ситуации прозвучали от экспертов из числа рядового медицинского персонала, где ухудшение отметил каждый второй участник опроса.

Наметившаяся тенденция к ухудшению социального здоровья женщин репродуктивного возраста, отчетливо прослеживаемая в ответах экспертов, зависит, по их мнению, от ряда факторов (табл. 1).

В перечне факторов, оказывающих существенное влияние на качество социального здоровья женщин репродуктивного возраста, по мнению экспертов, на последних местах находятся политика государства и процессы глобализации. Такое распределение ответов показывает, что, несмотря на существенные усилия власти в сфере поддержки материнства и детства в современной России, безусловно, положительно влияющие на качество социального здоровья женщин репродуктивного возраста, они недостаточны для выхода из сложившейся ситуации.

Изучая аспект влияния детности на социальное здоровье женщин исследуемой категории, большинство экспертов выразило мнение, что положительную оценку социальному здоровью женщины репродуктивного возраста можно дать, если дети у нее появились в зарегистрированном браке – средний балл оценок составил 9,5 по 10-балльной шкале. Достаточно высоких оценок социального здоровья женщин репродуктив-

ного возраста заслуживают также женщины, у которых дети появились не в зарегистрированном, но в освященном церковью браке; приемные дети и дети умерших родственников (средний балл оценок соответственно 8,1 балла, 8,1 балла и 8,0 баллов). По мнению экспертов, несколько ниже можно поставить оценки социальному здоровью женщин в случае, если ребенок у них рожден в незарегистрированном браке (7,5 баллов по 10-балльной шкале) и вне брака (6,9 баллов по 10-балльной шкале). Вместе с тем, мы видим, что и эти оценки социального здоровья женщин репродуктивного возраста

превышают условную середину заданной десятибалльной шкалы и относятся к положительным значениям в оценке экспертами появления детей в разных брачных статусах, в том числе, и не всегда одобряемых в традиционном местном сообществе, особенно в сельской местности (табл. 2).

В связи с актуальностью вопросов сохранения и поддержания социального здоровья женщин репродуктивного возраста эксперты выразили свое мнение о факторах, обеспечивающих достижение его высокого уровня (табл. 3).

Таблица 1

Оценка экспертами значимости факторов, оказывающих влияние на социальное здоровье женщин репродуктивного возраста

Варианты ответов	Чел.
Социально-экономическая ситуация в стране	13
Экология	10
Увеличение информационных потоков в СМИ, Интернет	10
Качественное изменение информации, затрагивающей сферу социального здоровья	10
Процессы глобализации	4
Общая культура и ценности в обществе	28
Политика государства	5
Другое	–

Таблица 2

Сравнительный анализ оценок социального здоровья женщины в зависимости от разных брачных статусов, в которых появились у нее дети, экспертами городских и сельских населенных пунктов (в баллах по десятибалльной шкале)

Варианты ответов	Городские поселения	Сельские поселения
1. В зарегистрированном браке	9,7	9,3
2. В незарегистрированном браке	7,6	7,3
3. В незарегистрированном, но освященном церковью браке (мы венчались)	7,9	8,2
4. Вне брака	6,9	7,0
5. Ребенок/дети приемный	8,1	8,1
6. Ребенок/дети умерших родственников	8,4	7,6

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, является ценностью для сохранения и поддержания социального здоровья женщин репродуктивного возраста?» (средний балл по 5-балльной шкале)

Варианты ответов	Оценка
1. Рациональное питание	4,2
2. Хорошие семейные отношения	4,8
3. Регулярные половые связи	3,7
4. Отсутствие болезней	4,5
5. Благоприятная экологическая обстановка	4,0
6. Хорошие жилищные условия	4,6
7. Благоприятные отношения в коллективе	4,3
8. Место проживания	3,9
9. Наличие работы	4,5
10. Хорошая зарплата	4,7
11. Хорошее здоровье	5,0
12. Возможность иметь детей	4,7
13. Возможность обеспечивать детей	4,8
14. Любовь	4,2
15. Материальная обеспеченность	4,6
16. Развитая сеть социальных контактов	4,0
17. Другое	–

Итак, понимание социального здоровья женщин репродуктивного возраста экспертным сообществом заключается в наличии позитивных соци-

альных связей и контактов с социумом у женщины, хорошем физическом здоровье и самочувствии, развитых институциональных механизмах

сохранения физического здоровья женщин и условий, обеспечивающих поддержку материнства и детства. Кроме того, социальное здоровье женщин репродуктивного возраста ассоциируется с наличием у женщины собственных детей. Т.е. социальное здоровье женщины воспринимается как результат личного социального раз-

Литература:

1. См., напр., *Андрющенко Я.В.* Социологические проблемы репродуктивного поведения : дис. ... канд. социологических наук 22.00.03. Уфа, 2004. 130 с.; *Асеева И.А., Пащенко Е.Н.* Проблемы вмешательства в репродукцию человека: социологический анализ // Вестник Института социологии. 2014. № 10. С. 11–33; *Бодрова В.В.* Репродуктивное поведение как фактор депопуляции населения России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 96–102; *Гурко Т.А.* Репродуктивные планы супругов // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 77–85; *Киселева Е.Е.* Репродуктивное здоровье как объект социологического анализа // Молодой ученый. 2015. № 13. С. 728–732.

2. См., напр., *Аксенова, И.С.* Репродуктивное поведение молодежи: социально-экономические аспекты анализа : автореф. дис. ... канд. социол. наук. 22.00.03 экономическая социология. Саратов, 2005; *Бязрова, М.А.* Роль социального работника в защите репродуктивного здоровья женщин : автореф. дис. ... канд. социол. наук. 14.02.05. Волгоград, 2013. 21 с.; *Соколова Т.Б.* Социальное здоровье в системе мотивационно-ценностных ориентаций личности // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 225–231.

3. См., напр., *Верещагина А.В.* Социальное здоровье российской молодежи как фактор обеспечения общественной безопасности / А.В. Верещагина, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // 21 век: фундаментальная наука и технологии Материалы VIII международной научно-практической конференции. НИЦ. «Академический». 2016. С. 80–85; *Болдина М.А.* Социальное здоровье семьи // Социальное здоровье: теоретические подходы, модели, технологии развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 11–17. *Гафиатулина Н.Х.* Ключевые категории социального здоровья российской молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 7. С. 112–118; *Орлов О.И.* Социальное здоровье экономически активного населения РФ как фактор рационализации демографической политики государства : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб, 2011. 22 с; *Рахимова О.А.* Социальное здоровье младших школьников в условиях трансформации российского общества. Саратов, 2004. 228 с.

4. См., напр., *Вангородская С.А.* Самоохранительное поведение: проблема содержания понятия в отечественной социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 4. С. 20–29; *Илюхина О.В.* Современная социально-психологическая модель сохранения ре-

вития и психофизиологического благополучия, что определяется уровнем личной ответственности женщины, и как наличие обеспечительных мер со стороны общества (социальных институтов) и государства – уровень коллективной и общественной ответственности.

Literature:

1. See, for example, *Andryushchenko Ya.V.* Sociological problems of reproductive behavior : dis. ... kand. sociology 22.00.03. Ufa, 2004. 130 p.; *Aseeva I.A., Pashchenko E.N.* Problems of intervention in human reproduction: sociological analysis // Bulletin of the Institute of sociology. 2014. № 10. P. 11–33; *Bodrova V.V.* Reproductive behavior as a factor of depopulation of the Russian population // Sociological studies. 2002. № 6. P. 96–102; *Gurko T.A.* Reproductive plans of spouses // Sociological researches. 2014. № 9. P. 77–85; *Kiseleva E.E.* Reproductive health as an object of sociological analysis // Young scientist. 2015. № 13. P. 728–732.

2. See, for example, *Aksenova I.S.* Reproductive behavior of youth: socio-economic aspects of the analysis : atore. dis. ... candidate of sociological sciences. 22.00.03 economic sociology. Saratov, 2005; *Byazrova, M.A.* The Role of a social worker in the protection of women's reproductive health : abstract. dis. ... candidate of sociological sciences. 14.02.05. Volgograd, 2013. – 21 C. *Sokolova T.B.* Social health in the system of motivational and value orientations of the individual // Scientific problems of humanitarian research. 2011. № 6. P. 225–231.

3. See for example., *Vereshchagin A.V., Gafiatullina N.X., Samygin S.I.* the Social health of Russian youth as a factor in public safety // 21 century: fundamental science and technology materials of the VIII international scientific-practical conference. n. I.C. «Academic». 2016. P. 80–85; *Boldina M.A.* Social health of the family // Social health: theoretical approaches, models, technologies of development: materials of Intern. scientific.scient. Conf. Tambov : Ed. of social and cultural influence. G.R. Derzhavina, 2008. P. 11–17. *Gafiatullina N.X.* Key categories of social health of Russian youth // Social and humanitarian knowledge. 2015. № 7. P. 112–118; *Orlov O.I.* Social health of the economically active population of the Russian Federation as a factor of rationalization of the demographic policy of the state : abstract dis ... cand. sociol. sciences. SPb., 2011. 22 p.; *Rahimova O.A.* Social health of primary school children in the transformation of Russian society. Saratov, 2004. 228c.

4. See, for example, *Vangorodskaya S.A.* self-Preservation behavior: the problem of concept content in Russian sociology // Central Russian journal of social Sciences. 2017. Vol. 12. № 4. P. 20–29; *Ilyukhina O.V.* Modern socio-psychological model of reproductive health of

продуктивного здоровья женщин фертильного возраста : автореф. дис. ... канд. мед. наук 14.02.05 – социология медицины Волгоград, 2012. 24 с.; *Ковалева А.А.* Самосохранительное поведение в системе факторов, оказывающих влияние на социальное здоровье // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 2. Том XI. С. 179–191; *Леценко Л.А.* Самосохранительное поведение и человеческий капитал как социальные составляющие здоровья индивида // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 176–180; *Лебедева-Несевря Н.А., Гордеева С.С.* Социология здоровья. Пермь, 2011. 238 с.; *Максимова, С.Г., Ясевич П.Е., Ноянзина О.Е.* Социальное здоровье и факторы поведенческого риска распространенности гепатита св среде потребителей инъекционных наркотиков // Социальная политика и социология. 2006. № 3. С. 28–44; *Шклярук В.Я.* Самосохранительное поведение в молодежной среде // Социологические исследования. 2008. №10. С. 139–142; *Шушунова Т.Н.* Самосохранительное поведение: методологические основания исследования. URL : library.bntu.byvesnik_pdf/vestnik_2009_5/17.pdf (дата обращения 13.03.2011).

5. РФ. Правительство. Распоряжения. Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы: расп. от 08.03.2017 № 410-п // КонсультантПлюс.

women of fertile age : abstract. dis. ... kand. med. sciences 14.02.05-sociology of medicine. Volgograd, 2012. 24 p.; *Kovaleva A.A.* Self-Preservation behavior in the system of factors influencing social health. *Journal of sociology and social anthropology*. 2008. № 2. Vol. XI. P. 179–191; *Leshchenko L.A.* Health behavior and human capital social determinants of health of the individual // *Bulletin of Economics, law and sociology*. 2017. № 2. P. 176–180; *Lebedeva-Nesevrya N.A., Gordeeva S.S.* *Sociology of health*. Perm, 2011. 238 p.; *Maksimova S.G., Yasevich P.E., Noyanzina O.E.* Social health and behavioral risk factors of hepatitis C prevalence among injecting drug users // *Social policy and sociology*. 2006. № 3. P. 28–44; *Shklyaruk V.J.* Health behavior in youth // *Sociological researches*. 2008. № 10. P. 139–142; *Shushunova Tn.* Health behavior: methodological bases of research. URL : library.bntu.byvesnik_pdf/vestnik_2009_5/17.pdf (accessed 13.03.2011).

5. Russian Federation. Government. Orders. On the approval of the National strategy of action for women for 2017–2022: rasp. from 08.03.2017 № 410-R // ConsultantPlus.

Бондаренко Надежда Сергеевна
магистрант факультета
массовых коммуникаций,
филологии и политологии,
Алтайский государственный университет
nadezhda.bondarenko.1997@mail.ru

Алексенко Елена Викторовна
магистрант факультета
массовых коммуникаций,
филологии и политологии,
Алтайский государственный университет
yelena4564@yandex.ru

ПРОПАГАНДА КАК СПОСОБ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В РАМКАХ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной статье исследуются возможности и особенности использования пропаганды в качестве способа осуществления рекламной деятельности. В результате анализа характеристик рекламы и пропаганды, рассмотрения психологического значения их взаимосвязи, а также мнений различных авторов по данному вопросу было установлено, что для достижения эффекта при использовании методов психологии пропаганды в рекламе необходимо учитывать психологические особенности потребителя.

Ключевые слова: пропаганда, реклама, институциональная реклама, коммерческая реклама, пропагандистские сообщения, методы рекламы и пропаганды, психология пропаганды.

Как правило, под «пропагандой» понимают метод психологического воздействия на население посредством коммуникации и средств массовой информации. Способность выполнять функцию ценностной регуляции сознания и использование в качестве основы психологических механизмов сравнения и оценки дает основание рассматривать пропаганду в качестве способа осуществления рекламной деятельности. Одни авторы разделяют данную точку зрения, другие считают пропаганду особым, отличным от рекламы явлением. В связи с этим становится очевидным тот факт, что отсутствует единая точка зрения по данному вопросу. В основном, принципиальные противоречия складываются в результате различного отношения ученых к пропаганде и ее характерным особенностям. Подобное расхождение представляет собой проблему, требующую всестороннего научного анализа.

Nadezhda S. Bondarenko
Master of the faculty
of Mass Communication,
Philology and Political Science,
Altai State University
nadezhda.bondarenko.1997@mail.ru

Elena V. Aleksenko
Master of the faculty
of Mass Communication,
Philology and Political Science,
Altai State University
yelena4564@yandex.ru

PROPAGANDA AS A METHOD OF COMMUNICATIVE IMPACT ON CONSUMERS IN THE FRAMEWORK OF PROMOTIONAL ACTIVITIES

Annotation. This article explores the possibilities and features of using propaganda as a way to carry out advertising activities. As a result of analyzing the characteristics of advertising and propaganda, considering the psychological significance of their relationship, as well as the opinions of various authors on this issue, it was found that in order to achieve an effect when using the methods of propaganda psychology in advertising, it is necessary to take into account the psychological characteristics of the consumer.

Keywords: propaganda, advertising, institutional advertising, commercial advertising, propaganda messages, advertising and propaganda methods, propaganda psychology.

В настоящее время получил распространение дифференцированный подход к пропаганде, в рамках которого выделяют политическую и коммерческую пропаганду. При этом политическая пропаганда отличается от коммерческой, и в том числе, от традиционной рекламы, тем, что она может быть построена как на положительных, так и на негативных оценках по отношению к конкурентам.

По мнению Г.С. Мельника, пропаганда может выполнять ряд функций: информирование, просвещение, внушение, социализация, коммуникация. В таком случае пропаганда является процессом распространения знаний, общения и взаимодействия людей, а также приобщения отдельных индивидов к общей культуре [2].

Б. Паккард, специалист в области рекламы, считал, что в связи с существованием во многих

странах торговой рекламы в качестве одного из значимых элементов общества, исследования в сферах рекламы и пропаганды могут проводиться в одних и тех же направлениях [3]. В подобной ситуации пропаганда для достижения своих целей и эффективного воздействия на потребителей вынуждена преодолеть некоторые характеристики рекламы (навязчивость, использование различных приемов психологического воздействия, широкую распространенность), быть достаточно привлекательной для аудитории, то есть выдерживать серьезную конкуренцию с торговой рекламой. Это приводит к тому, что во многих случаях пропаганда начинает активно использовать рекламные методы. В результате четкие границы между пропагандой и коммерческой рекламой постепенно стираются, и происходит отождествление этих понятий.

В работах российского специалиста в области рекламы и пропаганды Шерковина описывается функциональная близость процессов рекламной коммуникации и пропаганды, так как они практически в равной степени способны формировать мнения и стереотипы поведения людей, их отношение к действительности с использованием аналогичных средств массовой коммуникации. Автор отмечает, что подобное сближение возможно за счет появления в рекламе идеологических черт, ее превращения из средства распространения информации о товаре или услуге в инструмент политики, то есть в результате приобретения пропагандистской нагрузки. Возникает ситуация, когда реклама выступает в качестве элемента политической пропаганды [5].

Как считают некоторые исследователи, первоначально пропаганда использовала опыт рекламы, то есть связь рекламы и пропаганды была односторонней. В настоящее время наблюдается и обратная ситуация, когда коммерческая реклама перенимает некоторые приемы и способы пропагандистского воздействия, в дальнейшем адаптируя их в своих интересах (например, содержание политических событий, символы общественных движений и прочее).

О. Феофанов отмечает в пропаганде особую роль рекламы компаний, выпускающих различную продукцию или институциональной рекламы, используемой главным образом для выживания или победы в конкурентной борьбе. По мнению автора, крупные корпорации различными средствами стараются выглядеть привлекательно в глазах потребителей подобно тому, как человек создает свой собственный образ [4].

Ряд исследователей говорит о наличии тесной связи между такими формами рекламной деятельности как пропаганда, коммерческая реклама и институциональная реклама. Так, П. Лайнбарджер считал, что традиционная реклама за счет использования некоторых функций пропаганды и своей интенсивности может считаться одним из основных конкурентов пропагандистской деятельности в борьбе за внимание населения [1]. Возникает ситуация, когда пропаганда начинает восприниматься массами менее эффективно в связи с рекламной насыщенностью.

Многие ученые уверены в психологическом значении взаимосвязи пропаганды и коммерческой рекламы. Довольно часто бывают ситуации, когда коммерческая реклама предлагает потребителям некоторые товары и услуги, несмотря на меру потребности в них, а также их качество. Используя подобные особенности рекламы, пропаганда аналогично прививает общественности определенные идеи, которые в большинстве случаев навязываются по «заказу» тех, кто оплачивает услуги пропагандистов, а не соответствуют реальным потребностям и проблемам общества.

В свою очередь, при использовании заимствованных у рекламы методов пропаганды реализуется принцип, который получил название «непрестанного пропагандистского нажима». А. Мейерхофф, исследуя данное явление, говорит о прямой зависимости успеха рекламы и постоянности повторения доносимой информации: идея, транслируемая потребителям, должна повторяться до момента «закрепления» в сознании индивида и достижения желаемого эффекта [7].

Рекламные приемы, которые используются в пропаганде, способствуют более эффективному распространению пропагандистской информации любого идеологического содержания и качества, так как подобные материалы рассчитаны на сформированные рекламой навыки восприятия и стереотипы мышления человека.

Некоторые исследователи считают, что в условиях пропаганды достаточно легко манипулировать психикой людей. Однако не все разделяют подобную точку зрения. Например, Л. Дуб, исследуя данную проблему в течение длительного времени, в своей работе 1956 года отмечал трудности оказания пропагандистского воздействия на сознание большинства людей. Он считал, что, как правило, подобные влияния не воспринимаются автоматически, а усваиваются под воздействием некоторых внутренних факторов или «личностно-творческих реакций», способных в некоторых случаях к существенному изменению эффекта от пропаганды [6].

По мнению многих авторов, психологические методы, используемые в пропаганде не способны изменить протекания психических процессов, то есть, функций психики, так как лишь формируют взгляды людей на политическую или социальную действительность, которая их окружает.

Наблюдается ситуация, когда возможны не только изменение, усиление или закрепление системы взглядов под воздействием пропаганды, но и, при определенных обстоятельствах, ее оценка самим человеком. Часто это происходит в связи с расхождением предлагаемой точки зрения с личным опытом человека или взглядами авторитетных для него лиц.

Таким образом, между пропагандистским воздействием и его психологическими эффектами не может существовать прямой связи. Реакции людей на пропагандистские сообщения в силу их многочисленных индивидуальных особенностей

психики, в ряде случаев, также оказываются неоднозначными. В связи с этим, для определения эффективности влияния пропагандистской информации на человека необходимо учитывать его доверие к подобным сообщениям, которые ему предлагают. Становится очевидным тот факт, что представленные в пропагандистском

Литература:

1. *Лайнбарджер П.* Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. Центрполиграф, 2013. 445 с.
2. *Мельник Г.С.* Massmedia: психологические процессы и эффекты. СПб., 1996. 159 с.
3. *Паккард Б.* Скрытые увещатели Психоанализ в рекламе. Дайджест // Искусство рекламы. Теория и практика современной рекламы. Петрозаводск : Фолиум, 1994. 98 с.
4. *Феофанов О. А.* Реклама: новые технологии в России. СПб. : Питер, 2002. 384 с.
5. *Шерковин Ю.А.* Социальная психология и пропаганда // Проблемы социальной психологии и пропаганда. М., 1971. С. 43–59.
6. *Doob L.W.* Public Opinion and Propaganda. Hamden, 1956. 600 с.
7. *Meyerhoff A.* The Strategy of Persuasion: The Use of Advertising Skills in Fighting the Cold War, N.-Y., 1965. 160 с.

сообщении сведения могут изменить поведение человека, только в случае доверия к ним. Следовательно, психология пропаганды и другие виды рекламной деятельности должны тщательно исследовать психологические особенности, а также – закономерности механизмов доверия или недоверия человека.

Literature:

1. *Linebarger P.* Psychological warfare. Theory and practice of processing mass consciousness. Centerpolygraph, 2013. 445 p.
2. *Melnik G.S.* Mass media: psychological processes and effects. SPb., 1996. 159 p.
3. *Packard B.* Hidden Admonitors Psychoanalysis in advertising. Digest // The art of advertising. Theory and practice of modern advertising. Petrozavodsk : Folium, 1994. 98 p.
4. *Feofanov O.A.* Advertising: new technologies in Russia. SPb. : Peter, 2002. 384 p.
5. *Sherkovin Yu.A.* Social psychology and propaganda // Problems of social psychology and propaganda. M., 1971. P. 43–59.
6. *Doob L.W.* Public Opinion and Propaganda. Hamden, 1956. 600 p.
7. *Meyerhoff A.* The Strategy of Persuasion: The Use of Advertising Skills in Fighting the Cold War, N. Y., 1965. 160 p.

Ван Бин
аспирантка,
Российский университет
дружбы народов
1321666299@qq.com

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВУЗАХ КНР

Аннотация. В статье рассматривается система внутреннего руководства в государственных вузах КНР как важнейшая составная часть управления высшим образованием. В ней дается анализ новой системы управления, внедрившейся после 1978 г., так называемой системы ответственности ректора под руководством партийного комитета и попечительского совета. Согласно решениям партийных органов КНР такая система способствует созданию современной университетской системы, эффективному механизму внутреннего управления вузами, ускорению их модернизации и резкому поднятию качества образования.

Ключевые слова: государственный вуз КНР, управление университетом, система ответственности ректора под руководством партийного комитета; устав университета, попечительский совет.

Создание современной университетской системы управления

На пленуме ЦК КПК КНР в 1978 г. Генеральный секретарь ЦК Дэн Сяопин провозгласил начало политики «реформ и открытости»:

– во внутренней политике в Китае наметились глубокие изменения во всех сферах жизни, прежде всего в аграрной политике, которое выразилось в учреждении системы семейных подрядов в сельском хозяйстве;

– во внешней политике была внедрена «политика открытых дверей», согласно которой КНР резко расширила экспорт и стала широко привлекать прямые иностранные инвестиции.

Это позволило приступить к построению социалистической рыночной экономической системы в КНР, которая сочетала централизованное планирование с рыночной экономикой. Изменения не могли не коснуться и высшего образования, реформа которого, в основном, была сосредоточена на модернизации системы образования и оптимизации ее структуры.

За годы реформ в Китае постепенно сложилась система образования, соответствующая социа-

Bing Wang
Graduate student,
Russian University
Friendship of Peoples
1321666299@qq.com

MANAGEMENT SYSTEM IN STATE UNIVERSITIES OF CHINA

Annotation. The article considers the system of internal leadership in state universities of the PRC as the most important component of higher education management; it provides an analysis of the new management system that was introduced after 1978, the so-called headmaster's responsibility system under the leadership of the party committee and board of directors. According to the decisions of the party organs of the PRC, the system promotes the creation of a modern university system, an effective mechanism for the internal management of universities, acceleration of their modernization and a sharp increase in the quality of education.

Keywords: state university of the PRC, university management, the headmaster's responsibility system under the leadership of the party committee; charter of university, board of directors.

листической рыночной экономике, благодаря принятию и реализации, прежде всего, таких важнейших документов, как Постановление ЦК КПК о реформе системы образования (1985 г.) [1], «План реформы и развития образования Китая» (1993 г.) [2], Постановление ЦК КПК по углублению реформы образования и всестороннему повышению качества образования (1999 г.) [3], «Национальная долгосрочная иссреднесрочная программы реформы и развития образования (2010–2020 гг.)» [8], в последней, в частности, была поставлена стратегическая задача – создание современной университетской системы управления. Ее основное содержание заключалось в том, что в государственных вузах необходимо поддерживать и совершенствовать систему ответственности ректора под руководством партийного комитета, решить вопрос о создании попечительских советов в вузах и совершенствовать долгосрочный механизм социальной поддержки высших учебных заведений и усилить контроль за их деятельностью.

Суть современной университетской системы управления с китайской спецификой состоит в партийное руководство университетами, которое воплощено в систему ответственности ректора под руководством партийного комитета. Партий-

ное руководство вузами является отражением политической системы Китая, что является существенным отличием современной университетской системы Китая от университетских систем в других странах.

II. Специфика системы «ответственности ректора под руководством партийного комитета»

Со времени основания КНР в 1949 г. система внутреннего управления и руководства в университетах непрерывно изменялась. В исторической последовательности можно выделить такие периоды, как «система совета по учебной работе университета» (10.1949 – 04.1950), «система ответственности ректора (08.1950 – 09.1956), «система ответственности совета по учебной работе вуза под руководством партийного комитета» (09.1958 – 09.1961), «система ответственности совета по учебной работе вуза во главе с ректором под руководством партийного комитета» (09.1961 – 05.1966), «система ответственности революционного комитета во главе с «группой рабочей пропаганды»¹ в период т.н. Культурой революции (05.1966 – 10.1976), «система разделений полномочий ректора под руководством партийного комитета» (10.1978 – 05.1985), «система ответственности ректора (05.1985 – 08.1989)», «система ответственности ректора под руководством партийного комитета (1990–), которая продолжает действовать до настоящего времени.

В 1990 г. ЦК КПК выпустил Постановление «Об усилении партийного руководства в вузах», с этого момента система ответственности ректора под руководством партийного комитета была официально введена в действие. В 1996 г. ЦК КПК издал «Положение о работе первичных организаций КПК в вузах», в котором четко указывалось, что «в вузах реализуется система ответственности ректора под руководством партийного комитета». В принятом Постоянной комиссией Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) в 1998 г. «Законе КНР о высшем образовании» [5] дополнительно предусматривалось, что «в государственных вузах внедряют систему ответственности ректора под руководством первичного комитета КПК»; таким образом, данная система была подтверждена юридически.

В соответствии с этими документами суть данной системы можно определить следующим образом: «партийный комитет руководит вузом, ректор является администратором и отвечает за текущую работу вуза, ученый совет, состоящий из профессоров, с привлечением преподавателей и студентов управляет академической деятельностью [5, с. 74]. Например, устав Пекинского университета предусматривает, что студенты могут быть избраны в качестве членов ученого

совета, участвуют в рассмотрении кандидатур преподавателей, а также имеют возможность участвовать в обсуждении развития университета и планировании реформ.

Исполнительная власть ректора и академическая власть ученого совета курируется партийным комитетом. Вся текущая работа в университете выполняется административным персоналом во главе с ректором, который является юридическим представителем университета. Партийный комитет принимает решения по внутреннему управлению и несет ответственность за принятие решений по стратегическим вопросам развития университета, разработку устава, утверждение годового бюджета и отбор кандидатов на должность ректора и т.д. Ректор несет персональную ответственность за выполнение решений партийного комитета.

В 2014 г. ЦК КПК выпустил «Нормативный документ по выполнению требований о соблюдении и совершенствовании системы ответственности ректора под руководством партийного комитета в вузах» [6]. В нем были четко указаны масштабы и границы полномочий секретаря парткома и ректора и было отмечено, что секретарь парткома и ректор университета должны повышать свой политический уровень и тесно сотрудничать, укреплять единство и поддерживать друг друга. Партийные комитеты вышестоящего уровня и соответствующие органы должны усилить инспекционную работу руководства, анализировать и решать возникающие проблемы.

Система ответственности ректора под руководством партийного комитета является историческим выбором на протяжении длительного времени и развития системы внутреннего управления в вузах. Это одна из важных характеристик социалистических университетов Китая. Практика доказала, что данная система «соответствует национальным условиям развития Китая», доказавшая на практике свою эффективность [9, с. 123].

III. Создание попечительского совета во внутреннем управлении вузов

В процессе реализации изменений системы внутреннего управления китайскими вузами возникает идея создания попечительского совета. История создания данных советов началась с 1985 г., когда был создан первый попечительский совет в Шаогуаньском университете в провинции Гуандун. Впоследствии был последовательно сформирован совет в Шаньтоуском университете (1987 г.), Лоянском университете (1987 г.), Уханьском технологическом институте (1988 г.) и т.д. К 1992 г. примерно в 100 вузах были созданы попечительские советы или аналогичные им структуры [4, с. 15].

В «Национальной долгосрочной и среднесрочной программах реформы и развития образования на 2010–2020 гг.» было указано, что «надо изучить вопрос о создании попечительского со-

¹ «Группа рабочей пропаганды» состоит из рабочих и продвигает мысль Мао Цзэдуна.

вета в вузах и совершенствовать долгосрочный механизм социальной поддержки и надзора за развитием вузов», что является одним из важных моментов в реформировании системы управления высшим образованием. Так, например, в американских вузах, попечительский совет является высшим органом управления, принимающим стратегические решения. Тем не менее, в китайских вузах принимает решения партийный комитет, а попечительский совет является важным консультативным органом, который привлекает средства на развитие образования и ведет работу по расширению сотрудничества между вузами.

В декабре 2010 г. Госсовет КНР выпустил постановление «Об апробации реформы системы образования», которая была внедрена в 26 вузах страны, в том числе ведущих, таких как Пекинский университет, Китайский народный университет, Китайский университет политики и права. В этих вузах была поставлена и решалась задача «создания эффективного операционного механизма академической и административной власти, создании попечительских советов, изучении модели тесного сотрудничества между вузами и предприятиями, содействия распределению ресурсов между вузами, научно-исследовательскими институтами, формирования эффективного механизма координации и сотрудничества между ними, а также повышения потенциала строительства экономики и социального развития».

На примере Китайского университета политики и права в Пекине, в качестве пилотного университета реформы, рассмотрим роль и функции попечительского совета. В 2010 г. в университете был создан попечительский совет [7], председателем которого был избран ЧжанФусэнь, директор Комитета по социально-правовой работе Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК)¹. В уставе Университета было указано, что «попечительский совет - это организация, состоящая из всех слоев общества, которые поддерживают высшее образование, заботятся о развитии университета и поддерживают его».

В уставе попечительского совета Университета было указано, что совет имеет консультативные функции:

– по важнейшим вопросам его деятельности: их оценке, стратегическому планированию развития университета; по поддержанию дисциплины, подготовке кадров; проведению научных исследований и оказание социальных услуг;

– содействует широким связям и сотрудничеству между университетом и обществом, привлекает

средства на развитие образования в университете.

Таким образом, несомненно, что совет играет активную роль в содействии реформам системы высшего образования, способствуя взаимодействию университета и общества.

Следует отметить, что режим распределения полномочий для принятия решений между университетом и другими заинтересованными сторонами – это структура внешнего управления университетом.

Внешние заинтересованные стороны – это правительство, министерства, общественные организации.

Режим распределения полномочий по принятию решений между университетом и внутренними заинтересованными сторонами – это структура внутреннего управления.

Внутренние заинтересованные стороны включают партийные комитеты и их отделы, ректорат, ученый совет, преподавателей, администраторов и студентов. В состав попечительского совета в китайских государственных университетах в основном входят представители предприятий, учреждений, общественных организаций, правительственных департаментов, бизнес структур, а также представители руководства и преподаватели университета, которые являются основными внешними и внутренними заинтересованными сторонами, что обеспечивает доступ для получения ресурсов внутри и за пределами университета.

Поэтому создание попечительского совета в вузах КНР может разрешить вопрос баланса заинтересованных сторон в управлении, а также, несомненно, будет способствовать успешному развитию университета.

Совершенствование системы внутреннего управления в университете после обнародования документов КПК и правительства КНР, в которых было четко указано, что система ответственности ректора под руководством партийного комитета и попечительского совета, заняли важнейшее место в решении стоящих перед университетами задач, получило свое дальнейшее развитие и успешно служит повышению качества высшего образования в КНР.

¹ НПКСК – совещательный орган при руководстве КНР, в который входят как представители КПК, так и беспартийные, представители общественных организаций, деловых кругов, видные общественные деятели.

Литература:

1. 中共中央关于教育体制改革的决定 Постановление ЦК КПК о реформе системы образования. URL : // http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_177/200407/2482.html (дата обращения 14.09.2019).
2. *Боревская Н.Е.* Национальная специфика образования в эпоху глобализации: по-может ли нам опыт КНР? // Отечественные записки. 2008. - № 1(40). С. 165–178.
3. 中国教育改革和发展纲要 План реформы и развития образования Китая. URL:// http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/moe_177/tnull_2484.html (дата обращения 14.09.2019)
4. 中共中央国务院关于深化教育改革全面推进素质教育的决定 Постановление ЦК КПК по углублению реформы образования и всестороннему повышению качества образования. URL : // http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_177/200407/2478.html (дата обращения 14.09.2019).
5. 杜志淳 (Du Zhichun), 戴莹 (Dai Ying). 论高校党的领导体制与运行机制建设以落实党委领导下的校长负责制为视角 О системе партийного руководства и построении операционного механизма в вузах – с точки зрения внедрения системы ответственности ректора под руководством партийного комитета // 思想理论教育 Идеологическое и теоретическое образование. 2015. № 8. С. 72–76.
6. 关于坚持和完善普通高等学校党委领导下的校长负责制的实施意见 Нормативный документ по выполнению требований о соблюдении и совершенствовании системы ответственности ректора под руководством партийного комитета в вузах. URL : <http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s5148/201410/176071.html> (дата обращения 14.09.2019).
7. 中华人民共和国高等教育法 Закон КНР о высшем образовании] URL : // http://www.moe.gov.cn/s78/A02/zfs__left/s5911/moe_619/201512/t20151228_226196.html (дата обращения 14.09.2019).
8. 刘泉 (Liu Qian), 程均丽 (Cheng Junli). 构建具有中国特色高校董事会完善高校内部治理结构 [Создание Совета директоров с китайскими характеристиками для улучшения структуры внутреннего управления вузами] // 高教探索 Исследование высшего образования. 2011. № 3. С. 14–18.
9. 国家中长期教育改革和发展规划纲要 (2010–2020年) Национальная долгосрочная и среднесроч-

Literature:

1. 中共中央关于教育体制改革的决定. CPC Central Committee resolution on education reform. URL : // http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_177/200407/2482.html (accessed 14.09.2019).
2. *Borevskaya N.E.* National specificity of education in the era of globalization: can experience China help us? // Domestic notes. 2008. № 1(40). P. 165–178.
3. 中国教育改革和发展纲要. China education reform and development plan. URL : // http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/moe_177/tnull_2484.html (accessed 14.09.2019).
4. 中共中央国务院 于深化教育改革全面推进素质教育的决定 Resolution of the CPC Central Committee on deepening education reform and comprehensive improvement of the quality of education]. URL : // http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_177/200407/2478.html (accessed 14.09.2019).
5. 中共中央国务院 于深化教育改革全面推进素质教育的决定 *Du Zhichun, Dai Ying.* On the system of party leadership and building an operational mechanism in universities – in terms of implementing the headmaster's responsibility system under the leadership of the party committee // Ideological and theoretical education. 2015. № 8. P. 72–76. (In Chinese)
6. 关于坚持和完善普通高等学校党委领导下的校长负责制的实施意见 Normative document on the implementation of requirements for compliance and improvement of the system of responsibility of the rector under the leadership of the party Committee in universities. URL : <http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s5148/201410/176071.html> (accessed 14.09.2019).
7. 中华人民共和国高等教育法 Law of the People's Republic of China on Higher Education. URL : http://www.moe.gov.cn/s78/A02/zfs__left/s5911/moe_619/201512/t20151228_226196.html (date of the address 14.09.2019).
8. *Liu Xiao, Cheng Junli.* Creating a Board of Directors with Chinese characteristics to improve the structure of the internal management of universities // Study of higher education. 2011. № 3. P. 14–18. (In Chinese)
9. National Long-Term and Medium-Term Education Reform and Development Program (2010–2020) URL : <http://old.moe.gov.cn/publicfiles/>

ная программы реформы и развития образования (2010–2020 гг.). URL : // http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/info_list/201407/xhgk_171904.html (дата обращения 14.09.2019).

10. 许登文 (*Сюй Дэньвэнь*). 党委领导下的校长负责制是适合我国国情的高校领导体制. Системой ответственности ректора под руководством партийного комитета является система руководства вузов, соответствующая национальным условиям развития Китая // 河南财经学院学报 Vestnik Хэнаньского университета финансов и экономики. 1990. № 3. С. 123–125.

11. 中国政法大学董事会章程. Устав Китайского университета политики и права. URL : // <http://gnhzc.cupl.edu.cn/info/1021/1048.htm> (дата обращения 14.09.2019).

business/htmlfiles/moe/info_list/201407/xhgk_171904.html(date of the address 14.09.2019).

10. *Xu Dengwen*. The rector's responsibility system under the leadership of the party committee is a university leadership system that meets the national development conditions of China // Journal of Henan University of Finance and Economics. 1990. № 3. P. 123–125.(In Chinese)

11. The charter of China University of Political Science and Law. URL : <http://gnhzc.cupl.edu.cn/info/1021/1048.htm> (date of the address 14.09.2019).

Викторов Александр Шагенович
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социальных
технологий социологического факультета,
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
aviktorov@bk.ru

КАТЕГОРИИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Противоречивый процесс глобальных изменений в современном мире, связанный со стремительным ростом социального неравенства, превратил его в одну из самых значимых проблем, от решения которой зависит направленность развития общества. Это с необходимостью требует выработки новых подходов познания, поскольку существующая либеральная идеология знаний не вполне соответствует ее адекватному решению.

Целью статьи является разработка нового концептуального подхода в изучении феномена неравенства через призму таких понятий как мобильность и дифференциация. Методологической базой исследования является теоретический анализ специальной научной литературы зарубежных и российских авторов и материалы практических исследований. На основе проведенного анализа получены следующие значимые результаты: одним из вариантов нового подхода в познании неравенства является теоретическая разработка понятий «мобильность» и «дифференциация» как категорий социального неравенства; понятие «социальная мобильность» дает возможность выявить механизмы возникновения новых форм неравенства; понятие «социальной дифференциации» определяет суть неравенства через внутреннее разделение людей в том или ином обществе, что обусловлено их разной социальной активностью.

Ключевые слова: теоретический анализ, социальное неравенство, мобильность, миграция, метакод, социальная система, стратификация, дифференциация, функциональность, идеология.

С момента своего возникновения социология как научная дисциплина всегда выделяла неравенство в качестве особого объекта познания и сформировала несколько научных подходов, которые в силу ряда причин (объективных, субъективных) имеют разные теоретические ос-

Alexander Sh. Viktorov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Social Technologies,
faculty of Sociology
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
aviktorov@bk.ru

THEORETICAL ANALYSIS OF CATEGORIES OF SOCIAL INEQUALITY

Annotation. The contradictory process of global changes in the modern world, associated with the rapid growth of social inequality, has turned it into one of the most important problems, the solution of which depends on the direction of development of society. This necessitates the development of new approaches to cognition, since the existing liberal ideology of knowledge does not fully correspond to its adequate solution.

The aim of the article is to develop a new conceptual approach to the study of the phenomenon of inequality through the prism of such concepts as mobility and differentiation. The methodological basis of the research is the theoretical analysis of special scientific literature of foreign and Russian authors and materials of practical research. On the basis of the analysis the following significant results are obtained: one of the variants of the new approach in the knowledge of the inequality is the theoretical development of the concepts of «mobility» and «differentiation» as categories of social inequality; the concept of «social mobility» provides an opportunity to identify the mechanisms of the emergence of new forms of inequality; the concept of «social differentiation» defines the nature of inequality in the internal division of people in a particular society because of their different social activity.

Keywords: theoretical analysis, social inequality, mobility, migration, meta-code, social system, stratification, differentiation, functionality, ideology.

нования. Так, например, если одни авторы считают, что добиться всеобщего единодушия по вопросу неравенства «никогда не произойдет по той простой причине, что не существует единственной научной истины относительно идеального уровня неравенства, не говоря уже о

наиболее желательной с социальной точки зрения комбинации политических мер и институтов, необходимых для достижения этого уровня» [1, с. 4], то другие исходят из того, что «при рассмотрении проблемы неравенства в глобальном масштабе мы вынуждены оперировать гораздо более сложными и менее точными сведениями, изыскивая при этом возможности для применения более простых и абстрактных теоретических методов анализа» [2, с. 39]. Кроме того, в современных условиях глобальных изменений доминирует такое научное знание, которое базируется на либеральной идеологии миропонимания капитализма как нечто лучшего из всех существующих форм человеческого объединения и неизменного благодаря своей позитивной динамике оказалось неадекватным для объяснения сути социального неравенства и причины, обуславливающей его расширение и углубление.

В данной работе разрабатывается новый концептуальный подход к осмыслению сути социального неравенства в современном обществе через призму уточнения и раскрытия особенностей понятий «мобильность» и «дифференциация» как категорий социального неравенства. Методологической основой исследования является теоретический анализ специальной социологической литературы российских и зарубежных авторов (П. Сорокин и Н. Луман) и материалы практических исследований.

В самом общем плане понятие «социальная мобильность» дает возможность выявить особенности механизма преодоления социального неравенства (перехода из одной социальной группы, страты и т.д. в другие с целью повышения социального статуса, дохода, власти, престижа) для разных социальных групп в том или ином обществе. Термин «социальная мобильность» был введен в научный оборот П. Сорокиным в 1927 г. в работе «Социальная мобильность» [3, с. 373–375], в дальнейшем он стал применяться в анализе социальной структуры открытого и закрытого общества. Принято различать различные видовые направленности социальной мобильности (горизонтальная и вертикальная, нисходящая и восходящая), которые могут характеризовать эффективность (малозффективность) определенного механизма преодоления неравенства, так и выступать в качестве основного критерия отнесения общества к тому или иному типу (традиционному, современному, модернизированному, индустриальному, информационному и др.).

Если горизонтальная мобильность связана с перемещением в одной плоскости, пространстве (миграция), а нисходящая – с выталкиванием в конкурентной борьбе менее способных, то вертикальная – это переход людей в новые социальные группы (с повышением или понижением социальных позиций). Расширение таких возможностей делает общество более стабильным и открытым (в качестве механизма здесь выступает система образования). Соответственно отсутствие таких возможностей способствует перекрытию каналов для начала процесса перехода к обновлению элиты, что выступает основой про-

явления различного рода социальных катаклизмов и роста протестных настроений. Причем, в контексте современных обществ (развитых и развивающихся стран) доминируют разные виды нисходящей и горизонтальной социальной мобильности. Так, например, по данным французских социологов, социальная мобильность населения, подсчитанная в пределах жизни одного или двух поколений, подтверждает жесткую неизменность социальной структуры в стране, т.е. является мифом о равных возможностях. Образовательная система, несмотря на общедоступность среднего и высшего и возросший уровень обучения, не только не разрушила классового и культурного неравенства, а скорее усилила его [4, с. 225–227].

Однако американские социологи придерживаются иной точки зрения, считая, что в распоряжении индивидов в американском обществе имеются пять основных механизмов восходящей социальной мобильности:

1. Экономическая активность (удача, связи, работа, мошенничество и др.) увеличивает доход и свои позиции;
2. Брак – более доступен для женщин, чем для мужчин;
3. Образование – соотносится с первым механизмом, но имеет отношение к продвижению через процесс образования;
4. Политический механизм – достигается путем политических нажимов, сделок или гарантий. Он важен в смысле групповой мобильности;
5. «Управление впечатлениями» – мобильность, достигаемая через манипуляцию статусного символа и личную привлекательность [5, с. 183–184].

По мнению некоторых российских социологов, в современной России, в силу низкой эффективности государственной политики в области социальной мобильности, семья как ее канал не только не утратила своего действенного характера, но значительно повысила свой статус среди других способов достижения социального статуса и его изменения [6, с. 398]. В самом общем плане выделяются два вида показателей социальной мобильности – объективные и субъективные.

Объективными показателями социальной мобильности могут служить изменения в социальной структуре общества под воздействием различного рода факторов (социально-экономических, политических, культурных и др.). Например, если современная структура российского общества представляет собой «придавленный сверху треугольник», то в развитых странах она напоминает яйцо (овальная), а в латиноамериканских странах – наподобие Эйфелевой башни. В первом и третьем случаях наверх весьма трудно забраться, а во втором – легко свалиться сверху вниз.

К субъективным показателям социальной мобильности относятся как данные о внутригрупповой структуре общества, так и миграционные настроения общества. За последние 50 лет масштабы миграции выросли более чем в 2,5 раза; число мигрантов в мире достигло 200 млн человек, при этом основным участником миграционных перемещений является молодежь в возрасте от 16 до 35 лет [7]. Эксперты отмечают, что в 2009 году численность мигрантов достигла 6,4 % населения Евросоюза (31,9 млн чел.), более 40 % которых составляют люди в возрасте от 20 до 35 лет. По оценке Росстата, миграция в России также имеет молодежный профиль: численность мигрантов составляет 281 тыс. человек, из них свыше 46 % – люди в возрасте от 20 до 35 лет [8]. По данным МВД РФ, на начало 2019 г. на миграционном учете в России состоит 16,5 млн иностранцев, то есть, более 10 % населения страны, кроме того, есть несколько миллионов нелегальных мигрантов [9].

В современной социологической литературе миграция рассматривается как процесс, возникающий вследствие принятия решения с учетом социально-экономических возможностей людей, по отношению к определенному региону или стране с целью изменения своего социального положения (как правило, материального) или расширения возможностей для самореализации. В настоящее время основной поток миграции в Россию представлен людьми в возрасте 20–34 лет, причем, доля прибывших в возрасте 20–29 лет составляет 31,6 % от общего числа мигрантов. Структура международной миграции молодежи представлена группами мигрантов, перемещающихся из одной страны в другую по разным причинам и на различной основе: регулярной (высококвалифицированные редкие специалисты), стихийной (вызванной различного рода катаклизмами в малоразвитых странах, где население из-за невыносимых условий жизни вынуждено мигрировать) и периодической основе (студенты, квалифицированные специалисты, стажеры, молодые ученые). Молодые мужчины в возрасте 20–35 лет, имеющие среднее профессиональное образование, выходцы из стран СНГ составляют основную часть потока миграции молодежи в Россию, что свидетельствует о вовлечении российской молодежи в трансграничные связи и отношения на евразийском пространстве. При этом Россия является одним из мировых центров трудовой и образовательной миграции, что определяет качественную специфику как транснациональных связей молодых мигрантов, так и нарастание антимигрантских протестных настроений в крупных мегаполисах.

Миграция молодежи с целью получения образования осуществляется, главным образом, в государстве с более высоким уровнем развития в регионе и широкими возможностями самореализации. Так, 70 % общего объема учебной миграции принимают США, Великобритания, Франция, Германия, Австралия, Китай, Канада, Япония, соответственно, вокруг них формируется разветвленная сеть транснациональных взаимосвязей молодых мигрантов. Одной из основных тен-

денций международной миграции молодежи является перераспределение потоков миграции как из развивающихся стран в развитые ввиду активного экономического развития последних, так и обратный процесс (из развитых в развивающиеся по причине роста безработицы). Повышение спроса на молодых иностранных специалистов обуславливает ужесточение требований к квалификации и уровню образования мигрантов и одновременно создание условий для миграции молодых сотрудников компаний, представителей науки и бизнеса [10, с. 19].

По данным международных исследований мигрантов в странах Евросоюза сложились не только разные представления, но и отношения к ним, которые определяются политическими и историческими испытаниями формирования нации. Отсюда немцы всегда называют мигрантов иностранцами, британцы расовыми меньшинствами, голландцы и шведы – представителями культурных меньшинств, французы – иммигрантами. Соответственно, на этой основе были сформированы и формируются разные модели адаптации и интеграции мигрантов, которые отличаются характером неравного отношения: шведская (ограничивает прием мигрантов неевропейского происхождения); голландская и бельгийская (строится на принципе размежевания и по степени их ассимиляции); британская (базируется на идеях мультикультурализма) [11]. Иначе говоря, в странах Евросоюза, несмотря на официальную позитивную внутреннюю социальную политику по отношению к мигрантам, у большинства населения на уровне повседневной жизни сохраняется неравное этнорасовое отношение, которое в последнее время в связи с расширением потока мигрантов начинает приобретать все более острые формы взаимного противостояния. России в этом контексте в силу общего имперского исторического прошлого близка британская (этнонациональная) модель представлений, где в обыденности доминируют словосочетания – «инородец», «нацмен», «лицо определенной национальности» (славянской, кавказской, азиатской) и ее мультикультурная модель интеграции мигрантов, которая напоминает идею формирования новой исторической общности «советский народ» или сегодняшнюю идею создания единой евразийской российской нации. Однако в силу ряда обстоятельств (отсутствия национальной идеологии развития и обострения социально-экономических проблем) происходит усиление сепаратистских и антимигрантских национально-культурных настроений.

Подобная неоднозначная ситуация, связанная как с доминированием горизонтальной и блокированием вертикальной социальной мобильности, так и с распространением антимигрантских настроений в следствие малоконтролируемой (стихийной) миграции, привела к тому, что мобильность и миграция стали выступать в качестве основного механизма воспроизводства и роста неравенства (экономического, социального, правового, культурного, этнического) и изменения социальной структуры современного общества в сторону ее упрощения: свои-чужие, бедные-богатые.

В классической социологии понятие «социальная дифференциация» (досл. с лат. – расчленять, разделять, различать и выделять) обозначает особенности процесса социальных изменений, в ходе которого различные группы в обществе отделяются одна от другой и образуют определенную иерархию в соответствии с их статусными позициями (власти, богатства, престижа). В известном смысле, оно отождествляется с понятием «социальная стратификация», выступающая механизмом образования тех или иных форм социального неравенства.

Исторической первоосновой социальной дифференциации европейского общества выступает индоиранская социальная стратификация тройного деления общества на социальные классы в соответствии с тремя родами деятельности (общественного функционирования): жрецы, воины и земледельцы. Однако, несмотря на общее этимологическое значение (классы отличаются друг от друга своим цветом одежды: белый для священника, красный для воина, синий для земледельца), они имели разный смысловой контекст. Если в Индии жрец – это исполнитель священных обрядов, военный – обладатель силы и власти, земледелец – человек из народа, а четвертое низшее сословие – люди без определенной профессии, этнически смешанные, то в Иране жрец – тот, кто относится к сфере культа (по одной из версий, связан со словом «огонь»), воин – тот, кто стоит на колеснице (или сражающиеся на колеснице), третий класс – это тот, кто выращивает скот, занимается пахотой, четвертый – те, кто занимается ремеслом. Класс жрецов, занимая главенствующее положение в индоиранском обществе, определял иерархию власти в целом.

Исходя из такого понимания, в дальнейшем в процессе цивилизационных социальных изменений ведущее положение, вплоть до Нового времени, стало занимать второе сословие, но после Великой Французской революции к власти пришло не третье сословие, а четвертое. Отметим также, что первоначально индоевропейская социальная организация, т.е. общество, рассматривалось не с точки зрения природы и иерархии классов, а как некая совокупность всех его граждан, состоящая из четырех кругов социальной принадлежности:

- 1) семья, дом, которые определялись через такие понятия, как «страна» и «родина»;
- 2) род, объединяющий несколько семей, домов. Их смысловое значение раскрывалось через понятия «общий предок» и «рожденный от свободных родителей»;
- 3) племя – совокупность лиц, связанных не только общим рождением, но и солидарностью и братством;
- 4) страна – двойное толкование как чужестранцы (рабы, варвары), с которыми приходилось сражаться, и обозначение широкой общности людей в пределах данного племени и территории [12, с. 187–189; 196–197; 210–211].

Новый подход в осмыслении категории дифференциации связан с именем немецкого социолога Н. Лумана (1927–1998), выделившего такие концепты как: «функциональная дифференциация», «исторические формы сложной дифференциации», «модернизация» [13, с. 9–13; 25–30; 177; 520–524]; «общество как всеохватывающая социальная система» [14, с. 83–91]; «самоорганизация социальных систем» [15, с. 26–32]; «метакод включения/исключения» [16, с. 98–99; 107]. Эти концепты показали, что в основе сути дифференциации лежит внутреннее деление общества, которое оно само воспроизводит через те или иные виды неравенства в разных социальных группах. Если раньше проблема осмысления социального неравенства была результатом устаревшей модели социологического мышления, основанного на понятийно-логических доводах в оценке (позитивной или негативной), ее природы в рамках одного подхода, то теперь социальные различия в современном обществе имеют тенденцию не уменьшения, а увеличения. Это означает, что они вряд ли когда-нибудь исчезнут. Отсюда возникает необходимость разработки нового концептуального подхода в изучении общества как неоднородного по своей структуре, где ключевое место занимает концепт дифференциации общества каксамоорганизующей системы. Самоорганизация социальной системы проявляется в двух смыслах, имеющих внешний и внутренний контекст:

- 1) как она организует свои собственные границы, различая, что относится к системе, а что к внешней среде;
- 2) как она воспроизводит собственную структуру в своих границах.

Особое место здесь занимает понятие среды, которая предъявляет системе новые требования, и система путем самообновления воспроизводится с учетом требований. И это происходит благодаря процессу дифференциации, который является результатом эволюции и способом осуществления структурных изменений, приводящих к усложнению системы. Иначе говоря, самоорганизующаяся система обладает способностью к социальной дифференциации, которая дает возможность адекватно реагировать на вызовы среды и тем самым повышать свою функциональную жизнеспособность.

Согласно Луману, следует разделять два вида неравенства: различие в обществе как продукт исторических обстоятельств и различие индивидов как отражение коммуникаций, связанных с автопоэтикой (воспроизводством социальной системы, т.е. насколько она является своим собственным продуктом). Если в первом случае изменяется значение тех или иных различий в определенной историческую эпоху, то во втором она характеризует разные коммуникативные воспроизводства со знанием людей, их прошлого и будущего, напрямую опосредованное автопоэзисом социальной системы. Поэтому первичной формой различения людей, т.е. их дифференциацией, выступает не только стратификационная иерархия (эксплуатация, угнетение и не-

справедливость одних людей к другим), но и функциональная дифференциация, т.е. разделение общества на различные автономные социальные системы, где имеются специфические отличия (главное – не эксплуатация, а пренебрежение). По мнению Лумана, концепция модернизации, которая базировалась на примате рыночной экономики, демократизации политики, равном доступе к школьному образованию, установлении конституционного законодательства, политического контроля над вооруженными силами, свободной прессы и др., как бы провела грань между различными функциональными системами и способствовала их движению к интеграции и осуществлению взаимного контроля. Функциональные системы как закрытая система благодаря своей внутренней дифференциации отличаются тем, что воспроизводят как больше независимости (избирательные структурные связи, то, что считает для себя важным), так и больше зависимости (неизменно воспроизводит себя на новом соответствующем уровне). В современном полицентричном и политекстуральном мире дифференциация превратилась (или превращается) в функциональную систему (или особую функцию системы). В разных функциональных системах это находит выражение в том, что, например:

- 1) наука не дает власти знания, а снижает определенность принятия решений;
- 2) экономика использует выгодные технологии, связанные с большими рисками;
- 3) пресса превращает политику в скандальное безобразие и усиливает лицемерие;
- 4) общество дает возможности одним стать личностями, а другим – индивидами, т.е. кого-то оно интегрирует, а кого-то исключает.

Поэтому, на его взгляд, современное общество следует понимать как социальную систему и как функционально дифференцированное. В первом случае оно способно изменять форму внутренней социальной дифференциации, т.е. ее системная функциональная дифференциация благодаря самоорганизации изменяет свою внутреннюю дифференциацию. Во втором случае функциональная дифференциация выступает механизмом воспроизводства социальной системы, порождая социальные классы как селективный продукт. Этот механизм развивался с эпохи Средневековья в различной функциональной направленности деятельности трех основных групп в обществе: священники, рыцари и крестьяне. Отсюда Луман приходит к выводу, что если главной проблемой становления общества в XIX в. была солидарность (не культура), то в XX в. это социальная дифференциация с формированием «метакода включения/исключение» людей из функциональных систем, а не классовая стратификация (бедные и богатые, эксплуататоры и эксплуатируемые). А это означает, что наихудший сценарий общества следующего XXI столетия будет связан с разделением людей на личности (они будут включены в функциональные системы) и на индивидов (исключенные

из функциональных систем). Иначе говоря, произойдет институциональное закрепление неравенства прав людей на свободное развитие и самореализацию. Современные функциональные системы, в отличие от традиционных обществ, где действовал принцип дифференциации (разделения, основанного на стратификации и иерархии), работает на другом принципе в зависимости от того, кто отвечает необходимым функциональным требованиям, а кто нет. Поэтому в Новое время была создана новая социальная структура, которая базировалась не на происхождении, а на карьерной активности. Соответственно неравенство, по Луману, с необходимостью вытекает или следует из разной социальной индивидуальной активности, которая отвечает или не отвечает требованиям современной функциональной системе общества.

По мнению Лумана, прежние социологические теории определяли функции как предпосылки существования систем, в отличие от них функциональная дифференциация подчеркивает неравенство функциональных систем, т.е. возможность их самоорганизации, где каждая система воспроизводит свои различия неравенства и равенства в тех или иных формах, которые определяют существующий порядок в обществе. Луман выделяет четыре исторически сложившиеся формы сложной дифференциации: сегментарную, стратификационную, центрально-периферийную и функциональную.

Сегментарная дифференциация делит системы на основе необходимости для выполнения одинаковых функций, она производит различия на основе либо происхождения, либо территории проживания.

Стратификационная дифференциация является, по сути, вертикальной дифференциацией, которая делится в соответствии со статусом иерархии или рангового неравенства. Эта система нестабильна, так как ее структура состоит из двух частных систем: знати и народа.

Центрально-периферийная дифференциация соединяет в себе сегментарную и стратификационную дифференциацию. Здесь допускаются случаи неравенства, выходящие за рамки сегментации. В рамках родовой структуры возникают центры, где могут жить только знатные семьи.

Функциональная дифференциация самая сложная, она преобладает в современном обществе и воспроизводит как равенство, так и неравенство. Но функциональные системы равны в своем неравенстве. Здесь не существует единственного неравенства (центр – периферия) и тотальной общественной формы всех неравенств, а потому она строится с помощью различения равного и неравного.

Причем в каждом обществе должна существовать господствующая дифференциация, которая воспроизводит общественные структуры. Отсюда значение форм дифференциации определяется двумя взаимосвязанными условиями:

- в рамках господствующих форм дифференциации имеются ограниченные возможности развития. Если одна форма различий доминирует, то она может регулировать возможности других;

- эволюционирующие общества находят немного стабильных форм дифференциации и потому тяготеют к зарекомендованным формам неравенства.

Таким образом, с помощью разработки категории дифференциации Н. Луман попытался создать новую историческую схему эволюции человеческого общества как самоорганизующих систем, которые благодаря воспроизводству четырех основных форм дифференциации (различий равенства и неравенства) имеют соответствующие им уровни сложности и организации социального порядка: сегментарный, центрально-периферийный, стратификационный и функциональный. Причем каждая из этих форм дифференциации обладает как общими, так и специфическими чертами:

- образует свои особые деления (семья и общество, знать и простой народ, богатые и бедные или сетевые структуры);

- не исчезает при переходе к другой более сложной форме. Она создавалась для достижения определенного порядка, а сравнительно быстрый переход системы к другому принципу стабильности может вызвать катастрофу;

- паразитарный порядок возникает при хорошо структурированном порядке неравенства;

- современное общество определяется через форму его функциональной дифференциации, где функциональные системы равны в своем неравенстве;

- во всех обществах принципом дифференциации была стратификация или иерархия, но не она является сегодня главной проблемой общества (неравенства), а функциональные системы, которые фактически исключают из общества тех людей, кто не отвечает их требованиям.

Эта рефлексия Лумана (уже после его смерти) нашла известное подтверждение в образовании Евросоюза, распространения различного рода сетевых структур и функциональной дифференциации стран на развитые, развивающиеся и малоразвитые. По данным некоторых социологов, особенности социальной дифференциации в современной России связаны с:

- максимальным неуважением гражданами: политиков и депутатов – 35 %; работников шоу-бизнеса – 24 %; полицейских – 29 %;

Литература:

1. Доклад о неравенстве в мире 2018. Основные положения. URL : <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf>

- максимальным уважением: врачей – 55 %; учителей – 48 %; ученых – 44 %; крестьян, рабочих – 44–40 %;

- отсутствием справедливости в обществе – 76 %;

- правовым беспределом – 72 %;

- угрозой безвластия, анархии, хаоса – 56 % [17, с. 24–25].

На наш взгляд, эти данные, характеризующие общественное мнение россиян в оценке существующего социального порядка, весьма условно можно отнести к особенностям социальной дифференциации, поскольку имеют некий «неизменный» социальный исторический контекст. С точки зрения Лумана, особенность социальной дифференциации в России определена центрально-периферийной формой дифференциации существующей нестабильной системы, т.е. синтезом сегментарной и стратификационной дифференциации, где социальная структура состоит из богатых и бедных.

На основе теоретического анализа можно сделать следующие выводы:

- во-первых, в условиях противоречивой динамики глобальных изменений социальное неравенство превращается в одну из самых значимых и актуальных проблем современного общества;

- во-вторых, имеющиеся идеологемы социально-гуманитарного знания в силу разных (объективных и субъективных) обстоятельств не вполне соответствуют характеру практического решения социальных проблем;

- в-третьих, одним из возможных вариантов разработки нового подхода в познании феномена неравенства может служить теоретическая разработка понятий социальная мобильность и социальная дифференциация как категорий социального неравенства.

Таким образом, если категория социальной мобильности благодаря измерению объективных и субъективных показателей дает возможность раскрыть механизм возникновения новых форм неравенства как через доминирование горизонтальной и блокирования вертикальной мобильности, так и усиление антимигрантских настроений в современном обществе, то категория социальной дифференциации определяет суть неравенства через метакод включения/исключения людей из функциональных систем, то есть внутреннее разделение людей в том или ином обществе обусловлено их разной социальной активностью и выступает источником неравенства.

Literature:

1. World inequality report 2018. Key points. <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf>

2. *Бодрунов С.Д.* Новая индустриальная революция и проблемы неравенства: учебно-методическое пособие / С.Д. Бодрунов, Дж.К. Гэлбрейт; Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М. : Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. 2017. 143 с.
2. *Bodrunov S.D.* The new industrial revolution and the problems of inequality: an educational tool / S.D. Bodrunov, J.K. Galbraith; under the general. ed. S.D. Bodrunova. M. : G.V. Russian University of Economics Plekhanov. 2017. 143 p.
3. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. Общ.ред. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. М. : Политиздат. 1992. 543 с.
3. *Sorokin P.* Man. Civilization. Society / P. Sorokin; Society ed. A.Yu. Sogomonov; Per. from English. M. : Politizdat. 1992. 543 p.
4. *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 2012. 526 с.
4. *Shkaratan O.I.* The sociology of inequality. Theory and Reality. M. : Publishing. House of the Higher School of Economics. 2012. 526 p.
5. *Бергер П.* Личностно-ориентированная социология / П. Бергер, Б. Бергер. М. : Академический проект, 2004. 608 с.
5. *Berger P.* Person-oriented sociology / P. Berger, B. Berger. M. : Academic project. 2004. 608 p.
6. *Волков Ю.* Социология. Ростов-н/Д. : Феникс. 2013. 667 с.
6. *Volkov Yu.* Sociology. Rostov-on/D. : Phoenix. 2013. 667 p.
7. World Migration Report 2008: Managing Labour Mobility in the Evolving Global Economy. Geneva, 2008. Vol. 4.
7. World Migration Report 2008: Managing Labor Mobility in the Evolving Global Economy. Geneva, 2008. Vol. 4.
8. Официальный сайт Росстат. URL : <http://www.gks.ru>
8. The official website of Rosstat. URL : <http://www.gks.ru>
9. *Казенин К.* От коллективизма к атомизации: как мигранты влияют на демографию России. 26 июня 2019. URL : https://www.rbc.ru/opinions/society/26/06/2019/5d0c8fb39a79479a4338ed4b?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com
9. *Kazenin K.* From collectivism to atomization: how migrants influence the demography of Russia. June 26, 2019. URL : https://www.rbc.ru/opinions/society/26/06/2019/5d0c8fb39a79479a4338ed4b?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com
10. *Алексеева Е.Н.* Транснациональная миграция молодежи и ее социальные последствия в современном мире. М.: МГУ. 2013. – 213 с.
10. *Alekseeva E.N.* Transnational migration of youth and its social consequences in the modern world. M. : MSU. 2013. 213 p.
11. *Болтцман К.* Различные подходы к проблеме иммиграции в странах Европы / К. Болтцман, М. Буше // Le Monde diplomatique. Июль 2006.
11. *Boltzmann K.* Different approaches to the problem of immigration in Europe / K. Boltzmann, M. Boucher // Le Monde diplomatique. July 2006.
12. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М. : Прогресс-Универс. 1995. 456 с.
12. *Benvenist E.* Dictionary of Indo-European social terms. M. : Progress-Univers. 1995. 456 p.
13. *Луман Н.* Общество общества. Кн. 4: Дифференциация; Кн. 5: Самоописания / Н. Луман; А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева; Пер. с нем. М. : Логос. 2011. 640 с.
13. *Luman N.* Society Society. Prince 4: differentiation; Prince 5: Self-Descriptions. Per. with him / N. Luman; A. Antonovsky, B. Skuratov, K. Timofeeva. M. : Logos. 2011. 640 p.
14. *Луман Н.* Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система / Н. Луман; А. Антоновский; Пер. с нем.; Кн. 2: Медиа коммуникации / А. Глухов, О. Никифоров Пер. с нем.; Кн. 3: Эволюция / А. Антоновский; Пер. с нем. М. : Логос. 2011. 640 с.
14. *Luman N.* Society Society. Prince 1: Society as a social system. Per. with him / N. Luman; A. Antonovsky; Prince 2: Media communication. Per. with him. / A. Glukhov, O. Nikiforov; Prince 3: Evolution. Per. with him. / A. Antonovsky. M. : Logos. 2011. 640 p.
15. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; Пер. с нем. М. : Наука. 2007. 643 с.
15. *Luman N.* Social systems. Essay on the general theory. Per. with him. M. : Science. 2007. 643 p.
16. *Луман Н.* Глобализация мирового общества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М. : Интеллект. 1998. 272 с.
16. *Luman N.* Globalization of world society: how to systematically understand modern society / Sociology at the threshold of the XXI century: new directions of research. M. : Intelligence. 1998. 272 p.
17. *Гудков Л.Д.* Стерилизация социальной дифференциации: российский «средний класс» и эмиграция / Л.Д. Гудков, Н.А. Зоркая // Мир России. 2013. № 2(2). С. 24–25.
17. *Gudkov L.D.* Sterilization of social differentiation: the Russian «middle class» and emigration / L.D. Gudkov, N.A. Zorkaya // World of Russia. 2013. № 2(2). P. 24–25.

Воденко Константин Викторович
доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
«Управление персоналом»,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова
vodenko-kv@rambler.ru

Тихоновская Мария Петровна
соискатель,
Южный федеральный университет
tikhonovskovas@yandex.ru

Асланов Яков Андреевич
кандидат социологических наук,
доцент кафедры
теоретической социологии и методологии
региональных исследований,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
aslanov@sfn.edu.ru

СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ И РАЗВИТИЯ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ

Аннотация. В статье анализируются стратегии обеспечения духовной безопасности молодежи в условиях формирования информационных угроз и развития сетевых сообществ. Делается вывод о том, что обеспечение духовной безопасности российского общества и молодежи от информационных угроз и в условиях развития сетевых сообществ должно опираться на следующие меры защиты: необходимость формирования эффективной правовой основы для защиты информационной безопасности как неотъемлемой составляющей духовной безопасности российского общества; необходимость совершенствования государственной политики в области нравственного здоровья граждан России; решение проблемы обеспечения духовной безопасности российского общества лежит также в сфере реализации государством молодежной политики в стране.

Ключевые слова: духовная безопасность, информационные угрозы, сетевые сообщества, российское общество, молодежь.

Konstantin V. Vodenko
Doctor of Philosophical Science,
Professor,
Professor of Department
«Personnel Management»,
Platov South-Russian
State Polytechnic University (NPI)
vodenko-kv@rambler.ru

Maria P. Tikhonovskova
Applicant,
Southern Federal University
tikhonovskovas@yandex.ru

Yakov A. Aslanov
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Theoretical Sociology
and Regional Research Methodologies,
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
aslanov@sfn.edu.ru

STRATEGIES FOR PROVIDING SPIRITUAL SECURITY YOUTH IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF INFORMATION THREATS AND THE DEVELOPMENT OF NETWORK COMMUNITIES

Annotation. The article analyzes the strategies of providing spiritual youth in the conditions of formation of information threats and development of network communities. It is concluded that ensuring the spiritual security of the Russian society and youth from information threats and in the conditions of development of network communities should be based on the following protection measures: the need to form an effective legal basis for the protection of information security as an integral part of the spiritual security of the Russian society; the need to improve the state policy in the field of moral health of Russian citizens; the solution of the problem of ensuring the spiritual security of the Russian society lies also in the implementation of the state youth policy in the country.

Keywords: spiritual security, information threats, network communities, Russian society, youth.

В условиях развития современных информационно-коммуникационных технологий духовная безопасность российского общества подвергается информационным угрозам, которые способны целенаправленно разрушить российскую национальную идентичность и духовные традиции общероссийской культуры, на протяжении многих веков объединявших народы России. Ключевой тенденцией современного мира выступает глобализация, которая представляет собой процесс интеграции стран на экономической, политической и культурной основах.

Информационные угрозы связаны как с геополитическими процессами, происходящими в мировой системе, так и с культурными процессами, получившими название «культурной глобализации», которые возникли в результате появления новой информационной реальности. Особую опасность для духовной безопасности представляют развивающиеся сетевые сообщества.

Процессы культурной глобализации сопряжены не только с конструктивным межкультурным взаимодействием, но и с негативными последствиями, связанными с радикализацией информационной сферы, процессами культурной экспансии, разрушающими традиционные формы идентичности; информационными перегрузками, влияющими на психику человека и т.п.

В настоящее время становится очевидным, что культурная глобализация представляет собой процесс агрессивного навязывания западных норм, стандартов и ценностей в сферу духовной жизни стран и регионов, обладающих своим цивилизационным кодом.

Очевидно, что растущая культурная проницаемость, открытость доступа к образцам массовой культуры развитых стран создают иллюзию того, что эта культура не является чуждой, а напротив, она близка и понятна, даже, несмотря на то, что «она непрерывно вступает в противоречие с традиционным комплексом отечественной культуры» [1, с. 16].

Это актуализирует проблему обеспечения духовной безопасности российского общества от информационных угроз. В этом аспекте можно говорить об информационной безопасности социума как неотъемлемой составляющей его духовной безопасности. Это ставит проблему разработки стратегии информационной безопасности российского общества.

Понятие «информационная безопасность» является относительно молодым, поэтому в научном дискурсе не сформировалось общего подхода в его трактовке.

Ряд ученых подчеркивает тесную связь информационной безопасности с защитой национального суверенитета в информационной сфере, который гарантировал бы независимость государства в формировании внутренней и внешней национальной политики. В данном аспекте обеспечение информационной безопасности включает формирование «цифрового суверенитета (в

сфере информационно-коммуникативных технологий), ментального суверенитета (защита национальной идеи и культурной самоидентификации нации), государственной политики информационного суверенитета» [2, с. 12–13].

Отмечая огромное влияние на жизнь людей новых информационных технологий, специалисты расширяют сферу информационной безопасности на все сферы деятельности человека. В виду этого, большую опасность представляют «возможные последствия информационного воздействия на психику и сознание отдельных людей и социальных групп, на общественные настроения и мнение масс, на национальное самосознание и идеологические установки» [3, с. 51].

В этой связи необходима система мер по обеспечению духовной безопасности российского общества от информационных угроз. Понимание того, что сегодня наметилась тенденция смещения опасностей и военных угроз в информационное пространство государств, заставляет разрабатывать стратегии обеспечения своей информационной безопасности.

Стратегия укрепления информационной безопасности находят свое отражение в законе РФ «О безопасности» и в Доктрине информационной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 [4]. По мнению специалистов, особое внимание следует уделить следующим видам угроз:

– «вытеснение российских информационных агентств, средств массовой информации с внутреннего информационного рынка и зависимость экономической и политической сферы общественной жизни России от зарубежных информационных структур;

– манипулирование информацией (сюда включается дезинформация, сокрытие или искажение информации)» [5, с. 17].

В связи с этим необходимо сформировать эффективную правовую основу для защиты информационной безопасности как неотъемлемой составляющей духовной безопасности российского общества.

К правовым мерам обеспечения информационной безопасности следует отнести [6, с. 42]:

- 1) разработку правовых механизмов регулирования отношений в информационной сфере;
- 2) фиксацию статуса информации, информационных ресурсов и систем, принципов и правил доступа к ним;
- 3) создание обязательных правил поведения в информационном пространстве;
- 4) принятие и обнародование нормативных правовых актов, в том числе, устанавливающих ответственность за преступления против информационной безопасности;

5) установление статуса субъектов системы информационной безопасности, отвечающих за ее успешное функционирование и нормативное определение их полномочий;

6) осуществление надзора и контроля за соблюдением законов в информационной сфере.

Однако стратегии обеспечения духовной безопасности российского общества должны опираться не только на нормативную базу, посредством которой регламентируется информационная среда, но и обеспечивать защиту нравственности и психического здоровья людей. Очевидно, что государственная политика в области нравственного здоровья граждан России основывается на Конституции РФ в Российской Федерации, в которой имеет место ряд общих правовых актов в сфере защиты нравственности:

– Пункт 1 статьи 63 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ, норма которого устанавливает, что родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей, обязаны заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии;

– Пункт 1 статьи 4 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», где обозначено содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей. Пункт 1 статьи 14 данного Федерального закона устанавливает, что органы государственной власти Российской Федерации принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе, от распространения печатной продукции, аудио- и видео-продукции, пропагандирующей насилие и жестокость, порнографию, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение;

– Пункт 3 статьи 3 Федерального закона от декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает, что государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере образования основывается на принципе гуманистического характера образования, приоритета жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитания взаимоуважения, трудолюбия, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования.

Существует еще целый ряд законов, направленных на защиту нравственности российской молодежи. Это позволяет говорить о том, что в стране сформирована правовая институциональная среда в области защиты духовной безопасности.

Однако наличие законодательных актов не всегда может решить проблему минимизации угроз информационного характера для общественного сознания граждан. Необходимо реально созда-

вать условия для творческого развития личности, ее самореализации, возможностей включенности в конструктивные социальные проекты. Нам представляется, что решение этой проблемы лежит в сфере реализации культурной политики российского государства.

В этом смысле государство выступает ключевым субъектом, определяющим вектор культурного развития страны и той системы ценностей, которая сможет объединить поликультурное пространство России в единую политическую систему.

Это дает основание утверждать, что содержание культурной политики во многом зависит от тех ориентиров, которые задаются государством, поскольку только оно обладает всей полнотой ресурсов для конструирования национально-культурной идентичности страны. Последняя является очень важным компонентом обеспечения социальной стабильности и устойчивого развития государства. Кроме того, национально-культурная идентичность является основой интеграции людей в единое культурно-политическое целое. Поэтому, как отмечают исследователи, сегодня актуальной проблемой является «стремление государства к возрождению этнокультурных оснований общества, сохранению национальной идентичности и возвращению к собственным культурным истокам, где главная задача – воспитание чувства патриотизма и укрепление единства нации и государства» [7, с. 35].

Важно отметить, что культура является мощным ресурсом государства, поскольку в условиях новых геополитических вызовов развитие общества и возможности противодействия угрозам во многом зависят от «его морального духа, сплоченности и устойчивости» [8, с. 164].

В тоже время, специалисты выделяют четыре модели культурной политики, сложившиеся в современном мире [9, с. 28]:

– модель либеральной культурной политики, обязательной характеристикой которой является рынок культурных товаров и услуг;

– модель государственной бюрократической или просветительской культурной политики, неотъемлемой чертой которой является доминирование государства, контролирующего с помощью аппарата (законодательного, политического, идеологического) и финансов сферу культуры;

– модель национально-освободительной культурной политики, где главной чертой является развитие или утверждение оригинальных культурных традиций;

– модель культурной политики переходного периода; её отличительной чертой является то, что она даже демократические ориентиры реализует через структуры государства, не способные в одночасье отказаться от командно-бюрократических методов.

Критерием для выделения этих моделей является «степень самостоятельности культуры как

сферы жизнедеятельности общества, уровень государственного вмешательства и контролирования развития и функционирования различных культурных процессов, источников финансирования и доминирующих целей» [10, с. 51].

Оценивая культурную политику современной России, исследователи подчеркивают ее неоднозначный, гибридный характер, свойственный переходным обществам. Несмотря на тенденции глобализации, засилье стандартов западной массовой культуры, основным вектором культурной политики РФ, все-таки, является «стремление власти к возрождению этнокультурных основ общества, сохранению национальной идентичности и возвращению к собственным культурным истокам, где главная задача – воспитание чувства патриотизма и укрепление единства нации и государства» [11, с. 36].

Анализируя роль государства в реализации культурной политики, ученые склоняются к тому, что в России сложилась государственно-бюрократическая модель культурной политики с элементами переходного периода. Об этом свидетельствует то, что в российском обществе культурная сфера находится исключительно в области государственного влияния.

Следует отметить, что распад Советского союза нанес колоссальную культурную травму российскому обществу, связанную с девальвацией советской идеологии и ориентацией на западную систему ценностей. Однако последующие годы после распада советского государства свидетельствуют о том, что в современной России так и не сформировалась идеология, способная объединить расколотое по социальным и культурным основаниям российское общество.

В настоящее время сохраняются неблагоприятные социальные тенденции, затрудняющие духовное развитие российской нации. Это обусловлено, также:

– социально-экономическими проблемами российского общества, а также, недостаточно продуманной и неэффективно проводимой культурной политикой, которая, по мнению ученых, «слабо соотносится с заявленными целями реформирования государства;

– снижением доступности духовных и культурных благ для большого количества россиян;

– ростом бескультурья в СМИ как важнейшего канала трансляции культурных образцов;

– утверждением в общественном сознании, особенно молодежи, низкопробной духовной продукции» [12, с. 3].

Вследствие этого остро стоит вопрос об организации системной работы по обеспечению общества в целом, а молодежи, в частности, от угроз информационного характера. Системный подход предполагает реализацию комплекса мер, основанных, прежде всего, на глубоком и все-

стороннем, исследовании этих угроз и изучении поведения молодого поколения в киберпространстве [13]:

– расширение и совершенствование законодательных инициатив по обеспечению государством информационной безопасности детей и юношества, защите их физического, умственного и нравственного развития, человеческого достоинства во всех информационно-коммуникативных средах;

– развитие теории информационной безопасности и методологии защиты информации на уровне личности молодого человека и молодого поколения, в целом;

– просвещение подрастающего поколения в части использования различных информационных ресурсов, принципов поиска информации в сети Интернет, знания элементарных правил отбора и использования информации, сохранения здоровья и нормального развития;

– формирование у учащейся молодежи в процессе учебного процесса активной позиции в получении знаний и умений по выявлению информационных угроз, определению степени их опасности, предвидению последствий информационных угроз и эффективному противостоянию им;

– развитие качественных и доступных аппаратных и программных средств защиты от несанкционированного доступа, как к техническим средствам конечного пользователя, так и к его личной информации; обеспечение их доступности для молодежной аудитории;

– акцентирование внимания на развитии морально-этических правил и норм поведения молодежи в виртуальном пространстве, в том числе, и соблюдению прав интеллектуальной собственности в сети Интернет.

Решение проблемы обеспечения духовной безопасности российского общества лежит также в сфере реализации государством молодежной политики в стране. В нынешней ситуации социальной неопределенности и экономической нестабильности, молодежь нуждается в определенной поддержке со стороны государства. Именно комплексная молодежная политика способна минимизировать деструктивные практики в молодежной среде.

Как отмечают специалисты, в современном мире целью молодежной политики является создание необходимых социальных условий для развития потенциала молодого поколения, выступающего ключевым ресурсом будущего стран. В настоящее время сформировалась острая потребность в реализации молодежной политики в государстве с целью создания социальной среды для творчества и самореализации молодежи.

В период постсоветских трансформаций, которые способствовали развитию кризисных явлений в социально-экономической, политической и духовной сферах российского общества, про-

изошло разрушение институтов социализации молодежи, в частности, молодежных организаций, которые фактически проводили молодежную политику (ВЛКСМ, пионерская организация) и воспитывали молодое поколение на основе ценностей коллективизма, интернационализма, патриотизма и т.п.

Несмотря на то, что, начиная с 1990-х гг., начали создаваться государственные структуры, призванные заниматься проблемами молодежи (Комитет по делам молодежи при Правительстве РФ, Госкомитет РФ по делам молодежи, физической культуре и туризму и пр.), молодежная политика отличалась непоследовательностью, хаотичностью и не способствовала развитию эффективных институтов, занимающихся проблемами адаптации, социализации и интеграции молодежи.

К сожалению, о сегодняшней молодежной политике в РФ также нельзя сказать, что она носит системный и комплексный характер, что обусловлено как затянувшимся кризисным состоянием российского общества, так и неэффективностью государственных структур, занимающихся проблемами молодежи.

В условиях новых геополитических и экономических вызовов, вставших перед страной, молодежная политика государства должна стать одним из ведущих направлений в реализации Стратегии национальной безопасности страны, поскольку именно молодежь, ее трудовой, экономический, интеллектуальный и духовный потенциал, является основой развития страны и ее конкурентоспособности в современном мире.

В связи с этим, нам представляется важным обратить внимание на инновационные подходы в разработке и реализации молодежной политики, которые бы соответствовали потребностям современного общества. Понимание значимости роли человеческого капитала и значения его качественных характеристик в развитии страны, ориентирует молодежную политику государства на развитие творческой активности, профессионализма, гражданственности у молодого поколения.

Поэтому специалисты подчеркивают, что задачи молодежной политики российского государства должны включать следующие приоритетные направления [14, с. 31–32]:

- системную работу по вовлечению молодежи в общественную жизнь и развитие профессиональных и социальных компетенций;
- поддержку молодежных инициатив в экономической, общественно-политической, спортивной сферах деятельности;
- социальную поддержку представителей молодежи, оказавшихся в сложной жизненной ситуации;
- привлечение молодежи к участию в инновационных творческих проектах в сфере образования, науки, культуры;

– развитие волонтерской деятельности молодежи в различных направлениях общественной жизни;

– стимулирование активной общественной работы молодежи, развитие у нее навыков гражданского участия, гражданской инициативы и общественного лидерства.

Реализация эффективной молодежной политики затрудняется в силу наличия в российском обществе негативных социальных тенденций, а именно:

- затяжного социально-экономического кризиса;
- деструктивных явлений в сфере политического управления страной (непродуманные реформы, коррупция);
- нерешенности многих социальных проблем, падение доходов населения; рост социального неравенства в обществе;
- отсутствия условий для социальной мобильности молодежи;
- слабого развития институтов гражданского общества.

Также следует отметить, что государственные структуры управления молодежной политикой не отличаются гибкостью и зачастую их деятельность отстает от реальных потребностей общества. По мнению исследователей, сегодняшние структуры управления молодежной политикой еще функционируют в формате прежней авторитарной модели управления, сложившейся в советский период, и не отвечают тем новым вызовам, с которыми сегодня сталкивается российское общество, особенно в сфере духовной безопасности.

Эффективность управленческой деятельности органов молодежной политики должна строиться на основе таких приоритетов и мер, которые направлены на создание институциональной среды, создающей условия для успешной социализации и самореализации молодежи.

Таким образом, анализ стратегий обеспечения духовной безопасности российского общества и молодежи от информационных угроз и в условиях развития сетевых сообществ позволяет констатировать, что их реализация должна опираться на следующие меры защиты:

Во-первых, необходимо сформировать эффективную правовую основу для защиты информационной безопасности как неотъемлемой составляющей духовной безопасности российского общества

Во-вторых, необходимо совершенствовать государственную политику в области нравственного здоровья граждан России, причем это направление политики должно носить не декларативный характер.

В-третьих, реализация культурной политики государства должна быть направлена на создание реальной среды для творческого развития личности, ее самореализации, возможностей включенности в конструктивные социальные проекты.

В-четвертых, решение проблемы обеспечения духовной безопасности российского общества

Литература:

1. *Гизатова Г.К.* Глобализирующийся мир: духовная культура России в ситуации выбора / Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова, А.Б. Лебедева // Россия: многообразие культур и глобализация. М., 2010.

2. *Кучерявый М.М.* Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2014. № 9(69). С. 12–13.

3. *Маруев А.Ю.* Информационная безопасность России и основы организации информационного противоборства // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. Вып. 1. Т. 3.

4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. URL : <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения 25.04.2019).

5. *Мамедова К.А.* Основные принципы обеспечения информационной безопасности страны // Информационная безопасность регионов. 2016. № 1(22).

6. Стратегический вектор обеспечения международной информационной безопасности. СПб. : Спиран, 2016.

7. *Янкова Я.В.* Культурная политика современной России: модели взаимодействия власти и // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2018». М. : Макс Пресс, 2018.

8. *Магомедов М.Н.* Обзор нормативно-правового регулирования сферы культуры РФ / М.Н. Магомедов, Н.А. Носкова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 2.

9. *Драгичевич-Шешич М.* Культурная политика в переходном обществе: фрагменты политологического и культурологического анализа // Панорама культурной жизни стран СНГ и Балтии. М. : Издательство РГБ, 1999.

10. *Новосельская В.В.* Культурная политика национального государства в контексте современного социально-исторического развития: существенные характеристики // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2018. № 1–2(33).

лежит также в сфере реализации государством молодежной политики в стране. В условиях системного кризиса российского общества, молодежная политика государства должна быть ориентирована не только на экономическую поддержку молодежи, но и на создание среды для ее самореализации в различных региональных и общенациональных проектах.

Literature:

1. *Gizatova G.K.* Globalizing world: spiritual culture of Russia in the situation of choice / G.K. Gizatova, O.G. Ivanova, A.B. Lebedeva // Russia: diversity of cultures and globalization. M., 2010.

2. *Kucheryavui M.M.* State policy of information sovereignty of Russia in the modern global world // Management Consulting. 2014. № 9(69). P. 12–13.

3. *Maruyev A.Yu.* Information security of Russia and the basis of the organization of information confrontation // Contours of global transformations: Politics, Economics, Law. 2010. Release 1. Vol. 3.

4. The doctrine of information security of the Russian Federation. URL : <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (date accessed: 25.04.2019).

5. *Mamedova K.A.* Basic principles of information security of the country // Information security of regions. 2016. № 1(22).

6. Strategic vector of international information security. SPb. : Spiiran, 2016.

7. *Yankova Ya.V.* Cultural policy of modern Russia: models of interaction of the power and // Materials Of the international youth scientific forum «Lomonosov-2018». M. : Max Press, 2018.

8. *Magomedov M.N.* Review of normative-legal regulation of the sphere of culture of the Russian Federation / M.N. Magomedov, N.A. Noskova // International Journal of Humanities and natural Sciences. 2019. № 2.

9. *Dragicevich-Sheshich M.* Cultural policy in a transitional society: fragments of political and cultural analysis // Panorama of cultural life of the CIS and Baltic countries. M. : Publishing house of Russian state library, 1999.

10. *Novoselskaya V.V.* Cultural policy of the national state in the context of modern socio-historical development: essential characteristics // Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2018. № 1–2(33).

11. Янкова Я.В. Культурная политика современной России: модели взаимодействия власти и // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2018». М. : МАКС Пресс, 2018.

12. Духовная культура российской студенческой молодёжи: проблемы и пути формирования: Материалы международной научной конференции. М. : Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II, 2016.

13. Верещагина А.В. Система комплексной безопасности современного общества в контексте национальной безопасности России в условиях новых вызовов и угроз / А.В. Верещагина, С.И. Самыгин, О.М. Шевченко. М. : РУСАЙНС, 2016.

14. Кротов Д.В. Органы молодежной политики в современной России: институциональные методы повышения эффективности управленческой деятельности / Д.В. Кротов, А.В. Кононенко. Ростов н/Д, 2017.

11. Yankova Ya.V. Cultural policy of modern Russia: models of interaction of the power and // Materials Of the international youth scientific forum «Lomonosov-2018». M. : MAX Press, 2018.

12. Spiritual culture of the Russian student youth: problems and ways of formation: Materials of the international scientific conference. M. : Moscow state University of Railways of Emperor Nicholas II, 2016.

13. Vereschagina A.V. System of complex security of modern society in the context of national security of Russia in the conditions of new challenges and threats A.V. Vereschagina, S.I. Samygin, O.M. Shevchenko. M. : Rusyns, 2016.

14. Krotov D.V. Bodies of youth policy in modern Russia: institutional methods of increasing the efficiency of management activities / D.V. Krotov, A.V. Kononenko. Rostov on/D., 2017.

Волков Юрий Григорьевич
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук,
профессор,
научный руководитель
Института социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
ugvolkov@sfnu.ru

Yuri G. Volkov
Honored Scientist of Russia,
Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Scientific Supervisor Professor of the Institute
of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
ugvolkov@sfnu.ru

СУБЪЕКТЫ СЕТЕВОГО СООБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ И УСТАНОВКИ

SUBJECTS OF THE NETWORK COMMUNITY: SOCIAL POSITIONS AND ATTITUDES

Аннотация. Целью данной статьи является исследование такого нового явления в российской социальной жизни, как субъекты сетевых сообществ. Основываясь на том, что россияне не только стали потребителями информационных услуг, но и проявляют интерес, и принимают активное участие в интернет-пространстве, автор статьи полагает, что ключевым в понимании сетевых сообществ являются социальные позиции и социальные установки, реализуемые в поведенческих стратегиях субъектов сетевых сообществ. В контексте теоретической рефлексии и интерпретации конкретного эмпирического материала в статье делается обобщение относительно субъектов сетевого пространства, как имеющих потенциал гражданской активности, но и содержащие риски социальной имитации и социального исключения.

Annotation. The purpose of this article is to study a new phenomenon in Russian social life as subjects of network communities. Based on the fact that Russians have not only become consumers of information services, but also show interest and active participation in the Internet space, the author believes that the key to understanding network communities are social positions and social attitudes implemented in the behavioral strategies of the subjects of network communities. In the context of theoretical reflection and interpretation of specific empirical material, the article generalizes about the subjects of the network space as having the potential of civil activity, but containing the risks of social imitation and social exclusion.

Ключевые слова: сетевое сообщество, институциональная система российского общества, неформальные регуляторы, сетевое общение, акторы сетевого сообщества.

Keywords: network community, institutional system of Russian society, informal regulators, network communication, actors of network community.

Сетевые сообщества стали социальной реальностью, изучаются в различных аспектах (в социологии, социальной психологии, в социальной демографии), и сама проблема анализа функционирования сетевых сообществ, их возникновения и роста требует применения системного социально-гуманитарного анализа. Однако рамки концептуализации представляются аморфными и размытыми, сбивающимися на публицистический дискурс, если не выработать категориальные и критериальные срезы рассмотрения сетевых сообществ. Действительно, социологическая мысль с конца 1990-х годов отмечает «взрыв» сетевых сообществ. В работах М. Кастельса заявлено о том, что современная информационная эпоха привела к возникновению интерактивных коммуникационных систем [1, с. 328]. М. Кастельс отмечает, что «интернетизация» была инициирована государством, но трансформировалась в «технологии свободы». Создание сети Интернет в 1990-е годы привело к глобальной компьютерной коммуникации, к тому,

что наряду с обменом финансами, услугами, людьми, идеями, глобальная сеть привела к эффекту прозрачных границ, стала независимой от командных и контрольных центров [1, с. 333]. Оптимизм М. Кастельса заключался в том, что мировая коммуникационная паутина создала принципиально новый фон и новые условия в развитии институциональной системы общества. Коммуникационные возможности включены в сетевое общение и сетевую активность. Технологичная открытость архитектуры сети способствует публичному доступу и препятствует введению правительственных и коммерческих ограничений [1, с. 337]. Как показал опыт «интернетизации общества», новое виртуальное пространство, хотя и способствовало внедрению информационных технологий и оновило социальные коды, воспроизводит и продуцирует социальные риски. Речь идет не только о социальном неравенстве в сфере доступа к информационным ресурсам, но и о сетевом «тоталитаризме», о том, что интернет-среда утратила в ос-

новном когнитивные и консолидирующие установки, сформировавшись как пространство конкуренции акторов и смыслов.

Российские исследователи плотно занялись проблемами сетевых сообществ с середины 2000-х годов. На фоне роста потребителей информационных услуг, включения в коммуникационную среду значительной массы людей, заметным явлением стало переключение интереса россиян от традиционных информационно-познавательных и социально-ориентационных схем к сетевому участию. Российский исследователь И.А. Халий отмечает, что формирование виртуальных (сетевых) сообществ воспринимается неоднозначно: с одной стороны, можно констатировать процесс самоорганизации в виртуальном пространстве, результатом которого становится общественная структура, активно действующая в пространстве реальном [2, с. 246], с другой – она соглашается с Н.Е. Покровским в том, что возникающие сообщества могут действовать в режиме «симулякров», конструировать другую, идеально фантазийную реальность, замещающую повседневную жизнь [3, с. 11].

В подходе российских исследователей к сетевому сообществу прослеживается структурно-функциональный подход, определение того, какие запросы и каких групп удовлетворяют сетевые сообщества. По этому критерию и рассматривается виртуальность или функциональность сетевых сообществ. Между тем, сетевые сообщества активно позиционируют в общественно-политической жизни страны, претендуя, если не на роль новых общественно-политических сил, то на коллективное представительство нового класса, класса сетевых сообществ. Отмечая, что в сетевых сообществах наблюдается дерегуляция, преодоление половозрастных, социокультурных, территориальных маркеров, исследователи рассматривают «сети» неоднозначно: и как сферу самоорганизации общества, и как рискованное пространство. Отталкиваясь от понятия «конструирование виртуальной личности», И.А. Халий говорит о рисках, связанных с тем, что свойства виртуального общения могут требовать подхода, основанного на общей деятельности. Но проблема заключается в том, какие интересы преследуются участниками общения, исходят ли они из стремления придать самостоятельное значение симулякрам и, в соответствии с логикой виртуализации, видеть в социальной реальности только фоновые условия или действуют на основании принятия сетевой коммуникации, как расширения возможностей общения? [2, с. 248].

Выявленные дилеммы подвигают к рассмотрению сетевых сообществ в институциональной системе российского общества, исходя из того, что речь идет не об альтернативе «реальным» социальным институтам, а о том, чтобы анализировать сложившиеся институциональные механизмы в контексте влияния сетевых сообществ, анализировать характеристики функционирования сетевых сообществ, в которых высока роль анонимных связей, и, вместе с тем, проявляется эффект «кастовости». Необходимым ус-

ловием для понимания сетевых сообществ, как обладающих институциональными параметрами, являются действующие неформальные практики акторов сетевых сообществ.

В сетевом пространстве, хотя и провозглашается принцип свободы перемещения, созданы эффективно действующие социальные фильтры, которые блокируют или ограничивают возможность для вторжения в освоенное сетевое пространство «чужого». Речь идет о том, что провозглашенный принцип добровольности предполагает формулу позитивного нейтралитета, ориентирует на готовность поддержать равенство участника, но при этом не исключает допущений произвола в контексте применения «права сильного». Этот момент выражается в том, что предопределенными преимуществами обладает собственник блога, который использует сетевое пространство для получения символических и, часто, коммерческих преимуществ. Американский исследователь Ф. Уэбстер подчеркивал, что, в контексте используемого инструментария теорий информационного общества, важно понимать логику постмодернизма, в которой сетевые сообщества ассоциируются с постсовременностью, очевидностью «потери аутентичности», отказа от определения глубинных смыслов и оценки достоверности информации [4, с. 320].

Таким образом, сетевое сообщество как институциональная структура, обладающая открытым доступом, то есть, основанная на неформальном консенсусе престижа и репутации, признает легитимность запроса на самовыражение и активность, но в рамках существующей институциональной матрицы гражданского общества грань между подлинной общественной самостоятельностью и множеством ее симулякров постоянно стирается [5, с. 150]. Важно подчеркнуть, что интерес к участию в сетевом сообществе, принятию симулятивной модели общественного участия в российском обществе поддерживается низким уровнем институционального доверия, и не только прессе и телевидению как информационным структурам, не доверяют, соответственно, 47 и 41 % [5, с. 132], но и недоверием в межличностной сфере: сетевое сообщество не включает близкого знакомства или устойчивой солидарности, связывается с избирательными, нерегулярными акциями, но одновременно действует правило лояльности, важным является не мотивация участия, а факт участия, то есть, нахождения среди других. При этом в условиях дефицита социального общения в российском обществе результатом сетевого участия может быть пространство игры, действие в режиме онлайн, которое создает причастность к реальному миру, но, вместе с тем, не предполагает социальной интеракции.

Методологическая сложность исследования позиций сетевого сообщества в институциональной системе российского общества состоит в том, что такие маркеры, как «неоэтакратия», «словная структура», «социальный контракт», применимы в узких пределах. Крайне важно, что субъекты сетевого сообщества опираются на неформальный контракт, измеряют эффектив-

ность институтов вероятностью самостоятельности, не сопряженной с введением институциональных установлений. Вряд ли можно считать, что субъекты сетевого сообщества ориентируются на схему институциональной эволюции, которая бы отвечала требованиям российской модернизации, для них активность в интернет-сообществе, а это в основном люди 18–30-летнего возраста, хотя и является предпочтительной, но не формирует повестку дня. Соответственно, ключевым моментом в исследовании влияния сетевого сообщества на институциональную систему можно характеризовать как «отложенную заявку». Речь идет о том, что, выражая неудовлетворенность состоянием общественных организаций, субъекты сетевого сообщества не демонстрируют готовности внести разнообразие и инициативу, пробудить «дух перемен». Такой вывод можно сделать из того, что деятельность сетевых сообществ, если не является «сектантской», то ассоциируется с позицией «постороннего наблюдателя». Нельзя безоговорочно утверждать, что доминирует тенденция социальной эксклюзии, но субъекты сетевого сообщества ориентируются на виртуальную активность, что паллиативно к реальному социальному участию. Мобилизация «сетевиков» на совместные и регулярные акции хоть и обладает эффектом социального самовыражения, имеет в качестве реальных последствий введение в публичный дискурс конкретной проблемы, но, однако, в этой ситуации сети могут использоваться для популистских «волн», но не обладать долговременной тенденцией.

Как показывает недавний зарубежный опыт, утрата интереса к деятельности новых партий, которые с позиций правящих элит оцениваются как популистские, связана с конкуренцией в сетевом пространстве, где могут конструироваться «новые перспективные лидеры». Иными словами, анализ позиций субъектов сетевого сообщества определяется:

– во-первых, воспроизводством символических ресурсов в конкурентном виртуальном пространстве;

– во-вторых, готовностью к реальным совместным действиям;

– в-третьих, осознанием принадлежности к конкретному сетевому сообществу, которое, и в этом состоит методологическая сложность, может быть аморфным, размытым, обретать характер демонстративной идентичности.

Основываясь на положениях неинституционализма, можно говорить о том, что сами институты понимаются как мобильные сети, и институциональные изменения определяются логикой наращивания полезных функций [6, с. 53]. Сетевые сообщества на основе представленного методологического инструментария могут описываться как «прединституты», как образования, которые характеризуются амбивалентностью норм, но могут сформировать институциональные практики, поведенческие стратегии акторов сетевого сообщества, ориентированные на воз-

мещение недоверия к официальным институтам. Можно также говорить о том, что участие в сетевом сообществе может иметь следствием потребность в нестабильности. Неудовлетворенность действующей институциональной системой, в этом контексте, определяется рутинизацией анонимного и свободного общения, тем, что актор формирует чувство критического нарциссизма, его интерес к институтам, действующим в реальном социальном пространстве, характеризуется тем, что, поддерживая чувство идентичности с обществом, участник сетевого сообщества дистанцируется от социальных реальностей, иными словами, закрепляется в сетевом пространстве, не ориентируясь на полную интеграцию в общество.

Таким образом, сетевые сообщества в институциональной системе российского общества могут интерпретироваться по двум параметрам. Первый связан с рыхлой организационной нормативной структурой, которая, тем не менее, воспроизводит ядро, ориентированное на нормы распознавания и демаркации. Другой критерий определяется социально-структурными позициями акторов сетевого сообщества, которые обозначаются в ориентации на демонстрацию социальных ожиданий, в стремлении быть услышанными, но при этом проявлять независимость от влияния социетальных механизмов.

По всей видимости, можно утверждать, что сетевые сообщества выбираются для виртуального потребления. Тот факт, что россияне постепенно перемещаются в сферу виртуальной реальности, говорит о том, что участие в сетях содержит двойственный эффект: с одной стороны, это последствие дефицита реального общения, с другой – скорее, не возможности, связанные с собственным развитием, а отсрочка реальных социальных самоинвестиций. При этом также следует отметить, что сетевые сообщества подтверждают тренд организации микромира, через них реализуется социальная программа формирования круга общения [7, с. 249].

Важно отметить, что в сетевых сообществах формируется дискурс, который не полностью переводит частные проблемы на язык общественный, участники сетевого сообщества часто используют «арго», и их способность к трансляции своих позиций не связана с тем, чтобы доказывать полезность и достоверность. Вместе с тем, возникает чувство обретения консолидированности, и важно различать, есть ли стремление к диалогу с обществом и властью или участники сетевого общения не ориентированы на выход из фрагментированного состояния.

Можно предположить, что, отчасти, снижение доверия к реальным социальным институтам связано с виртуализацией социального общения, с тем, что сеть предлагает разнообразную свободную информацию, но не наблюдается конвертация приобретенного информационного ресурса в реальный социальный капитал. Можно констатировать символическое влияние, реформативное в результате воздействия сетевого общения поведенческих кодов и ценност-

ных ориентаций, и в этом смысле сетевые сообщества могут развивать идею институциональных изменений. Но к подобной трактовке следует относиться осторожно.

Сетевая активность содержит определенные социальные риски, связанные с внедрением и популяризацией деструктивных установок. В этом и заключается сложность однозначной оценки сетевой активности. Так, например, формирование идентичности, построенной на виртуальных связях, в отличие от традиционных (этнических, религиозных, земляческих), может выглядеть привлекательно, но, вместе с тем, сетевое сообщество ориентирует на модную, демонстративную идентичность, оторванную от базовых идентификационных матриц.

Исследование позиций субъектов сетевых сообществ показывает, что предпочтение в идентификационном выборе отдается интегрирующим признакам, но характерным моментом является значимость «необязывающих» интеграторов. В этом контексте «сетевой национализм», «сетевая гражданственность» не связаны с идейными политическими установками и не образуют целостности, которая бы основывалась на чувствах стойкого «негативизма» или «позитивизма». Конкретизируя эту мысль, можно говорить о том, что субъекты сетевого сообщества ставят приоритетом самовыражение, самопозиционирование, и, как свидетельствуют результаты социологических опросов, из молодежи, выступающей основным субъектом сетевого общения, 47 % придерживаются профессиональной идентичности, 43 % акцентируют внимание на социальном статусе, 49 % предпочитают этническую идентичность [5, с. 199]. Можно проследить эффект сетевого сообщества в том, что российская молодежь актуализирует многомерную идентификационную модель, которая направлена на расширение сферы виртуального общения, не предполагает привязанности к сетевой локальности. Однако в этом смысле можно подчеркнуть, что заметно ослабевает идентификационная функция реальных социальных институтов, воспринимаемых как навязывание социальной профилности, установок и поведения, регламентируемых на языке официального дискурса.

К сетевому сообществу нельзя последовательно применить формулу, что социальный институт – это относительно устойчивая форма организации социальной жизни, которая создает возможность удовлетворять определенные потребности, интересы, регулирует действия общественных субъектов, осуществляет интеграцию и социальный контроль [8, с. 37]. Отмечая возникшие теоретико-методологические сложности, можно констатировать, что, описывая сетевое сообщество как организацию социальной жизни, связанной с потребностью социальной коммуникации, вместе с тем, нормы сетевого сообщества основываются не на регламентациях, не на предписаниях, а на саморегуляции. Однако, как показывает опыт функционирования сетевых сообществ, ситуация может выйти из-под социального контроля, поскольку негласный консенсус нарушается конкуренцией в сетевом пространстве,

стремлением привлечь новых участников постановки проблемы, носящей провокационный или асоциальный характер. В этом смысле, субъекты сетевого сообщества испытывают влияние быть «в драйве», и есть риск, что, выступая с критикой устаревших социальных норм, может наблюдаться внесение деконструктивных изменений.

Как показывают результаты динамики участия россиян в деятельности общественных организаций, объединений и сообществ, интернет-сообщества лидируют по показателям привлечения (6 % в 2014 г., 7 % в 2015 г.) [5, с. 156]. При этом субъекты сетевого сообщества оценивают интернет-сферу более предпочтительной, чем неvirtуальные формы участия. Большинство россиян, хотя и вовлечены в интернет-пространство, не признают статуса участника сетевого общения, для них: интернет есть сфера досуга и общения, которая привлекательна незанятостью социальных норм. В этом контексте нельзя ожидать, что интернет-сообщества могут выступить триггером общественных инициатив. В большей степени ожидаемым является то, что в результате проведения общественных форумов, и в этом можно согласиться с М.К. Горшковым, повысится интерес к проблеме [5, с. 157]. Данная особенность интересна тем, что в сетевом общении проходит демаркация между постоянными посетителями интернета и сторонниками волонтерских инициатив. Для первых важно «отметиться», для вторых – найти единомышленников, получить социально полезную информацию.

Рассматривая, таким образом, сетевые сообщества, следует разделять преимущества сетевого общения и сетевой мобилизации, и готовность к реальным гражданским инициативам. Если сетевое сообщество претендует на роль новой общественной организации, то важно проследить, как формируется состав участников, в какой степени субъекты сетевого сообщества ориентированы на то, чтобы действовать сообща в социальной реальности, и, главное, какие институциональные ресурсы «осваиваются» и «присваиваются» участниками сетевого сообщества. Важно подчеркнуть роль идентификационного критерия, перевода в состояние «мы».

Как показывают результаты социологических исследований, сетевое сообщество пропускает значимые социальные проблемы через призму устоявшихся стереотипов. Субъекты сетевого сообщества адаптированы в сетевой среде, на основании «комфорта и безопасности». Примечательно, что доступ к информации не занимает позицию «ниже среднего», общение в социальных сетях волнует 24 % россиян [9, с. 121]. Можно предположить, что сетевая среда не является условием жизненного успеха, что для акторов потребность в общении в определенной степени является символической надстройкой над достигнутыми повседневными результатами. В то же время, инструментальность общения ставит барьеры на пути консолидированной позиции. В сетевом сообществе важен «симулякр согласия», но в реальных социальных практиках акто-

ры делают выбор в пользу иных жизненных приоритетов. Хотя следует подчеркнуть, что рискоспособность сетевой среды выражается в том, что образуется группа акторов, живущих в виртуальном мире, тех, кто не только проводит большую часть свободного времени в сетях, но и для которых реальная социальная жизнь выглядит означаемой, нерепрезентативной по отношению к сетевой активности.

Необходимо принимать также во внимание, что институциональные практики, воспроизводимые в контексте свободы самовыражения, содержат акцент на воспроизводство. В этом контексте интересно замечание неонституционалистов относительно того, что сетевое сообщество нельзя квалифицировать как порядок открытого доступа [10, с. 240]. Внешне сетевое сообщество связано со свободным потоком людей, но при этом нельзя игнорировать традиции манипулирования настроениями, а также тот факт, что в сетевом сообществе внимание акторов часто сосредотачивается не на «программных» и идейных установках, а концентрируется в сфере слухов и инсинуаций. Можно говорить о том, что агрегирование информации и идей может создавать ложное осознание преимущества перед носителями реальных институциональных практик и, вместе с тем, является ограничением доступа для разработки и обсуждения действительно эффективных действий.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Литература:

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
2. *Халий И.А.* Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде / М. : Институт социологии РАН, 2007. 300 с
3. *Покровский Н.Е.* Настоящая ненастоящая реальность / Визуальный анализ виртуальной реальности. М., 2007.
4. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М. : Аспект Пресс, 2004. 400 с.
5. *Горшков М.К.* Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К.Горшков и др.; Отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М. : Издательство Весь Мир, 2015. 432 с.
6. *Игошин И.Н.* Институциональные искажения в российском обществе. М. : Директмедиа Паб-лишинг; Кнорус, 2003. 152 с.
7. *Горшков М.К.* «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Новые идеи в социологии. М., 2013.

Во-первых, сетевые сообщества, как сложившиеся неформальные институты, обладают собственной логикой воспроизводства и функционирования, выступая как паллиативная альтернатива реальным социальным институтам в контексте экспансии виртуального пространства и удовлетворения запроса на «свободную» коммуникацию.

Во-вторых, исходя из сложившейся специфики институциональной системы российского общества, можно констатировать, что субъекты сетевого сообщества в своей деятельности проецированы на область новых символических институтов, не связанных с регулированием повседневной жизни. Это выражается это в том, что, отрицая традиционалистские институты, участники сетевого сообщества демонстрируют готовность к участию в иррегулярных практиках, хотя и имеющих определенный социальный резонанс, но не обладающих перспективами большой массовости и социального влияния.

В-третьих, особенно важно определить интерес к позициям субъектов сетевого сообщества, условиям продвижения общих целей и проектов. В целом, такие исследовательские усилия позволили бы избежать спорных представлений о функционировании сетевых сообществ в российском обществе, которые, хотя и являются «параллельным миром» реальным социальным институтам, формируют коридор возможностей как для деконструктивных действий, так и новых способов саморегуляции внутри сложившихся институциональных норм

Literature:

1. *Castells M.* The Information age: economy, society and culture. M. 2000.
2. *Khali I.A.* Modern social movements: innovative potential of Russian transformations in the traditionalist environment. M. : Institute of sociology, RAS, 2007. 300 p.
3. *Pokrovsky N.E.* Real non-real reality / Visual analysis of virtual reality. M., 2007.
4. *Webster F.* Theories of information society. M. : Aspect Press, 2004. – 400 p.
5. *Gorshkov M.K.* Russian society and the challenges of the time. Book two / M.K. Gorshkov et al.; Rev. ed. Gorshkov M.K., Petukhov V.V. M. : publishing house the Whole World, 2015. 432 p.
6. *Igoshin I.N.* Institutional distortions in Russian society. M. : DirectMedia Publishing; Cambridge University Press, 2003. 152 p.
7. *Gorshkov M.K.* «Russian dream»: experience of sociological measurement. New ideas in sociology. M., 2013.

8. *Белов Н.Т.* Властная элита и процесс трансформации российского социума / Н.Т. Белов, В.С. Любченко. Ростов-н/Д., 2002.

9. *Горшков М.К.* Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М.К. Горшков и др.; Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М. : Весь Мир, 2016 г. 400 с.

10. *Норт Д.* Насилие и социальные порядки / Д. Норт, Дж. Уоллиес, Б. Вайнгаст. М., 2011.

8. *Belov N.T.* The Power elite and the process of transformation of Russian society / N.T. Belov, V.S. Lyubchenko. Rostov-on/D., 2002.

9. *Gorshkov M.K.* Russian society and the challenges of the time. Book four / M.K. Gorshkov et al.; edited by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhova. M. : The Whole World, 2016–400 p.

10. *North D.* Violence and social orders / D. North, J. Wallace, B. Weingast. M. 2011.

Воробьёв Геннадий Александрович

доктор философских наук,
доцент,
директор
Института дистанционного обучения
и развития информационно-
коммуникационных технологий,
Пятигорский
государственный университет
vorobyev@pgu.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры региональной
социологии и моделирования
социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

**ФОРМИРОВАНИЕ УСТАНОВКИ
НА ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ
КАК МЕРА ПРОФИЛАКТИКИ
ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
СРЕДИ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме профилактики девиантного поведения в молодежной среде. В качестве профилактической меры авторы рассматривают формирование у молодежи установки на здоровый образ жизни. В статье анализируются детерминанты, обуславливающие появление девиаций в молодежной среде, а также утверждается, что здоровый образ жизни обеспечивает всестороннее раскрытие творческих способностей, рациональное использование физических, психологических, интеллектуальных и социальных ресурсов молодежи.

Ключевые слова: молодежь, здоровье, здоровый образ жизни, девиантное поведение, девиация, профилактика, социализация.

В последние годы все больше активизируется внимание исследователей к проблемам

Gennady A. Vorobiev

Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Director of the Institute for Distance Learning
and Development of Information
and Communication Technologies,
Pyatigorsk State University
vorobyev@pgu.ru

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of Sociological Science,
Associate Professor,
Doctoral student of the Department
of Regional Sociology
and Modelling Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor,
Professor of chair of Human Resource
Management and Sociology
Rostov State Economic University (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

**FORMING A PLANT
FOR A HEALTHY LIFESTYLE
AS A MEASURE OF PREVENTION
OF DEVIANT BEHAVIOR
AMONG YOUTH**

Annotation. The article is devoted to the problem of prevention of deviant behavior in the youth environment. As such a preventive measure, the authors consider the formation of a healthy lifestyle for young people, article analyzes the determinants that cause the appearance of deviations in the youth environment. A healthy lifestyle provides a comprehensive disclosure of creative abilities, the rational use of physical, psychological, intellectual and social resources of youth.

Keywords: youth, health, healthy lifestyle, deviant behavior, deviation, prevention, socialization.

современной молодежи и возрастает научный интерес к изучению молодежной проблематики в

контексте формирования установки на здоровый образ жизни и профилактики социальных девиаций.

В условиях функционирования современного рискогенного социального пространства особую важность представляет эффективное использование методов и средств сохранения и укрепления здоровья молодежи в целях максимально полной реализации ее потенциальных возможностей в личной и профессиональной сферах деятельности.

В то же время, современные исследователи (Л.В. Буянова, Э.Н. Вайнер, Г.С. Никифоров, Т.И. Прокопенко, А.М.Столяренко и др.) отмечают, что на данном этапе общественного развития отсутствует приоритет здорового образа жизни (ЗОЖ), не разработан механизм ответственности молодого человека за выбор способов жизнедеятельности, слабо поставлена пропагандистская установка на здоровый образ жизни [1].

В рамках социологической теории молодежь в широком смысле трактуется как обширная совокупность групповых общностей, образующихся на основе возрастных признаков и связанных с ними видов деятельности. В узком смысле, молодежь представляется социально-демографической группой, выделяемой на основе обусловленной возрастом специфике социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, ценностей и образа жизни [2, с. 267].

Как правило, в силу несовпадения интересов, ценностей, требований социальной нормы и требований жизни (определенного образа жизни) этой особой социально-демографической группы, формируется девиантное поведение молодежи [3].

Как же интерпретируется категория «девиантное поведение»?

Понятие «девиантное поведение» в российскую социальную науку ввел криминолог-правовед и социолог Я.И. Гилинский. Основой данного поведения, ведущей к смене жизненных ориентиров, изменения здорового образа жизни на нездоровый, и отклонений в поведении индивидов и групп, является возникающее разнообразие в психофизическом, социокультурном, духовно-нравственном состоянии молодых людей, а такое поведение является условием или попыткой совершенствования социума, улучшения социального развития [4].

С точки зрения социологии под девиантным (отклоняющимся) поведением молодежи понимается поведение, нарушающее социальные нормы и общепринятые ценности определенного общества. Девиантное поведение молодежи выражается в поступках, «отступающих от установленных законодательно или сложившихся в конкретном социуме общепринятых норм, правил, принципов, образцов, традиций» [5, с. 736].

В науке существует три подхода к анализу девиантного поведения: биологический (Ч. Ломброзо,

У. Шелдон), психологический (З. Фрейд, А. Адлер), социологический (Р.Мертон, Э. Дюркгейм). В зависимости от подхода, девиантное поведение может иметь разнообразную структуру и динамические характеристики, формироваться как изолированное явление или как явление группового порядка, сочетаться с иными клиническими формами или быть единичным феноменом, являться устойчивым или неустойчивым, наконец, иметь различную направленность и социальную значимость [6, с. 27].

Как показывает анализ современного социологического дискурса в области социальной девиации, можно обозначить две группы объективных и субъективных основных детерминант, обуславливающих появление девиаций в молодежной среде. К группе объективных детерминант относится:

– аномийное состояние современного общества, условия социальной дезорганизации и некоторое ослабление нормативного контроля;

– в группу субъективных детерминант, безусловно, входят проблемы социализации в микросоциальной среде молодого человека, и, в первую очередь, в семье, а также трудности социальной адаптации молодых людей [7].

В основе оценки девиантного поведения молодежи лежит анализ ее взаимодействий с социальной реальностью, поскольку доминирующий «принцип нормы – адаптивность – исходит из приспособления (адаптивности) по отношению к чем-то или кому-то», т.е., к реальному социальному окружению молодого человека [6, с. 31].

Как подчеркивают Т.Г. Дергоусова и И.А. Семенов, выбор девиантной стратегии поведения молодежи детерминирован не только результатом неудачной социализации, но и трудностями социальной адаптации к сложным жизненным ситуациям, таким, например, как: сложные психоэмоциональные и социальные условия, конфликтные взаимоотношения в семье или учебно-образовательной (трудовой) среде, резкая смена привычных жизненных стереотипов, социальная фрустрация пр. [8].

Обобщая социальные условия социализации молодежи, П.С. Самыгин выделил следующие причины девиантного поведения молодежи:

– увеличение количества молодежи, относящейся по своему социальному статусу к маргинальным и социально исключенным отторгнутым группам;

– увеличение социальной неопределенности и рискогенности в интеграционном процессе; разрыв между традиционными общечеловеческими ценностями и ценностями массовой культуры;

– снижение уровня жизни основной массы российских семей; кризис молодежной идентичности [9, с. 180].

К сожалению, естественная адаптация аддикта (молодого субъекта, практикующего аддиктивное

поведение) нарушена на психофизиологическом и социально-психологическом уровнях, и явным признаком этого является субъективное ощущение дискомфорта на психофизиологическом и социально-психологическом уровнях [10].

С целью восстановления комфорта на социально-психологическом и психофизиологическом уровнях молодой индивид прибегает к девиантному поведению как определенному способу получения благоприятного социального самочувствия, создается иллюзорное восприятие решения той или иной личностной проблемы. Такого рода способ борьбы с реальностью закрепляется в поведении и становится устойчивой стратегией взаимодействия с действительностью. Поэтому главной задачей и важнейшей мерой профилактики девиантного поведения среди молодежи является формирование у нее установки на формирование здорового образа жизни (далее, ЗОЖ), а также формирование активной жизненной позиции по отношению к собственному физическому, психическому и социальному здоровью [11]. Несомненно, что ЗОЖ является главной составляющей существования современного индивида и обеспечивает всестороннее раскрытие творческих способностей, рациональное использование физических, психологических, интеллектуальных и социальных ресурсов всякого молодого человека. Образ жизни индивида в значительной степени определяется и формируется культурой личности и социума. Важнейшими факторами ЗОЖ являются физическая культура и спорт. Регулярные и систематические занятия физическими упражнениями и спортом, укрепляют здоровье, развивают физические способности и способствуют психосоциальному становлению молодежи [12]. При этом физическая культура и спорт выступают как важное средство профилактики аддиктивного поведения молодежи.

ЗОЖ предполагает соблюдение условий повседневной жизни и является:

– во-первых, способом активизации неспецифических защитных сил организма, средством, повышающим иммунные силы;

– во-вторых, инструментом адаптации личности к всевозможным перегрузкам (психоэмоциональным, социально-коммуникативным, информационным);

– в-третьих, теоретическим обоснованием принципа профилактики [13].

ЗОЖ по Ю.П. Лисицыну – это не только отсутствие вредных привычек и наличие полезных, но и активная деятельность субъекта по формированию физически, психологически, духовно и социально развитой и гармоничной личности, способной к сохранению здоровья и активному долголетию. Согласно социальной модели все стороны, составляющие целостную модель здоровья (физическое, психическое, духовное, социальное) – более чем на 50 % зависит от образа жизни личности [14].

В целом, ЗОЖ является понятием весьма емким, содержащим в себе не только проблемы медицинского характера (сбалансированное питание, оптимальный двигательный режим, рациональное чередование труда и отдыха, профилактика вредных привычек и пр.), но и общественного, в частности: качество жизни, характеризующееся уровнем материального благополучия, жилищные условия, рациональное использование досугового времени, качество межличностных отношений.

Формирование в молодежной среде установки на здоровый образ жизни – длительный и многоаспектный процесс, успешность которого определяется рядом условий, в числе которых мы выделяем:

– охват в процессе формирования установки важнейших параметров жизнедеятельности личности;

– освоение норм поведения, соответствующих здоровому образу жизни; ориентация при организации процесса формирования установки на здоровый образ жизни на особенности возрастных этапов развития личности.

Весь комплекс мероприятий по формированию установки на здоровый образ жизни в молодежной среде, должен быть подчинен единым целям и соответствующим образом перестраиваться под влиянием различных факторов объективного (проведение цикла мероприятий) и субъективного характера (изменения в сознании и поведении молодого человека). Целостное воздействие проявляется в том, что основные сферы личности (познавательная, ценностно-мотивационная, деятельностная) влияют на изменение отношения молодого индивида к себе как к личности и как полноценному члену общества [15].

Согласно результатам проведенного нами социологического экспертного опроса о мерах по повышению эффективности формирования установок на ЗОЖ и профилактики девиантного поведения среди молодежи, были сделаны следующие выводы [16]:

– во-первых, необходима организация молодежного досуга (85,3 %);

– во-вторых, решение проблемы трудоустройства молодежи и приобретения ею устойчивого социального положения (70,6 %);

– в-третьих, укрепление законодательной базы в рамках социальной работы с молодежью, а также обеспечение скоординированной работы всех субъектов профилактики (58,8 %);

– в-четвертых, усовершенствование воспитательной работы в рамках формирования здоровьесберегающих образовательных технологий (55,9 %);

– в-пятых, формирование мировоззрения молодежи с опорой на общечеловеческие, духовно-нравственные и патриотические ценности (52,9 %).

На наш взгляд, формирование установки на ЗОЖ должно включать в себя несколько мероприятий:

– во-первых, пропаганда социальной ценности и значимости ЗОЖ;

– во-вторых, комплексная обучающая и воспитательная деятельность, направленная повышение информированности по вопросам здоровья и его охраны, формирование у молодежи мотивации на ведение ЗОЖ;

Литература:

1. Буянова Л.В. Формирование здорового образа жизни учащихся как профилактика девиантного поведения // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 9. С. 243–248.

2. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М., 2008.

3. Байрамов В.Д. Проблемы социальной работы с молодежью в современной России / В.Д. Байрамов, А.В. Лубский, М.О. Пухкалова, О.В. Степанов. Ростов н/Д., М., 2009. 520 с.

4. Гилинский Я.И. Глобализация и девиантность. СПб., 2006.

5. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко и др. Мн., 2003. 1312 с.

6. Руководство по аддиктологии / Под ред. В.Д. Менделевича. СПб., 2007. 768 с.

7. Верещагина А.В. Парадоксы толерантности и девиантное поведение молодежи / А.В. Верещагина, Н.Х.Гафиятулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4.

8. Дергусова Т.Г. Профилактика аддикций в молодежной среде на основе формирования представлений о здоровом образе жизни / Т.Г. Дергусова, И.А. Семенец // Интегрированные подходы в профилактике зависимостей в молодежной среде: материалы первого Международного форума. Ростов н/Д., 2015. С. 203–206.

9. Самыгин П.С. Девиантное поведение молодежи. Ростов н/Д., 2006.

10. Gafiatulina N.Kh. Social security and social health of Russian society : monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.

11. Верещагина А.В. Роль социального здоровья российской молодежи в обеспечении социальной безопасности / А.В. Верещагина, С.И. Самыгин, Н.Х. Гафиятулина // Национальное здоровье. 2015. № 3–4. С. 196–206.

– в-третьих, профилактика вредных привычек (табакокурения, алкоголизма, наркомании);

– в-четвертых, побуждение к физически активному образу жизни, занятиям физической культурой и спортом.

В формировании ЗОЖ приоритетной должна стать роль образовательных программ, направленных на сохранение и укрепление здоровья молодежи, формирование активной мотивации в отношении самосохранительного, здоровьесберегающего поведения.

Literature:

1. Buyanova L.V. The formation of a healthy lifestyle of students as prevention of deviant behavior // Sustainable development of science and education. 2018. № 9. P. 243–248.

2. Sociology of youth. Encyclopedic Dictionary / Ans. ed. Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov. M., 2008.

3. Bayramov V.D. Problems of social work with youth in modern Russia / V.D. Bayramov, A.V. Lubsky, M.O. Pukhkalova, O.V. Stepanov. Rostov-on/D., M., 2009.

4. Gilinsky Ya.I. Globalization and deviance. SPb., 2006.

5. Sociology: Encyclopedia / Comp. A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko et al. Mn., 2003. 1312 p.

6. Guide to addictology / Ed. V.D. Mendeleovich. SPb., 2007. 768 p.

7. Vereshchagin A.V. Paradoxes of tolerance and deviant behavior of youth / A.V. Vereshchagin, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 4.

8. Dergousova T.G. Prevention of addictions in the youth environment based on the formation of ideas about a healthy lifestyle / T.G. Dergousova, I.A. Semenets // Integrated approaches to the prevention of addictions in the youth environment: proceedings of the first International Forum. Rostov-n/D., 2015. P. 203–206.

9. Samygin P.S. Deviant behavior of youth. Rostov-on/D., 2006.

10. Gafiatulina N.Kh. Social security and social health of Russian society : monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.

11. Vereshchagina A.V. The role of social health of the Russian youth in ensuring social security / A.V. Vereshchagina, S.I. Samygin, N.Kh. Gafiatulina // National Health. 2015. № 3–4. P. 196–206.

12. Любецкий Н.П. Инновационные подходы к формированию физкультурно-образованной личности в современных условиях / Н.П. Любецкий, А.А. Князев, С.Н. Пожидаев // В сборнике: Инновации: спортивная наука и практика. Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. 2016. С. 32–54.

13. Назарова Е.Н. Здоровый образ жизни и его составляющие. М., 2016. 256 с.

14. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. М., 2010. 512 с.

15. Gafiatulina N.Kh. Social health of student youth in south Russia: analysis of the perception of socio-cultural risks (2018). Modern Journal of Language Teaching Methods / N.Kh. Gafiatulina, G.A. Vorobyev, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin, A.T. Latysheva, L.I. Ermakova, L.I. Kobysheva. 2018. Т. 8. № 6. С. 32–41.

16. Макаренкова Н.Ю. Эффективность профилактики девиантного поведения и пропаганды здорового образа жизни среди несовершеннолетних: социологический анализ // Современные исследования социальных проблем. 2011.

12. Lyubetsky N.P. Innovative approaches to the formation of a fitness education person in modern conditions / N.P. Lyubetsky, A.A. Knyazev, S.N. Pozhidaev // In the collection: Innovations: sports science and practice. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. 2016.

13. Nazarova E.N. Healthy lifestyle and its components. M., 2016. 256 p.

14. Lisitsyn Yu.P. Public health and healthcare. M., 2010. 512 p.

15. Gafiatulina N.Kh. Social health of student youth in south Russia: analysis of the perception of socio-cultural risks (2018). Modern Journal of Language Teaching Methods / N.Kh. Gafiatulina, G.A. Vorobyev, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin, A.T. Latysheva, L.I. Ermakova, L.I. Kobysheva. 2018. Т. 8. № 6. С. 32–41.

16. Makarenkova N.Yu. The effectiveness of the prevention of deviant behavior and the promotion of a healthy lifestyle among minors: a sociological analysis // Modern studies of social problems. 2011.

Золин Игорь Евгеньевич
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры экономики и обеспечения
экономической безопасности,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
iz.iz2016@yandex.ru

Igor E. Zolin
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Economics
and Economic Security,
Nizhny Novgorod Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy
and Public Service Under the President
of the Russian Federation
iz.iz2016@yandex.ru

РЫНОК ТРУДА И ПРОБЛЕМА ДЕФИЦИТА КАДРОВ

LABOUR MARKET AND SHORTAGE OF PERSONNEL

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей проблемы дефицита кадров на современном рынке труда. Социальный аспект решения обозначенной проблемы является многогранным, однако, наиболее важными являются два основных противоречия, существующие на современном рынке труда, анализом которых ограничивается исследование автора. Во-первых, между количеством имеющихся и необходимых рынку труда специалистов и, во-вторых, качеством их подготовки. Выявление и описание этих противоречий основано на многомерном анализе исходных данных – работа содержит взвешенные оценки, как исследований привлекаемых авторов, так и существующей реальности. В целом, оценки и выводы, содержащиеся в статье, позволяют глубже понять необходимость усиления регулятивного воздействия государства на рынок труда в целях устранения существующих диспропорций, связанных с дефицитом кадров.

Annotation. The article is devoted to the study of the peculiarities of the problem of shortage of personnel in the modern labor market. The social aspect of the solution of this problem is multifaceted, but the most important are the two main contradictions that exist in the modern labor market, the analysis of which is limited to the study of the author. First, between the number of available and necessary for the labor market specialists and, secondly, the quality of their training. The identification and description of these contradictions is based on a multidimensional analysis of the initial data – the work contains balanced assessments of both the studies of the authors involved and the existing reality. In General, the assessments and conclusions contained in the article allow a deeper understanding of the need to strengthen the regulatory impact of the state on the labor market in order to eliminate the existing imbalances associated with the shortage of personnel.

Ключевые слова: рынок труда, дефицит, кадры, образование, бюджетная сфера, цифровая экономика, работник, качество профессиональной подготовки, специалист, государственное регулирование.

Keywords: labor market, deficit, personnel, education, public sector, digital economy, employee, quality of professional training, specialist, state regulation.

Истоки многих проблем современного рынка труда – в низком уровне востребованности знаний в нашем обществе в 1990-е и годы первого десятилетия XXI века. Это связано с тем, что вся система общественных отношений не стимулировала динамичного развития страны, в обществе отсутствовал спрос на качественное образование, а оценка результатов труда работника (как моральная, так и материальная) зачастую не зависела от образования. Более того, в России из-за имеющихся экономических трудностей в течение длительного периода не решались злободневные вопросы жизнедеятельности общества и органы государственной власти не в состоянии были всерьез и эффективно заниматься стратегией развития профессионального

образования. Ослабление централизованной и обоснованной государственной политики в сфере подготовки кадров привело к снижению качества их подготовки и известному перекосу на рынке труда, например, к перепроизводству юристов и экономистов, а также усложнению проблемы дефицита квалифицированных кадров. Важным моментом в этой связи является сложившаяся структура профессионального образования, когда упор в развитии был сделан на высшую школу, а привычная трехуровневая структура – начальное, среднее и высшее профессиональное образование – постепенно заменялась одним высшим. В целом, система образования, связанная со всем народным хозяйством страны, конечно, не могла стоять в сторо-

не от процессов, происходящих в обществе. Учебные заведения стали субъектами рынка образовательных услуг и предлагали абитуриентам подготовку по любым специальностям, в том числе, непрофильным. Например, для укрепления своего финансового положения и сохранения возможности остаться на «плаву» при сокращении государственных ассигнований многие технические вузы, начиная с 1990-х годов, стали выполнять ряд несвойственных им ранее функций по подготовке на коммерческой основе специалистов гуманитарного профиля. С одной стороны, такой подход делал систему высшего образования более гибкой и маневренной, так как исчезала жесткая привязка к одному источнику средств. С другой, слишком быстрое развитие в этом направлении нанесло определенный ущерб выполнению исторически сложившейся приоритетной функции высшего образования – подготовки кадров для фундаментальных областей науки. А ведь именно эта функция является основой для обеспечения устойчивых темпов научно-технического развития современного общества. Кроме того, подготовка кадров гуманитарных специальностей в вузах, в которых такая подготовка никогда не осуществлялась, способствовала тому, что выпускаемые ими специалисты, в большинстве своем, имели низкую квалификацию и не обладали потенциалом профессионального роста, у них проявлялся недостаток профессиональной культуры, способной создавать импульс к самообразованию и профессиональному совершенствованию.

Однородность развития образования не могла служить надежным фундаментом для создания динамичной модели профессионально-квалификационной структуры общества, отражающей ее современное и перспективное состояние. В результате, исследователи проблемы развития образования в последние годы все чаще стали задавать нелегкие вопросы: Нужно ли обществу и рынку труда такое количество специалистов с вузовским дипломом? [1]. Не ведет ли массовый их рост к общему снижению качества их подготовки? [2; 3]. Не встала ли страна на экстенсивный путь развития образования? [4]. Все ли поступающие в вузы в полной мере отвечают требованиям, предъявляемым к этой высшей ступени образования? [5].

Ответы на поставленные вопросы состоят в необходимости сбалансированного развития всех форм профессионального образования и во все большей его дифференциации – развитии начального и, в особенности, среднего профессионального образования, а также – в устранении кадрового дефицита на рынке труда, который проявляется не только в нехватке тех или иных специалистов, но и в недостаточной их квалификации. Так, например, избыток дипломированных экономистов или юристов на рынке труда сегодня сочетается с тем, что работодатели постоянно сталкиваются с трудностями, связанными с подбором этих кадров. Причина перепроизводства экономистов и юристов в современной России имеют в своем основании два обстоятельства: разрыв связи между образованием и производством и наличие в обществе представлений

о том, что эти профессии традиционно остаются одними из наиболее престижных. При этом и молодые люди, и их родители не всегда понимают, что главным является не профиль деятельности, а качество подготовки – высоко ценятся и востребованы на рынке труда не столько специалисты конкретного профиля, сколько квалифицированные специалисты, настоящие профессионалы. Как справедливо полагают отдельные исследователи данной проблемы «... Большое количество молодежи выбирают профессиональную подготовку по праву и экономике, считая данные профессии интересными, престижными и высокодоходными. Однако количество выпускников данных направлений не увязано с потребностями рынка труда – существует перекос с подготовкой юристов и экономистов, которые, конечно, востребованы, но все равно их слишком много» [6].

Ситуация осложняется еще и тем, что, согласно исследованию международной консалтинговой компании BCG и World Skills, подготовленному при поддержке госкорпорации «Росатом», почти половина работающих в России (34 млн. человек), попадают в «квалификационную яму» (skills mismatch), так как их компетенции избыточны или недостаточны для занимаемой должности [7], что еще раз свидетельствует о значимости проблемы дефицита кадров и необходимости устранения структурных диспропорций на рынке труда. Следует отметить в этой связи, что в последнее время проблема дефицита кадров на рынке труда стала предметом углубленного анализа со стороны специалистов общественных дисциплин. Несмотря на различие в деталях оценок, исследователи данной проблемы едины в главном: дефицит – следствие негативной демографической ситуации, упущений в образовательной и миграционной политике, недостатков государственного регулирования рынка труда. Таким образом, проблема дефицита кадров, как мы видим, тесно переплетается с целым комплексом проблем – социальных, демографических, экономических. Именно поэтому, поиск способов ее разрешения, как показано нами в ранее проведенных исследованиях, должен носить комплексный характер [8; 9].

Проведенный нами анализ банка данных вакансий, размещенных на сайтах hh.ru, trudvsem.ru, superjob.ru показывает, что наибольшую потребность в квалифицированных кадрах сегодня испытывают промышленность (особенно машиностроение и металлообработка), транспорт, сфера IT-технологий, дорожно-строительная, атомная, сельскохозяйственная отрасли, строительство и ЖКХ, а также здравоохранение и образование. Острой остается проблема дефицита рабочих кадров, например, в строительной отрасли. Строительная отрасль за последние годы переживает в России период бурного развития и дефицит кадров, во многом, компенсируется притоком рабочих из-за рубежа. Несмотря на это, в данной отрасли не хватает квалифицированных мастеров и бригадиров, а также специалистов с начальным профессиональным образованием – квалифицированных сварщиков, каменщиков, плотников, электрогазосварщиков.

Дефицит кадров проявляет себя и в бюджетных отраслях – здравоохранении, образовании, социальной сфере, причем эта нехватка усугубляется падением квалификации работников бюджетной сферы и снижение качества предоставляемых образовательных услуг. Одной из причин сложившейся ситуации, по мнению ряда экспертов, является низкий уровень оплаты труда профессорско-преподавательского состава [10]. Соглашаясь с данной точкой зрения, заметим в этой связи, что повышение качества высшего образования определяется, прежде всего, качеством учебно-педагогических кадров, их общей культурой, научной эрудицией, преданностью своему делу и, разумеется, профессиональным мастерством.

Роль лектора, руководителя семинарских занятий, консультанта научно-исследовательской работы студентов, руководителя выпускных квалификационных работ будущих специалистов исключительно велика. Работа их из года в год становится сложнее: повышаются требования к специалистам, быстро нарастает запрос на объемы специальных знаний, уплотняется сетка часов. Но преподаватель еще должен быть и воспитателем, и социологом, и психологом. Такой общесоциальный контекст профессиональной культуры особенно важен для профессорско-преподавательского состава вузов, представителем которого в своем подавляющем большинстве, являясь специалистами в конкретной области, не имеют психолого-педагогической подготовки, однако при взаимодействии преподавателей со студентами и аспирантами необходим индивидуальный подход. В процессе профессиональной подготовки особенно важно, чтобы студенты с интересом и уважением относились к получаемой профессии и, в частности, к преподаваемому предмету, а это возможно лишь в том случае, если преподаватель сам чувствует социальное значение своего предмета, относится к нему с уважением и может передать это уважение студенту. Для этого необходимо, чтобы студент уважал преподавателя не за то, что он доцент или профессор, а за то, что он может увлекательно и интересно рассказывать о своем предмете и, главное, аргументированно и доходчиво отвечать на возникающие у молодых людей вопросы. А это подразумевает не только энциклопедичность знаний и широкий кругозор педагога, но, скорее, его способность профессионально ориентироваться в разных отраслях, имеющих отношение к преподаваемому предмету. Потребность современного общества в резком повышении имеющихся характеристик рабочей силы обусловлена и тем, что качественная подготовка кадров способствует росту производительности труда и, следовательно, должна составлять основу усилий, направленных на повышение эффективности использования трудовых ресурсов и ускорение общественного развития. Представляется, что такой подход, направленный на предотвращение деградации совокупной рабочей силы, согласуется со стратегическими приоритетами по модернизации экономики страны и способствует ликвидации дефицита кадров. Дефицит кадров бюджетной сферы сопровождается старением кадров и, кроме того,

этот дефицит неравномерен в поселенческом плане: особенно остро проблема нехватки этих кадров стоит в сельской местности.

Существенной проблемой является набор педагогического персонала в школы, многие из которых не укомплектованы. При этом почти половина студентов педагогических вузов не предполагают в будущем работать в школе. Они приходят в вуз за дипломом. Выступая в мае 2019 г. на Всероссийском форуме молодых учителей «Педагог: профессия, призвание, искусство», министр просвещения РФ О. Васильева заявила, что «Ежегодно 73 тысячи молодых педагогов поступают на бюджетные места. Заканчивают учебу такое же количество, и только 30–34 тысячи доходят до школ». При этом проблема дефицита педагогов в ближайшие годы еще более усугубиться – «к 2029 году школам будет не хватать 180 тысяч педагогических кадров» [11]. Уместно сказать о сложной ситуации с обеспеченностью трудовыми ресурсами сельского хозяйства. Дефицит кадров в сельском хозяйстве связан, прежде всего, со структурными изменениями в отрасли и на конкретных предприятиях. Эти изменения носят долговременный характер и их истоки уходят в 1990-е годы, когда произошел развал колхозов и всей отрасли. В настоящее время дефицит кадров в сельском хозяйстве связан с нехваткой профильных специалистов – механизаторов, агрономов, доярок. Для решения проблемы дефицита кадров в сельской местности необходима мощная финансовая и интеллектуальная подпитка, создание концептуальной базы развития сельскохозяйственных территорий, созданием в сельской местности системы подготовки и переподготовки квалифицированных рабочих кадров. Это особенно важно, в связи с тем, что сельское хозяйство – отрасль с очень высокими рисками, связанными с природой, погодой, эпидемиями. Эти риски усугубляются тем, что Россия находится в очень сложных климатических условиях. Вместе с тем, несмотря на определенные сдвиги в последнее время в деле закрепления кадров в рамках программ государственной поддержки молодых специалистов на селе, и привлечения городских жителей на постоянную работу и проживание в сельскую местность, этот источник рабочей силы по-прежнему продолжает работать на увеличение контингента лиц, трудоустроивающихся в городах. Продолжающийся отток занятых из сельского хозяйства не только обостряет проблему дефицита кадров в агропромышленном комплексе, но и, обеспечивая работниками другие отрасли экономики (строительство, промышленность, сфера услуг) «подпитывает» их экстенсивный рост. При решении проблемы дефицита кадров следует учитывать и тот факт, что развитие современного общества характеризуется рядом устойчивых глобальных тенденций, одной из которых является информатизация и формирование цифровой экономики, которые существенно меняют требования к квалификации работников, содержанию и методам их профессиональной подготовки – особенно на уровне подготовки рабочих кадров.

Углубление данного процесса будет стимулировать рост занятости по профессиям, требующим высокого уровня общего и специального образования, с одной стороны, и массовое высвобождение работников отмирающих специальностей и невысокой квалификации – с другой, что при грамотном регулировании данного процесса со стороны государства, позволит наполнить рабочей силой отрасли, испытывающие дефицит кадров, повысить производительность труда. Последнее обстоятельство надо особо подчеркнуть, так как при формировании цифровой экономики оно непосредственно связано не только с экономическими, но и социальными факторами – переходом к более высоким формам трудовой деятельности, с активизацией человеческого фактора, формированием нового отношения к труду. Проблема производительности труда определяется также целым рядом дополнительных обстоятельств, важнейшие из которых – мотивы и стимулы трудовой деятельности. Полагаем, что главная задача государства при регулировании данного процесса – создать у человека сильные мотивы и стимулы высокопроизводительного труда, что, в конечном счете, определяет социальную направленность всех осуществляемых преобразований на рынке труда. Все это позволяет сделать вывод, что под

Литература:

1. Балацкий Е.В. Как из высшего образования в России раздули пузырь // Проблемы управления в социальных системах. 2014. Т. 7. № 11. С. 56–83.
2. Шило Г. О. низшем качестве высшего образования // Высшее образование. 2000. № 4. С. 35–39.
3. Иудин А.А. Качество подготовки юристов в нижегородском регионе: рейтинг вузов / А.А. Иудин, Д.А. Шпилев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1(37). С. 95–103.
4. Манахов С.В. Основные тенденции развития высшего образования в России: количественные и качественные аспекты / С.В. Манахов, А.В. Рыжакова // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 10(76). С. 19–28.
5. Маливанов Н.Н. Проблемы набора студентов и пути их решения / Н.Н. Маливанов, Н.В. Филонov, Д.М. Осадчая // Высшее образование в России. 2010. № 10. С. 150–152.
6. Иудин А.А. Современное студенчество: становление образа профессионального будущего / А.А. Иудин, И.В. Ситникова // Социология образования. 2018. № 3. С. 89–103.
7. Выродова Ю. Эксперты оценили число попадающих в «квалификационную яму» россиян. URL : <https://www.rbc.ru/society/27/08/2019/5d6459539a794702c7dd47bf> (дата обращения 01.09. 2019).

влиянием цифровой экономики повышаются квалификационные требования к работникам, какими бы видами работ они не были заняты. Уровень квалификации должен не только соответствовать потребностям сегодняшнего дня, но и иметь определенный запас, стимулирующий дальнейшее развитие человека и общества. Данный процесс сопровождается повышением значимости общеобразовательной и специальной подготовки как фундамента профессиональной культуры. Важнейшей задачей образования в данных условиях становится формирование у человека внутренних стимулов к непрерывному образованию – обучению в течение всей жизни, а также развитие способностей к познанию, что соответствует внутренней логике развития системы образования и отвечает требованиям к рабочей силе, обусловленным распространением цифровых технологий.

Таким образом, решение проблемы дефицита кадров носит социально-экономический характер и лежит в трех плоскостях: во-первых, демографической (повышение численности и сбережение трудовых ресурсов); во-вторых, образовательной (рост квалификации и образовательного уровня работников), в-третьих, регулирующей (обеспечение эффективного трудоустройства работника).

Literature:

1. Balatsky E.V. As from the higher education in Russia inflated a bubble // Problems of management in social systems. 2014. Vol. 7. № 11. P. 56–83.
2. Shilo G. On the lower quality of higher education // Higher education. 2000. № 4. P. 35–39.
3. Judin A.A. Quality of training of lawyers in the Nizhny Novgorod region: rating of universities / A.A. Judin, D.A. Shpilev // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2017. № 1(37). P. 95–103.
4. Manakhov S.V. The Main trends in the development of higher education in Russia: quantitative and qualitative aspects / S.V. Manakhov, A.V. Ryzhakova // Bulletin of the Russian University of Economics. G.V. Plekhanov. 2014. № 10(76). P. 19–28.
5. Malevanov N.N. The Problems of students and solutions to them / N.N. Malevanov, N.V. Filonov, D.M. Osadchaya // Higher education in Russia. 2010. № 10. P. 150–152.
6. Yudin A.A. Modern students: formation of the image of the professional future / A.A. Yudin, I.V. Sitnikova // Sociology of education. 2018. № 3. P. 89–103.
7. Vyrodova Yu. Experts estimated the number of Russians falling into the «qualification pit». URL : <https://www.rbc.ru/society/27/08/2019/5d6459539a794702c7dd47bf> (accessed 01.09.2019).

8. *Золин И.* Рынок труда в России: новые реалии и трудовая миграция // Государственная служба. 2007. № 4(48). С. 130–135.

9. *Золин И.Е.* Рынок труда в контексте демографического развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 42(279). С. 12–22.

10. *Согомонян А.* Эксперты: дефицит профессиональных кадров – одна из проблем здравоохранения и медицинского образования. URL : <https://www.garant.ru/news/1118612/> (дата обращения 31.08.2019).

11. Через 10 лет в школах будет не хватать 180 тыс. педагогов – Васильева. URL : <https://academia.interfax.ru/ru/news/articles/2960/> (дата обращения 31.08.2019).

8. *Zolin I.* Labor market in Russia: new realities and labor migration // State service. 2007. № 4(48). P. 130–135.

9. *Zolin I.E.* Labor market in the context of demographic development // National interests: priorities and security. 2014. Vol. 10. № 42(279). P. 12–22.

10. *Soghomonyan A.* Experts: shortage of professional personnel is one of the problems of health care and medical education. URL : <https://www.garant.ru/news/1118612/> (accessed 31.08. 2019).

11. In 10 years schools will lack 180 thousand teachers – Vasilieva. URL : Mode of access: <https://academia.interfax.ru/ru/news/articles/2960/> (accessed 31.08.2019).

Иваненко Игорь Николаевич
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры административного
и финансового права,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
ivanenko.igor@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР ГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ДО ИМПЕРАТОРСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Работа посвящена прояснению сущности внутриполитической субъектности отечественного социума, а именно складывающейся специфики взаимодействия макро-социальных (государственных) управленческих структур и низовых (местных) учреждений. Для этого автор стремится определить наиболее важные факторы, отражающиеся на российской управленческой специфике, а также анализирует общую динамику отечественного внутриполитического развития вплоть до конца XVII в. В целом автор приходит к заключению о поспешности гипотезы по поводу того, что культура отечественного деспотизма была сформирована главным образом в императорский период. Тенденции последовательного ограничения низовых инициатив наблюдаются в течение большей части периода российской истории до петровских реформ. Отечественная государственная власть с момента своего зарождения стремится к укреплению своего положения посредством сосредоточения всех основных управленческих функций, подчиняя все иные управленческие субъекты. Этому процессу способствовал ряд объективных факторов – протяженность территории, скудость ресурсов, что требовало наличия жесткой системы распределения на государственном уровне, наконец, частые (если не постоянные) угрозы как с Востока, так и с Запада. Отсюда делается общий вывод об объективности и историчности тенденций усиления государственного контроля над структурами местного самоуправления в России.

Ключевые слова: государство, общество, вече, монархия, местное самоуправление, политико-культурная традиция.

Набирающая темпы социальная динамика ставит острые вопросы, в том числе, и пе-

Igor N. Ivanenko
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Administrative and Financial Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
ivanenko.igor@mail.ru

TO THE QUESTION ABOUT INTERACTION OF DOMESTIC STRUCTURES OF STATE AND LOCAL GOVERNMENT BEFORE THE IMPERIAL PERIOD

Annotation. The article is devoted to clarifying the essence of domestic political subjectivity of the domestic society, namely the emerging specifics of the interaction of macro-social (state) management structures and grassroots (local) institutions. To do this, the author seeks to identify the most important factors affecting the Russian management specifics, and analyzes the overall dynamics of domestic political development up to the end of the XVII century. In General, the author comes to the conclusion about the haste of the hypothesis that the culture of domestic despotism was formed mainly in the Imperial period. Trends of consistent limitation of grassroots initiatives are observed during most of the period of Russian history before Peter's reforms. The domestic state power from the moment of the origin aspires to strengthening of the position by means of concentration of all main administrative functions, subordinating all other administrative subjects. This process was facilitated by a number of objective factors – the length of the territory, the scarcity of resources, which required a rigid system of distribution at the state level, finally, frequent (if not constant) threats from both the East and the West. Hence the General conclusion about objectivity and historicity of tendencies of strengthening of the state control over structures of local government in Russia is drawn.

Keywords: state, society, monarchy, local government, political tradition, cultural tradition.

ред областью социального управления. Так, для индустриального общественного типа более ха-

рактены тяжеловесные общественные структуры, регулировка которых более эффективно осуществлялась посредством вертикального принципа. Иная ситуация складывается в ходе постиндустриальных трансформаций, сопровождающихся преодолением национальных границ, невероятным усилением значения коммуникационных связей (информационная революция). В подобных условиях более востребованным становится не вертикальный, но горизонтальный принцип управления, предполагающий куда большую гибкость, как объектов, так и субъектов управления. Западная обществоведческая мысль (Ф. Шмиттер, Г. Люббе, З. Бжезинский, П. Дракер), подчеркивает целесообразность придания большей политико-управленческой субъектности низовым структурам на современном этапе.

Также стоит обратить внимание на модели взаимоотношения государства и общества, имеющие неоднозначную трактовку. Например, западная либеральная мысль склонна утверждать необходимость жесткого контроля второго над первым, небезосновательно предполагая у государственных лиц стремления к неограниченной власти со всеми вытекающими отсюда злоупотреблениями. Тем не менее, ослабление официальных административных структур могут сопровождаться разгулом беззакония и анархии в негативном понимании данного понятия, примеры чего можно найти в той же истории западных обществ.

В современных работах предлагается тривариативных формы взаимодействия общества и государства – наиболее конструктивный вариант диалога; форма жесткого противостояния; наконец, автономное существование, когда официальная власть и общество в целом живут «каждый своей жизнью» [13, с. 507–508]. Несомненно, что господство той или иной формы во многом обусловлено как ситуационно, так и рядом констант – география, культурные и ментальные особенности, устоявшийся тип общественных отношений и т.п. Но в любом случае, важное значение имеет нахождение некоего баланса между государственной властью и общественными устремлениями. Государственные инициативы, обычно, исходят из потребностей всего общества (национальных интересов), не всегда принимая в расчет ту или иную местную специфику. Последняя представлена институтами, организованными «снизу» и значительно ближе находящимися к реальным потребностям того или иного локализованного социального пространства. Таким образом, актуализируется проблема статуса местных управленческих учреждений, как представителя именно общества (здесь мы не считаем нужным употреблять расхожее западное понятие «гражданское общество»).

Для отечественной ситуации подобная проблема как нельзя более актуальна. В настоящий момент здесь наблюдается скорее усиление, чем ослабление властной вертикали, вопреки зарубежному опыту передовых стран. В то же время, попытки привнесения либеральной модели на российскую почву в 1990-х годах дали, в общем

и целом, обратный результат – вместо повсеместного раскрепощения индивидуальной инициативы появился новый теневого субъект власти, придерживающийся тех же авторитарных методов управления, как и официальные власти, подавляя идущие «снизу» инициативы. Подобный факт не особенно противоречит теоретическим выкладкам западной мысли. Еще Ш. Монтескье подчеркивал, что в условиях больших странств авторитарные методы более эффективны, хотя при этом отнюдь не отвергал жизнеспособность практики управления на местах [1, с. 602]. В то же время, имеется точка зрения о том, что внутривластные перипетии 1990-х годов были главным образом предопределены последствиями реформ Петра I, в ходе которых была на отечественную почву внедрена жесткая административно-бюрократическая система, в принципе чуждая России. Императорский период российской истории – это безраздельное господство названной системы, подавляющей едва ли не любые инициативы со стороны общества, в силу чего, успела сформироваться авторитарная культура, не признающая компромиссов. Интересно, что в подобном мнении сходятся некоторые западники (А. Оболонский) и почвенники.

В некотором роде, проверка подобного мнения посвящена настоящая статья, в ходе которой мы нацелены прояснить сущность внутривластной субъектности отечественного социума, а именно складывающуюся специфику взаимодействия макросоциальных (государственных) управленческих структур и низовых (местных) учреждений. Мы исходим из методологического сочетания универсалистского и релятивистского рассмотрения – любая социально-политическая целостность испытывает воздействие каких-то общих тенденций, при этом преломляющихся через определенные местные условия природного и социального плана. В результате получается тот самый феномен традиционной специфики, учет которой зачастую имеет важнейшее значение.

Отсюда, поставленная цель обуславливает необходимость выполнения двух задач. Во-первых, определить наиболее важные факторы, отражающиеся на российской управленческой специфике. Во-вторых, проанализировать общую динамику отечественного внутривластного развития вплоть до конца XVII в. с позиции влияния развивающихся государственных учреждений на структуры местного управления.

Итак, особенности складывающейся в отечественном социуме модели управления представляют результат воздействия группы разноплановых факторов.

Прежде всего, следует отметить природно-географические условия – протяженность территории, рельеф и климатические особенности. Важное значение этих признаков подчеркивал не только выше упомянутый Ш. Монтескье, но и русский мыслитель В.Н. Татищев [12, с. 507–508]. Под существенным воздействием природных условий формировался определенный тип

экономических, политических и культурных отношений, что разделяется многими современными учеными (А. Паршев, К. Жуков, Л. Милов и др.). В этом плане весьма суровые климатические условия не позволяли на большей части российских земель получать изобильные урожаи, что определяло довольно ограниченный прибавочный продукт [7]. Последний требовал жесткой системы распределения, которую могла обеспечить, прежде всего, сильная центральная власть.

В некоторой степени отражением природных обстоятельств можно считать социально-исторические факторы. Хотя немаловажное, а скорее даже большее значение на них оказывает взаимоотношения народов друг с другом. Серединное расположение народов между Западом и Востоком обусловило влияние обеих цивилизационных типов. Кроме того, довольно реальной была угроза внешнего вторжения, которая исходила, главным образом, из восточных степей, являвшихся источником миграционных волн кочевых народностей. На протяжении многих веков взаимодействия «больших» и «малых» народов привели к образованию имперского политического пространства, сильного центра, способного в нужный момент и в определенном месте сконцентрировать общественные ресурсы.

Подобные, надо сказать, весьма нелегкие природные и социальные условия, зачастую, ставившие перед отечественным социумом проблему существования, породили своеобразную мобилизационную политическую культуру. Это предполагало популярность в общественном сознании идеологии революционизма, жертвенности, экстремизма, и одновременно невысокую степень распространения идей консенсуса, переговоров, компромисса. Другой немаловажная черта отечественной политической культуры – дуализм, выражающийся в полярных оценках значительных политических и социальных феноменов.

Третья черта отечественной политической культуры касается патернализма, который имеет особое значение для понимания проблематики традиций управления. Суть патернализма сводится к интерпретации общественным сознанием взаимодействия государственного – подданные в качестве семейных отношений. При этом последние изначально носят авторитарный смысл, закрепляясь в первичной ячейке социальных отношений – крестьянской семье. Православная церковь освятила эти отношения, тем самым закрепляя патернализм как аксиому, культурный архетип российской ментальности [2, с. 225].

Вышеупомянутые культурно-политические черты работали на типичные для России тенденции державности, усиления властной вертикали авторитаризма и т.п. Опираясь на подобную методологию, современный отечественный исследователь Прохоров А.П. выявляет особенности отечественного подхода к социальному управлению [11]. По мнению этого автора, российской истории присуще подавление в обществе отношений конкуренции, посредством существования

специальных экономических, социальных и административных механизмов. Из-за отсутствия здоровой конкуренции отечественная система раз за разом попадает в кризисную ситуацию, выходом из которых оказывается ее перевод в состояние мобилизации. Это предполагает вовлечение всех имеющихся ресурсов на достижение жизненно важных целей, стоящих перед обществом. Именно таким переводом системы в «аварийный» режим Прохоров склонен объяснять крупные успехи как досоветской, так и Советской эпох.

Положительные результаты в таких случаях обеспечиваются:

– во-первых, мобилизацией, а также перераспределением ресурсов на наиболее важных направлениях, что обеспечивалось жесткой централизацией;

– во-вторых, созданием центральных контрольных, часто репрессивных структур;

– в-третьих, определенной автономностью низших подразделений [11, с. 37].

Подобный управленческий механизм работал следующим образом: перед первичной ячейкой ставится задача, а та ее выполняет, без особой заботы о чистоте методов. Как пишет упомянутый автор: «выживал тот управленец, который умел...должным образом мобилизовать и перераспределить ресурсы или же мог удачно встроиться в имеющийся механизм их мобилизации или перераспределения» [11, с. 44]. Такое явление А. Прохоров интерпретирует как «конкуренцию администраторов», сильная сторона которой проявляется именно при нестабильном (кризисном) состоянии системы, позволяя концентрировать ресурсы в нужное время и в нужном месте. Тем самым, русская система управления дает больший результат в беспокойном состоянии, тогда как в западной среде все обстоит противоположным образом.

При определенной правоте автора его теория все же вызывает возражения. Например, А. Прохоров склонен видеть в явлении конкуренции только функциональную сторону, вынося «за скобки» ее деструктивные следствия, которые обычно тоже имеют место. В рыночном социуме конкуренция изначально была далека от гуманистических целей и идеалов, но носила агрессивный хищнический характер. Экономический либерализм, Провозглашенная свобода рыночных отношений своим крайним выражением имела форму социал-дарвинизма (Г. Спенсер). Потому не случайно, что сглаживание негативных последствий экономической конкуренции происходит при непосредственном вмешательстве высшей государственной власти или «глубоко эшелонированной обороны институтов гражданского общества» [9, с. 38]. Последствия бесконтрольной конкуренции на Западе в полной мере проявились в годы экономического кризиса или Великой Депрессии 1929–1933 гг. В результате в практику государственного управления стала

внедряться кейнсианская модель регулируемого государством рынка.

Ряд отечественных и зарубежных ученых считают несколько односторонним видение российской управленческой культуры, предложенное А. Прохоровым. Как пишут авторы коллективной монографии «Муниципальная наука», российский социум всегда заключал в себе «и другие основы социальной организации, зачатки будущих социальных институтов гражданского общества, иные регуляторы общественной жизни – корпоративные, социальные, в большей мере основанные на духовно-нравственных и культурных устоях. Именно поэтому социальная организация российского общества держалась не только на государственности, державности, институтах формальной демократии, но и на корпоративной собственности, корпоративных институтах, духовных и нравственных регуляторах, общественных идеях» [6, с. 79].

А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев также стремятся включить в свою методологию учет особенностей культурной традиции и ментальности. Они предлагают обозначать как корпоративно-демократический способ регуляции социальных отношений, присущий российской аграрной среде. Такой способ опирался на договорные отношения, предполагающие не столько ориентацию на центральные власти, сколько стимул к развитию институтов на местах.

Тем не менее, по ходу анализа утверждавшихся и закрепляющихся в России управленческих структур, следует учитывать оба подхода. Собственно же исторические периоды имеет смысл дифференцировать по доминирующим формам общественного управления. С этой точки зрения мы обозначили княжеский период (IX–XIV вв.), московский период (XV–XVII вв.), имперский период (XVIII – 1917 г.), советский период (1917–1991 г.).

Княжеский период характеризуется, прежде всего, процессами политогенеза славянских племен, а именно становления и развития государственности – от родо-племенных вождей до фактически полновластных самодержцев. На первых порах основой славянской государственности служила «военная демократия», общинная форма властного устройства, достигшая расцвета у славян [5, с. 15], а также и у других народов, например, у германцев. Подобное обстоятельство подтверждается византийскими авторами – Проклпием Кессарийским (VI в.) и императором Маврикием (VII в.).

Ведущим органом здесь выступал племенной сход, несколько позже трансформировавшийся в вече (старорусское «вещать» – говорить). Названный орган представлял собой народное собрание, куда были допущены все мужчины, и где решались вопросы управления, установление устраивающих всех правил и норм. Причем, в языческий (дохристианский) период эти нормы закреплялись божественной санкцией со стороны жречества. Вполне естественно, что важней-

шим предметом обсуждения была военная сфера. Именно на вече первоначально назначался военачальник – князь, а собственно вече выступало источником его легитимной власти, одновременно накладывая на нее ограничения.

События киевского периода заставляют сделать вывод о том, что вече являлось одним из главных субъектов управления, поскольку решения его имели общегосударственное значение. Об этом свидетельствуют ряд исторических фактов приглашения или изгнания вечаем князей. Например, в 1068 г. после поражения от половцев на реке Альте, изгоняется старший Ярославич – князь Изяслав, а народ посадил вместо него его соперника Всеслава; в 1113 г. в Киев княжить приглашается Владимир Мономах, что было нарушением существующего порядка престолонаследия.

Что касается эпохи феодальной раздробленности, то в это время, как известно, территория Руси являла внутренне непрочный конгломерат автономных княжеств. Среди них выделяются три политических типа, которые различались между собой именно степенью функциональности и значимости народного собрания.

Южным русским землям (Киевское, Галицко-Волынское княжества) сложился тип раннефеодальной монархии, где, в целом, продолжались управленческие традиции, сложившиеся в Киевский период. Власть князя имела главную силовую опору в лице дружины, но контролировалась вечами структурами. Тем не менее, со временем баланс сил изменялся в пользу княжеско-боярской стороны, тогда как влияние веча все более ограничивалось.

На северо-западе Руси, а именно в Новгородской земле положение дел было принципиально иным. Здесь заявила о себе политическая форма феодальной или «аристократической» республики. По-существу, решающая роль здесь была отведена вече, которое приглашало или изгоняло князей, избирало церковного владыку – архиепископа, а также ведающего гражданскими проблемами посадника, и руководящего ополчением тысяцкого. Фактически с 1136 г., после изгнания вечаем киевского ставленника князя Всеволода Мстиславича, новгородский князь избирался на вече, становясь частью городской администрации, а в его ведении оставалась исключительно военная проблематика. В то же время, работу новгородского веча мог контролировать Правительственный совет, состоявший только из представителей боярства и потому называемый «Советом господ». Последний часто оказывал на членов веча из малоимущих слоев, что, в свою очередь, могло вызвать реакцию – вечаевая толпа возмущалась против боярства, обостряя междоусобную борьбу.

Феномен средневекового Новгорода вызывает наиболее неоднозначные оценки. Например, В. Полосин видит здесь явно идеализируемую им форму народовластия, которая имела весьма продуманную управленческую систему, основанную на принципе сдержек и противовесов, отли-

чаясь надежностью и устойчивостью. Крах этой системы произошел в результате военного поражения, а не внутренних проблем [10, с. 440–270]. При этом В. Полосин не задается вопросом, что ведь полный разгром новгородского войска при Шелони в 1471 г. явно уступавшим по численности московским отрядом, мог явиться результатом внутренних противоречий и раздоров. Неслучайно, ряд других ученых видят в Новгороде господство олигархической верхушки, которая легко шла на предательство складывающихся тогда общерусских интересов [3, с. 528].

Третий политический тип образовался на северо-восточных русских землях, где не успели сложиться сильные вечевые традиции, что, по всей видимости, и предопределило сложившуюся форму великокняжеской деспотической монархии. Роль народного вече здесь была достаточно второстепенной, хотя до определенного времени городские народные собрания Ростова, а затем Суздаля оказывали влияние на политику князей. После воцарения весьма одиозной личности Андрея Боголюбского (1157–1174 гг.) принцип подчинения подданных напрямую своему господину князю становится полностью доминирующим.

Тем самым, ранняя отечественная история дает повод отметить следующее.

Феномен самоуправления действительно имеет богатую традицию у славянских народов, составляющих основу русского этноса. Однако с формированием и укреплением централизованного государства, обозначается тенденция со стороны центральных структур всячески ограничить влияние самоуправленческих структур, и особенно явственно этот процесс шел во Владимиро-Суздальском княжестве.

Московский период (XV–XVII вв.) отмечен успешным завершением процесса формирования централизованного государства, в результате которого заявляет о себе самодержавие как специфический тип отечественной государственности. В российской консервативной общественной мысли весьма популярна точка зрения по поводу того, что самодержавие органически присуще русской традиции, его устои освящались Православием, имея существенные отличия от абсолютизма Европы. Правда, склонный к консерватизму упоминавшийся современный ученый В. Полосин считает самодержавие продуктом, привнесенным вместе с Православным христианством византийской традиции и в целом противоположным славянской народной ментальности и мифологии [10, с. 440].

Московское царство являло собой тип сословно-представительной монархии развитого средневековья. Здесь наличествовал орган законодательного плана – Земский собор, предполагающий охват всех русских земель. Подобный же институт имел место в других странах Европы – Генеральные штаты (Франция), кортесы (Испания), эйратинг (Скандинавские страны). Начало Земским соборам связывается с правлением

Ивана IV Грозного, а именно периода его реформ с Избранной радой. Начиная с 1549 г. и вплоть до начала имперского периода, Земские соборы созывались почти 60 раз с целью решения внутренних и внешних проблем. Собственно, принцип Земских соборов связывается с традициями вечевых собраний, а также церковных соборов. Однако российская специфика заключалась в том, что Соборы являли не столько противовес, сколько фактор укрепления центральной власти в отличие от сословно-представительных институтов европейских стран. «Несмотря на серьезные расхождения в материальных интересах, споры, представители сословий искали в Земских соборах не столько новых прав, сколько свое место в решении общегосударственных проблем, что делало возможным принятие соборных, т.е. единоголосных добровольных решений» [8]. Наиболее представительным считается Земский собор 1613 г., когда в условиях «смутного времени» фактически решались вопросы, связанные с национальной независимостью. На нем были представлены Боярская дума, Освященный Собор русской церкви, сословные группы дворянства и купечества, казаков и даже черносошного крестьянства. Именно на этом Земском Соборе был избран царем Михаил Романов.

В ходе укрепления государственной власти имеющиеся компоненты самоуправления в сельских общинах, а также городах (посадах) сохранились практически в неизменном виде. Но в крупных поселениях последовательно формируется система государственных учреждений на местах (губные органы), а также институт должностных лиц – городских приказчиков. В правление Ивана Грозного по инициативе Избранной Рады проводится земская реформа, по которой крестьяне и посадские люди (горожане) наделяются правами выбора из своей социальной среды старост и целовальников, земских судей и дьяков («лучших людей»). Крестьянская община наделялась правом избрания сотских, пятидесятских, своеобразных помощников старост и целовальников.

Важно подчеркнуть, что уже в то время компетенции и полномочия избранных голов и старост были довольно ограничены. Им предписывались функции раскладки и сбора налогов, поимка «лихих людей», разборка тяжб и некоторых уголовных дел. В дальнейшем по мере укрепления абсолютизма усилилась тенденция ограничения и без того весьма скромных полномочий местных институтов. Губные и земские старосты все больше попадают под контроль государственных ставленников – воевод. В конце 1670-х гг. в правление Алексея Михайловича Тишайшего правительство официально усиливает административное управление на местах. «Это более отвечало природе самодержавия, которому был всегда ближе пускай и вороватый, но зато послушный воевода, чем представитель своевольной земщины» [9, с. 85]. Закономерно, что во второй половине XVII в. Земские соборы созываются все реже и их значение, фактически, сходит на нет.

Интересно, что в местностях, где государственные управленческие институты по каким-либо причинам не имели сильных позиций (районы северной России) или фактически отсутствовали (южная периферия, Сибирь) местное самоуправление пускало значительно более глубокие корни. Самобытные управленческие организации сложились в казачьей вольнице, на которых были возложены, преимущественно, военно-охранительные функции. В качестве главной структуры являлась самоуправляющаяся община, одновременно представляющая и войсковую организацию. На Дону и в Поднепровье (знаменитая Запорожская сечь) образовались целые казачьи «республики». Тем самым налицо процесс формирования управленческих структур «снизу», который был определенной реакцией на некий административный вакуум, успешно заполняя его.

В отношении Московского периода (XV–XVII) целесообразно предложить вывод, что в ходе усиления государственной централизации наметились две, в чем-то противоположные тенденции. Так, в отдельные моменты центральная власть стремилась заложить правовые основы местного самоуправления (земская реформа Избранной рады), с одной стороны. Но, с другой стороны, государственная администрация всячески стремилась контролировать выборные местные органы, фактически, превращая последних в низший уровень управленческой системы русского государства.

Литература:

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М. : Прогресс, 1993. 602 с.
2. Ермоленко Т.Ф. Патернализм в политической культуре России / Т.Ф. Ермоленко; Под ред. С.А. Кислицына // Российская историческая политология. РнД., 1998. С. 225.
3. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. Россия и миротема. М. : Ультра Культура, 2004. 528 с.
4. Кагарлицкий Б.Ю. Реставрация в России. М., 2003. С. 38.
5. Кислицын С.А. Политико-правовые системы и режимы в истории России / С.А. Кислицын, Н.П. Кутырев; Под ред. С.А. Кислицына // Российская историческая политология. РнД., 1998. С. 15.
6. Муниципальная наука: теория, методология, практика / Под общ. ред. В.Н. Иванова М., 2003. С. 79.
7. Неведов С.А. История России. Факторный анализ. С древнейших времен до Великой смуты. М. : «Территория будущего», 2010. Т. I.
8. Петракова В.Ф. Русская (Российская) цивилизация / В.Ф. Петракова, В.В. Черноус; Под ред. С.А. Кислицына // Российская историческая политология. РнД., 1998.

Вышеизложенный материал дает основания для следующих заключений.

В целом, гипотеза о том, что именно в императорский период имел место основной процесс формирования культуры российского деспотизма, должна быть переосмыслена. Как видим, тенденции последовательного ограничения низовых инициатив наблюдаются в течение большей части периода российской истории до петровских реформ. Фактически, с образованием государственной власти та стремится к укреплению своего положения посредством сосредоточения всех основных управленческих функций, что не может не происходить посредством подчинения всех иных управленческих субъектов.

Подобный процесс вряд ли стоит объяснять с точки зрения присущей российскому сознанию авторитарной компоненты. Ему способствовал ряд объективных факторов – протяженность территории, скудость ресурсов, что требовало наличия жесткой системы распределения на государственном уровне, наконец, частые (если не постоянные) угрозы, как с Востока, так и с Запада. Тем самым, следует признать объективность и историчность тенденций усиления государственного контроля над структурами местного самоуправления в России. Это, разумеется, никак не снимает проблематики взаимодействия официальных властей и общественных учреждений особенно на современном этапе, давая повод для его углубленного изучения.

Literature:

1. Aron R. Stages of development of sociological thought. M. : Progress, 1993. 602 p.
2. Ermolenko T.F. Paternalism in the political culture of Russia / T.F. Ermolenko; under the editorship of S.A. Kislitsyna // Russian historical political science. RND., 1998. P. 225.
3. Kagarlitsky B.Yu. Peripheral Empire. Russia and the world system. M. : Ultraculture, 2004. 528 p.
4. Kagarlitsky B.Yu. Restoration in Russia. M., 2003. P. 38.
5. Kislitsyn S.A. Political and legal systems and regimes in the history of Russia / S.A. Kislitsyn, N.P. Kutyrev; under the editorship of S.A. Kislitsyna // Russian historical political science RND., 1998. P. 15.
6. Municipal science: theory, methodology, practice / Ed. V.N. Ivanov. M., 2003. P. 79.
7. Nefedov S.A. History Of Russia. Factor analysis. from ancient times to the great troubles. M. : «Territory of the future», 2010. T. I.
8. Petrakova V.F. Russian (Russian) civilization / V.F. Petrakova, V.V. Chernous; under the editorship of S.A. Kislitsyna // Russian historical political science RND., 1998.

9. Политическая история России / Под ред. В.В. Журавлева. М., 1998. С. 85.

10. *Полосин В.С.* Миф. Религия. Государство. М. : Ладомир, 1999. 440 с. С. 270.

11. *Прохоров А.П.* Русская модель управления. М., 2002.

12. *Сопов Г.П.* Развитие социально-политической мысли в России до XIX в. / Г.П. Сопов; Под ред. С.А. Кислицына // Российская историческая политология. РНД., 1998. С. 507–508.

13. *Тамбиянц Ю.Г.* Идеология государства и общества: варианты взаимодействия / Ю.Г. Тамбиянц, В.В. Шалин // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 166–177.

9. Political history of Russia / under the editorship of V.V. Zhuravlev. M., 1998. P. 85.

10. *Polosin V.S.* The Myth. Religion. State. M. : Ladomir, 1999. 440 p. 270 p.

11. *Prokhorov A.P.* Russian model of management. M., 2002.

12. *Sopov G.P.* Development of social and political thought in Russia up to the XIX century / G.P. Sopov under the editorship of S.A. Kislitsyna // Russian historical political science. RND., 1998. P. 507–508.

13. *Tambiyants Yu.G.* Ideology of the state and society: variants of interaction / Yu.G. Tambiyants, V.V. Shalin // Society and law. 2017. № 1(59). P. 166–177.

Иванова Алена Ядмагиевна
аспирантка 4 курса
Института Внутренней Монголии,
г. Хух – Хото, Китай
alyonayadmaa@yahoo.com

РОЛЬ КИТАЙСКОЙ ЕДЫ И КИТАЙСКИХ РЕСТОРАНОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РОССИИ И КИТАЯ

Аннотация. Статья посвящена китайской еде и китайским ресторанам как социальному явлению и примеру межкультурного взаимодействия. В работе еда выступает в качестве важнейшей формы невербального языка, культурной идентификации, одного из ключевых инструментов межкультурного диалога. Автором раскрывается философия китайской кухни, специфика китайской пищевой культуры, оценивается роль китайской еды в зарождении и распространении феномена «истернизации». Им также акцентируется внимание на китайских ресторанах, функционирующих на территории России и выступающих основополагающим посредником между китайской едой и российским обществом. Проводится эмпирическое исследование роликитайских ресторанов в г. Москве для китайского и российского социума, на основании которого автор делает вывод о том, что китайские рестораны служат ключевым ресурсом, воссоздающим и конструирующим привычный для китайцев микросоциум, а с другой стороны, играют отрицательную роль с позиции возможности расширения коммуникационных связей, изолируя китайскую публику от российской социальной среды.

Ключевые слова: китайская еда, глобализация, вестернизация, истернизация, китайский ресторан, философия китайской кухни, межкультурная коммуникация.

Питание является ежедневным ритуалом, базисной физиологической и социальной потребностью человечества, «оживающей» социальные связи, межличностную и межкультурную коммуникацию. На начальном этапе становления социологии и ее основополагающих течений, материальные отношения, формирующиеся в процессе питания, не рассматривались в качестве объекта теоретических и эмпирических исследований. С начала фигурирования в социологической науке французского социолога и фи-

Alena Ya. Ivanova
Graduate student of 4 courses
Institute of Inner Mongolia
Hohhot, China
alyonayadmaa@yahoo.com

ROLE OF CHINESE FOOD AND CHINESE RESTAURANTS IN THE INTER-CULTURAL INTERACTION OF RUSSIA AND CHINA

Annotation. The article is devoted to Chinese food and Chinese restaurants as a social phenomenon and an example of intercultural interaction. In the work, food acts as the most important form of non-verbal language, cultural identification, one of the key tools of intercultural dialogue. The author reveals the philosophy of Chinese cuisine, the specifics of Chinese food culture. The role of Chinese food in the origin and spread of the phenomenon of «isterization» is estimated. Focusing on Chinese restaurants operating on the territory of Russia and serving as a fundamental intermediary between Chinese food and Russian society. An empirical study of the role of Chinese restaurants in Moscow for the Chinese and Russian societies is carried out, on the basis of which the author concludes that Chinese restaurants serve as a key resource that recreates and constructs the microsocium familiar to the Chinese, and, on the other hand, play a negative role from the perspective of opportunities for expanding communications, isolating the Chinese public from the Russian social environment.

Keywords: chinese food, globalization, westernization, westernization, Chinese restaurant, philosophy of Chinese cuisine, intercultural communication.

лософа Эмиля Дюркгейма [4], все натуральные и материальные отношения оставались строго за рамками социологических парадигм.

Однако западная социология определила центральный вектор развития данного направления. Далее, рассмотрим ключевые постулаты западной классической социологии питания, дифференцирующейся на три основополагающих течения: функционализм (позитивизм), структурализм (конструктивизм) и материализм (марксистские и немарксистские течения). Впервые в кон-

тексте исследования феномена питания с позиции социологии, немецким философом Георгом Зиммелем [5] была определена социализирующая функция питания. Зиммель продемонстрировал, что питание не только насыщает «тело класса», но и объединяет «душу класса», коллективизируя и выступая мощнейшим рычагом солидаризации людей. Несколько позднее российский и американский культуролог Питирим Сорокин [8] определил социальные роли голода и пришел к логичному умозаключению о том, что голод препятствует эффективному функционированию общественного организма, срывает социальные маски и подрывает моральные и нравственные устои общества.

Итак, функционалисты совершили весомый вклад в развитие концепции питания, доказав, что оно, хотя и оценивается в качестве инструмента удовлетворения физиологических потребностей человека, должно рассматриваться как институт социализации и устойчивое социальное пространство, направленное на преодоление межкультурных барьеров, и параллельно с этим, формирование автономных социальных групп, наделенных рядом специфических признаков. Иными словами, питание служит механизмом идентификации и отчуждения человека в рамках определенной социальной группы, разделения на «своих» и «чужих». Данная идея лежит в основе нашего исследования социальных групп посетителей китайских ресторанов. Ниже автор статьи показывает, как китайские студенты с помощью китайского ресторана и китайской еды моделируют закрытую и изолированную социальную группу, связи с чем, китайские рестораны трансформируются из средства физиологического удовлетворения в инструмент социализации, инклюзии в локальную китайскую среду, и параллельно с этим, эксклюзии из общего социального полотна Москвы.

Ядром следующего направления западной классической социологии питания, именуемой структурализмом, является идея о том, что питание – это, определенного рода, символическая деятельность, отражающая социальный статус индивида. Питание с позиции французского литературоведа Ролана Барта [1] – это, систематизированный и структурированный процесс социальной коммуникации.

Ценный вклад в теоретическое познание социологии питания внес французский историк Фернан Бродель [2], который рассматривал питание как социально-экономическую систему, интегрированную в процесс производства, распределения, обмена и потребления продуктов питания. Именно в этом контексте рассматривается китайский ресторан, выступающий проводником между китайской едой и социальным институтом. В статье анализируется влияние социальных ресурсов на экономическое воспроизводство ресторанного бизнеса.

«Человечество начинается с кухни» – знаменитое афористичное заявление французского социолога и культуролога Клода Леви-Стросса [9]. Действительно, символизируя собой на рассвете

цивилизации исключительно средство удовлетворения физических потребностей (хотя и ритуализированное и нормированное), еда трансформировалась сегодня в важнейшую форму невербального языка, культурной идентификации, один из ключевых инструментов межкультурного диалога (эволюция человека в контексте восприятия мира шла от желудка к сознанию). В условиях глобализации еда выступает в качестве межнационального поликультурного диалога, формирующего единое социокультурное пространство, способствующее консолидации и идентификации индивидов как некоей общности. Еда позволяет человеку приобщаться к культурным ценностям, нормам и аутентичным национальным кодам, аккумулированным этносами на протяжении тысячелетий [13].

В Китае глубоко философское и идеологическое отношение к еде исторически детерминировано голодом и борьбой за выживание, исчисляемыми тысячелетиями и сохраняющимися по настоящее время в некоторых бедных провинциях государства. Китайским народом еда рассматривается как величайший дар, в гастрономических привычках отражается понимание гармонии, зияющей на противоречиях, осознание баланса между природой и жизненной силой. Тематика еды в межличностных коммуникациях китайцев превалирует над остальными, культ еды возведен в ранг искусства, процесс потребления пищи – священный ритуал. Господство культуры еды над прочими сферами жизнедеятельности китайцев сигнализируется даже в приветствии «*Nichifanlema?*», которое дословно переводится как «Вы уже ели?». Китайская кухня представлена порядка 80000 кулинарных изысканий, содержащих древние традиционные ингредиенты, специфические исключительно для китайской культуры: гнезда ласточки, плавники акулы, кожуры мандарина, детеныши воробьев. В Китае глубоко почитаются и ценятся профессиональные высококомпетентные повара, что берет истоки еще в эпоху империализма, когда правители могли казнить плохих поваров и одаривать богатством и высокими чинами хороших [6].

Тенденции развития и трансформации современной социальной системы транслируются и на систему питания, которая приобретает колоссальное разнообразие, отвечая на вызовы времени. Как отмечают Веселов Ю.В. и Цзин Цзюнкай [3], на сегодняшний день приоритетной парадигмой в системе социально-политических координат является «вестернизация», представляющая собой активное распространение западных норм и форм культуры, ставшая, в том числе, основополагающей концепцией развития глобализации питания. В настоящее время ключевыми игроками на рынке питания являются исключительно американские бренды, такие как Subway, KFC, McDonald's, Coca-Cola, Pepsi, идеология которых значительно контрастирует с восточным и азиатским миром. «Вестернизация» и «макдональдизация» формируют единое унифицированное глобальное пространство потребления, преломляющее и подавляющее национальную культуру питания.

Феномен «вестернизации» начал проявляться в Китае с открытием иностранной сети быстрого питания McDonald's и KFC в конце 1980-х гг., ознаменовавших начало политики открытости и реформ в стране. Если современная политика ресторанов McDonald's и KFC опирается на тезис: «дешевое и быстрое питание», то в XX веке посещение данных заведений являлось привилегией исключительно богатых людей, выражая собой демонстративный акт потребления. Однако в скором времени на фоне китайского экономического чуда, феноменального технологического и социально-экономического прогресса, эти американские сети фаст-фуда превратились в рядовые «забегаловки», потеряв маркер статуса.

Тем не менее, согласно Веселову Ю.В. и Цзин Цзюнкай, взаимодействие культурных влияний оказалось двусторонним, и восточная культура питания также стала проникать в Европу и Америку вслед за процессами глобализации. Так, в противовес «вестернизации» сформировался устойчивый феномен «истернизации» или «ориентализации». В первую очередь, это связано с тем, что Китай является крупнейшим в мире источником выездного туризма. По данным туристической ассоциации «Мир без границ», число выездных поездок китайских туристов в 2018 году составило более 140 миллиона. Безусловно, такой поток китайских туристов оказал ощутимое влияние на западное общество. Соответственно, за спросом последовало предложение - активный китайский туризм детерминировал необходимость открытия китайских ресторанов, стремительно завоевавших значительную долю западного рынка и интегрировавших атрибуты китайской культуры питания в западный мир (яркий пример - китайские палочки) [7].

Автором данной работы было проведено анкетирование в г. Москва, цель которого заключалась в определении степени популярности китайской кухни в России и роли китайской еды в межкультурной коммуникации России и Китая. Объем выборки составил 100 человек, исследование осуществлялось на протяжении месяца методами включенного исследования и массового анкетирования. Выбор китайских ресторанов для исследования был определен методом случайной выборки в целях достижения прозрачных, объективных результатов. По результатам опроса о предпочитаемых национальных кухнях, абсолютными лидерами оказались русская и советская кухня (42 %), на втором месте расположилась кавказская кухня (15 %), третью позицию заняла японская кухня (14%), четвертую итальянская (13 %), и, наконец, пятого места удостоилась китайская кухня (11 %). На наш взгляд, показатель востребованности китайской кухни, пришедшей в Россию с заметным опозданием, весьма высокий и удовлетворительный. В целом, результаты исследования однозначно демонстрируют интерес российских граждан к этнической кухне. Это связано, главным образом, с романтизацией и мифологизацией восточной кухни, попытками приобщения к аутентичной, закрытой культуре.

По результатам наблюдений, автором были собраны следующие данные: ресторан «Китайские новости» за месяц посетили 123 китайца и 178 россиян; ресторан «Хон Гиль Дон» - 187 китайцев и 150 россиян, теневой ресторан на рынке Люблино - 189 китайцев и 134 россиян. Это свидетельствует о популярности китайской еды в российском социуме и установлении эффективных многочисленных социальных отношений и межкультурного диалога китайского и российского народа в ходе посещения ресторана. Акт приема пищи в ресторанах является социальным действием, а продукты в ходе их потребления и приготовления наделяются особым символизмом и значением. Ресторан - это некоторое физическое или архитектурное пространство, и одновременно с этим, социальное явление - социальное пространство для трапезы и межкультурного взаимодействия, в данном случае, китайской и российской культур.

Далее, в целях установления роли китайской еды в межкультурном взаимодействии России и Китая, посетителям вышеуказанных китайских ресторанов был задан следующий вопрос: «Что Вы наиболее всего цените в китайских ресторанах?» (рис. 1).

Как видно из рисунка 1, для китайской публики наибольшую ценность в китайских ресторанах представляет общение с соотечественниками (56 %). Это свидетельствует о том, что китайские рестораны служат ключевым ресурсом, воссоздающим и конструирующим привычный для китайцев микросоциум, а с другой стороны, играют отрицательную роль с позиции возможности расширения коммуникационных связей, изолируя китайское общество от российской социальной среды. Этот информационный вакуум существенно препятствует установлению межкультурной коммуникации между китайцами и русскими. Вторым по популярности ответом стал вкус и качество китайской еды (34 %), что закономерно, поскольку китайцы не привыкли есть западную пищу, они, в большинстве своем, остаются приверженцами китайского вкусового габитуса.

В качестве наиболее распространенных причин посещения китайского ресторана российские респонденты обозначили вкус и качество еды (50 %), приобщение к китайской культуре (18 %), интерьер с национальным колоритом (12 %), а также общение с китайской публикой (10 %). Данные результаты иллюстрируют наличие искреннего интереса у московской публики к китайской культуре и межкультурным коммуникациям с представителями китайского этноса. Также, на это указывает положительный ответ подавляющего большинства (89 %) российских респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, является ли китайская еда проводником в китайскую культуру?».

Таким образом, китайская еда - это целая наука, отдельное философское течение, в основе которой лежат два самостоятельных начала: духовное и материальное. Китайская еда как важнейший символ «мягкой силы» служит эффектив-

ным инструментом межкультурной коммуникации и культурного взаимообогащения. Основополагающим посредником между китайской едой и российским обществом выступают китайские рестораны, миссия которых заключается в создании устойчивого пространства для социальной коммуникации российского и китайского общества. В ходе эмпирического исследования роли китайских ресторанов в г. Москва для китайского и российского социума, выявлено, что китайские рестораны служат ключевым ресурсом, воссоз-

дающим и конструирующим привычный для китайцев микросоциум, а, с другой стороны, играют отрицательную роль с позиции возможности расширения коммуникационных связей, изолируя китайскую публику от российской социальной среды. При этом, результаты анкетирования иллюстрируют наличие искреннего интереса у московской публики к китайской культуре и межкультурным коммуникациям с представителями китайского этноса.

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что Вы наиболее всего цените в китайских ресторанах?»

Литература:

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1994. 616 с.
2. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М. : Прогресс, 1986. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. 198 с.
3. *Веселов Ю.В.* Процессы глобализации питания: взаимное влияние культур Запада и Востока / Ю.В. Веселов, Цзин Цзюнкай // *Здоровье и образование в XXI веке*, 2016. С. 135–140.
4. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. М. : Канон, 2012. 352 с.
5. *Зиммель Г.* Социология трапезы // *Социология: теория, методы, маркетинг*, 2010. № 4. С. 187–192.
6. *Канатова А.Х.* Особенности китайской культуры питания // *Научный потенциал регионов на службу модернизации*, 2011. С. 212–219.

Literature:

1. *Bart R.* Selected works: Semiotics. Poetics. M. : Progress, 1994. 616 p.
2. *Braudel F.* Material civilization, economy and capitalism XV–XVIII centuries, Moscow: Progress, 1986. Vol. 1: the Structures of everyday life: the possible and the impossible. 198 p.
3. *Veselov Yu Jing Tsunki* the globalization of food: the mutual influence of the cultures of East and West // *Health and education in the XXI century*, 2016. P. 135–140.
4. *Durkheim E.* Sociology. Its subject, method, purpose / Per. with FR. M. : Canon, 2012. 352 p.
5. *Simmel G.* The Sociology of the meal // *Sociology: theory, methods, marketing*, 2010. № 4. P. 187–192.
6. *Kanatova A.H.* the characteristics of Chinese food culture // *Scientific potential of the regions in the service of modernization*, 2011. P. 212–219.

7. *Мазанкова Т.В.* Китайское наступление: развитие китайской кухни в Хабаровске // *Baikal Research Journal*, 2015. № 5. С. 100–112.

8. *Сорокин П.А.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Пг. : Колос, 1922. 234 с.

9. *Lévi-Strauss C.* The Culinary Triangle // *Counihan C., Van Esterik P.* Food and Culture: A Reader. 2nd ed. New-York : Routledge, 2008. P. 36–43.

7. *Mazankova T.V.* Chinese offensive: the development of Chinese food in Khabarovsk // *Baikal Research Journal*, 2015. № 5. P. 100–112.

8. *Sorokin P.* Hunger as a factor. The influence of hunger on human behavior, social organization and social life. PG. : Kolos, 1922. 234 p.

9. *Lévi-Strauss C.* The Culinary Triangle // *Counihan C., Van Esterik P.* Food and Culture: A Reader. 2nd ed. New-York : Routledge, 2008. P. 36–43.

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор
кафедры управления персоналом
и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Head of chair of History of Russia,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor Departments
of Personnel Management
and Sociology,
Rostov State Economic University
darya.maksimovich@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

■ ■ ■
Аннотация. Концепция коллективной памяти, представленная Морисом Хальбваксом, является одной из ключевых концепций, позволяющих понять, как поддерживается социальный порядок и как происходят социальные изменения в обществе. В этом смысле, социологический анализ коллективной и исторической памяти может способствовать разработке общей социальной теории, тем более, что эпоха позднего модернизма становится «эпохой сохранения», когда даже негативная память, подобная опыту войны, становится объектом увековечивания и сохранения, а политика памяти занимает всё более важное место в поддержании национальной идентичности и сохранении национальной культуры.

Ключевые слова: коллективная память, историческая память, политика памяти, культура, музеефикация, коллективные представления, социальный порядок.

■ ■ ■
По словам Э. Дюркгейма, коллективные представления включают символы, имеющие общее значение для членов той или иной социальной группы или общества. Социология коллективной памяти, проект которой был предложен Морисом Хальбваксом, одним из учеников Дюркгейма, находился в русле его социологической теории.

Память представляет собой сложную совокупность знаний и образов и, как правило, считается принадлежащей индивиду. Согласно Хальбваксу, однако, индивидуальная память не полностью замкнута, поскольку она построена посред-

HISTORICAL AND COLLECTIVE MEMORY AND SOCIAL ORDER

■ ■ ■
Annotation. The concept of collective memory, presented by Maurice Halbwax, is one of the key concepts that allow us to understand how the social order is maintained and how social changes occur. In this sense, a sociological analysis of collective and historical memory can contribute to the development of a general social theory, all the more so since the late modernist era becomes a «preservation era», when even a negative memory, like the experience of war, becomes an object of perpetuation and preservation, and the politics of memory occupies an increasingly important place in maintaining national identity and preserving national culture.

Keywords: collective memory, historical memory, politics of memory, culture, museification, collective representations, social order.

■ ■ ■
ством взаимодействия с другими. Индивидуальная память находится под влиянием коллективных представлений о прошлом. В этом смысле нет индивидуальной памяти как таковой. Хальбвакс обозначает это коллективное представление о прошлом как коллективную память.

Джеффи К. Олик справедливо заметил, что коллективная память у Хальбвакса указывает на два типа явлений: социально оформленные индивидуальные воспоминания и коллективные мемориальные представления, запечатленные в определенных культурных артефактах (Olick, 2007: 20). В первой части «Социальных рамок памяти»

Хальбвакс стремился исследовать коллективную память с точки зрения индивидуума. В частности, когда он рассматривает феномен семейной памяти, его внимание, в основном, было сосредоточено на том, каким образом человек составляет его/ее память по отношению к другим при помощи того, что Хальбвакс называет «рамками». Рамки дают возможности помнить прошлое, связанное с личной жизнью человека. Члены группы или некоторые важные события составляют определенную структуру, которая задает ориентиры для запоминания.

Коллективная память – не слишком четко определяемый феномен. Это нечто неопределенное и трудное для понимания. Кроме того, коллективная память динамична и меняется со временем, потому что меняется состав социальных групп, являющихся её носителями. Иными словами, коллективная память тесно связана с живым прошлым тех, кто составляет группу. Если прошлое теряет актуальность и реальную значимость для членов группы, оно исчезнет из коллективной памяти.

Тем не менее, возможны некоторые исключения. Когда Хальбвакс анализирует религиозную коллективную память, он рассматривает её как нечто совершенно особенное, поскольку религиозная память принадлежит группе и считается фиксированной раз и навсегда. Например, церковь имеет свою собственную память, которая является религиозным учением. Члены Церкви убеждены, что доктрина неизменна. Христиане считают, что память христиан с точностью хранит детали жизни Христа. На самом деле то, во что они верят, не является неизменным, потому что коллективная память, по сути, является не столько копией, сколько реконструкцией прошлого. Хальбвакс заходит так далеко, что утверждает – знание того, что было в действительности, является вторичным и не имеет большого значения. Коллективная память, таким образом, приближается к коллективным представлениям или даже становится синонимом коллективной совести. Религиозная память рассматривается Хальбваксом как нечто большее, чем простая совокупность индивидуальных воспоминаний.

Англоязычная и немецкоязычная традиция социального теоретизирования использует термин «знание», а не концепцию памяти, но довольно часто говорит о сходных феноменах. Так, Джордж Герберт Мид, отмечал, что прошлое содержится в настоящем (Мид, 2014). Он утверждал, подобно Хальбваксу, что прошлое реконструируется в соответствии с нынешней, обусловленной настоящим, точкой зрения. Человек размышляет о прошлом всегда только в настоящее время, знания о прошлом, определяемое настоящим, может измениться.

Альфред Шюц на основе феноменологической традиции пытался показать, как человек формирует свой запас знаний. Он использовал термин «удержание» для обозначения процесса, в ходе которого человек составляет свой запас знаний посредством упорядочивания своего опыта. Он также отмечал влияние представлений «пред-

шественников», которые играют роль в формировании знаний индивида в социальном мире.

Мид и Шюц, как и Хальбвакс, подчеркивают значение основополагающих аспектов прошлого, в то время как Майкл Полани рассматривает бессознательное приобретение знаний, прибегая к понятию «молчаливое знание». Суть молчаливого знания Полани кратко формулирует так: «Мы можем знать больше, чем можем рассказать» (Polanyi, 1966: 4). То есть, знания не ограничиваются тем, что мы можем сознательно анализировать, используя язык; знание, воспринимаемое физически, предшествует ему, и Полани считает, что это знание является более фундаментальным.

Есть два разных способа мышления о прошлом. Один подчеркивает конститутивные аспекты прошлого. Другой настаивает на неосознаваемых аспектах передачи прошлого. Но если существует неосознаваемая совокупность представлений о прошлом, она должна быть социально сконструированной и накопленной. Неявное или «молчаливое» знание, таким образом, приближается к понятию «габитус» в социальной теории Пьера Бурдьё.

Габитус в контексте взглядов Бурдьё, позволяет индивиду вести себя определенным образом практически неосознанно, так как габитус «встроен» в наше тело. Габитус позволяет поддерживать социальную структуру. Другими словами, посредством габитуса, повторяющаяся и неосознанная практика в повседневной жизни обеспечивает воспроизводство социального порядка. Этот вопрос культурной практики или же – традиции, в том смысле, в каком они рассматривались Эдвардом Шилзом, отличается от коллективной памяти, поскольку «молчаливое знание» и привычка составляют бессознательный телесный способ передачи культуры. Тем не менее, передача культуры или же воспроизводства социального порядка, анализируемая Бурдьё, может внести вклад в социологический анализ коллективной и исторической памяти.

Сконструированный характер коллективной памяти, показанный Хальбваксом, породил многочисленные эмпирические исследования в области социологии и истории. Однако, по словам Хальбвакса, коллективная память отличается от истории, даже если история влияет на формирование коллективной памяти, потому что коллективная память сохраняет только часть прошлого, которая все еще жива в коллективных представлениях группы.

Традиционная концепция истории, рассмотренная Хальбваксом, пересмотрена в настоящее время, поскольку Школа «Анналов», во многом, вдохновленная Дюркгеймом, изменила понимание истории. Школа «Анналов» настаивала на значимости экономической и социальной истории. Л. Февр и М. Блок, основатели Школы «Анналов», настаивали, что историки должны формулировать проблемы исследований, исходя из интересов настоящего, воссоздавая картину жи-

вого прошлого. Таким образом, их позиция была близка позиции Хальбвакса.

В этом смысле, история близка коллективной памяти, но разница заключается в том, что коллективная память с большей вероятностью исчезнет с исчезновением тех, кто непосредственно заинтересован в сохраняемых памятью событиях.

Идея коллективной памяти, представленная Хальбваксом Школой «Анналов», приобрела актуальность с середины 70-х годов XX в.

Историк Пьер Нора отмечает, что общество модерна теряет чувство памяти, что порождает необходимость создавать специализированные институты, нацеленные на её сохранение. Он обозначает эти институты или учреждения как «места памяти».

Некоторые институты, существующие в современных обществах, играют важную роль в конструировании и сохранении коллективной памяти и культуры: архивы, библиотеки, музеи, получающие распространение с девятнадцатого века. Кроме того, важные исторические события отмечаются, проводятся юбилейные мероприятия, строятся памятники, чтобы сохранить и зафиксировать значимые исторические события. Все это способствует социальной интеграции, легитимации существующего порядка, укреплению коллективных идентичностей.

Подобная идея может быть найдена и у Хальбвакса: он отмечал значимость пространственной репрезентации коллективной памяти. Память человека тесно связана с конкретным пространством: например, комната, сад, угол улицы и прочее – места, которые знакомы, приобрели эмоциональную ценность и позволяют помнить прошлое. Наличие таких мест важно и для индивидуальной, и для коллективной памяти.

Исторический подход к исследованиям мемориальных институтов или мест памяти отличается от социологического: историк составляет историографию мемориальных институтов, социолог исследует процесс и практики конструирования памяти. Историк склонен принимать исторические данные как таковые, в то время как социолог исходит из критической точки зрения, учитывая, что для исследования коллективной памяти важен не столько поиск новых исторических фактов, сколько понимание того, как человек или группа помнит прошлое. Каждая группа имеет свои традиции и сохраняет свои воспоминания о событиях и людях, которые оказали сильное влияние на группу. Без этих воспоминаний, разделяемых членами группы, она не может сохраниться. И если некоторые члены группы находятся под влиянием кого-либо или чего-либо вне группы, группа реагирует по-разному.

Группа может принимать новые элементы на основе сохраняющихся воспоминаний. Но группа также может отклонить совершенно новые элементы для защиты своих традиций. Таким образом, могут возникать конфликты в отношении памяти, и реакция группы может привести к из-

менениям. Социология коллективной памяти является попыткой понять, как поддерживается социальный порядок и как происходят социальные изменения.

Определенный «порядок памяти» должен быть присущ всему сообществу, поскольку обеспечивает интеграцию и коллективную идентичность. Но чем сложнее общество, тем больше порядок памяти находится под угрозой, так как сложное общество предоставляет больше возможностей встретить людей, которые не разделяют ту же память или воспоминания. Семьи и сообщества имеют тенденцию терять автономию и подчиняться государственному заказу, призванному быть единственным миротворцем в ситуации, когда различные группы производят различные версии коллективной памяти. Чтобы выполнить эту функцию, национальное государство пыталось построить новую структуру коллективной памяти, которая полагалась бы в основу национальной идентичности.

Анри-Пьер Жюди отмечал, что с 1980-х годов индустриальные общества начали исследовать их региональную и городскую этнологию (Jeudy, 1986: 17). Практически одновременно в социологии был разработан новый метод, основанный на исследовании «историй жизни», биографии. Это было обусловлено общим для индустриальных обществ ускоренным инновационным развитием, которое неизбежно порождало и социальные преобразования, влекло за собой быстрое устаревание промышленных объектов и превращение их в «культурное наследие». Индустриальные общества, по замечанию ряда исследователей, достигли своеобразной «эпохи сохранения», когда в культурное наследие и места памяти превращается нечто, еще совсем недавно актуально функционирующее.

В эту эпоху сохраняется не только культурное наследие, связанное с эстетической ценностью или историческими реликвиями, наподобие древних египетских мумий. Сохраняются объекты, связанные с событиями, вызывающими негативные воспоминания, которые все еще могут быть достаточно яркими, – настолько, что некоторые люди желали бы их забыть. Сохраняются нацистские концлагеря, превращенные в музеи. Кирпичное здание Промышленной палаты Хирсими (известной как «Купол Гэмбаку» или «Атомный купол»), которое располагалось в 160 метрах от эпицентра взрыва атомной бомбы, в 1996 году было возведено в ранг всемирного наследия ЮНЕСКО.

В дополнение к памятникам или мемориалам войны, другие мемориальные объекты, связанные с разрушением и нанесением урона людям и окружающей среде, можно назвать «негативным наследием». Они отличаются от объектов культурного наследия древней истории, различное отношение к ним может привести к полемике и политическим конфликтам.

Это связано с двойственной природой «негативной памяти». С одной стороны, люди подвержены желанию как можно скорее забыть не-

приятные и страшные события. Даже если люди не могут полностью забыть о каких-то травмирующих событиях, они пытаются отстраниться от них – насколько это возможно. В том случае, если они вынуждены противостоять воспоминаниям, они пытаются держать их глубоко внутри. Такие чувства означают, что люди молчат о негативных воспоминаниях, и это связано с желанием удалить все объекты, которые могут вызвать их.

Бывшая штаб-квартира генерал-губернатора Кореи в Сеуле была снесена, потому что вызвала воспоминания о бывшем колониальном периоде. Когда Восточная и Западная Германия были объединены, первое, что было снесено – Берлинская стена, хотя часть её была сохранена в качестве мемориального объекта.

Тем не менее, даже если воспоминание является негативным, это может вызвать желание зафиксировать его, придав ему определенный смысл. Иногда люди могут чувствовать желание говорить о негативном опыте, который ранее сложно было вербализовать. Это происходит потому, что переживание негативного опыта – смерти и воспоминания о ней, утрачивают свою остроту. Например, опыт, описанный выжившими после атомной бомбардировки Хиросимы, отражает сцены массовой смерти и страдания, но их описывают выжившие, а не погибшие. Выжившие осознают, что один шаг в неправильном направлении может закончиться смертью, а не выживанием. Вместе с воспоминаниями о тех, кто умер, это внушает выжившим желание говорить об этом опыте и, хотя это негативный опыт, – передать его последующим поколениям.

В других случаях, наследие, которое больше не существует, может быть реконструировано, как в случае с собором Ураками, частью музея атомной бомбардировки Нагасаки. В Корею штаб-квартира бывшего генерал-губернатора была снесена, но был построен Мемориальный музей независимости Кореи в Чхонане, его богатая экспозиция посвящена борьбе корейского народа с японскими захватчиками.

Вопрос о сохранении негативного наследия недавней истории показывает, как позднесовременное общество склоняется к практикам сохранения прошлого даже в самых болезненных его аспектах, связанных с тем, что люди необязательно хотели бы запомнить. Мы вынуждены

Литература:

1. *Мид Д.Г.* Философия настоящего. М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 272 с.
2. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007.
3. *Bourdieu P.* Le Senspratique. Les Éditions de Minuit. Paris, 1980.

хранить память даже о событиях, которые мы надеемся забыть. С точки зрения социологии коллективной памяти, это связано с отсутствием порядка памяти, что позволял бы живым скорбеть о мертвых. Через порядок памяти осуществляется упорядочивание и осмысление опыта, что позволяет преодолеть кризис. В прошлом эта цель достигалась при помощи вписывания негативных событий в традиционное мифологическое мировоззрение и наличия ритуальных практик, способных преодолеть психологические последствия пережитого. Современные общества утратили подобные механизмы, «порядок памяти» перестал функционировать бесперебойно. В этой ситуации, жертвы стихийных бедствий, войн и насилия склонны расценивать свой опыт как «абсурдный». Потеря близких не может быть ими принята. Общество позднего модерна стремится найти подходящую систему для структурирования негативных воспоминаний и опыта путем установления траура, памятных дат, памятников, музеев и сборников исторических документов.

Существует два способа восприятия времени в эпоху позднего модерна. Во-первых, присущее философии Нового времени понимание истории как процесса освобождения человечества. Во-вторых, постмодернистский взгляд, который уходит от линейного восприятия времени, включающего прошлое, настоящее и будущее. В постмодернистском представлении прошлое существует только как память. Обе перспективы значимы и важны для поддержания социального порядка в обществах позднего модерна, имеющих как современные, так и постмодернистские аспекты.

Хальбвакс стал основателем социологического анализа коллективной памяти как критического подхода к современному обществу и общего взгляда на историю, в эпоху, когда линейное прогрессистское понятие истории было доминирующим, хотя уже подвергалось критике. Вызов Хальбвакса социальной теории все еще остается актуальным в «эпоху сохранения», когда даже негативная память становится объектом сохранения, а военное наследие считается «культурным» наследием. В эпоху позднего модерна и глобализации политика памяти занимает всё более важное место в поддержании национальной идентичности и сохранении национальной культуры.

Literature:

1. *Mid D.G.* Philosophy of the present. M. : Publishing. House of the Higher School of Economics, 2014. - 272 p.
2. *Halbwax M.* Social framework of memory. M. : New Publishing House, 2007
3. *Bourdieu P.* Le Senspratique. Les Éditions de Minuit. Paris, 1980.

4. *Jeudy H.-P.* Mémoires du social. P.U.F., Paris, 1986.

5. *Olick J.-K.* The Politics of Regret. Routledge, New York, 2007.

6. *Polanyi M.* The Tacit Dimension. Routeledge & Kegan Paul Ltd., London, 1966.

4. *Jeudy H.-P.* Mémoires du social. P.U.F., Paris, 1986.

5. *Olick J.-K.* The Politics of Regret. Routledge, New York, 2007.

6. *Polanyi M.* The Tacit Dimension. Routeledge & Kegan Paul Ltd., London, 1966.

Кузнецов Дмитрий Николаевич
аспирант кафедры
социологии и психологии,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Нижегородский институт Управления
nikolaevich0504@list.ru

Dmitry N. Kuznetsov
Graduate student of the Department
Sociology and Psychology,
Russian Academy of Folk
and Public Service under the President
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Institute of Management
nikolaevich0504@list.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВ СОВРЕМЕННОГО МЕНЕДЖЕРА

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE QUALITIES OF A MODERN MANAGER

Аннотация. В статье представлены основные теоретические подходы к анализу качеств современного менеджера. Проанализированы основные тенденции развития социологических теорий управления, которые оценивают качества менеджера с точки зрения различных моделей управления. Качества современного менеджера в контексте функций управления, функционально-ролевой структуры управленческой деятельности, моделей лидерства и авторитета, компетентностных моделей эффективного менеджера.

Annotation. The article presents the main theoretical approaches to the analysis of the qualities of a modern manager. The main trends in the development of sociological management theories that evaluate the quality of a manager from the point of view of various management models are analyzed. Qualities of a modern manager in the context of management functions, functional-role structure of managerial activity, leadership and authority models, competency-based models of an effective manager.

Ключевые слова: управление, менеджер, лидерство, авторитет, компетенции.

Keywords: management, manager, leadership, authority, competencies.

В современных социально-экономических условиях постиндустриального общества ведущими ценностями становятся знания, технологии и квалификация людей, а в качестве производительной силы выступают интеллектуальные технологии. Наблюдается переход от традиционного к инновационному менеджменту, что предъявляет новые требования к качествам современного менеджера.

денции развития теории управления осуществляется «в направлении: от закрытых систем – к открытым; от материалистической ориентации – к гуманистической; от централизации власти – к распределению; от внешне задаваемой – к внутренней мотивации; от ориентации на потребности организации – к ориентации на потребности работников; от вынужденной дисциплины – к самодисциплине; от авторитарной роли руководителей – к лидерской роли и поддерживающей работе в команде» [4, с. 413].

С теоретических позиций социологии управления качества современного менеджера анализируются в контексте тенденций развития социологических теорий управления. В самом общем виде, сущность понятия «управление» определяется как определенная властная форма закрепления социальных отношений людей, различающихся местом в иерархии системы управления и распределения труда в организации, которое в свою очередь определяет размер вознаграждения. Поэтому менеджер, осуществляющий непосредственное управление в организации, должен обладать необходимыми управленческими компетенциями и качествами для реализации поставленных организационных целей и задач.

В соответствии с данными воззрениями развиваются и взгляды ученых на качества менеджера, необходимые для эффективного управления современной организацией, которые в условиях интеллектуализации труда имеют свою специфику. Качества современного менеджера исходят из функций управления, основными из которых являются мотивация, планирование, организация, принятие управленческих решений и контроль. Исходя из этого, Дж. В. Ньюстром и К. Дэвис в виде ведущих выделили три группы качеств менеджера:

Проанализируем развитие теоретических воззрений ученых на сущность управления и роль менеджера в управленческой системе организации. Согласно Дж. В. Ньюстром и К. Дэвис, тен-

– техническую квалификацию, отражающую владение управленческой технологией на профессиональном уровне;

– умение работать с людьми;

– концептуальные способности, отражающие умения в области анализа людей, структур и взаимосвязей, а также долгосрочного планирования [4, с. 183].

В настоящее время для эффективного управления, которое протекает в условиях неопределенности внешней среды, как отмечает Т.М. Баландина, менеджеру необходимо владеть следующим набором качеств: новаторство, склонность к риску, способность подчиняться власти, сила воли, убежденность в собственной правоте, инновационный менталитет, коммуникабельность и мобильность [2, с. 25–26].

Исходя из функционально-ролевой структуры управленческой деятельности менеджера, Т.Ю. Базаровым выделены следующие роли: управленец, организатор, руководитель, администратор [1, с. 37]. В модели Г. Минцберга выделены три взаимосвязанные группы ролей руководителя:

– межличностные роли: роль руководителя, роль лидера, связующая роль; информационные роли;

– решающие роли: роль предпринимателя, роль решателя проблем;

– роль распределителя ресурсов и ведущего переговоры [3, с. 211].

Интерес представляют качества менеджера, основанные на моделях лидерства и авторитета менеджера. Концепция авторитета опирается на принцип авторитета менеджера, выделенного А. Файолем, согласно которому «авторитет производится знаниями, опытом, способностями к

Литература:

1. *Базаров Т.Ю.* Технология центров оценки персонала: процессы и результаты. М. : Кнорус, 2016. 302 с.
2. *Баландина Т.М.* Социология управления : учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 39.03.01 «Социология» / Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова. Саратов, 2016. 224 с.
3. *Моллинз Л.* Менеджмент и организационное поведение : учебно-практическое пособие. Мн.: Новое знание, 2003. 1039 с.
4. *Ньюстром Дж. В.* Организационное поведение / Дж. В. Ньюстром, К. Дэвис. СПб. : Питер, 2000. 448 с.
5. *Спенсер Л.М.* Компетенции на работе. Модели максимальной эффективности работы / Л.М. Спенсер, С.М. Спенсер. М. : HIPPO, 2005. 384 с.
6. *Теория системного менеджмента : учебник / Под общ. ред. В.Г. Янчевского и др. Мн. : Акад. упр. при Президенте РБ, 2001. 391 с.*

управлению, моральными качествами, ответственностью, интеллигентностью» [6, с. 30]. С позиции лидерства качества менеджера раскрываются в моделях лидерских стилей (К. Левин, Р. Лайкерст), «сетки лидерства» (Р. Блейк и Дж. Моутон), модели лидерства «путь-цель» (Р. Дж. Хаус и Т. Р. Митчелл), модели ситуационного лидерства (Г. Херсей и К. Бланшард).

В современных условиях широкое развитие получил компетентностный подход, отражающий оценку качеств современного менеджера с точки зрения развития необходимых компетенций, которые, согласно британским ученым Л. и М. Спенсер, определяются как «базовое качество индивида, влияющее на эффективность и/или качество выполняемой им деятельности» [5, с. 9]. Л. Моллинз называет следующие группы качеств и компетенций современного менеджера:

– техническую компетентность;

– социальные навыки и человеческие качества;

– концептуальные способности – видение организации как единой целостности, готовность к стратегическому планированию с учетом окружающей среды [3, с. 202].

Таким образом, с позиции современных социологических подходов к управлению качества современного менеджера анализируются в контексте анализа его основных функций, распределения ролей в управленческой структуре, ролевых функций, лидерства и авторитета, структуры различных компетенций, определяющих эффективность деятельности субъектов управления в современных организациях.

Literature:

1. *Bazarov T.Yu.* Technology of personnel assessment centers: processes and results. M. : Knorus, 2016. 302 p.
2. *Balandina T.M.* Sociology of Management: a textbook for students studying in the direction of preparation 39.03.01 «Sociology» / Saratov Socio-Economic Institute (branch) of REU named after G.V. Plekhanov. Saratov, 2016. 224 p.
3. *Mollins L.* Management and organizational behavior: a practical training manual. M. : New knowledge, 2003. 1039 p.
4. *Newstrom J.V.* Organizational Behavior / J.W. Newstrom, C. Davis. SPb. : Peter, 2000. 448 p.
5. *Spencer L.M.* Competencies at work. Models of maximum work efficiency / L.M. Spencer, S.M. Spencer. M. : HIPPO, 2005. 384 p.
6. *Theory of systems management : textbook / under total. ed. V.G. Yanchevsky et al. Mn. : Acad. control under the President of the Republic of Belarus, 2001. 391 p.*

Кубекова Алия Салаватовна
старший преподаватель кафедры
психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Шагина Инна Рудольфовна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры физики,
математики и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
t.sm.2019@bk.ru

АНАЛИЗ САМООЦЕНКИ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

■ ■ ■

Аннотация. В статье представлены данные социологического исследования анализа самооценки состояния здоровья студентами Астраханского государственного медицинского университета. В выборку прикладного социологического исследования вошли студенты второго, третьего, четвертого и пятого курсов, специальностей «Лечебное дело», «Педиатрия», «Стоматология» в количестве 1000 человек в возрасте от 20 до 26 лет. Основным эмпирическим методом был опрос с помощью специально разработанной анкеты. По результатам исследования были установлены факторы, влияющие на здоровье студентов медицинского университета: правильное питание, материальное состояние семьи, здоровый образ жизни, отсутствие вредных привычек. В ходе анкетирования было определено отношение студентов (как юношей, так и девушек) к вредным привычкам (курение, употребление алкоголя).

Ключевые слова: медицинский вуз; показатели здоровья; правильное питание; студенты медицинского вуза; материальное состояние семьи; самооценка здоровья; здоровый образ жизни.

■ ■ ■

Aliya S. Kubekova
Senior Lecturer of the Department
Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Inna R. Shagina
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Physics,
Mathematics and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Tatiana A. Smakhtina
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
Ministry of Health of Russia
t.sm.2019@bk.ru

ANALYSIS OF THE SELF-ASSESSMENT OF HEALTH OF STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITY

■ ■ ■

Annotation. The article presents data from a sociological study of the analysis of self-esteem of health status by students of the Astrakhan State Medical University. The sample of applied sociological research included second, third, fourth and fifth year students of the specialties «General Medicine», «Pediatrics», «Dentistry» in the amount of 1000 people aged 20 to 26 years. The main empirical method was a survey using a specially designed questionnaire. According to the results of the study, the factors affecting the health of students of a medical university were established: proper nutrition, the material condition of the family, a healthy lifestyle, and the absence of bad habits. During the survey, the attitude of students (both boys and girls) to bad habits (smoking, drinking) was determined.

Keywords: medical university; health indicators; proper nutrition; students of a medical university; the material condition of the family; self-esteem of health; healthy lifestyle.

■ ■ ■

Введение. Состояние здоровья студенческой молодежи характеризуется системой комплексных показателей, определяющих особенности адаптации к условиям окружающей среды и ориентированности в современном пространстве жизнедеятельности [8]. Проблемы охраны здоровья и образа жизни молодежного сообщества в рамках образовательного процесса вуза притягивает внимание на многокомпонентное решение на перспективу реализации программ здоровье сбережения [5]. Информативным показателем здоровья индивидуума является самооценка собственного состояния здоровья с учетом объективных фактов и субъективных аргументов. Самооценка как интегральный показатель включает в себе оценку не только наличия или отсутствия симптомов заболевания, но и психологического благополучия – своих возможностей и качеств, осознания жизненной перспективы, своего места среди других людей [1]. В современном обществе пропагандируется здоровый образ жизни как основа миропостроения, где «архитекторами» выступает молодёжь, у которой навыки правильного отношения к собственному здоровью должны формироваться с момента поступления в вуз и приоритетно усиливаться во всех сферах будущей профессиональной деятельности [4]. Исследование самооценки здоровья студентами медицинского вуза – это показатель создания условий для обеспечения профилактической работы,

тщательного изучения различных проблем заболеваемости, характеристик психических и физических состояний, а также прогнозирования отклонений и качества здоровьесбережения [2].

Цель исследования заключалась в анализе самооценки состояния здоровья студентами Астраханского государственного медицинского университета.

Материалы и методы. Настоящее исследование проводилось в Астраханском государственном медицинском университете с сентября 2018 по май 2019 года. В выборку исследования вошли студенты второго, третьего, четвертого и пятого курсов, специальностей 31.05.01 «Лечебное дело», 31.05.02 «Педиатрия», 31.05.03 «Стоматология» в количестве 1000 человек. Возраст респондентов от 20 до 26 лет. Процент отклика составил 100 %. Для проведения исследования была разработана анкета «Отношение студентов к своему здоровью студентов медицинского ВУЗа», состоящая из 35 открытых и закрытых вопросов. Данный метод является главным источником информации существующих в реальности социальных фактах и социальной действительности. Статистическая обработка данных осуществлялась после формирования базы данных в программе Microsoft Excel при помощи программы Statistica 20.0. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Показатели самооценки состояния здоровья студентами медицинского университета

Показатели функциональности здоровья	Факторы самооценки			
	Юноши		Девушки	
	Рейтинг	%	Рейтинг	%
1 Правильное питание	1	81,2	3	68,4
2 Режим дня	5	50,4	7	35,6
3 Здоровый образ жизни	4	58,3	2	70,1
4 Психология общения	10	21,0	5	48,7
5 Отсутствие вредных привычек	8	36,8	1	78,8
6 Полноценный сон	14	8,4	9	24,5
7 Физическая нагрузка	3	69,3	12	11,2
8 Профилактика ОРВИ и ОРЗ	6	45,1	4	56,5
9 Профилактика ССЗ	9	26,4	6	42,4
10 Профилактика стресса	15	7,4	8	30,0
11 Факторы риска здоровья	13	11,5	13	10,6
12 Экологические факторы	12	11,9	11	15,3
13 Медицинское обслуживание	7	35,8	15	8,8
14 Равномерность учебной нагрузки	11	16,2	14	8,1
15 Материальное состояние семьи	2	75,8	10	19,9

Результаты и обсуждение.

Согласно результатам социологического исследования, проведенного в Астраханском государственном медицинском университете (табл. 1), преобладающим показателем функциональности здоровья среди юношей по всем трем факультетам является «правильное питание» (81,2 %). У девушек данный фактор расположился третьим в рейтинге показателей функциональности здоровья (68,4 %). Среди опрошенных девушек этих же факультетов главный фактор здоровья служит – отсутствие вредных привычек (78,8 %). На втором месте основным фактором здоровья у

опрошенных юношей стоит – материальное состояние семьи (75,8 %). Для сравнения на втором месте в ранге здоровья у девушек – здоровый образ жизни (70,1 %).

По результатам проведенного анализа один из главных факторов здоровья у юношей – это «режим дня» (50,4 %), т.е. правильное распределение учебы и отдыха, а также недостаток времени, которые, однако, влияют на «здоровый образ жизни» опрошенных студентов (58,3 %)

«Режим дня» (35,6 %), необходимо отметить, также влияет на показатели здоровья и принципы здорового образа жизни среди опрошенных девушек.

По мнению всех опрошенных респондентов (как юноши, так девушки) профилактика ОРВИ и ОРЗ является важным условием для сохранения здоровья (45,1 % и 56,4 %, соответственно).

Вредные привычки (курение, употребление алкоголя) негативным образом влияют на все показатели функциональности здоровья и служат причиной многочисленных заболеваний, а также снижают работоспособность у студенческой молодежи. Примечательно, что по рангу у девушек данный показатель был на первом месте (78,8 %), то среди опрошенных юношей данный фактор расположился на 8 месте (36,8 %). Вредной привычкой юноши называют курение, которое вызвано стрессами из-за проблем с учебой. Однако, следует отметить, что среди респондентов преобладает отрицательное отношение к алкоголю и наркотикам. В профилактике сердечно-сосудистых заболеваний в медицинских учреждениях нуждаются 42,4 % девушек и 26,4 % юношей. Профилактика ССЗ включает ряд мероприятий, от нормализации питания до обследований.

тов преобладает отрицательное отношение к алкоголю и наркотикам. В профилактике сердечно-сосудистых заболеваний в медицинских учреждениях нуждаются 42,4 % девушек и 26,4 % юношей. Профилактика ССЗ включает ряд мероприятий, от нормализации питания до обследований.

Заключение. По результатам проведенного социологического исследования был проведен анализ самооценки здоровья среди студентов медицинского университета. Преобладающими факторами здоровья у юношей являются «правильное питание», «материальное состояние семьи» и «физическая нагрузка». У девушек ведущие факторы следующие: «отсутствие вредных привычек», «здоровый образ жизни» и «правильное питание». Наиболее важное направление для укрепления здоровья студентов – это развитие интереса к здоровому образу жизни и обращение за профилактической помощью в медицинские учреждения.

Литература:

1. *Борисова Т.С.* Формирование навыков здоровьесберегающего поведения студентов медицинского вуза // Идеологическая и воспитательная работа в учреждениях высшего образования: традиции и инновации: материалы заоч. науч.-метод. конф., Минск, 15–17 мая 2013 г. Мн. : РИВШ, 2013. 430 с.

1. *Бортнюк О.А.* Свобода выбора медицинской профессии: социологический анализ // Современные исследования социальных проблем / О.А. Бортнюк. 2015. № 6. С. 3–10.

2. *Бянкина Л.В.* Самооценка здоровья студентами профессиональных учебных заведений Хабаровска как составляющая их психофизиологического состояния / Л.В. Бянкина, В.М. Изотова, А.В. Хотимченко, Н.А. Цуман // Научно-теоретический журнал «Ученые записки». 2014. № 4(110). С. 24–28.

3. *Камаев И.А.* Динамика заболеваемости и особенности медицинского обслуживания студентов / И.А. Камаев, О.Л. Васильева // Здоровоохранение РФ. 2002. № 1. С. 26–29.

4. *Костин В.А.* Внутривузовские организационно-управленческие механизмы охраны здоровья студентов // Здоровоохранение. 2007. № 2. С. 39–44.

5. *Кузнецов В.В.* Параметры состояния здоровья, ассоциированные с успешностью обучения у студентов младших курсов медицинских специальностей / В.В. Кузнецов, Е.К. Косилова, Р.А. Байрамов и др. // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сб. ст. по матер. XXXIV–XXXV междунар. науч.-практ. конф. № 4–5(32). Новосибирск : СибАК, 2019. С. 28–35.

6. *Лебедев В.В.* О работе ректората и студенческих общественных организаций Нижегородского государственного университета по оздоровле-

Literature:

1. *Borisova T.S.* The formation of health-saving behavior skills of students of a medical university // Ideological and educational work in institutions of higher education: traditions and innovations: materials extramural. scientific method. Conf., Minsk, May 15–17, 2013. Mn. : RIVSH, 2013. 430 p.

2. *Bortnyuk O.A.* The freedom of choice of the medical profession: sociological analysis // Modern studies of social problems. 2015. № 6. P. 3–10.

3. *Byankina L.V.* Self-esteem of health by students of professional educational institutions of Khabarovsk as a component of their psychophysiological state / L.V. Byankina, V.M. Izotova, A.V. Khotimchenko, N.A. Tsuman // Scientific and theoretical journal «Scientific notes». 2014. № 4(110). P. 24–28.

4. *Kamaev I.A.* Dynamics of morbidity and features of medical services for students / I.A. Kamaev, O.L. Vasiliev // Health of the Russian Federation. 2002. № 1. P. 26–29.

5. *Kostin V.A.* Intra-university organizational and managerial mechanisms for protecting students' health // Health. 2007. № 2. P. 39–44.

6. *Kuznetsov V.V.* Health status parameters associated with the success of training among junior students of medical specialties / V.V. Kuznetsov, E.K. Kosilova, R.A. Bayramov and others // Experimental and theoretical studies in modern science: Sat. Art. by mater. XXXIV–XXXV Int. scientific-practical conf. № 4–5(32). Novosibirsk : SibAK, 2019. P. 28–35.

7. *Lebedev V.V.* About the work of the administration and student public organizations of the Nizhny Novgorod State University in improving

нию студентов и пропаганде здорового образа жизни // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия Инновации в образовании.

7. Мониторинг состояния здоровья и физической подготовленности студентов как методология анализа и оценки продуктивности процесса физического воспитания / Е.В. Готовцев, Г.Н. Германов, Ю.В. Романова, И.В. Машошина // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2012. № 1(83). С. 40–45.

students and promoting a healthy lifestyle // Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevsky. Series Innovations in Education.

8. Monitoring the state of health and physical fitness of students as a methodology for analyzing and evaluating the productivity of the process of physical education / E.V. Gotovtsev, G.N. Germanov, Yu.V. Romanova, I.V. Mashoshina // Scientists of notes of the university named after P.F. Lesgaft. 2012. № 1(83). P. 40–45.

Курбатов Владимир Иванович
доктор философских наук,
профессор
главный научный сотрудник,
Южнороссийский филиал ФГБУН
«Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук»
kurbashy@list.ru

Волков Юрий Григорьевич
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой
теоретической социологии и методологии
региональных исследований,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
ugvolkov@sfnedu.ru

Воденко Константин Викторович
доктор философских наук,
профессор,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова
vodenkok@mail.ru

МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ: ПРИОРИТЕТЫ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО- ИНФОРМАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

■ ■ ■

Аннотация. Молодежь стала поколением социальных сетей, проводя в нем большую часть жизни, организуясь в сетевые сообщества по интересам и потребностям, устанавливая коммуникационные виртуальные связи, предпочитая традиционной реальности виртуальную реальность, связи с чем, формируя виртуальную идентичность, обретая вместо реальных виртуальные ценности, что приводит к формированию виртуальной молодежной субкультуры. Это создает основу для существенных трансформаций социального поведения молодежи, возникновения новых поведенческих паттернов. Новые формы массового коллективного поведения молодежи в социальных сетях и в сетевых сообществах выступают своеобразным электронным фронтиром, в котором молодежь

Vladimir I. Kurbatov
Doctor of Philosophy,
Professor,
Chief Researcher,
South Russian FGBUN branch
«Federal Research
Sociological Center
Russian Academy of Sciences»
kurbashy@list.ru

Yuri G. Volkov
Honored Scientist of Russia,
Doctor of Philosophy,
Professor,
Chairholder Oftheoretical Sociology
and Methodology Regional Study,
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
ugvolkov@sfnedu.ru

Konstantin V. Vodenko
Doctor of Philosophy,
Professor,
South Russian State
Polytechnic University (NPI)
named after M.I. Platov
vodenkok@mail.ru

YOUTH SUBCULTURE IN ONLINE COMMUNITIES: YOUTH PRIORITIES IN SOCIAL NETWORKS AND TRANSFORMATION SOCIAL-INFORMATION BEHAVIOR

■ ■ ■

Annotation. Young people have become a generation of social networks, spending most of their lives in it, organizing into network communities of interests and needs, establishing communication virtual connections, preferring virtual reality over traditional reality, connecting with it creating a virtual identity, acquiring virtual values instead of real ones, which leads to the formation of virtual youth subculture. This creates the basis for significant transformations of the social behavior of young people, the emergence of new behavioral patterns. This creates the basis for significant transformations of the social behavior of young people, the emergence of new behavioral patterns. New forms of mass collective behavior of youth in social networks and network communities act as a kind of electronic

противопоставляет себя традиционной реальности, которая не устраивает её по соображениям справедливости, морали, порядка и ценностей.

Ключевые слова: социальные сети, молодежь, сетевые сообщества, виртуальная молодежная субкультура, виртуальная коммуникация, виртуальная социализация, виртуальная идентичность, трансформация социального поведения молодежи, электронный фронтир.

Глобальная информационная реальность, которая в современном мире охватывает практически все сферы человеческой жизнедеятельности, создает безграничные возможности в производстве, хранении, использовании и передаче информации, также порождает новые социальные отношения, что выражается в информационном структурировании общества, в создании таких новых форм социальности, как социальные сети и сетевые сообщества и формирует целые поколения пользователей глобальных информационных ресурсов.

Поскольку общество, это, прежде всего, социальная коммуникация, то технологическое изменение коммуникативных форм изменяет не только форму, но и содержание социальной коммуникации, не может не изменять и само содержание общения. Это сказывается на том, что такие изменения приводят к трансформации социального поведения целых поколений пользователей глобальной информационной сети, меняют их менталитет, трансформируют ценности, порождают новые формы идентичности, виртуальной идентичности. К такому поколению относится, прежде всего, молодежь, которая практически полностью погрузилось в глобальное информационно-коммуникационное взаимодействие [1; 2].

Возникло то, что современные исследователи называют «поколением социальных сетей». Молодежные пользователи, объединяясь на добровольных основаниях, информационных потребностях и личностных интересах в достаточно устойчивые сетевые сообщества (виртуальные комьюнити), образуют там своеобразные социальные группы, которые можно характеризовать как виртуальные молодежные субкультуры.

Задачей данной статьи является выявление приоритетов молодежи в социальных сетях, мотивации создания таких виртуальных молодежных субкультур и характеристика направлений трансформации социально-информационного поведения молодежи в виртуальных комьюнити.

Поскольку, сетевые сообщества, будучи информационными фантомами, выступая также как новые формы информационной социальности, являются своеобразными конструктами, то для исследования их должна быть привлечена методология социального конструктивизма, в частности, принципы экспликации реальности (социальной, консенсусной и медиа-реальности), понимание конструкта как модели объяснения ре-

frontier, in which young people contrast themselves with traditional reality, which does not suit them for reasons of justice, morality, order and values.

Keywords: social networks, youth, network communities, virtual youth subculture, virtual communication, virtual socialization, virtual identity, transformation of social behavior of youth, Electronic Frontier.

альности, методы легитимизации и характеристики информационной среды [3; 4].

Для характеристики информационно-коммуникационного функционирования молодежных субкультур в сетевых сообществах применимы принципы коммуникационного взаимодействия Н. Лумана [5], с точки зрения его самореференции, структурного соответствия и селекции [6; 7].

В качестве общих методов анализа должны быть применены методы структурного и функционального анализа, посредством которых изучаются структурно-организационные формы сетевых сообществ и интенсивность их коммуникационно-информационного, личностного, профессионального, социально-гражданского взаимодействия, выражающего функционирование сетевых сообществ [8].

Для обсуждения задач конкретного анализа уместен также ресурсный и динамический подходы, которые предполагают анализ информационных, персонально-личностных и профессиональных ресурсов акторов молодежных субкультур сетевых сообществ, характеризующих личностное саморазвитие акторов и их самопрезентацию и самопредъявление в виртуальном пространстве [9; 10].

Дополнительными специальными методами являются методы сетевого анализа, в частности, классификация социальных сетей, анализ их структуры как повторяющихся, регулярных паттернов отношений, разноуровневый анализ сетевых групп, сетевых подгрупп, их групповой динамики [11].

Результатом исследования должно быть системное осмысление проблемы «поколения социальных сетей», особенностей молодежных субкультур в сетевых сообществах, что в дальнейшем должно привести к выработке рекомендаций относительно социальной ориентированности паттернов поведения молодежи, учитывая выработку социально значимых практических и ценностных ориентиров, которые не отдаляют виртуальную молодежную субкультуру от культуры реального общества, а сближают ее с ней.

Указанный комплекс проблем привлекает внимание таких отечественных и зарубежных исследователей, как М.С. Безбогова [12], И.И. Боброва, А.С. Голобоков [13], Г.З.Ефимова [14], О.А. Зорина [15], Е.В. Зюбан, С.О. Кремлева [16],

Э.Г. Патрикеева, О.А. Соловьева, Т.А. Селезнева, А.С. Терякова [17], С.А. Шалалута, А.С. Шепель [18], М. Берри [19], Х.Гаутши, Дж. Кастренакес [20], Дж. Кардосо [21], П. Коллок, М. Мэнэфи, М. Смит [22], Д. Тэпскотт [23] и другие авторы.

Социальная сеть – это интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется самими участниками сети, ее пользователями. Начало социальных сетей приходится на 2003–2004 годы, когда были созданы электронные платформы LinkedIn, MySpace и Facebook.

Привлекательность социальных сетей в доступности для каждого пользователя. Социальные сети – своеобразное информационное пристанище для каждого: в нем он может найти техническую и социальную базу для создания своего виртуального «Я», партнеров по интересам и убеждениям, «растворить» собственное одиночество в анонимном общении, поделиться плодами своего творчества с многомиллионной аудиторией, представить себя этой аудитории в выгодном свете, обрести поклонников, друзей, сподвижников и противников, с которыми можно вести острую и в то же самое время, безопасную полемику.

Крупнейшая в мире социальная сеть «Facebook» – <https://www.facebook.com/>, насчитывает свыше 800 миллионов активных пользователей.

Количество пользователей сервиса микроблогов «Twitter» – URL : <http://twitter.com/> превышает 200 миллионов человек.

В настоящее время в российском сегменте Интернета сейчас существует множество различных социальных сетей. Отметим наиболее популярные среди них. Социальная сеть, наиболее популярная у молодежи – «ВКонтакте» – URL : <http://vkontakte.ru/>, включающая более 34 миллионов активных пользователей. Эксперты подчеркивают, что изначально эта социальная сеть задумывалась как ресурс для студентов. Со временем социальная сеть «ВКонтакте» стала гигантским информационно-коммуникационным проектом, местом пребывания большинства сетевых мигрантов.

На втором месте находятся «Одноклассники» – URL : <http://odnoklassniki.ru/> с аудиторией пользователей в 27 миллионов человек. В этой социальной сети, в которой реализуется возможность общаться со своими бывшими одноклассниками или однокурсниками, с которыми, возможно, они уже долго не виделись, в основном преобладают люди, окончившие школу или университет.

В Российском сегменте Интернета «Facebook» – <https://www.facebook.com/> занимает третье место, включая более 9 миллионов активных пользователей, а «Twitter» – URL : <http://twitter.com/>, по статистике компании «Яндекс», составляет около 2 миллионов российских пользователей.

Выделим также социальную сеть «Мой мир» – URL : <http://my.mail.ru/>, проект сайта Mail.Ru., в котором общаются в основном школьники.

Исследования показывают, что 65 % россиян используют Интернет ежедневно, а если речь идет о молодежи, то эта цифра вырастает до 95 %. Подавляющее большинство пользователей Интернета в России (97,2 %) зарегистрированы в социальных сетях. Самая популярная из них – «ВКонтакте», где число пользователей среди молодежи составляет 90,3 % [24].

Опросы о влиянии социальных сетей на поведение, привычки и повседневную жизнь показывают, что половина опрошенных честно признались, что онлайн-общение стало частью жизни, и отмечают тенденцию к замене живого общения виртуальным, а 23 % опрошенных не представляют своего существования без интернета. У 33 % юношей и девушек возникает ежедневная потребность в использовании интернета, связанная с учебой или работой, с поиском информации, проблема лишь в ее корректности и достоверности. 34 % – периодически пользуются просторами всемирной паутины, 26 % опрошенных признались, что развлекательные и коммуникативные ресурсы сети отвлекают от важных дел, а 10 % респондентов открыто заявили, что страдают от веб-аддикции [25].

Из опросов, можно сделать выводы, что 50 % респондентов считают Интернет средством общения, 25 % – справочной системой, 15 % – развлечением, и 10 % – источником новостей. На вопрос, куда вы обращаетесь за информацией, 70 % ответили Интернет, к друзьям – 12 %, в библиотеку – 10 %, и 8 % опрошенных обращаются в книжный магазин. Эти данные, говорят о том, что интернет становится все более популярным [26; 27].

Для ответа на вопрос о том, что привлекает молодежь в социальные сети, прежде всего, рассмотрим их основные виды деятельности на этих электронных платформах. Современные исследования показывают, что это сводится к просмотру видеозаписей, общению через аккаунты на разные темы, общению по скайпу, общению в чатах, поиску нужного информационного продукта (для учебы, по интересам и увлечениям), прослушиванию аудиозаписей, играм разного рода, скачиванию программ, музыки, видео, фото, поиску новостной информации, ведению твиттера или инстаграм, ведению виртуального дневника, просмотру запрещенных родителями сайтов и просто бесцельному блужданию по сайтам как постоянному занятию, чем обретается статус сетевого кочевника (цифрового номада) [28; 29].

Говоря о том, что привлекает молодежь в социальные сети и сетевые сообщества, отметим, что современные исследования показывают следующие приоритеты:

– возможность построения общения и собственным, а не навязанным интересам и личным ценностным предпочтениям;

– свобода виртуального общения;

– возможность организовать в группу пользователей по интересам, создать сетевое сообщество;

– добровольность информационных контактов и отношений;

– управление контактами и отношениями в социальной сети, в том числе возможность прервать общение в любой момент;

– интерактивность общения и его диалоговый характер;

– возможность трансформировать собственную индивидуально-личностную позицию в публичную, используя медиа-ресурсы социальной сети;

– относительную безопасность общения в социальной сети, которая обусловлена анонимностью и созданным своим собственным виртуальным «Я»;

– возможность корректировки виртуального общения, исправления ошибок в выражении собственной позиции и самопрезентации, что отличает данную ситуацию от того, что нашло свое воплощение в традиционной реальности;

– широкий круг общения, который не ограничен рамками традиционной реальности;

– возможность реализации индивидуальных качеств личности, которые благодаря свободе общения легко реализуются в виртуальной реальности и имеют трудности с реализацией в традиционной реальности;

– возможность драматургического проигрывания различных ролей, переживания эмоций, которые по тем или иным причинам фрустрированы в традиционной реальной жизни;

– самовыражение, самопрезентация и самораскрытие в виртуальной реальности;

– саморазвитие, которое осуществляется благодаря ресурсам информационного пространства;

– солидаризация в сетевом сообществе, обретение сподвижников, партнеров и друзей;

– развитие навыков общения и коммуникации;

– обретение уверенности в себе и личностного самоутверждения.

Сопутствующими факторами, усиливающими мотивацию пребывания в качестве сетевого актора, являются следующие факторы:

– создание убеждения в доминировании виртуальной жизни над жизнью реальной, что обусловлено теми преимуществами, которое дает виртуальное общение в форме самоутверждения и саморазвития, в отличие от традиционной реальности, в которой формы личностного самовыражения встречают различные препятствия (барьеры общения, комплексы, материальные трудности);

– получение чувства удовлетворения от эмоциональной насыщенности виртуального общения, сопровождаемого визуальными впечатлениями и аудио-сопровождением;

– ощущение безопасности виртуального общения, связанное с анонимностью, возможностью прервать общение, возможностями выбора партнеров по общению, сконструированным виртуальным «Я», креативным характером драматургического проигрывания разных ролей, творя тем самым свою выдуманную биографию;

– получение чувства сопричастности к группе сподвижников, солидаризация по ценностям и интересам с ними;

– удовлетворение от виртуальной социализации, которая осуществляется каждым по своему желанию, по потребности добровольно соответствовать принятым в сетевом сообществе нормам и ценностям.

Рассмотрение вопросов того, что привлекает молодежь в социальные сети, погружает их в них полностью и заменяет виртуальной реальностью реальность традиционную, т.е., трансформирует актора и пользователя социальной сети, позволяет сделать некоторые выводы. Преимущество виртуального общения перед общением реальным связано с тем, что в нем преодолевается целый комплекс проблем, которые обычно встают перед каждым молодым человеком:

– проблемы личностного характера (подростки и молодые люди часто испытывают чувство неуверенности и трудности в установлении коммуникативных контактов, связанные с барьерами общения и теми или иными комплексами, связанными с той или иной формой самооценки);

– проблемы личностного развития, образования и творчества для молодого человека связаны не только с его личностными способностями, но и с множеством внешних обстоятельств, которые для него часто выступают как непреодолимая, а часто и враждебная сила (в отличие от этого, в виртуальной реальности сетевой мигрант сам конструирует себя и сам для себя выбирает те условия, в которых он находит для себя наиболее удовлетворительные формы самореализации и саморазвития);

– так называемые когнитивные проблемы, связанные с тем, в виртуальной реальности сетевой мигрант практически не зависит от внешних (материальных) условий и обстоятельств в реализации своих информационных целей, в получении позитивных эмоций в удовлетворении своих информационных потребностей, что приводит к убеждению в доминировании информационного бытия над бытием традиционной реальности;

– так называемые либертативные проблемы (от латинского «libertas» – свобода), которые характеризуют для молодежи преимущество жизни в социальных сетях перед жизнью в традиционной реальности, для которой свойственно множество регламентаций, норм, запретов и ограничений; в отличие от этого виртуальный мир предполагает больше степеней свободы в виртуальной жизни;

– так называемые левитативные проблемы (от латинского «levitas» – легкость), которые связаны с тем, что достижение тех или иных целей в

традиционной реальности всегда связаны с систематическими усилиями, трудностями и преодолением тех или иных препятствий; в отличие от этого быстрота и легкость доступа к социальной сети, возможность беспрепятственного конструирования собственного виртуального жизненного мира, отсутствие материальных преград, делает для сетевого мигранта такой мир более предпочтительным;

– социальные проблемы как комплекс сложившихся материальных (а зачастую и финансовых) предпосылок, которые в традиционной реальности бывают трудно разрешимыми) условий, которые выражают собою трудности образования, творческой самореализации, трудности карьерного роста, отсутствие социальных лифтов, проблемы достижения жизненного успеха, приобретения материального благосостояния и духовного удовлетворения, что способствует иммиграции молодого из традиционной реальности в реальность виртуальную, отрыву одной реальности от другой и превращению пользователя социальных сетей в постоянного обитателя виртуального комьюнити. Кроме этого, нахождение в социальной сети дает возможность молодежи без труда знакомиться с интересными фактами.

Термин «Виртуальноекомьюнити» введен в 1993 году Говардом Рейнгольдом. Он исследовал социальные отношения в социальных сетях и описал различные формы коммуникационно-информационного взаимодействия между членами различных социальных групп на базе электронных рассылок, новостных списков, многопользовательских сообществ и т.п. По его мнению, виртуальные сообщества являются социальными объединениями, которые вырастают из сети, когда группа людей поддерживает открытое обсуждение достаточно долго и человечно, для того чтобы сформировать сеть личных отношений в киберпространстве [30].

Проблема функционирования молодежных субкультур в виртуальных сетевых комьюнити широко обсуждается в современной исследовательской литературе, и в этом отношении хочется указать на работы ряда отечественных авторов, на работы которых мы во многом опираемся в разработке данной темы, в частности, это работы С.В. Бондаренко [31], М.Г. Бреслера [32], Л.Н. Верченова, М.В. Егорова [33], А.В. Назарчука [34], Е.Д. Невсенко [35], Ю.Г. Рыкова [36], Н.А. Рябченко [37], Д. Шакулы и других авторов. Среди зарубежных исследователей мы бы выделили работы Э. Алехмана [38], Н.К. Баума, Д. Бойда, Х. Бух-Хансена [39], Л. Гроссвайла, Э. Грузда, Р. Флегера, М. Кастельса, Д. Кормиера [40], Ф. Пробста, Х. Рейнголда, Дж. Роя, Н. Элисона.

Образовательные, социокультурные, пользовательские, экологические, конфессиональные, развлекательные, образовательные, игровые и прочие виртуальные комьюнити включают в себя на добровольной основе и на основе свободного и заинтересованного обмена информацией и личностными оценками ее, людей разных профессий, возрастов, социального положения, об-

разования. Виртуальная молодежная субкультура, формирующаяся в сетевых сообществах, выражает собой молодежную систему ценностей, установок, способов поведения, жизненных стилей и предпочтений, символов, атрибутов, эпатажа и моды [41].

Виртуальные молодежные субкультуры современные исследователи типологизируют на формальные и неформальные молодежные сетевые объединения. Первые, куда включаются волонтерские объединения, педагогические отряды, спортивные ассоциации, объединения по интересам, ценностям, предпочтениям, образовательной деятельности, представляют собой зарегистрированные структуры с фиксированным членством. Их деятельность в основном направлена на социально значимые цели, связанные с помощью некоторым социальным категориям граждан, благоустройством города, экологией, помощи животным, просветительской деятельностью, направленной на профилактику асоциального поведения, пропаганду здорового образа жизни, Интернет-добровольчество и т.п.

Неформальные виртуальные молодежные объединения представляют собой обычно форму коллективной самодеятельности по интересам и предпочтениям. Они могут быть общественно-политическими, творческими, религиозными, правозащитными, антисоциальными и открыто криминальными [42].

Для обеих групп субкультур характерно стремление в самовыражении, в реализации своих информационных потребностей, в мотивации обретения сподвижников, соратников, которые разделяют такие же ценности и предпочтения, в идентификации себя с ними.

В отличие от формальных виртуальных сообществ, для представителей неформальных молодежных субкультур обычно характерно неприятие традиционной культуры и морали, идеологии и порядка, в них сильны протестные, а зачастую и деструктивные настроения. Они отвергают опыт старших поколений, как неприемлемый для себя. Это выражается в демонстративном эпатаже и стремлении нарушать общепринятые нормы. Неформальные виртуальные молодежные субкультурные объединения составляют основу так называемого компьютерного андеграунда, который представляет собой своеобразное субкультурное подполье, протестную или альтернативную культуру, виртуальную или кибер-культуру, дополнительную культуру.

Компьютерный андеграунд, как обширная социальная группа, включает в себя так называемых юзеров (пользователей, наиболее обширного и размытого слоя компьютерного андеграунда), хакеров, специализацией которых является так называемый «чистый взлом» информационных баз банков данных, крэкеров, которые по собственной инициативе или под действием коммерческого интереса занимаются взломом различных закрытых информационных систем, так называемых пиратов, специализация которых состоит в том, что они осуществляют коммерче-

ские взломы информационных систем с целью копирования и дальнейшей реализации полученной информации, кибер-террористов, используют свои кибер-атаки на информационные системы целью нанесения максимального вреда противнику, будь государство, государственная корпорация, бизнес-структура или частное лицо, кибер-санитаров, которые берут на себя функции защиты сетевых информационных ресурсов и очистку информационных сетей от сетевого вандализма, так называемых вирмейкеров (от англ. «virus» – вирус, и «tomake» – делать, создавать), которые по своей инициативе, либо по заказу соответствующих компьютерных фирм специализируются на создании программ компьютерных вирусов, так называемых вексеров (от англ. «virusexchange» – обмен вирусами), которые занимаются распространением компьютерных вирусов, так называемых кардеров (от англ. «card» – кредитная карта), занимающиеся махинациями с различными кредитными картами.

Компьютерный андеграунд как специфическая часть виртуальной молодежной субкультуры находится на грани, а порою и за гранью криминальной составляющей информационной сети и кроме перечисленных акторов, включает в себя кодеров, которые специализируются в создании нестандартных информационных кодов, фрикеров, специализацией которых является незаконное подключение к различным информационным каналам, деструкторов, блэк-хатов и вайт-хатов, которые специализируются на кибер-атаках.

Исследования современного состояния субкультуры компьютерного андеграунда показывает, что для подавляющего большинства представителей этого сетевого комьюнити объединяющей идеей является «свобода» и «независимость», которые понимаются как свобода в получении и использовании любой информации и свобода действий с любыми информационными продуктами. В практическом отношении в деятельности акторов, исповедующих подобный принцип как основную ценность субкультуры компьютерного андеграунда, это выражается в обеспечении свободного доступа к закрытым информационным источникам. В иерархии ценностей представителей субкультуры компьютерного андеграунда кроме свободы, на одном из первых мест находится возможность индивидуально-личностного и креативного самовыражения [43; 44; 45].

Индивидуально-личностное и креативное самовыражение молодежи в виртуальной субкультуре выражается в формировании у нее новых типов идентичности – виртуальной идентичности и трансформации социально-информационного поведения.

Для представителей виртуальной молодежной субкультуры характерны различные новые виды активности и поведения, которые связаны с ресурсами глобальной информационной сети. Это, прежде всего, информационно-коммуникационное взаимодействие и общение, включающее в себя обмен информацией, впечатлениями, самовыражением, самопродвижением в информа-

ционном пространстве, когда личностный курс благодаря самопрезентации становится информационно-публичным. В социальных сетях платформой для такого общения выступают различные сайты знакомств, чаты, добавления в друзья, группы по интересам и т.д. Наряду с этим, важное место занимает использование Интернет-технологий для познания, самообразования и саморазвития.

Немалое место отводится и профессиональному поведению, в частности, многие социальные сети предлагают удаленную работу в качестве блогеров, что предполагает рекламную, маркетинговую деятельность и выражается в подготовке видеороликов, текстов, фотографий. Велика также роль досуговой активности, направление на удовлетворение потребностей через различные развлечения и увлечения.

Творческая активность в социальных сетях развивается в различных группах авторов комментариев и рекламных текстов, поэтов, художников, клипмейкеров, фотографов, композиторов, где через свое творчество молодые люди проявляют свою активность [46].

Нужно отметить, что для виртуальной молодежной субкультуры характерно и формирование принципиально новых паттернов социально-информационного поведения. Одним из них является так называемый смартфон. Термин «смартмоб» (от англ. «smartmob» – «умная толпа») принадлежит американскому социологу Г. Рейнгольду [47].

Это такой способ коллективного поведения и самоорганизации членов сетевых сообществ, который дает возможность незнакомым друг с другом людей согласованно действовать в коммуникативно-информационном пространстве.

Другим паттерном коллективного поведения является так называемый флешмоб. Флешмоб – (от англ. flash mob), дословно – мгновенная толпа – заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей появляется в общественном месте, выполняет заранее оговоренные действия (сценарий) и затем расходится. Сбор участников флешмоба осуществляется при помощи электронных средств связи (в основном это Интернет) [48].

Флешмоб как молодежный паттерн коллективного поведения имеет множество разновидностей. Одна из них – это арт-моб, который является акцией, имеющей некоторую художественную ценность. Такое массовое действие нацелены на зрелищность и эстетику.

Близко к нему располагается танцевальный флешмоб, участники которого скрываются в костюмах и реализуют свои действия в танцах, выходя из толпы и скрываясь в толпе после окончания танца. Другая разновидность танцевального флешмоба являются танцевальные прогулки по городу (Dance Walking).

Другой разновидностью флешмоба является так называемый фан-моб (от англ. fun mob – весё-

льный моб; иногда называют «цирком»). Фан-моб это такой флешмоб, который осуществляется по сценарию, который является массовым приключением, который выражается в массовом несоблюдении общепринятых правил.

Моб-хаус (от англ. mob house – моб-дом) – это коллективная акция, в которой мобберы не выполняют какой-то сценарий, а живут по некоторым правилам и нормам жизни, которая отличается от обычной жизни. По сути, моб-хаус – это коллективное, поведенческое моделирование социо-коммуникативного пространства, которое понятно и интересно самим участникам данной коллективной акции и вызывает недоумение у случайных свидетелей.

Разновидностью флешмоба является так называемая моб-игра. Это коллективная акция, которая разыгрывается как некоторое действие, заранее оговоренное на сайте, например, «Поведай и подчиняйся», «Смотри и слушай» и т.п.

Социально-политическими разновидностями флешмоба являются политмоб и социомоб. Это массовые акции с политическим и социальным содержанием, отличающиеся по своему сценарию от митингов, демонстраций и пикетов.

Другой паттерн массового молодежного коллективного действия, который не является флешмобом, выступает так называемый фаршинг, который есть неформальное направление интеллектуального и психологического экстрима, целью которого является публичное действие, участники которого должны на время забыть о своих комплексах и тех социальных, моральных и этических рамках, которыми они привыкли сковывать себя в повседневной жизни. Он ориентирован не на зрителей, а на самих участников и его целью является преодолеть себя, сделать нечто, на что человек в своей обычной жизни не решается. Фаршингом это коллективное действие называется потому, что во время данной акции каждый участник делает что-то своё, в результате получается некий «фарш».

Следующий паттерн молодежного массового коллективного поведения является так называемый перфоманс, что в переводе с английского означает спектакль. Перфоманс как коллективное поведение обычно основывается на некото-

рых ритуалах, которые имеют символическое значение и проявляются, как правило, в форме массовых презентаций, имея обязательно яркий визуальный характер (костюмы яркого цвета, вызывающий внешний вид участников), символизацию в эмблемах и символах, сопровождается вербально с помощью слоганов, динамически выражающееся в ритуальных действиях в некоторой художественной форме с целью стать информационной провокацией, сформировать благоприятный имидж некоторой идеи, распространить некий художественный, моральный, коммерческий или социально-политический манифест [49].

Можно согласиться с такой оценкой виртуальной и коммуникации и паттернов массового сетевого молодежного поведения как виртуального электронного фронта, в котором его герои (в данном случае молодежь как актеры массовых коллективных действий), противопоставляют себя окружающей среде, традиционной реальности, которая их не устраивает по соображениям справедливости, порядка, морали, ценностей, социальных и эстетических идеалов [50].

На наш взгляд, характерной чертой виртуальной молодежной субкультуры является и то, существенным образом трансформируется поведение молодежи, причем трансформируется таким образом, что еще не имело аналогов в истории человеческой цивилизации. Необходимо исследование поведенческих паттернов, а это связано с изучением форм сетевой социализации, специфики коммуникации в социальных сетях, особенностей формирования виртуальной идентичности и, конечно же, анализом тех информационных молодежных ценностей, которые противопоставляют виртуальный мир миру реальному.

Только на основе этого анализа можно выйти на практические рекомендации, связанные с тем, как сформировать или развить ценности социальных сетей, которые являются мотивами молодежного поведения в таком направлении, чтобы они не утратив своей информационно-технологической и коммуникационной инновационности, приобрели бы социально значимый характер и социально значимые цели и ценности с тем, чтобы они не противопоставляли реальный и виртуальный миры, а дополняли друг друга и реализовывались в молодежном поведении.

Литература:

1. Губанов Д.А. Социальные сети: модели информационного влияния, управления противостояния / Д.А. Губанов, Д.А. Новиков, А.Т. Чхартишвили; Под ред. гл.-кор. РАН Д.А. Новикова. М. : Изд-во физико-математической литературы, 2010. 228 с.

2. Судич Ю.В. Роль социальных сетей в жизни молодежи // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XIV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 14. URL : [http://sibac.info/archive/social/8\(11\).pdf](http://sibac.info/archive/social/8(11).pdf)

Literature:

1. Gubanov D.A. Social networks: models of information influence, management of confrontation / Gubanov D.A., Novikov D.A., Chkhartishvili A.T. ed. RAS D. A. Novikov. Moscow: Publishing house of physical and mathematical literature, 2010. 228 p.

2. Sudich Yu.V. The Role of social networks in the life of youth // Scientific community of students of the XXI century. Social science: collection of articles on the Mat. XIV international student. science-pract. Conf. № 14. URL : [http://sibac.info/archive/social/8\(11\).pdf](http://sibac.info/archive/social/8(11).pdf)

3. *Баксанский О.Е.* Когнитивное конструирование реальности / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 256 с.
4. *Бергер Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Т. Бергер, Т. Лукман. М., 1995. 323 с.
5. *Луман Н.* Общество общества. Часть II. Медиа коммуникации. М. : Логос, 2005. 280 с.
6. *Луман Н.* Что такое коммуникация? / Н. Луман; Пер.с нем. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–125.
7. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; Пер. с нем. И. Д. Газиева; Под ред. Н. А. Головина. СПб. : Наука, 2007. 648 с.
8. *Зайонц В.В.* Социологические подходы к исследованию виртуальных социальных сетей // Молодой ученый. 2010.0 № 4. С. 266–271. URL : <https://moluch.ru/archive/15/1432/>
9. *Коноплицкий С.* Сетевые сообщества как объект социологического анализа // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 3. С. 167–178.
10. *Назарчук А.В.* О сетевых исследованиях в социальных науках // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 39–51.
11. *Сергодеев В.А.* Коммуникативные практики в сетевых Интернет-сообществах // Рецензируемый, реферлируемый научный журнал «Вестник АГУ». Вып. 1(135) 2014. С. 133–141.
12. *Безбогова М.С.* Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежи : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / М.С. Безбогова; ФГБОУ ВО Государственный университет управления, 2017. 212 с.
13. *Голобоков А.С.* Отечественные и зарубежные исследователи о сущности и признаках современных молодежных субкультур / А.С. Голобоков, С.А. Шалапута // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 8-3. С. 460–463. URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10058>
14. *Ефимова Г.З.* Влияние социальных сетей на личность / Г.З. Ефимова, Е.В. Зюбан // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Т. 4. № 5. URL : <http://mir-nauki.com/PDF/20PSMN516.pdf>
15. *Зорина О.А.* Влияние социальных сетей на духовно-нравственное воспитание молодежи // Образование Ямала. Ежеквартальный информационно-методический журнал. URL : <http://yamal-obr.ru/articles/vliyanie-socialnykh-setej-na-dukhovno-n/>
16. *Кремлева С.О.* Сетевые сообщества // Научная онлайн библиотека Порталус. URL : http://www.portalus.ru/modules/psychology/rus_readme.php
3. *Baksansky O.E.* Cognitive construction of reality / O.E. Baksansky, E.N. Kucher. M. : Book house «LIBROKOM», 2012. 256 p.
4. *Berger T.* The Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge / T. Berger, T. Luckmann. M., 1995. 323 p.
5. *Luman N.* Society society. Part II. Media communications. M. : Logos, 2005. 280 p.
6. *Luman N.* what is communication? / N. Luman, Translated from German. D.V. Osychenko // Sociological journal. 1995. № 3. P. 114–125.
7. *Luhmann N.* Of the social system. Essay of the General theory / N. Luman; Trans. I.D. Gaziev; edited by N.A. Golovin. SPb. : Science, 2007. 648 c.
8. *Zayonts V.V.* Sociological approaches to the study of virtual social networks // Young scientist. 2010.0 № 4. P. 266–271. URL : Mode of access: <https://moluch.ru/archive/15/1432/>
9. *Konoplitsky S.* Network communities as an object of sociological analysis // Sociology: theory, methods, marketing. 2004. № 3. P. 167–178.
10. *Nazarchuk A.V.* on network research in social Sciences // Sociological research. 2011. № 1. P. 39–51.
11. *Sergueev V.A.* Communicative practices of Internet communities // a peer-Reviewed, refereed scientific journal «Bulletin of the ASU». Issue 1 (135) 2014. P. 133–141.
12. *Bezbokova M.S.* Social networks as a factor of formation of social attitudes of today's youth: Diss. K. psychol. Sciences: 19.00.05 / M.S. Bezbokova of the State University of management, 2017. 212 p.
13. *Golobokov A.S.* Domestic and foreign researchers about the essence and signs of modern youth subcultures / A.S. Golobokov, S.A. Shalaputa // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016. № 8-3. P. 460–463. URL : <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10058>
14. *Efimov G.Z.* Influence of Social Networks on Personality / G.Z. Efimov, E.V. Zuban // Internet Magazine «World of Science» 2016, Vol. 4. № 5. URL : <http://mir-nauki.com/PDF/20PSMN516.pdf>
15. *Zorina O.A.* Influence of social networks on spiritual and moral education of youth // Education Yamala. Quarterly information and methodical journal. URL : <http://yamal-obr.ru/articles/vliyanie-socialnykh-setej-na-dukhovno-n/>
16. *Kremlin S.O.* Network Communities // Scientific Online Library Portalus. : http://www.portalus.ru/modules/psyc_readme.php

dme.php?subaction=showfull&id=1106643505&archive=01&start_from=&ucat=16&

17. *Терякова А.С.* Влияние социальных сетей на молодёжь / А.С. Терякова, И.И. Боброва // Портал научно-практических публикаций. URL : <http://portalnp.ru/2014/12/2243>

18. *Шепель А.С.* Коммуникативная специфика интернет-пространства // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 1308–1310. URL : <https://moluch.ru/archive/113/29470/>

19. *Berry M.* Changing urban spaces: mobile phones on trains / M. Berry, M. Hamilton // *Mobilities*. 2010. Vol. 5(1). P. 111–129.

20. *Cardoso G.* From Mass to Networked Communication: Communicational Models and the Informational Society // *International Journal of Communication*. 2008. №. 2. P. 587– 630.

21. *Kastrenakes J.* Pinterest now has 100 million monthly users, *The Verge* (17.09.2015).

22. *Kollock P.* Managing the Virtual Commons: Cooperation and Conflict in Computer Communities / P. Kollock, M.A. Smith. URL : <http://www.sscnet.ucla.edu/soc/csoc/papers/virtcomm/>

23. *Tapscott D.* *Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*, McGraw-Hill, 2008. 384 p.

24. *Аралина А.В.* Молодежь и Интернет / А.В. Аралина, Е.В. Бенько // *Наука и образование сегодня*. 2015. № 1.

25. *Патрикеева Э.Г.* Влияние виртуального пространства сети Интернет на жизненные ценности современной молодежи / Э.Г. Патрикеева, О.А. Соловьева, Т.А. Селезнева // *Молодой ученый*. 2015. № 10. С. 1342–1346. URL : <https://moluch.ru/archive/90/18990/>

26. *Поначугин А.В.* Виртуальная реальность общества посредством сети Интернет / А.В. Поначугин, М.Н. Миронова // *Молодой ученый*. 2016. № 8. С. 152–155. URL : <https://moluch.ru/archive/112/28240/>

27. *Михалец И.В.* Виртуальное общение как новый вид общения в современном мире / И.В. Михалец, А.Д. Волчкова, Е.Д. Филиппова // *Психология в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.)*. СПб. : Свое издательство, 2016. С. 23–25. URL : <https://moluch.ru/conf/psy/archive/198/10704/>

28. *Джакония Е.С.* Психологические особенности и трудности виртуального // *Сентябрьский Лис* URL : <http://septemberfox.ucoz.ru/biblio/jakonia.html>

29. *Терякова А.С.* Влияние социальных сетей на молодёжь / А.С. Терякова, И.И. Боброва // Портал научно-практических публикаций. URL : <http://portalnp.ru/2014/12/2243>

subaction=showfull&id=1106643505&archive=01&start_from=&ucat=16&

17. *Teryakov A.S.* Influence of social networks on youth // *Portal of scientific and practical publications*. URL : <http://portalnp.ru/2014/12/2243>

18. *Shepherd A.S.* Communicative Specifics of Internet Space//*Young Scientist*. 2016. №9. Page 1308-1310. URL : <https://moluch.ru/archive/113/29470/>

19. *Berry M.* Changing urban spaces: mobile phones on trains / M. Berry, M. Hamilton // *Mobilities*. 2010. Vol. 5(1). P. 111–129.

20. *Cardoso G.* From Mass to Networked Communication: Communicational Models and the Informational Society // *International Journal of Communication*. 2008. №. 2. P. 587– 630.

21. *Kastrenakes J.* Pinterest now has 100 million monthly users, *The Verge* (17.09.2015).

22. *Kollock P.* Managing the Virtual Commons: Cooperation and Conflict in Computer Communities / P. Kollock, M.A. Smith. URL : <http://www.sscnet.ucla.edu/soc/csoc/papers/virtcomm/>

23. *Tapscott D.* *Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*, McGraw-Hill, 2008. 384 p.

24. *Aralina A.V.* Youth and the Internet / A.V. Aralina, E.V. Benko // *Science and education today*. 2015. № 1.

25. *Patrikeeva E.G.* Influence of the virtual space of the Internet on the life values of modern youth / E.G. Patrikeeva, O.A. Solovyova, T.A. Selezneva // *Young Scientist*. 2015. № 10. P. 1342–1346. URL : <https://moluch.ru/archive/90/18990/>

26. *Ponachugin A.V.* Virtual reality of society through the Internet / A.V. Ponachugin, M.N. Mironova // *Young Scientist*. 2016. № 8. P. 152–155. URL : <https://moluch.ru/archive/112/28240/>

27. *Mikhalets I.V.* Virtual communication as a new type of communication in the modern world / I.V. Mikhalets, A.D. Volchkova, E.D. Filippova // *Psychology in Russia and abroad: materials of the III Intern. scientific conf. (St. Petersburg, July 2016)*. SPb. : Own publishing house, 2016. P. 23–25. ГҚД <https://moluch.ru/conf/psy/archive/198/10704/>

28. *Dzhakonia E.S.* Psychological features and difficulties of virtual communication / E.S. Dzhakonia // *September Fox*. URL : <http://septemberfox.ucoz.ru/biblio/jakonia.html>

29. *Teryakova A.S.* The influence of social networks on youth / A.S. Teryakova, I.I. Bobrova // *Portal of scientific and practical publications*. URL : <http://portalnp.ru/2014/12/2243>

30. *Rheingold H.* The Virtual Community: Home-stading on the Electronic Frontier. URL : www.rheingold.com/vc/book
31. *Бондаренко С.В.* Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-н/Д., 2004. 320 с.
32. *Бреслер М.Г.* Социальные сети и сетевые сообщества информационного Общества : монография. Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. 174 с.
33. *Егоров М.В.* Механизмы самоорганизации социального пространства : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. к. социол. наук. Ставрополь, 2016. 26 с.
34. *Назарчук А.В.* О сетевых исследованиях в социальных науках // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 39-51.
35. *Невесенко Е.Д.* Специфика формирования и функционирования интернет-сообществ: социальный аспект // Молодой ученый. 2011. № 5. Т 2. С. 88–92.
36. *Рыков Ю.Г.* Структура и функционирование онлайн-сообществ: сетевая картография ВИЧ-релевантных групп в социальной сети «ВКонтакте» / Ю.Г. Рыков, О.Ю. Кольцова, П.А. Мейлахс // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 30–42.
37. *Рябченко Н.А.* Топонимика сетевого ландшафта online-пространства // Человек. Сообщество. Управление, КубГУ, Краснодар, 2016. № 4. С. 98–115.
38. *Aleahmad A. OL.* Finder: Finding opinion leaders in online social networks / A. Aleahmad, P. Karisani, M. Rahgozar, F. Oroumchian // Journal of Information Science. 2016. Vol. 42. P. 659–674.
39. *Buch-Hansen H.* Social Network Analysis and Critical Realism // J. Theory Soc. Behav. 2014. № 44. P. 306–325.
40. *Cormier D.* Rhizomatic Knowledge Communities. URL : <http://davecormie.com/edblog/2008/02/29/rhizomatic-knowledge-communities;edtechtalk;webcast;academy/>
41. *Гапич А.Э.* Теоретико-методологические подходы к изучению структуры молодежных интернет-сообществ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 36–40.
42. *Глебова Е.А.* Типология молодежной субкультуры // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии : Сб. ст. по матер. IV международной науч.-практ. конф. № 4. Часть 1. Новосибирск : СибАК, 2011.
43. *Щипова Д.Д.* Современная андеграундная культура российских регионов : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. культурол. наук. Спб., 2016. 23 с.
44. *Williams J.P.* Authentic identities. Straightedge subculture, music, and the Internet // Journal of
30. *Rheingold H.* The Virtual Community: Home-stading on the Electronic Frontier. URL : www.rheingold.com/vc/book
31. *Bondarenko S.V.* The social structure of virtual network communities. Rostov-on/D., 2004 . 320 p.
32. *Bresler M.G.* Social networks and network communities of the Information Society : monograph. Ufa : RIC of BashSU, 2014 174 p.
33. *Egorov M.V.* The mechanisms of self-organization of social space : abstract. dis. ... for a job. student Art. Candidate of Sociological Sciences : Stavropol, 2016. 26 p.
34. *Nazarchuk A.V.* On network research in the social sciences // Sociological studies. 2011. No1. S. 39-51.
35. *Nevesenko E.D.* The specifics of the formation and functioning of Internet communities: the social aspect // Young scientist. 2011. No. 5, vol. 2. P. 88–92.
36. *Rykov Yu.G.* The structure and functions of online communities: network mapping of HIV-related groups on the VKontakte social network / Yu.G. Rykov, O.Yu.Koltsova, P.A. Meilakhs // Sociological Studies. 2016. № 8. P. 30–42.
37. *Ryabchenko N.A.* Toponymy of the network landscape of online space // Man. Community. Management, KubSU, Krasnodar, 2016. № 4. P. 98–115.
38. *Aleahmad A. OL.* Finder: Finding opinion leaders in online social networks / A. Aleahmad, P. Karisani, M. Rahgozar, F. Oroumchian // Journal of Information Science. 2016. vol. 42.R. 659-674.
39. *Buch-Hansen H.* Social Network Analysis and Critical Realism // J. Theory Soc. Behav. 2014. № 44. P. 306–325.
40. *Cormier D.* Rhizomatic Knowledge Communities. URL : <http://davecormie.com/edblog/2008/02/29/rhizomatic-knowledge-communities;edtechtalk;webcast;academy/>
41. *Gapić A.E.* Theoretical and methodological approaches to the study of the structure of youth inter-no-communities // Theory and practice of public development. 2015. № 11. P. 36–404
42. *Glebova E.A.* Typology of youth sub-culture // Personality, family and society: the issue of pejagogy and psychology: Sat. According to mater. IV International Scientific and Scientific Conference № 4. Part 1. Novosibirsk : SibAK, 2011.
43. *Schipova D.D.* Modern underground culture of Russian regions : Autoreferat thesis... Candidate of Cultural Sciences for a degree. Spb., 2016. 23 p.
44. *Williams J.P.* Authentic identities. Straightedge subculture, music, and the Internet // Journal of

contemporary ethnography. Vol. 35. Issue 2. 2006. P. 173–200.

45. *Wood R.T.* The straightedge youth sub-culture: Observation of the complexity of subcultural identity // *Journal of Youth Studies*. 2003. 6(1). P. 33–52.

46. *Щеулова Е.А.* Социальные сети как средство коммуникации молодежи / Е.А. Щеулова, А.Е. Николаева // *Современные научные исследования и инновации*. 2016. № 11. URL : <http://web.snauka.ru/issues/2016/11/74131>

47. *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция / Пер. с англ. А. Гарькавого. М. : ФайрПресс, 2006. 416 с.

48. *Брызкун В.* Структура флешмоба // *Научно-популярный журнал для юнацтва: Країназнань, ВМГО «Союз обдарованої молоді»*. URL : <http://som.org.ua/k234411.html>

49. *Nold Ch.* Legible Mob, 2003. URL : <http://www.softhook.com/legible.htm> (дата обращения 29.08.2012).

50. *Rheingol H.* The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier // *Journal of Computer Mediated Communication*. 1997. 3(1) June. URL : <http://jcmc.huji.ac.il/vol3/issue1/garton.html>

contemporary ethnography. Vol. 35. Issue 2. 2006. P. 173–200.

45. *Wood R.T.* The straightedge youth sub-culture: Observation of the complexity of subcultural identity // *Journal of Youth Studies*. 2003. 6(1). P. 33-52.

46. *Shchulova E.A.* Social networks as a means of youth communication / E.A. Shchulova, A.E. Nikolayeva // *Modern scientific developments and innovations*. 2016. № 11. URL : <http://web.snauka.ru/issues/2016/11/74131>

47. *Reingold G.* Smart Crowd: A New Social Revolution/Per. With English A. Garkavogo. M. : FairPress, 2006. 416 p.

48. *Bryazkun V.* The structure of flash mob//*Science-popular magazine for Junaztva: Kraknazan, VGO «Union of Milk»*. URL : <http://som.org.ua/k234411.html>

49. *Nold Ch.* Legible Mob, 2003. URL : <http://www.softhook.com/legible.htm> (date of the address 29.08.2012).

50. *Rheingol H.* The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier // *Journal of Computer Mediated Communication*. 1997. 3(1) June. URL : <http://jcmc.huji.ac.il/vol3/issue1/garton.html>

Маслова Ольга Михайловна
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии,
Липецкий государственный
технический университет
elva-1@yandex.ru

Григорьева Наталья Витальевна
кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры социологии,
Липецкий государственный
технический университет
grignatali@mail.ru

ГОРОДСКАЯ И СЕЛЬСКАЯ БЕДНОСТЬ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

■ ■ ■
Аннотация. В статье рассматриваются содержательные характеристики городской и сельской бедности. В качестве базовых экономических характеристик выделены уровень доходов, структура расходов, имеющиеся задолженности и характер занятости. Социокультурные характеристики бедности проанализированы через призму уровня образования и доступности материальных и духовных благ.

Ключевые слова: городская и сельская бедность, экономические характеристики бедности, социально-культурные характеристики бедности, социальная дифференциация.

■ ■ ■
Феномен бедности традиционно является предметом социологического анализа. С момента исторического возникновения социологии как науки изучение бедности, ее причин и критериев выделения находилось в центре внимания, как мировых, так и отечественных социологов.

Перестроечные процессы в России актуализировали изучение феномена бедности. «Бедные» как социальный слой исследовались в работах таких отечественных ученых, как Т.И. Заславской, В.С. Тапилиной, Р.В. Рывкиной и других.

Содержание бедности может рассматриваться, прежде всего, в двух основных аспектах: экономическом и социально-культурном. Первый из них характеризуется уровнем благосостояния населения и традиционно базируется на таких показателях, как прожиточный минимум и потребительская корзина. Эти объективные показатели рассматриваются в качестве основы для определения черты бедности. Не менее значимым

Olga M. Maslova
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Sociology,
Lipetsk State Technical University
elva-1@yandex.ru

Natalia V. Grigoryeva
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Sociology,
Lipetsk State Technical University
grignatali@mail.ru

URBAN AND RURAL POVERTY: REGIONAL ASPECT

■ ■ ■
Annotation. The article discusses the conceptual characteristics of urban and rural poverty. Income level, expenditure pattern, outstanding debt and employment pattern are distinguished as the basic economic characteristics. The sociocultural characteristics of poverty are analyzed in terms of the educational level and the accessibility of material and spiritual wealth.

Keywords: urban and rural poverty, economic characteristics of poverty, sociocultural characteristics of poverty, social differentiation.

■ ■ ■
является и второй аспект рассмотрения, связанный с образом жизни определенных социальных слоев. Его содержание характеризуется через ограниченность доступа к совокупности материальных и духовных ценностей общества.

При рассмотрении феномена бедности можно выделить два устойчиво сложившихся вида: городская и сельская бедность.

Следствием коренных социально-экономических преобразований российского общества в 1990-е годы явился кризис традиционных отраслей промышленности в ряде регионов страны и разрушение сложившихся форм ведения сельского хозяйства (колхозы, совхозы), социальной инфраструктуры села (закрытие малокомплектных школ, культурно-досуговых центров, медицинских пунктов и больниц и т.п.). Данные макропроцессы усилили социальную дифференциацию, в том числе между «городской» и «сельской» бедностью.

Несмотря на то, что последние десятилетия связаны с развитием стабилизационных процессов в стране, изучение бедности остается актуальным.

В период с 1 декабря 2018 г. по 20 марта 2019 г. в рамках первого этапа пилотного проекта под эгидой Управления социальной защиты населения Липецкой области было проведено социологическое исследование, целью которого являлось изучение структуры бедности в регионе. Результаты данного исследования позволяют более детально проанализировать специфику городской и сельской бедности в региональном аспекте [2].

Генеральную совокупность исследования составили малоимущие домохозяйства Липецкой области. Объем генеральной совокупности – 25822 домохозяйства городов Липецк, Елец и 18 муниципальных районов Липецкой области. Выборка исследования включила в себя 1000 малоимущих домохозяйств. Выборка стратифицированная и квотная.

На 1 января 2019 года население Липецкой области составило 1 144 тыс. чел., из которых горожане составили 738272 чел. (65 %, по РФ – 75 %), сельские – 405763 чел. (35 %, по РФ – 25 %) [3]. Городское население преимущественно проживает в городах Липецк и Елец. Самыми густонаселенными сельскими районами являются Липецкий, Грязинский и Добринский.

В городах Липецк и Елец численность опрошенных составила 43,8 %, в сельской местности – 56,2 %. В Липецкой области как индустриально-аграрном регионе 35 % населения сосредоточено в сельской местности. Кроме того, максимальные показатели малоимущего населения так же зафиксированы в сельских территориях.

Экономические характеристики городской и сельской бедности в регионе были проанализированы по таким показателям, как: уровень дохода, структура расходов, имеющиеся задолженности домохозяйств и характер занятости.

По результатам исследования средний ежемесячный доход опрошенных домохозяйств составил 20,4 тыс. руб. При этом семьи с доходом до 10000 тысяч рублей в месяц преобладают в сельской местности (65,55 %).

Источники доходов малоимущих домохозяйств по видам близки в городских и сельских районах Липецкой области. При этом более важными

источниками дохода в сельских населённых пунктах являются:

– доходы от личного подсобного хозяйства (в 5 раз больше, чем в городах);

– денежные субсидии, льготы и компенсации (в 2,5 раза больше, чем в городах).

В городах же в 2 раза чаще источником дохода малоимущего домохозяйства выступают деньги и подарки от родственников, друзей (табл. 1).

Для 12 % опрошенных домохозяйств ЛПХ является основным источником питания, а для 58% – дополнительным.

Почти в 2 раза чаще члены домохозяйств в сельской местности по сравнению с членами городских домохозяйств отмечали, что тратят на питание либо 2/3 своих доходов, либо почти все.

32 % опрошенных домохозяйств отметили, что имеют различные задолженности. Следует отметить, что задолженность по ЖКУ (53,3 %), автокредиту (77 %) и кредитной карте (80 %) больше среди домохозяйств, проживающих в сельской местности, а прочие долги составляют 9 % против 92 % в городах (табл. 2).

В городах у малоимущих домохозяйств в 2 раза больше задолженности по сравнительно более крупным кредитам – ипотечному и потребительскому, в сельских домохозяйствах – по автокредиту и кредитным картам.

Анализ характера занятости городского и сельского населения показал, что среди сельского населения преобладает полная (58 %) или временная (83 %) занятость, что в целом, не влияет на показатели их ежемесячного дохода.

Социально-культурные аспекты содержания бедности в ходе прикладного социологического исследования были проанализированы через призму рассмотрения уровня образования городского и сельского населения, а так же через доступность материальных и духовных благ.

Полученные результаты показывают более низкий образовательный уровень трудоспособных членов сельских домохозяйств в сравнении с городскими домохозяйствами. Как правило, у них преобладает среднее общее (85 %) и среднее специальное (64 %) образование. Однако это не является ведущей причиной в различиях уровня дохода.

Таблица 1

Сравнительная характеристика малоимущих домохозяйств в городской и сельской местности Липецкой области (в %) в обобщающих абсолютных показателях		
Критерии	Городское население	Сельское население
Основные источники средств существования домохозяйства		
Заработная плата	44,87	55,12
Доход от ЛПХ	17,14	82,85
Пенсия	44,79	55,20
Пособия на детей	42,85	57,14
Денежные субсидии, льготы, компенсации	28,57	71,42
Деньги и подарки от родственников	61,62	38,37

Таблица 2

Сравнительная характеристика малоимущих домохозяйств в городской и сельской местности Липецкой области (в %) в обобщающих абсолютных показателях		
Критерии	Городское население	Сельское население
Наличие задолженности в домохозяйстве		
По оплате ЖКУ	46,66	53,33
По ипотечному кредиту	64,28	35,71
По автокредиту	23,07	76,92
По потребительскому кредиту	65,75	34,24
По кредитной карте	20	80
Прочие долги	92,10	7,89

Возможности трудоустройства или смены деятельности у сельского населения ограничены. Поэтому часть респондентов, определяя возможные траектории улучшения своего материального состояния, высказывали желание переехать в более крупный населенный пункт, областной центр, сменить профессию и работу. И лишь незначительный процент отмечал, что хотел бы повысить уровень своего образования.

Данные социологического исследования указывают на существование относительно равных условий доступности материальных благ. Так, 49 % сельских и 55 % городских респондентов заявили о наличии в собственности транспортных средств (легковой автомобиль, мотоцикл) и дополнительного недвижимого имущества (дополнительное жилье, гараж) – 58 % и 41 % соответственно.

Подобная картина, к сожалению, не может быть перенесена на ситуацию доступности духовных благ. Это, с одной стороны, является объективным следствием удаленности от крупных центров и малочисленностью проживающих (отсутствие культурно-досуговых объектов), а, с другой стороны, невысоким уровнем доходов сельских

жителей и большой долей расходов, связанных с погашением задолженностей разного рода и затратами на питание и самые необходимые товары (67 % респондентов отметили, что тратят на это 2/3 имеющихся доходов).

Проведенный анализ свидетельствует о том, что городская и сельская бедность имеет ряд общих характеристик. Одна из которых – патерналистская установка.

Большая часть домохозяйств связывает улучшение своего финансового положения, прежде всего, с увеличением материальной помощи со стороны государства. Такая патерналистская установка преобладает, как среди городского населения (64 %), так и среди сельского населения (54 %), блокируя любые попытки выхода на траекторию самообеспечения. Лишь четверть членов малоимущих домохозяйств в городах и 12,2 % членов малоимущих домохозяйств в сельской местности ориентированы выйти на самообеспечение за счёт самозанятости. В городах в 2,5 раза больше опрошенных рассчитывают на получение дополнительного образования или квалификации для улучшения своего материального положения (10 %), чем в сельской местности (рис. 1).

Рисунок 1 – Меры по улучшению материального положения домохозяйства: возможности городской и сельской местности Липецкой области

Говоря о различиях в содержательных характеристиках городской и сельской бедности, можно выделить следующие.

Возможности трудоустройства или смены деятельности у сельского населения ограничены. При этом у сельского населения потенциально больше возможностей улучшить свое положение за счет дополнительных источников дохода, на-

Литература:

1. *Каримова Р.* Сельская бедность в регионе: специфика, причины и пути сокращения / Р. Каримова, Р. Яппарова // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 6. С. 78–84.

2. URL : <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/34>

3. URL : http://lipstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/lipstat/ru/statistics/population/

пример, использования личного подсобного хозяйства. Также, они могут рассчитывать на больший объем государственной и прочей поддержки, не связанной с трудовой деятельностью. Для сельских жителей в большей степени характерна полная и особенно временная занятость и наличие достаточного объема недвижимого имущества.

Literature:

1. *Karimova R.* Rural Poverty in a Region: Specificity, Causes and Ways of Reduction / R. Karimova, R. Yapparova // Economics and Management: Research Journal. 2016. № 6. P. 77–84.

2. URL : <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/34>

3. URL : http://lipstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/lipstat/ru/statistics/population/

Пугачев Олег Сергеевич

доктор философских наук,
профессор
fil.ist.in@pgau.ru

Пугачева Наталья Петровна

кандидат философских наук,
доцент
fil.ist.in@pgau.ru

Дорофеева Татьяна Геннадьевна

кандидат философских наук,
доцент,
кафедра философии,
истории и иностранных языков,
Пензенский государственный
аграрный университет
fil.ist.in@pgau.ru

Oleg S. Pugachev

Doctor of Philosophy,
Professor
fil.ist.in@pgau.ru

Natalya P. Pugacheva

Candidate of Philosophy,
Associate Professor
fil.ist.in@pgau.ru

Tatiana G. Dorofeeva

Candidate of Philosophy,
Associate Professor,
Department of Philosophy, History
and Foreign Languages,
Penza State Agrarian University
fil.ist.in@pgau.ru

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются модели социальной реальности в аспекте глобализации. Рассматриваются глобальные характеристики социального: глобальное социальное бытие, глобальное социальное пространство и такое же время. Авторы вводят понятие «глобальные модусы социальной реальности». Особое внимание уделяется роли СМИ в информационной связанности мира в XXI веке. Конфликты и конфликтность представляются существенным признаком глобализации как социальной реальности нового типа.

Ключевые слова: глобализация, социум, социальная реальность, конфликт, информационные сети, глобальные модусы социальной реальности.

Можно ли рассматривать глобализацию как новый тип социальной реальности? Собственно говоря, в теоретическом аспекте речь может идти только о какой-либо модели социальной реальности, как эти модели зафиксированы, описаны, классифицированы и проанализированы в социальной философии и социологии. Правомерно ли говорить о глобализации как процессе, специфически служащем в качестве определенного вида социальной реальности? Если это в буквальном значении некоторая «общественная действительность», то, как она соотносится с действительностью общества или с признаками общественности? Точно такие же по типу словесные конструкции мы получаем в результате перемещения логического ударения с главного слова на второстепенное (грамматиче-

SOCIAL REALITY IN THE ASPECT OF GLOBALIZATION

Annotation. The article builds models of social reality in the aspect of globalization. The global characteristics of the social are considered: global social being, global social space and the same time. The authors introduce the concept of "global modes of social reality." Particular attention is paid to the role of the media in the information connectivity of the world in the 21st century. Conflicts appear to be an essential sign of globalization as a new type of social reality.

Keywords: globalization, society, social reality, conflict, information networks, global modes of social reality.

ски). Можно при этом выстроить следующие модели:

- глобализацию как социальная реальность;
- глобализирующуюся социальная реальность;
- социальную реальность в аспекте глобализации;
- глобальные модусы социальной реальности;
- глобальные измерения социума (социальной реальности).

Возможны еще и другие формулы и формулировки. В принципе, задача может показаться схоластической, но если ее тщательно выпол-

нить, она даст возможность оценить степень полноты того или иного определения.

Если начать с последнего – «глобальные измерения социума», то нам предстоит произвести следующую локально-логическую операцию: вычленив смысл понятия «измерение». Уже с первого взгляда видно, что под измерением, в данном контексте, понимаются те характеристики, параметры, которые характерны для глобального (планетарного) уровня охвата проблемы. Социум, в данном отношении, выступает как абстрактное единство всех существующих на данный момент человеческих, межличностных и надличностных связей и отношений, создающих, вернее, образующих социальное как таковое. Глобальными характеристиками такого «социального» выступают, в первую очередь, глобальное социальное бытие, глобальное социальное пространство и таковое же время. Мы полагаем, что выводная часть из анализа данного положения может быть сформулирована следующим образом: глобальное измерение социальной реальности предполагает определение специфики, прежде всего, трех социологических (если можно так условно их назвать) характеристик: бытие, пространство – время. Выражая их глобальное содержание, мы и можем собственно говорить о глобальных измерениях социума.

С другой стороны, формула «глобальные модулы социальной реальности» предполагает четкий акцент на онтологическом характере социального бытия, вычленив из него социальную реальность как самую активную его часть. Эта часть и может рассматриваться как определенная «субстанция» по отношению к своим «модулам». Глобальными предстают в рассматриваемой формуле (определении) те свойства социальной реальности, которые пространственно переширяют локальные, региональные и другие позиции, образуя сеть, обнимающую обитаемое пространство земного шара, как впрочем, и необитаемое тоже, ибо и по отношению к нему происходит некая «социализация», в частности, за счет включения в геополитические, экономические, правовые, этические, эстетические и другие отношения.

Третья позиция – «социальная реальность в аспекте глобализации» – предполагает ведущую роль глобализации как процесса, оказывающего непосредственное влияние на социальную реальность как определенную системную устойчивость, деформируя, трансформируя ее, изменяя ее характер по многим линиям. Здесь мы как бы бросаем взгляд на социальную реальность как объект, который подвергается воздействиям такого фактора как глобализация, оставляя в стороне само определение данного процесса.

Наконец, начальная формулировка «глобализация как социальная реальность», именно новый ее тип. Здесь происходит отождествление двух феноменов, – вернее даже, один из них рассматривается в качестве другого. Имеем ли мы право на подобную постановку вопроса, можно ли рассматривать глобализацию саму по себе

как новый тип нарождающейся социальной действительности, не занимаемся ли мы в этом случае гипостазированием, предписывая, хотя и сложному, но всего лишь качеству долю субстанциональности? Приходится признать, что определенная доля гипостазирования здесь налицо, но, вместе с тем, это оправдано, поскольку именно оно, т.е. гипостазирование, позволит нам рассмотреть данный предмет научного синтеза в более крупном, т.е. соответствующем ему масштабе.

Повидимому, в пределах социологии, где важное место в определении социального принадлежит акценту на его отделении от природного, естественного, проблема глобализации в рамках пространственности начнет определяться не только как ограниченная земным шаром, но и ближним, и, отчасти, дальним космосом. Допустим, мы не имеем в системе Урана или Нептуна космических кораблей с их экипажами, но, тем не менее, космические параметры человеческого общества были сформулированы еще до реального освоения человеком космоса, вернее – еще до выхода за пределы земной атмосферы – в таком направлении как «русский космизм». Теперь же, отдаленные друг от друга и от людских сообществ отдельные территории Земли, как, впрочем, и других небесных тел космического пространства в целом и его объектов, включены в реальную систему человеческой деятельности, следовательно – и в общественные отношения.

В пространственном понимании глобализация – исторически давний процесс, и его история должна быть написана, если она уже не создана. Но, если прежде господствовали географические ее атрибуты, то теперь можно говорить, хотя и достаточно условно, об «экуменических» с учетом того, что и необитаемое пространство земли, воды, космоса тоже необходимо учитывать в этом новом «экуменизме».

В современной глобализации важнейшую роль играет распространение по всему миру информационных сетей.

Невозможно представить себе планетарное человечество, организованное как «единство многообразия» вне всепроникающего, всеобъемлющего действия СМИ. Информационная связанность мира в XX–XXI вв. беспрецедентна. Это заставляет сразу же переключать внимание на качественную сторону этой связи, где под качеством мы подразумеваем не только главные свойства той или иной информационной системы и создаваемого ею продукта, но и целый верев «подлежащих» характеристик информации, т.е. ее смыслообразующего, в частности, политического значения.

Концепция мира – глобальной «деревни», как кажется, во многом оказалась адекватной реальности. Но сама «глобальная социальная реальность» уже может быть представлена в виде многополюсного мира, имеющего различные социальные поля разной степени напряженности. Большую роль в этой напряженности играют, как и прежде, экономика и политика. Однако этничность в смысле самоидентификации и религиоз-

ная принадлежность также создают очаги напряжения, которые характеризуются конфликтностью. Мы можем вслед за современными исследователями повторить, что конфликты и конфликтность разной остроты и уровня являются существенным признаком глобализации как социальной реальности нового типа. Вряд ли мы можем говорить о глобализирующейся социальной реальности в таком же ключе, как о глобализации в плане ее социальной насыщенности, поскольку глобализация как социальная реальность нового типа имеет довольно яркие признаки, выделяющие ее на фоне иных устоявшихся моделей.

Одним из признаков, характерной чертой глобализации как социальной реальности выступает конфликт. По мнению Р. Дарендорфа [1], конфликтность имеет тенденцию к возрастанию, конфликты накладываются друг на друга и вызывают ситуации, в которых отсутствует былая, т.е. «классическая» прозрачность их истоков. В этой связи, весьма интересна концепция «ситуационного класса», предложенная упомянутым исследователем. «Такой «класс» не имеет целостного и устойчивого экономического, политического и идеологического лица, это временная общность, а не универсальный субъект социального действия» [2], т.е., он, чаще всего, формируется в системе управления и является носителем одной из разновидностей конфликта.

Социальные системы, выстроенные по иерархическому принципу и регулирующие посредством норм, правил, предписаний и т.п., неизбежно навязывают индивидам определенные социальные роли, выполнение которых ощущается как своеобразное принуждение. В этих условиях конфликт может рассматриваться как проявление свободы.

Литература:

1. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5. С. 142–147.
2. Кириленко Г.Г. Конфликт Философский словарь: справочник студента / Г.Г. Кириленко, Е.В. Шевцов. М. : Филологич. об-во «СЛОВО»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. С. 251.

В глобальной социальной реальности иерархичность, чаще всего, сохраняется на локальном и региональном уровне, а, в целом, полицентризм подрывает ее либо делает менее эффективной, сглаженной. Конфликты же становятся диффузными и подчиняются принципу теории волн. В этом смысле, например, характер становления и трансформации политического самосознания этносов должен рассматриваться не как изолированный процесс, но как сложные синергетические взаимодействия разного уровня, связанные с языком, этнической самоидентификацией, национальным и гражданским государством, внутренней и внешней политикой, экономикой, идеологиями, системами народного образования и науки, культуры, религии и т.д.

Социокультурные процессы и явления, связанные с современной формой глобализации, ярко демонстрируют ее противоречивость, поскольку они неизбежно связаны с трансформацией системы ценностей и повседневными действиями людей.

Глобальный поворот мировых событий, неожиданные изменения в, казалось бы, стабильных структурах можно расценивать как вызов времени, брошенный, в том числе, и социальным наукам, начиная с социологии.

Первыми симптомами такого вызова можно назвать глобальные проблемы современного мира. На их примере мы сталкиваемся с объективной стороной глобализации, когда вопрос о гармоничном по отношению к природе, комфортном или просто существовании человека на планете переводится в онтологический план: быть или не быть?

Literature:

1. Darendorf R. Elements of the theory of social conflict // Socis. 1994. № 5. P. 142–147.
2. Kirilenko G. Conflict Philosophical Dictionary: Student Handbook / G. Kirilenko, E. Shevtsov. M. : SLOVO, AST, 2002. P. 251.

Самыгин Петр Сергеевич

доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет «РИНХ»
samugin78@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры
управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет «РИНХ»
serq1952@mail.ru

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается сущность и основное содержание правового просвещения в контексте формирования правовой культуры студенческой молодежи в современной России. Авторы отмечают, что современная система образования всех уровней должна рассматривать правовое просвещение молодежи в качестве одной из центральных задач, направленной на распространение правовых навыков, представлений об основополагающих правах, обязанностях и свободах граждан и законных способах их реализации и защиты, а также систематического воздействия на сознание молодежи с целью формирования устойчивых позитивных правовых ценностей и представлений, установок на правомерное поведение, следование предписаниям закона.

Ключевые слова: правовое просвещение, правосознание, правовая культура, правовое воспитание, правовая социализация, молодежь, студенческая молодежь.

■ ■ ■

С тановление правовой государственности выступает в качестве основополагающей цели системных преобразований в постсовет-

Petr S. Samygin

Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Professor of Department of Theory
and History of State and Law,
Rostov State University of Economics,
samugin78@yandex.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor,
Professor of Department of Human Resource
Management and Sociology,
Rostov State University of Economics
serq1952@mail.ru

Mikhail U. Popov

Doctor of Sociology,
Professor
popov-52@mail.ru

LEGAL EDUCATION AND FORMATION OF LEGAL CULTURE OF MODERN RUSSIAN STUDENTS

■ ■ ■

Annotation. The article deals with the essence and main content of legal education in the context of the formation of the legal culture of students in modern Russia. The authors note that legal education of students should be taken into consideration as purposeful activities aimed at the dissemination of legal knowledge, notions of fundamental rights, freedoms and duties of citizens and the legitimate ways of their realization and protection, as well as systemic effects on the minds of students with the goal of creating a sustainable positive legal values and perceptions, attitudes on lawful conduct, following the requirements of the law.

Keywords: legal education, legal consciousness, legal culture, legal education, legal socialization, youth, student youth.

■ ■ ■

ской России. В процессе осуществления реформ в современном российском обществе, трансформации его политико-правовой системы была

сформирована и закреплена в текстах базовых нормативно-правовых актов так называемая институциональная основа правового государства, что вызвало необходимость:

- формирования соответствующих установок общественного правового сознания;
- изменения в правовом менталитете населения страны;
- развития правовой культуры гражданского типа;
- комплексной деятельности, направленной на правовоспитательную работу с молодежью с целью привития ей установок на законопослушное поведение.

Подобные изменения, в отличие от формирования институциональных правовых основ государственности, не могут быть осуществлены за короткий временной промежуток и требуют целенаправленных долговременных усилий общества и власти, связанных с правовым просвещением представителей различных социально-демографических групп российского общества. Особую значимость приобретает формирование правовой культуры студенческой молодежи, которая, потенциально, является интеллектуальной и духовной элитой будущего общества.

В своем исследовании мы опирались на документ, который определяет направления формирования правовой культуры индивида и социальных групп: «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (далее, Основы) [1]. Главная цель в нем определяется в снижении уровня правового нигилизма в сознании молодежи путем создания в нашем государстве системы правового просвещения, основанной на индивидуальном подходе. В процессе анализа нами выделены в Основах такие направления правового просвещения, как обеспечение доступности правовой помощи населению, правовое образование и воспитание, совершенствование законодательства, охрана правопорядка и др.

Правовое просвещение представляет собой сложную и многоаспектную форму деятельности, особая роль в которой принадлежит образовательной системе [3, 8 с.]. В качестве основной цели правового просвещения молодежи выступает формирование теоретических основ её правового сознания, правовой культуры, развитие правовых интересов и правового мышления, а также формирование научного правового миропонимания. К числу основных задач правового просвещения можно отнести:

- достижение прочных знаний людей о законодательстве, законности, правах и обязанностях личности;
- повышение роли закона как непреложной социальной ценности;
- уважение к закону;

– борьбу с правовым нигилизмом;

– формирование у молодежи устойчивой ориентации, установок и привычки на правомерное поведение.

Как уже отмечалось выше, правовая просвещенность студенческой молодежи является системным образованием, каждый компонент которого взаимосвязан с другими, и, вместе с тем, является самостоятельной характеристикой, выполняющей свои функции [4].

Согласно данным специальных исследований, в настоящее время правовое образование в учебных заведениях различного уровня, направлено на формирование у обучающихся правовых знаний, в то время как на эмоционально-ценностный и деятельностно-практический его аспекты учебный процесс значительного воздействия не оказывает. Хочется подчеркнуть, что показателем правового сознания следует считать уважение к закону, понимание его как абсолютной нормы.

Обобщение эмпирических данных, полученных такими крупными российскими исследовательскими организациями, как Центр социологических исследований при Министерстве образования и науки РФ и Институт социологии РАН, позволяет сделать вывод, согласно которому установка на «полное законопослушание» характерна для достаточно небольшой части молодых россиян (не более двадцати процентов молодых респондентов), в то время как половина молодежи готова соблюдать закон лишь в том случае, если это делают и представители власти, а четверть склонна игнорировать закон и не соблюдать требования правовых предписаний в своей повседневной жизни.

Отношение к закону различных категорий молодежи, и, в том числе, студенчества вузов практически не зависит от уровня их правовой компетентности, глубины правовых знаний и осведомленности о содержании действующего законодательства. Все это однозначно свидетельствует в пользу необходимости усиления деятельности по правовому просвещению молодежи, в том числе, её правовому воспитанию, направленному на формирование позитивного отношения к закону, установок на законопослушное поведение.

В течение последних лет наблюдается рост правовой компетентности студенческой молодежи, проявляющейся в достаточно высокой осведомленности студентов о содержании базовых нормативно-правовых актов Российской Федерации, в частности, Конституции РФ, различных кодексов и т.д. В высших учебных заведениях, в целом, научились готовить достаточно грамотных и компетентных в правовом плане специалистов, которые, в то же время, далеко не всегда становятся законопослушными гражданами. Необходимо отметить, что в соответствии с «Основами государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», одной из основных её

целей является «внедрение в общественное сознание идеи добросовестного исполнения обязанностей и соблюдения правовых норм». Реализация этой цели должна осуществляться, в том числе, посредством развития правового образования и воспитания подрастающего поколения в образовательных учреждениях различного уровня посредством внедрения в образовательный процесс учебных курсов, программ, учебно-методических материалов, обеспечивающих получение знаний в области права [1].

Как следует из методических рекомендаций, подготовленных научно-исследовательским отделом ФБУ НЦПИ при Министерстве юстиции Российской Федерации и адресованных работникам отечественной системы образования, деятельность по просвещению в области права должна включать совокупность информационно-образовательных мероприятий по пропаганде и целенаправленному распространению правовых знаний, формирующих правовую культуру человека, основы его правосознания. Очень важно, чтобы эти разнообразные формы работы были взаимосвязанными и представляли собой единую систему, предусматривающую ознакомление обучающихся с основами теоретико-правовых знаний, правоприменительной практикой, с ключевыми положениями современной юридической науки.

Правопросветительская деятельность должна осуществляться при помощи специального инструментария, посредством которого будет возможно «донести правовые ценности до сознания каждого человека» таким образом, что указанные ценности позитивного характера могли стать личными убеждениями человека и выступать в роли основополагающих ориентиров его правового поведения [2, с. 13].

По мнению Ю.В. Мазеиной, в содержание правового просвещения должны входить в качестве неотъемлемых компонентов правовая грамотность, правовое мышление и правовая умелость [3]. Формирование правовой грамотности студентов включает освоение ими базовых правовых терминов или основных категорий юриспруденции (право, норма права, нормативно-правовой акт, правоотношения, правонарушение, юридическая ответственность и т.д.), ознакомление с содержанием базовых нормативно-правовых актов Российской Федерации.

Правовое мышление и умелость базируются на правовых знаниях и компетентности и представляют собой умение индивида давать оценку поступкам и поведению людей с точки зрения норм права. Развитие правового мышления студенческой молодежи предполагает разбор на семинарских занятиях по правовым дисциплинам конкретных ситуаций, которые могут возникнуть в реальной жизнедеятельности. В процессе анализа таких ситуаций студенты должны учиться проецировать приобретенные правовые знания на действительность, получив представления о правах и свободах и способах их защиты, что в дальнейшем может быть использовано ими в ситуациях, когда будут происходить нарушения прав и законных интересов личности [4].

В настоящее время студенты, как показывают данные социологических исследований, проявляют интерес, в первую очередь, к правам человека и способам их защиты, гражданскому и трудовому праву; при этом интерес к защите личных прав доминирует в их сознании. Следует отметить, что интерес к защите личных прав в сознании студентов превалирует над их стремлением «знать и уважать права других людей» и «понимать жизнь общества». Абсолютное большинство студентов, при этом, испытывают потребность в приобретении знаний в области права, необходимые им для защиты собственных прав и свобод. В то же время, значительную часть студентов российских вузов не устраивает имеющийся у них уровень правовых знаний, что, в целом, соответствует аналогичным показателям правовой информированности у представителей других социально-демографических групп. Результаты эмпирических исследований также свидетельствуют о том, что уровень образования граждан, представляющих различные социальные слои и группы российского общества, практически никак не влияет на их правовую компетентность. Так, нет особой разницы между показателями правовой информированности у лиц со средним и высшим образованием. Это указывает на низкий уровень эффективности правового образования, реализуемого в рамках современных российских высших учебных заведениях.

К числу основных недостатков, характерных для процесса преподавания правовых дисциплин, с точки зрения самих обучающихся, следует отнести:

- отсутствие внимания к конкретным механизмам защиты прав и свобод человека;
- поверхностный характер преподавания правовых дисциплин;
- перегруженность проблемами теоретического характера при слабой связи с практикой.

Некоторые студенты также отмечают фактическое отсутствие в учебных программах по основам права некоторых базовых отраслей российского права (например, гражданского и трудового права). Данное обстоятельство, возможно, является следствием преобладания теоретиков в составе преподавателей, задействованных в чтении лекций и проведении семинарских занятий по рассматриваемым дисциплинам (в отличие от практикующих юристов, такие педагоги достаточно плохо представляют себе практическую реализацию правовых норм, конкретную деятельность в сфере юриспруденции). На практике возможна такая ситуация, когда формально образованный гражданин, являющийся специалистом с высшим образованием, в силу крайней размытости и поверхностности его правовых знаний и правового мышления оказывается неспособным не только соблюдать предписания действующего законодательства, но и осуществлять эффективную защиту своих прав, исполнение юридических обязанностей.

В связи с этим, как нам представляется, необходимо в периодическую переаттестацию профессорско-преподавательского состава, в данном случае, юридического проффиля, закладывать такое требование, как ежегодную стажировку в правоохранительных органах, что должно также братья во внимание и при выдвижении кандидатур на конкурс должностей на кафедрах и факультетах вузов.

Исходя из выше изложенного, как мы полагаем, что в настоящее время правовое просвещение должно быть направлено на реализацию комплексной цели, связанной с процессом складывания правовой культуры студенчества: правопросветительская работа в их среде должна включать в качестве неотъемлемых компонентов:

- распространение правовой информации;
- формирование позитивного правосознания, предполагающего развитие навыков и устойчивой ориентации на правомерное поведение, что, в свою очередь, является необходимой предпосылкой для вовлечения молодых граждан во все сферы общественной и государственной жизни, которые регулируются нормами права.

В идеале, правовое просвещение должно осуществляться таким образом, чтобы абсолютное большинство студенческой молодежи было ориентировано на социально-активное поведение, основанное на глубоком осознании обоснованности, справедливости, целесообразности норм права, и предполагающее активную деятельность лица по обеспечению правопорядка и пресечения правонарушений [5, с. 475].

Образовательные учреждения и, в том числе и вузы, занимают в настоящее время ведущее место в осуществлении правопросветительской деятельности. В российском образовании на всех его уровнях существует система правового обучения, включающая преподавание правовых дисциплин у студентов, обучающихся по неюридическим специальностям вузов. В то же время, мероприятия, связанные с правовым просвещением молодежи, не должны ограничиваться учебными занятиями по основам права, поскольку существует большое количество других форм просветительно-воспитательной работы со студентами:

- семинары, посвященные правовым вопросам;
- беседы на правовые темы;
- «круглые столы» с участием ведущих специалистов в области права;
- дискуссии по актуальным проблемам государства и права.

Именно они должны дополнять правовое просвещение молодежи. На, практике же, как отмечается в специальных исследованиях, в течение последних лет произошло заметное сокращение удельного веса массовой правопросветительской работы, её активизация, чаще всего, наблюдается в периоды проведения избиратель-

ных кампаний и других подобных мероприятий [4], хотя на практике уже давно разработаны различные эффективные формы массовой пропаганды правовых знаний и других мероприятий по правовому просвещению и воспитанию различных социально-демографических групп, в том числе, и молодежи.

В частности, в советский период отечественной истории, к примеру, практиковалась такая форма правовоспитательной работы со студентами, как лекции специально приглашенных действующих сотрудников правоохранительных органов, рассказывающих о специфике их работы по борьбе с преступностью, профилактике правонарушений и т.д., а в вузах была широко распространена деятельность студенческих комсомольских оперативных отрядов под руководством сотрудников МВД, которые осуществляли охрану общественного порядка в учебных заведениях, в студенческих общежитиях и прилегающих к ним территориях. Благодаря этому, среди студентов не только проводилась работа по предупреждению правонарушений, но и профориентационная деятельность, в результате которой некоторые выпускники связывали свою судьбу с работой в правоохранительных органах.

Таким образом, реализация основополагающих целей правового просвещения студенческой молодежи предусматривает привлечение к преподавательской, воспитательной деятельности квалифицированных кадров с системными правовыми знаниями, высоким уровнем педагогической и правовой культуры. В Ростовской области, в соответствии с решением пленарного заседания Совета ректоров вузов региона «Правовое просвещение и формирование правовой культуры студенческой молодежи», соответствующая правопросветительская работа среди студентов выступает в качестве важнейшего направления учебно-воспитательной деятельности высших учебных заведений [6]. На данном заседании, в частности, было отмечено, что в вузах Ростовской области на высоком и, главное, качественном уровне ведется планомерная и постоянная работа, направленная на повышение правовой грамотности и правовой культуры студенческой молодежи, которая способствует формированию у студентов знаний о праве, уважения к нему, умению применять правовые знания на практике и действовать в соответствии с полученными знаниями.

В планах воспитательной работы высших учебных заведений Ростовской области содержится комплекс мероприятий по правовому просвещению и формированию правовой культуры у студентов, включающий учебный процесс, научно-практические конференции, обучающие семинары, тренинги, встречи и беседы с руководителями УВД, Следственного комитета, Прокуратуры Ростовской области, УФНС. Наиболее распространенные темы встреч – это формирование антикоррупционного мировоззрения, противодействие наркомании, алкоголю, табакокурению, антиобщественному поведению, о противодействии в сети Интернет идеологии терроризма в молодежной среде. В вузах созданы комиссии по

противодействию коррупции, проводятся встречи членов данных комиссий со студентами. Активную роль в правовом просвещении и формировании правовой культуры выполняют заместители деканов по воспитательной работе, кураторы студенческих групп, органы студенческого самоуправления, профсоюзные организации. Целый ряд мероприятий проводится в студенческих общежитиях. Помимо этого, организуются встречи с выпускниками университетов, занимающимися предпринимательством, с целью обсуждения правовых основ регулирования предпринимательской деятельности. Проводится разъяснительная работа с иностранными студентами по вопросам соблюдения законодательства Российской Федерации, особенностями миграционного учета иностранных граждан.

Практика воспитательной, разъяснительной, просветительской работы в Ростовской области способствует участию студентов в новых формах правового просвещения, включающих Донской юридический форум, Всероссийский юридический диктант, региональный конкурс независимых наблюдателей «За чистые выборы», волонтерское и добровольческое движение. В мероприятиях, проводимых юридическими клиниками, созданными в вузах, проводятся открытые лекции и в вузах, и в общеобразовательных школах. Студенты университетов региона принимают участие в различных молодежных проектах правовой направленности, в мероприятиях, проводимых Законодательным собранием Ростовской области в рамках Дней правового про-

Литература:

1. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04. 2011 № Пр-1168) // Российская газета. 2011, 14 июля.
2. Право знать право: методические рекомендации по организации правового просвещения участников образовательного процесса / Авторы-сост. Э.И. Атагимова, Е.В. Горбачева. М. : ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2016.
3. Мазеина Ю.В. Анализ критериально-компонентного состава правового просвещения студентов вуза // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1.
4. Мазеина Ю.В. Правовое просвещение как педагогическая категория // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2012. № 5.
5. Самыгин П.С. Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества / П.С. Самыгин, М.Ю. Попов, П.С. Самыгин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. 2016. Т. 16. № 2.
6. Решение пленарного заседания Совета ректоров вузов Ростовской области «Правовое просвещение и формирование правовой культуры студенческой молодежи» 12 апреля 2018 г. URL : sr.donstu.ru (дата обращения 16.02.2019).

свещения. Перспективным направлением право-просветительской работы является проведение межвузовской научно-практической конференции по стратегии и совместной реализации программ по просвещению и формированию правовой культуры студенчества и других групп молодежи Ростовской области.

В настоящее время, в соответствии с решением пленарного заседания Совета ректоров вузов региона, посвященного проблеме правового просвещения в контексте формирования правовой культуры студенческой молодежи, планируется:

- укреплять и развивать дальнейшее сотрудничество вузов в реализации социально-гуманитарного проекта Правительства и Законодательного Собрания Ростовской области «Дни правового просвещения в Ростовской области»;
- активно участвовать в обучающих и консультационных мероприятиях проекта;
- продолжить положительно зарекомендовавшую себя практику создания юридических клиник в вузах в целях осуществления правового просвещения и оказания бесплатной юридической помощи студентам и населению Ростовской области.

На наш взгляд, опыт данного региона в работе по правовому просвещению студенческой молодежи может быть использован и в других субъектах Российской Федерации.

Literature:

1. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of development of legal literacy and legal awareness of citizens (RF 28.04.2011 № Pr-1168) // Rossiyskaya Gazeta. 2011, July 14.
2. The Right to know the right: guidelines for the organization of legal education of participants in the educational process / E.I. Utegenova, E.V. Gorbachev. M. : FBU NCPI at the Ministry of justice of Russia, 2016.
3. Mazeina Y.V. Analysis of the criterion-component composition of the legal education of students of higher education institution // Theory and practice of social development. 2013. № 1.
4. Mazeina Y.V. Legal education as a pedagogical category // Journal of scientific publications graduate and doctoral students. 2012. № 5.
5. Samygin P.S. Legal socialization of the youth under the crisis conditions of the contemporary Russian society / P.S. Samygin, M.Yu. Popov, S.I. Samygin // Bulletin of Peoples Friendship University of Russia. Series Sociology. 2016. Vol. 16. № 2.
6. Decision of plenary meeting of council of rectors of Rostov region «Legal education and formation of legal culture of modern Russian students». URL : sr.donstu.ru (date of treatment 16.02.2019).

Снеговая Ольга Алексеевна

кандидат философских наук,
старший преподаватель
кафедры английского языка
гуманитарных факультетов,
Южный федеральный университет
snegowaya.olga@yandex.ru

Карапетьян Елена Аветиковна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры
гуманитарных дисциплин,
Армавирский
механико-технологический институт,
Кубанский государственный
технологический университет (филиал)
karapetyan7@yandex.ru

Власова Виктория Николаевна

доктор философских наук,
заведующая кафедрой педагогики,
Ростовский государственный
медицинский университет
oip08@mail.ru

КОММУНИКАТИВНО- КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Аннотация. Данная статья посвящена осмыслению коммуникативно-компетентностного подхода в образовательном пространстве высшей школы. В статье описаны компоненты коммуникативной компетентности, в числе которых - когнитивный, ценностный, поведенческий компоненты. Проведен также функциональный анализ коммуникативной компетентности профессиональной деятельности специалистов высшей школы. Авторами сделан вывод о том, что развитие коммуникативной компетентности субъектов образовательного пространства должно строиться на основе личностно-развивающего обучения.

Ключевые слова: коммуникативно-компетентностный подход, образовательное пространство, высшая школа, система образования, студенческая молодежь, межличностная и деловая коммуникация.

Происходящие радикальные социальные, политические, социально-экономические и социокультурные изменения в России затраги-

Olga A. Snegovaya

Candidate of Philosophical Sciences,
Senior Lecturer Departments
of English Humanitarian faculties,
Southern Federal University
snegowaya.olga@yandex.ru

Elena A. Karapetyan

Candidate of Philology,
Associate Professor of the Department
Humanitarian disciplines,
Armavir Mechanical
and Technological Institute,
Cuban State
University of Technology (branch)
karapetyan7@yandex.ru

Victoria N. Vlasova

Doctor of Philosophy,
Head of the Department of Pedagogy
Rostov State Medical University
oip08@mail.ru

COMMUNICATIVE- COMPETENCE APPROACH IN THE EDUCATIONAL SPACE OF HIGHER SCHOOL

Annotation. This article is devoted to the understanding of communicative-competence approach in higher school educational space. The article describes the components of communicative competence, which include cognitive, value, behavioral components. The functional analysis of communicative competence of professional activity of specialists of higher school is also carried out. The authors conclude that the development of communicative competence of the subjects of the educational space should be based on personal and developmental education.

Keywords: communicative competence approach, educational space, higher school, education system, student youth, interpersonal and business communication.

вают и усложняют условия общественной жизнедеятельности абсолютно каждого человека, изменяют социокультурную и социально-образо-

вательную ситуацию, влияющую на становление, развитие и социализацию личности в образовательном пространстве [1].

Сегодня основной целью инновационной стратегии организации учебно-образовательного процесса в образовательном пространстве высшей школы является достижение его наибольшей эффективности [2]. Как показывает практика, на сегодняшний день особую ценность имеет не только и не столько уровень полученных академических знаний, сколько способность активно приложить эти знания и приобретенные умения в современных нестабильных и динамичных социально-экономических условиях, а также умение адаптироваться к различным ситуациям социокультурной жизнедеятельности [3].

С учетом всех этих факторов в современном образовательном пространстве высшей школы коммуникативно-компетентностный подход становится все более актуальным в образовательной системе, что обусловлено целым рядом причин.

Во-первых, в современных социально-экономических условиях, связанных с формированием новых рыночных отношений, необходимы специалисты, свободно ориентирующиеся в собственной профессиональной деятельности, способные к эффективной работе, компетентные и мобильные.

Во-вторых, благодаря использованию этого подхода, повышается эффективность образовательных стандартов, образовательных программ и подготовки новых молодых специалистов.

В-третьих, применение коммуникативно-компетентностного подхода позволяет установить цели подготовки специалистов с учетом потребностей рынка труда, повысить качество и эффективность процессов современного образовательного пространства высшей школы.

Компетентностный подход, в целом, и коммуникативно-компетентностный в частности, актуализировался в отечественном образовательном пространстве в связи с включением системы российского образования в Болонский процесс, в рамках которого актуальным становится набор компетенций, формирующихся у выпускников высшей школы.

В этом отношении Болонский процесс послужил своеобразным катализатором, хотя стоит заметить, что компетентностный подход, при котором уровень знаний рассматривается не как некая редукция «на всякий случай», а как непосредственный ресурс для решения возникающих проблем, как «средство для преобразования ситуаций действия», применялся еще в прошлом столетии Д.Б. Элькониним. В коммуникативно-компетентностном подходе, предложенном упомянутым автором, отражен такой вид содержания образовательной деятельности, который предполагает «целостный опыт решения жизненных проблем, выполнения ключевых (т.е. относящих-

ся ко многим социальным сферам) функций, социальных ролей, компетенций» [4, с. 10].

Оценка профессиональной педагогической деятельности, качества образования в русле коммуникативно-компетентностного подхода получает сегодня все более широкое распространение. Среди исследователей, работающих в рамках данного подхода, известность получили труды: В.А. Болотова, О.Я. Гойхман, И.А. Зимней, М.И. Корчагиной, Т.М. Надеиной, И.В. Новгородцевой, Е.К. Овсянниковой, Т.А. Печеневой и др.

Так, И.В. Новгородцева, резюмируя точки зрения многих упомянутых выше исследователей, определяет коммуникативную компетентность как «интегральную характеристику личности, представленную комплексом знаний и умений в конкретной ситуации, демонстрируемую в поведении и позволяющую ей эффективно выполнять задачи; готовность личности к жизнедеятельности во многих контекстах ее социального коммуникативного взаимодействия, достижения согласия с другими» [5, с. 23–24].

Как показал анализ психолого-педагогической литературы, коммуникативная компетентность является важным составляющим профессиональной компетентности специалиста высшей школы в рамках современного личностно-развивающего обучения.

Этимологически термин «компетенция» имеет латинские корни происхождения и означает «круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен» и обладает знаниями, осведомленностью, опытом и авторитетностью в определенной области [6, с. 202], в нашем случае – в образовательном пространстве высшей школы.

Если при традиционном подходе цели образования показывают, что же именно нового узнал студент, то с точки зрения компетентностного подхода уровень образованности определяется способностью решать проблемы различной сложности на базе имеющихся знаний и приобретенных умений, в том числе и коммуникативных. Но в то же время компетентностный подход никак не отрицает значения академических фундаментальных знаний, однако акцентирует внимание на способности оптимально применять приобретенные знания. При таком подходе цели высшего профессионального образования отражают новые возможности студенческой молодежи, рост ее личностного потенциала в процессе социальной и профессиональной коммуникации [7].

Коммуникативная природа образовательного пространства (в рамках коммуникации преподаватель-студент) актуализирует способность педагога к эмпатии, умению постигнуть и осознать субъективный мир личности каждого молодого индивида. Другими словами, благодаря эффективной коммуникации с педагогом студенческая молодежь становится более открытой социальному и культурному опыту.

Коммуникативная компетентность будущего специалиста того или иного направления – это сложное интегративное качество личности, синтезирующее в себе знания социокультурных норм и правил коммуникации, умения быстро адаптироваться в новых деловых и межличностных кругах общения, адекватно реагировать на социальные структуры, ориентированные на национальные традиции [8], владение этикетом в сфере деловой и межличностной коммуникации.

Российский исследователь Н.С. Кошева выделит следующие аспекты коммуникативной компетентности:

– прогнозирование коммуникативной ситуации общения и проектирование собственного поведения присущей данной ситуации;

– дипломатическое управление процессом деловой и межличностной коммуникации и сглаживание острых ситуаций;

– реализация своевременной аргументированной политики в коммуникативном взаимодействии для достижения поставленной цели;

– владение в равной степени устной, научно-публицистической и эпистолярной формами речевой коммуникации на разных языках для эффективного решения межличностных и межкультурных задач взаимодействия [9, с. 56].

Как подчеркивает в своем диссертационном исследовании М.И. Корчагина, компетентность представляет собой «целостное социально-профессиональное качество, позволяющее специалисту быть успешным и в процессе профессиональной деятельности», а также в процессе коммуникативного взаимодействия с другими людьми. «Компетентный педагог обладает готовностью (мотивированной способностью) успешно выполнять функциональные обязанности, для него характерны такие личностные свойства, как ответственность, организованность, целеустремленность, адекватность взаимодействия с учебной группой, педагогическим коллективом, социумом в целом» [10, с. 2].

М.И. Корчагиной также предложена структура коммуникативной компетентности педагога, включающая следующие компоненты: «природные компетенции», «приобретенные компетенции», «компетенции самообразования», «прогностические компетенции», «исполнительские компетенции» [10].

Кроме того, в структуре коммуникативной компетентности педагога, по мнению названного выше автора, можно выделить следующие компоненты, характеризующие коммуникативную компетентность как последовательный педагогический процесс взаимодействия субъектов образовательного пространства:

– взаимоинформация (предусматривает прямую и обратную связь); специфика складывающихся взаимоотношений (положительные и отрицательные);

– уровень взаимопонимания (сближение целевых установок);

– особенности взаимодействия (деятельность по достижению общих целей);

– взаимокоррекция субъектов образовательного пространства (как позитивный результат коммуникации) [10].

Опираясь на классическую формулу, включающую такие компоненты общения, как когнитивный, аксиологический, поведенческий, можно, на наш взгляд, выделить следующие компоненты коммуникативной компетентности:

– когнитивный компонент (включает в себя владение фундаментальными коммуникативными компетенциями и постоянное их совершенствование в межличностной и деловой коммуникации);

– ценностный компонент (восприятие коммуникативной компетентности в качестве главной ценности профессиональной культуры специалиста, осознание потенциала общения как средства решения тех или иных профессиональных задач);

– поведенческий (функциональный) компонент (проявляется в знаниях способов применения коммуникативных компетенций для разрешения профессиональных задач, а также методах и практических способах проектирования и прогнозирования для определенных форм общения).

При этом все представленные компоненты коммуникативной компетентности необходимо рефлексировать на личностном уровне с той целью, чтобы контролировать результаты деловой и межличностной коммуникации, давать им адекватную оценку и анализировать уровень своего профессионального развития и личных достижений.

Кроме того, в профессиональной деятельности специалистов высшей школы коммуникативная компетентность должна выполнять как минимум три функции:

– социально-коммуникативную функцию (направленную на обеспечение обмена информацией в процессе коммуникации между преподавателями и студенческой молодежью);

– социально-перцептивную функцию (отражающую процесс межличностного восприятия субъектов образовательного пространства);

– интерактивно-диалоговую функцию (устанавливающую контакты на уровне организации межличностного взаимодействия).

Проведенный нами анализ интерпретации основных показателей коммуникативной компетентности позволяет обозначить такие показатели, как:

– компетентность в лингвистической теории, понимание ее как системы общих правил и предписаний, позволяющих регулировать употребление средств языка и речи [11];

– знание теоретических основ речевой коммуникации, свободное владение основными видами речевой деятельности (к коим, как известно, относятся: чтение, письмо, говорение, слушание [12];

– способность осуществлять анализ речевой ситуации общения и в соответствии с ней выбирать программу речевого поведения с учетом разнообразных сфер и ситуаций коммуникативного взаимодействия, а также применительно к адресату и цели общения [13; 14].

Причем, весь набор показателей коммуникативной компетентности предполагает в своей основе парадигму личностно-развивающего обучения.

Бесспорный интерес представляет коммуникативно-компетентностный подход, предложенный И.А. Зимней и М.Е. Дашкиным и описанный в статье И.В. Новгородцевой. Так, с опорой на теорию вербальной и невербальной коммуникации, а также речевых видов деятельности обозначены следующие коммуникативные умения: вербальные и невербальные; продуктивные и рецептивные коммуникативные умения [5, с. 29].

Если обратиться к работе О.Я. Гойхман О.Я. и Т.М. Надеиной, то здесь необходимо пояснить, что к продуктивным видам относится письмо и говорение (т.к. результатом является письменная и речевая продукция), в то время, как рецептивными видами являются чтение и слушание (что обусловлено работой зрительных и аудиальных рецепторов).

Литература:

1. *Гафиатулина Н.Х.* Здоровьесберегающие модели профессиональной социализации студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности // «Инженерный вестник Дона». 2013. № 3. URL : <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2013/1824> (доступ свободный).

2. *Овсянникова Е.К.* Коммуникативная компетентность преподавателя высшей школы как фактор эффективности учебно-воспитательного процесса / Е.К. Овсянникова, В.М. Марухно // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 4. С. 186–187.

3. *Гафиатулина Н.Х.* Социологический анализ социального здоровья студенческой молодежи Юга России в рамках теории структурной маргинальности // Инженерный вестник Дона. 2015. № 1 Ч. 2. URL : ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_93_Gafiatulina.pdf_54f1289609.pdf

4. Цит. по *Болотову В.А.* Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В.А. Болотов, В.В. Сериков // Педагогика. 2003. № 10. С. 8–14.

Коммуникативная компетентность определяется исследователем М.Н. Вятютневым в качестве выбора и реализации программ речевого поведения в зависимости от способностей специалиста ориентироваться в той или иной обстановке коммуникативного взаимодействия; умение классифицировать речевые ситуации в зависимости от тематической направленности, коммуникативных установок, возникающих у субъектов образовательного пространства высшей школы до беседы, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации [15, с. 38].

Все сказанное выше делает насущным и необходимым выработку инновационной парадигмы образования высшей школы, позволяющей от процесса наполнения обучающегося определенным минимальным уровнем знаний, освоения образовательного стандарта в рамках его будущей профессиональной деятельности перейти к погружению в проблемы взаимоотношения отдельного индивида с обществом. Средством этого является развитие коммуникативной компетентности субъектов образовательного пространства на основе личностно-развивающего обучения.

Таким образом, успешность организации учебно-образовательного процесса в образовательном пространстве высшей школы, основанного на коммуникативно-компетентностном подходе, можно проверить, ориентируясь не на имеющуюся сумму знаний студенческой молодежи, а проанализировав компетенции, которыми она обладает на момент выпуска. Подобного рода анализ становится весьма востребованным и актуальным, поскольку современные работодатели реализуют подбор персонала также на базе коммуникативно-компетентностного подхода.

Literature:

1. *Gafiatulina N.H.* Healthy models of professional socialization of student youth in conditions of social uncertainty // «Don Engineering Gazette». 2013. № 3. URL : <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2013/1824> (free access).

2. *Ovsyannikova E.K.* Communicative Competence of the Teacher of Higher School as a Factor of Efficiency of Educational and Educational Process / E.K. Ovsyannikova, V.M. Marukhno // International Journal of Experimental Education. 2015. № 4. P. 186–187.

3. *Gafiatulina N.H.* Sociological Analysis of Social Health of Student Youth of Southern Russia within the Framework of Structural Marginalization Theory // Don Engineering Gazette. 2015. № 1. Part 2. URL : ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_93_Gafiatulina.pdf_54f1289609.pdf

4. Tsit. on *Bolotov V.A.* Competence model: from idea to educational program / V.A. Bolotov, V.V. Serikov // Pedagogy. 2003. № 10. P. 8–14.

5. *Новгородцева И.В.* Компетентностный подход к формированию коммуникативной компетентности студентов технических специальностей // Сибирский педагогический журнал. 2007. С. 17–35.
6. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под ред. Л.И. Скворцова. М., 2008. 640 с.
7. *Гафиатулина Н.Х.* Влияние корпоративной культура вуза на социальное здоровье студенческой молодежи // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2012. № 6(26). С. 113–119.
8. *Снеговая О.А.* Влияние глобализации на ценностно-нормативные основы национальных культур // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2007. № 5. С. 35–38.
9. *Кошевая Н.С.* Коммуникативная компетентность академического бакалавра как регулятор профессиональной компетентности // Интеллектуальный и научный потенциал XXI века: сб. статей Междунар. научно-практич. конф. Уфа, 2016. С. 56–59.
10. *Корчагина М.И.* Развитие коммуникативной компетентности педагога профессионального колледжа : автореф. ... канд. пед. наук. М., 2008.
11. *Печенева Т.А.* Коммуникативная стратегия обучения русскому языку // Педагогика. 2003. № 4. С. 26–31.
12. *Гойхман О.Я.* Речевая коммуникация : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. М., 2008. 207 с.
13. *Карапетыан Е.А.* Актуальные проблемы речевой культуры в современном обществе / В сборнике: Инновационные процессы в Высшей школе: Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар : КубГТУ, 2013. С. 128–129.
14. *Кукуяшная Ю.В.* Диалогическое взаимодействие языка и объективной картины мира в сознании языковой личности / Ю.В. Кукуяшная, Е.А. Карапетыан; Отв. ред.: Ю.П. Ветров // В сборнике: Диалогическая этика: Материалы международной научно-практической конференции. Армавир : АГПУ, 2016. С. 159–161.
15. *Вятютнев М.Н.* Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах // Русский язык за рубежом. 1997. № 6. С. 38–45.
5. *Novgorod I.V.* Competent approach to formation of communicative competence of students of technical specialties // Siberian pedagogical journal. 2007. С. 17–35.
6. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian Language / S.I. Ozhegov; under the ed. L.I. Skvortsov. M., 2008. 640 p.
7. *Gafiatulina N.H.* Impact of corporate culture of the university on social health of student youth // Education. Science. Innovation: Southern dimension. 2012. № 6(26). P. 113–119.
8. *Snow O.A.* Impact of globalization on the value and regulatory foundations of national cultures // News of higher education institutions. North Caucasus region. Series: Social Sciences. 2007. № 5. P. 35–38.
9. *Cashevaya N.S.* Communication Competence Academic Bachelor as Regulator of Professional Competence // Intellectual and Scientific Potential of the XXI Century: International articles. scientific practical. conf. Ufa, 2016. P. 56–59.
10. *Korchagina M.I.* Development of communicative competence of teacher of professional college: autoref. ... edging. pedagogical sciences. M, 2008.
11. *Pecheneva T.A.* Communication Strategy of Russian Language Education // Pedagogy. 2003. № 4. P. 26–31.
12. *Goichman O.J.* Speech Communication: Textbook. 2nd ed., re-work and additional / O.J. Goichman, T.M. Goryina. M., 2008. 207 p.
13. *Karapetyan E.A.* Topical problems of speech culture in modern society // In the collection: Innovative processes in the Higher School: Materials of the XIX All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar: KubGTU, 2013. P. 128–129.
14. *Kukuyashna Yu.V.* Dialogue Interaction of Language and Objective Picture of the World in the Consciousness of Language Personality / Yu.V. Kukuyashna, E.A. Karapetyan // In the Collection: Dialogue Ethics: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Отв. Editor: Yu.P. Vetrov. Armavir : AGPU, 2016. P. 159–161.
15. *Viatyutnev M.N.* Communicative orientation of Russian language instruction in foreign schools // Russian language abroad. 1997. № 6. P. 38–45.

Хорошкевич Наталья Геннадьевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения
государственного
и муниципального управления,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье ставится вопрос о гуманитарной составляющей при подготовке технических специалистов в вузах постиндустриального общества. При написании статьи были использованы методы анализа, синтеза, пирамида потребностей А. Маслоу, концепция постиндустриального общества Д. Белла, методика Р. Инглхарта.

Это должны быть граждане постиндустриального типа общества, соответственно, с ценностями нового типа общества. В статье рассматривается детерминация этих ценностей фактором профессиональной деятельности. В работе представлена классификация этих групп ценностей, состоящая из четырех групп.

Ключевые слова: специалисты с области ядерной энергетики, постиндустриальное общество, ценности.

В настоящее время Россия, как и ряд других зарубежных стран, строит новое общество – постиндустриальное. Новый тип общества предполагает координальные изменения в общественных отношениях и, как следствие, другие требования к специалистам в различных сферах деятельности. Это касается и специалистов для атомных станций. В этой связи необходимо научное изучение и формирование данной социально-профессиональной группы в рамках государственной политики, где одним из наиболее важных элементов станет вузовская подготовка таких специалистов.

В данной работе представлены характеристики, которым должны соответствовать специалисты для атомных станций в период постиндустриального развития общественных отношений, и развитию которых у них может способствовать вуз. Авторы статьи рассматривают гуманитарные и технические характеристики, которым должна соответствовать данная группа специалистов.

Natalya G. Horoshkevich
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory, Methodology and Legal Support
State and Municipal Government,
Ural Federal University
of the first President of Russia
B.N. Yeltsin
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

NUCLEAR ENERGY TRAINING IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Annotation. The article raises the question of the humanitarian component in the training of technical specialists in universities of post-industrial society. In writing the article methods of analysis, synthesis, pyramid of needs A. Maslow, concept of post-industrial society D. Bell, methodology of R. Inglehart were used.

These should be citizens of the post-industrial type of society, respectively with the values of a new type of society. The article considers the determination of these values as a factor of professional activity. The paper presents a classification of these value groups, consisting of four groups.

Keywords: specialists in nuclear energy, post-industrial society, values.

Для написания работы автор статьи использовал методы анализа, синтеза, пирамиду потребностей А. Маслоу, концепцию постиндустриального общества Д. Белла, методику Р. Инглхарта.

Развитие той или иной социально-профессиональной группы всегда происходит под влиянием объективных факторов: научно-технического прогресса, экономики, наличия природных ресурсов и т.д.

В качестве основных характеристик постиндустриального общества выделяют следующие [1, с. 86]:

– доминирование абстрактных, теоретических знаний над практическими;

– активное развитие новых технологий, внедрение инноваций, ведущих к интенсивному развитию производства;

– высвобождение рабочей силы из производственной сферы в сферу услуг;

– высокие темпы развития сферы услуг;

– возрастание значения информации во всех сферах жизнедеятельности общества;

– ускорение темпа жизни в обществе;

– в обыденной жизни увеличение значения информации.

– ускорение темпа и количества научных открытий;

– как следствие, интенсификация развития производства;

– потребуется переориентация образовательных услуг;

– продолжится возрастание образования в жизни общества;

– современные ученые отмечают, тенденции разделение рынка труда на мировом уровне;

– продолжится процесс глобализации, что в правовом плане означает увеличение роли международного права в практике отдельного государства, т.е. идет процесс унификации права. Также сегодня отмечают тенденцию унификацию взаимодействия в профессиональных сферах деятельности.

Если индустриальное общество определяется уровнем жизни, то «постиндустриальное общество определяется качеством жизни, измеряемым услугами и различными удобствами – здравоохранением, образованием, отдыхом и культурой, – которые становятся желанными и доступными для каждого» [2, с. 171], в обыденной жизни – увеличение значения информации. Учитывая вышесказанное, можно отметить, что именно в постиндустриальном обществе в сравнении с предыдущими типами общества условия воплощения идеи социального государства являются наиболее благоприятными.

Д. Белл, основатель концепции постиндустриального общества, главную роль в этом обществе отводил ученым. «Если в предыдущем столетии господствующими фигурами были предприниматели, бизнесмены и промышленные руководители, то «новыми людьми» оказываются ученые, математики, экономисты и создатели новой интеллектуальной технологии» [2, с. 956]. В постиндустриальном обществе технические знания становятся основой. Однако Д. Белл отводит значительную роль в развитии нового типа общества всей технической интеллигенции. «При изменении системы в постиндустриальном обществе становятся очевидным..., – пишет он, – ... ученые как отдельная страта, или, в более широком плане, техническая интеллигенция, теперь должны приниматься в расчет в политическом процессе, чего не случалось никогда прежде;...» [2, с. 171]. Одной из частей данной

социальной общности являются специалисты в области атомной энергетики.

Значение атомной энергии в экономике страны сложно переоценить. В настоящее время энергия атома широко применяется во многих отраслях экономики страны. Она необходима для строительства подводных лодок, надводных кораблей с ядерными энергетическими установками. С помощью мирного атома ведутся поиски полезных ископаемых. Его активно используют в биологии, медицине, сельском хозяйстве [3].

Согласно «Прогнозу развития энергетики мира и России», сделанного Институтом энергетических исследований Российской Академии Наук и Аналитический Центр при Правительстве Российской Федерации, в РФ будет увеличиваться использование атомных мощностей [4]. В этой связи остается и будет актуальной специальность в области ядерной энергетики. Таким образом, в современной России существует социальный заказ на специалистов в сфере атомной энергетики, и последние должны отвечать требованиям нового типа общества. Они должны разделять ценности современного постиндустриального общества.

Учение о ценностях прошло значительный исторический путь развития, такой же, как философия, в рамках которой оно и сформировалось. В любой переходный период происходит переоценка уже существующих ценностей, формирование новых, и исчезновения ряда старых ценностей. Однако всегда остаются, так называемые, «базовые ценности, которые во все времена не потеряют свою значимость – это так называемые общечеловеческие ценности...» [5]. Это такие ценности, как сам человек, его жизнь, свобода, безопасность, истина, добро, здоровье, гармония, любовь к ближнему и другие [5]. Наиболее важные базовые ценности, если следовать пирамиде А. Маслоу, всегда связаны с базовыми потребностями.

Как было отмечено выше, сегодня происходит переоценка ценностей. И нужно заметить, что в сравнении с предыдущими эпохами именно сейчас, когда передовые страны, в том числе, и Россия, пытаются построить постиндустриальное общество, в этих государствах есть наилучшие условия для воплощения принципа гуманизма. На протяжении многих веков общество пыталось воплотить идею гуманизма. Гуманизм означает «воззрение, рассматривающее человеческую личность и ее благо в качестве высших ценностей» [6]. Понятие «гуманизм» от латинского «humanitas» (человечность), стало употребляться еще в I в. до н.э.. Согласно принципу гуманизма, человек – это высшая ценность. К нему следует относиться с уважением. Он имеет право на жизнь, свободно развиваться, реализовывать свои способности. Он имеет право стремиться к счастью. Гуманизм признает все основные права человека. Благо личности – это высший критерий, по которому нужно оценивать любую общественную деятельность [7].

Именно в этот период более всего наступили благоприятные условия для развития идеи гуманизма. Но, прежде чем перейти к ценностям гуманизма, необходимо определить, что это такое.

Главное для гуманизма – «исходить из уже потенциально или актуально существующей человечности каждого человека, как наиболее перспективной и надежной точки отсчета, начала, в котором и с которого здесь и теперь начинается формирование, раскрытие, функционирование и развитие нравственного чувства и мышления, где начинается установление (конституирование) и обогащение мира нравственных ценностей и нравственного совершенствования человека» [8].

«Гуманистические ценности определяются как значимая система взглядов, убеждений, принципов и устремлений индивидов на определенные духовно-нравственные ценности, которые регулируют и детерминируют мотивацию и поведение личности в социальной сфере» [9]. Духовно-нравственные ценности – «это установки личности, являющиеся системообразующим элементом ценностных ориентаций, указывающие на их культурное, социальное, человеческое значение, регулирующие сознательную деятельность и поведение, придающие им нравственный характер и ориентирующие её на достижение высших идеалов» [10]. Нравственные ценности сегодня определяют как высшие принципы человеческой жизни – это моральные и этические принципы. В последней характеристике главное – это моральные принципы, т.е., все сводится к моральным ценностям.

Современный американский гуманист П. Куртц в работе «Запретный плод. Этика гуманизма» предлагает следующий комплекс моральных норм: «честность, правдивость, обязательность, искренность, верность, преданность, надежность, благожелательность, доброжелательность, согласие на сексуальные отношения, благотворность, совесть, порядочность, благодарность, ответственность, справедливость, терпимость, сотрудничество». Но эти же нормы можно рассматривать и как ценности. Они – ценность, т.к. имеют значение для населения. Это – высшие моральные ценности. Можно назвать счастье, но это – особая ценность, т.к. в нее вкладывается слишком разнообразный смысл разными людьми. По этой причине, государству сложно обеспечить счастье всем и каждому в отличие от других ценностей.

Как известно, в переходные периоды и в процессе становления нового типа общества возможно переосмысление уже существующих базовых ценностей, что и происходит сегодня. Например, изменяется понимание главной ценности постиндустриального общества – человека. Теперь он понимается не в прежнем традиционном-гуманистическом смысле, а как саморазвивающееся существо (self-developer)» [11]. Саморазвитие – это, с одной стороны, подготовка к труду, социализация, средство самоутверждения личности, а с другой – ответ на динамизм, беспрецедентную мобильность нового общества. Пожалуй, самый эффективный путь саморазвития –

это самообразование (конечно, в единстве с институциональным, государственным или частным, образованием) [11].

Сегодня достаточно «широко» трактуют понятие свободы. Свобода – «высшая духовная ценность, универсальное и всеобщее понятие культуры, наличие которой позволяет человеку действовать исключительно по собственному велению, без внешнего принуждения» [12]. Можно привести еще ряд примеров переосмысления наиболее важных ценностей как следствие, внутри этой группы базовых ценностей изменяется их иерархия.

В настоящее время можно отметить расширение спектра ценностей, которые происходит за счет появления возможностей удовлетворять базовые потребности, т.е. возникают предметы, способные удовлетворить эти потребности. Также, некоторые производные потребности становятся более насущными с изменением объективных условий. В качестве таких новых ценностей сегодня специалисты выделяют Глобальную 12 сеть Интернет, ценности виртуального мира, новую цифровую киберкультуру, свободу доступа к информации, цифровые, компьютерные технологии, знания [13]. «...зарождаются новые виртуальные ценности, предстающие в виде экстраполированных ценностей социальной реальности в виртуальную реальность, где они трансформируются либо интерпретируют виртуальное событие как ценность» [13]. Однако очень сложно предвидеть те общественные ценности, которые будут актуальны в будущем [13].

Все ценности, которые должны быть актуальны для специалистов ядерной энергетики XXI века, можно разделить на следующие группы. Но, необходимо отметить одно – это должны быть граждане другого типа общества, постиндустриального, с соответствующей этому обществу иерархией ценностей, детерминированных рядом других факторов, в частности их профессиональной деятельностью.

К первой группе можно отнести «базовые» ценности, или «вечные» ценности, которые сохранялись как основные ценности на протяжении столетий и позволяли удовлетворять базовые потребности человека. Это – сам человек, его жизнь, свобода, здоровье, безопасность, семья, справедливость, материальное благополучие, права человека и т.д..

«...исторически беспрецедентная степень экономической безопасности, ... в индустриальных обществах, вела к постепенному сдвигу приоритета от «материалистических ценностей (когда упор делается, прежде всего, на экономической и физической безопасности) к ценностям «постматериальным» (когда на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни) [14]. В прошлом веке возникло государство благосостояния, породившее беспрецедентное в истории чувство безопасности у выросших в этом государстве поколений. Впервые в истории индивид стал принимать выживание как должное. И возник процесс сдвига ценностей. Люди стали

больше внимания уделять нематериальным ценностям [14].

Вторая группа потребностей включает в себя вечные духовные ценности. К ним относятся: любовь к ближнему, добро, истина, честность, верность, преданность и т.д. Как ценности они признавались всегда. В условиях постмодерна они приобретают еще большее значение, как и все остальные нематериальные ценности, связанные с удовлетворением производных потребностей.

Третья группа ценностей – это ценности, более всего связанные с профессиональной деятельностью людей. Сюда относятся: ответственность, надежность, обязательность, любовь к знаниям, институционализм, общительность (в пределах разумного) и т.д.

Четвертую группу будут составлять ценности, больше характерные для постиндустриального общества «новые» ценности». Они, как правило, связаны с удовлетворением производных потребностей. Это – саморазвитие личности, уникальность каждого человека.

Рассматривая ценности постмодерна, необходимо отметить виртуальные ценности. Это – информация (здесь и свобода доступа к ней) глобальная сеть интернет, свобода доступа к информации, навыки поиска информации, компьютерные технологии и т.д.

Сегодня создана электронная культура [16, с. 26]. В ней находят свое выражение ценности постмодерна, выделенные Р. Инглхартом: индивидуальная автономия, самовыражение, свобода выбора [17].

Литература:

1. *Резер Т.М.* Сервисное государство в системе публичного управления // Особенности публичного управления в современной России : коллективная монография / Т.М. Резер, Н.Г. Хорошкевич О.Г. Александров, Р.Р. Вафин, В.В. Запарий, Я.М. Злоченко и др.; Под общ. ред. проф. Т.М. Резер. Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2018. 154 с.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; Пер. с англ. М. : Academia, 1999.
3. Атомная энергия, энергия атома водорода. URL : <http://infinite-energy.ru/atomnaya-energiya> (дата обращения 30.04.2019).
4. Перспективы атомной энергетики в мире и в России. URL : <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=7295> (дата обращения 30.04.2019).
5. *Котова С.А.* Автореферат диссертации по философии, специальность ВАК РФ 09.00.11 диссертация на тему: Философский анализ трансформации традиционных ценностей в по-

Сегодня в обществе получают более интенсивное развитие ценности четвертой группы, больше чем ценности второй группы, что также можно объяснить с точки зрения удовлетворения потребностей согласно пирамиде А. Маслоу. Ценности четвертой группы часто носят гедонистический, потребительский характер. Современное общество еще не прошло стадии насыщения потребления и не перешло к «разумному потреблению». Автор статьи не предлагает обучать студентов, будущих специалистов в сфере ядерной энергетики, созданию видеофильмов, видеороликов, играть целый день в компьютерные игры и т.д.

Электронная культура имеет не только развлекательный характер. Это – доступ к информации о политических событиях, обмен информацией, получение новой информации в сфере ядерной энергетики, заказ товаров и т.д. В перспективе быстрый обмен информацией получит еще большее значение. В этой связи студенты, обучающиеся по специальности специалисты для атомных электростанций, должны иметь представление об этой культуре и быть частью этой культуры.

Итак, в статье были рассмотрены ценности постиндустриального общества, необходимые для специалистов технических специальностей, на примере специалистов в области ядерной энергетики. Перспективно и дальше исследовать ценностный аспект подготовки в вузах специалистов технических наук, что связано с высоким темпом социальных изменений, изменениями ценностного спектра, необходимостью находить в процессе обучения наиболее оптимальные способы развития ценностей постиндустриального общества у современной молодежи, необходимых и ей самой и обществу в целом.

Literature:

1. *Rezer T.M.* Service State in the System of Public Administration / / T.M. Rezer; N.G. Khoroshkevich O.G. Alexandrov, R.R. Wafin, V.V. Zaparium, Y.M. Znochenko, etc.; Under commonly. ed. prof. T.M. Rezer // Peculiarities of Public Administration in Modern Russia : Collective monograph. Yekaterinburg : Old Ural. Un-ta, 2018. 154 p.
2. *Bell D.* The coming post-industrial society. Experience of social forecasting / D. Bell; Transl. from English C.M. Lane. : Academia, 1999.
3. Atomic energy, energy of atom of hydrogen. URL : <http://infinite-energy.ru/atomnaya-energiya> (date of the address 30.04.2019).
4. Prospects of nuclear power in the world and in Russia. URL : <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=7295> (date of circulation 30.04.2019).
5. *Kotov S.A.* The abstract of the thesis on philosophies, specialty VAK Russian Federation 09.00.11 the thesis on a subject: The philosophical analysis of transformation of traditional values in

стиндустриальном обществе. М., 2014. URL : <http://cheloveknauka.com/filosofskiy-analiz-transformatsii-traditsionnyh-tsennostey-v-postindustrialnom-obschestve> (дата обращения 28.04.2019).

6. Краткий словарь философских терминов. URL : <http://nenuda.ru/%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2.html> (дата обращения 30.04.2019).

7. Основные идеи и краткая история гуманизма. URL : https://studwood.ru/810307/pravo/osnovnye_idei_kratkaya_istoriya_gumanizma, но в этой статье ссылка на <http://history-persons.ru> (дата обращения 30.04.2019).

8. Гуманистическая аксиология (система ценностей). URL : <https://megaobuchalka.ru/7/654.html>

9. *Рахно Е.В.* Гуманистические ценности как духовная основа личности. URL : http://pglu.ru/upload/iblock/dd4/uch_2010_xiv_00039.pdf (дата обращения 01.03.2019).

10. Цит по: *Гибадуллина З.* Воспитание духовно-нравственных ценностей у подростков / З. Гибадуллина, А.В. Спирина, А. Сарсекеева. URL : <http://si-sv.com/NIR/NIRS/forum-2013/22.pdf> (дата обращения 06.05.2019).

11. Постиндустриальное общество. URL : <http://center-yf.ru/data/stat/postindustrialnoe-obshchestvo.php> (дата обращения 04.05.2019).

12. Понятие ценности. Свобода как ценность. Проблема свободы. URL : <https://magref.ru/ponyatie-tsennosti-svoboda-kak-tsennost-problema-svobody/> (дата обращения 04.05.2019).

13. *Котова С.А.* Философский анализ трансформации традиционных ценностей в постиндустриальном обществе : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2014. URL : <http://cheloveknauka.com/filosofskiy-analiz-transformatsii-traditsionnyh-tsennostey-v-postindustrialnom-obschestve> (дата обращения 28.04.2019).

14. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис, 1997. № 4.

15. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис, 1997. № 4.

16. *Баева Л.В.* Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей : монография. Астрахань, 2008.

17. *Мартьянов Д.С.* Виртуальные ценности: структура, динамика, противоречия // Социология культуры: опыт и новые парадигмы. Часть 1. URL : <https://docviewer.yandex.ru/?lang=ru&tm=1557201086&tld=ru&name=download&text=%D0%>

post-industrial society. М., 2014. URL : <http://cheloveknauka.com/filosofskiy-analiz-transformatsii-traditsionnyh-tsennostey-v-postindustrialnom-obschestve> (date of the address - 28.04.2019).

6. Short dictionary of philosophical terms. URL : <http://nenuda.ru/%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2.html> (date of circulation 30.04.2019).

7. Basic ideas and brief history of humanism. URL : https://studwood.ru/810307/pravo/osnovnye_idei_kratkaya_istoriya_gumanizma, but in this article reference to <http://history-persons.ru> (date of appeal 30.04.2019).

8. Gumanistic axiology (value system). URL : <https://megaobuchalka.ru/7/654.html>

9. *Rahno E.V.* Humanistic values as the spiritual basis of the person URL : http://pglu.ru/upload/iblock/dd4/uch_2010_xiv_00039.pdf (date of appeal 01.03.2019).

10. Cit by: *Gibadullina Z.* Education of spiritual and moral values in teenagers / Z. Gibadullina, A.V. Spirina, A Sarsekeeva. URL : <http://si-sv.com/NIR/NIRS/forum-2013/22.pdf> (date of appeal 06.05.2019).

11. Post-industrial society. URL : <http://center-yf.ru/data/stat/postindustrialnoe-obshchestvo.php> (date of appeal 04.05.2019).

12. Realization of value. Freedom as value. Freedom problem. URL : <https://magref.ru/ponyatie-tsennosti-svoboda-kak-tsennost-problema-svobody/> (date of appeal 04.05.2019).

13. *Kotova S.A.* Philosophical analysis of transformation of traditional values in post-industrial society: autoref. yew. edging. филос. sciences. М., 2014. URL : <http://cheloveknauka.com/filosofskiy-analiz-transformatsii-traditsionnyh-tsennostey-v-postindustrialnom-obschestve> (дата обращения 28.04.2019).

14. *Inglehart R.* Post-Modern: Changing Values and Changing Societies // Polis, 1997. № 4.

15. *Inglehart R.* Post-Modern: Changing Values and Changing Societies // Polis, 1997. № 4.

16. *Baeva L.V.* Information era: metamorphosis of classical values : monograph. Astrakhan, 2008.

17. *Martianov D.S.* Virtual values: structure, dynamics, contradictions//Sociology of culture: experience and new paradigm. Part 1. URL : <https://docviewer.yandex.ru/?lang=ru&tm=1557201086&tld=ru&name=download&text=%D0%9C%D0%>

9C%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%8C%D1%8F
%D0%BD%D0%BE%D0%B2+%D0%94.%D0%A1.
+%D0%92%D0%B8%D1%80%D1%82%D1%83%D
0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%
B5+%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B
E%D1%81%D1%82%D0%B8%3A+%D1%81%D1%
82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83%
D1%80%D0%B0%2C+%D0%B4%D0%B8%D0%B
D%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0
%2C+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%
B8%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%87
%D0%B8%D1%8F&url=http%3A//edu.vspu.ru/mem
bers/nasyatasya/docs/30247/download&lr=54&mim
e=pdf&l10n=ru&sign=d366bc74c5877bb1c2a3a8a6
15304b8d&keyno=0 (дата обращения 06.05.2019).

B0%D1%80%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%BD
%D0%BE%D0%B2+%D0%94.%D0%A1. +%D0%92
%D0%B8%D1%80%D1%82%D1%83%D0%B0%D
0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5+%D1
%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%8
1%D1%82%D0%B8%3A+%D1%81%D1%82%D1%
80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%
D0%B0%2C+%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B
0%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0%2C+%D0
%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B
2%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B8%
D1%8F&url=http%3A//edu.vspu.ru/members/nasyat
asya/docs/30247/download&lr=54&mime=pdf&l10n
=ru&sign=d366bc74c5877bb1c2a3a8a615304b8d&
keyno=0 (дата обращения 06.05.2019).

Шагина Инна Рудольфовна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры физики,
математики и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Кубекова Алия Салаватовна
старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры
психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
andry75@list.ru

ОЦЕНКА ДИНАМИКИ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье представлен обзор социологического исследования оценки динамики состояния здоровья студентов медицинского университета в период обучения. Выборку исследования составили российские студенты первого и последнего года обучения специальностей 31.05.01 «Лечебное дело», 31.05.02 «Педиатрия» и 31.05.03 «Стоматология». Всего обследовано 1450 человек. По результатам полученных данных исследованы и проанализированы факторы состояния здоровья у студентов, включающие эмоциональные нагрузки, ухудшение памяти, повышенный фон тревожности, частые головные боли, частые простудные заболевания и т.д. Установлено, что первое место среди факторов риска состояния здоровья у студентов являются частые головные боли. Отмечаются высокие показатели простудных заболеваний.

Ключевые слова: медицинский вуз, факторы состояния здоровья, эмоциональные нагрузки, частые головные боли, процесс обучения, студенты медицинского вуза.

Inna R. Shagina
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Physics,
Mathematics and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Aliya S. Kubekova
Senior Lecturer
Departments of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Tatiana A. Smakhtina
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of Psychology
and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
Ministry of Health of Russia
andry75@list.ru

EVALUATION OF THE DYNAMICS OF THE HEALTH CONDITION OF STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITY DURING TRAINING

Annotation. The article is a review of a sociological study evaluating the dynamics of the health status of students of a medical university during the training period. A sample of the study was made by Russian students in the first and last years of study specialties 31.05.01 «General Medicine», 31.05.02 «Pediatrics» and 31.05.03 «Dentistry». A total of 1450 people were examined. The author investigated and analyzed the factors of students' health such as: emotional stress, memory impairment, increased background of anxiety, frequent headaches, private colds, etc. It is established that the first place among the risk factors for the health status of students is frequent headaches. High rate of colds are noted.

Keywords: medical university, health factors, emotional stress, frequent headaches, the learning process, medical students.

Введение. Проблема состояния здоровья студенчества является крайне актуальной, поскольку одной из главных задач государства является гармоничная и трудоспособная личность. В настоящее время в Российской Федерации обучается более 3-х миллионов студентов [4]. В последние годы прослеживается устойчивая тенденция снижения уровня физического развития и роста ряда заболеваний среди учащейся молодежи: по разным данным, от 20 % до 40 % студентов имеют отклонения в состоянии здоровья [2]. Как известно, снижение уровня здоровья студентов случается в тех случаях, когда они не соблюдают принципы здорового образа жизни. За период обучения, под воздействием факторов, указанных ранее, происходит ослабление состояния здоровья, у большинства студентов наблюдается низкий уровень резистентности (сопротивляемость) организма [3]. Важно отметить, что увеличение заболеваемости у студенческой молодежи снижает продуктивность в учебном процессе. Не пролеченные заболевания, не выявленные этиологии во время медицинских осмотров, провоцируют возникновение хронических форм и различных патологий, которые способны ограничивать будущую

профессиональную деятельность молодых специалистов [5]. Ряд зарубежных авторов [1], изучавших вопросы медицинского обслуживания студентов, отмечают, что службы здравоохранения должны опекать студентов, а возрастную категорию 17–19 лет – в обязательном порядке [6].

Цель исследования состояла в оценке динамики состояния здоровья студентов первого и последнего года обучения в Астраханском государственном медицинском университете.

Материалы и методы. Было проведено анкетирование студентов первых и последних курсов лечебного, педиатрического и стоматологического факультетов в период с сентября 2018 года по июнь 2019 года. Большинство респондентов входят в возрастную категорию от 17 до 24 лет, средний возраст составил 21,2. Анкета разрабатывалась социологом и включала 30 открытых и закрытых вопросов. В анкету вошли вопросы о режиме дня студента, присутствующих заболеваниях, эмоциональных нагрузках и т.д. Собранный материал был подвергнут качественному и количественному анализу. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Динамика состояния здоровья студентов медицинского университета в период обучения

Факторы состояний	Количество студентов		
	Первый курс %	Выпускной курс %	Динамика (Δ) %
1. Частые головные боли	58,9	82,6	+ 23,7
2. Частые простудные заболевания	55,8	78,9	+23,1
3. Отсутствие режима дня	23,2	54,6	+22,4
4. Низкие физические нагрузки	51,0	72,5	+21,5
5. Недостаток сна	62,1	81,1	+19,0
6. Эмоциональные нагрузки	48,8	67,4	+18,6
7. Повышенный фон тревожности	39,2	56,0	+16,8
8. Проблемы полости рта	61,2	77,2	+16,0
9. Высокие зрительные нагрузки	33,1	48,3	+15,2
10. Ухудшение памяти	19,0	32,5	+13,5
11. Неправильный режим питания	29,1	40,4	+11,3
12. Постоянный дискомфорт ЖКТ	28,6	38,7	+10,1
13. Злоупотребление табаком	27,0	35,6	+8,6
14. Частое употребление алкоголя	18,9	24,6	+5,7
15. Недостаток витаминов	15,6	18,4	+2,8

Результаты и обсуждение. По результатам социологического исследования, проведенного в Астраханском государственном медицинском университете (табл. 1), было отмечено значительное снижение показателей состояния здоровья у студентов. Наблюдается повышение динамики по фактору «частые головные боли» к выпускному курсу на 23,7 %, что, в свою очередь, провоцирует возникновение различных психосоматических заболеваний. У студентов к последнему курсу заметно возрастает положительная динамика частых простудных заболеваний (23,1 %).

Показатель «отсутствие режима дня» ощутимо меняется к выпускному курсу (22,4 %), т.к. у большинства студентов учебным нагрузкам, сложностям в обучении, нерациональному распределению времени труда и отдыха прибавляется работа по специальности, что приводит к

дополнительному стрессу и заболеваниям. Важным компонентом здоровья являются физические нагрузки или спортивные мероприятия, но по результатам мониторингового исследования отмечается снижение или же вовсе отсутствие систематических физических нагрузок и физических упражнений в период обучения (21,5 %).

Один из основных факторов здоровья является полноценный и здоровый сон. Результаты тестирования выявили также отрицательное влияние недостатка сна (19,0 %) на самочувствие исследуемых, в целом.

Далее, был произведен анализ эмоциональных нагрузок (18,6 %) и повышенного фона тревожности (16,8 %). Результаты тестирования студентов выявили также возникновение проблем в этой сфере психологического состояния. Проблемы полости рта изменились на 16,0 %.

По сравнению с первым годом обучения, у учащейся молодежи возрастают зрительные нагрузки на 15,2 %. Прослеживается отрицательная динамика в факторе «ухудшение памяти» у обучающихся (13,5 %). Проявляется тенденция к неправильному питанию (11,3 %), приводящие к нарушениям функциональной работы органов пищеварения и постоянному дискомфорту со стороны ЖКТ (10,1 %) у основной массы студентов.

Незначительное изменение показателю здоровья у обучающихся было отмечено только в факторе «недостаток витаминов» (2,8 %).

С позиции наблюдения за обучающимися лечебного, педиатрического и стоматологического фа-

культетов увеличиваются изменения в показателях здоровья со снижением динамики.

Заключение. Проведенное мониторинговое исследование показало следующие результаты – была выявлена отрицательная динамика состояния здоровья студентов медицинского вуза в период обучения. Установлено, что первое место среди факторов риска состояния здоровья у студентов являются частые головные боли. Отмечаются высокие показатели простудных заболеваний. Таким образом, становится очевидным необходимость разработки специализированных программ и практических рекомендаций, направленных на коррекцию и укрепление всех компонентов здоровья студентов и формирование здорового образа жизни.

Литература:

1. Бароненко В.А. Здоровье и физическая культура студента / В.А. Бароненко, Л.А. Рапопорт. М. : Альфа-М, 2003. - 417 с.

2. Борисова Т.С. Формирование навыков здоровьесберегающего поведения студентов медицинского вуза // Идеологическая и воспитательная работа в учреждениях высшего образования: традиции и инновации: материалы заоч. науч.-метод. конф., Минск, 15–17 мая 2013 г. Мн. : РИВШ, 2013. 430 с.

3. Бортнюк О.А. Свобода выбора медицинской профессии: социологический анализ // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 6. С. 3–10.

4. Вишневский Ю.Р. Студент 90-х – социокультурная динамика / Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко // Социологические исследования. 2000. № 12.

5. Здоровье студентов: социологический анализ / Отв. ред. И.В. Журавлева; Институт социологии РАН. М., 2012. 1 CD ROM. С. 4.

6. Камаев И.А. Динамика заболеваемости и особенности медицинского обслуживания студентов / И.А. Камаев, О.Л. Васильева // Здоровье охранение РФ. 2002. № 1. С. 26–29.

7. Лебедев В.В. О работе ректората и студенческих общественных организаций Нижегородского государственного университета по оздоровлению студентов и пропаганде здорового образа жизни // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия Инновации в образовании.

8. Мониторинг состояния здоровья и физической подготовленности студентов как методология анализа и оценки продуктивности процесса физического воспитания / Е.В. Готовцев, Г.Н. Германов, Ю.В. Романова, И.В. Машошина // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2012. № 1(83). С. 40–45.

Literature:

1. Baronenko V.A. Health and physical education of a student / V.A. Baronenko, L.A. Rapoport. M. : Alfa-M, 2003. 417 p.

2. Borisova T.S. The formation of health-saving behavior skills of students of a medical university // Ideological and educational work in institutions of higher education: traditions and innovations: materials extramural. scientific method. Conf., Minsk, May 15–17, 2013. Mn. : RIVSH, 2013. 430 p.

3. Bortnyuk O.A. The freedom of choice of the medical profession: sociological analysis // Modern studies of social problems. 2015. № 6. P. 3–10.

4. Vishnevsky Yu.R. Student of the 90s socio-cultural dynamics / Yu.R. Vishnevsky, V.T. Shapko // Sociological studies. 2000. № 12.

5. Student health: sociological analysis / Otv. ed. I.V. Zhuravlev; Institute of Sociology RAS. M., 2012. 1 CD ROM. P. 4.

6. Kamaev I.A. Dynamics of morbidity and features of medical services for students / I.A. Kamaev, O.L. Vasiliev // Health of the Russian Federation. 2002. № 1. P. 26–29.

7. Lebedev V.V. About the work of the administration and student public organizations of the Nizhny Novgorod State University in improving students and promoting a healthy lifestyle // Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevsky. Series Innovations in Education.

8. Monitoring the state of health and physical fitness of students as a methodology for analyzing and evaluating the productivity of the process of physical education / E.V. Gotovtsev, G.N. Germanov, Yu.V. Romanova, I.V. Mashoshina // Scientists of the note of the university named after P.F. Lesgaft. 2012. № 1(83). P. 40–45.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Алехина Анна Вадимовна
магистрант,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

ПРОЩЕНИЕ КАК ЦЕЛЕУСТАНОВКА В ПРАВЕ

Аннотация. В статье авторы поднимают сложную проблему прощения в праве, его целей и задач. На основе анализа дореволюционных и современных источников, авторы приходят к выводу о том, что цель прощения в праве сводится к формированию такой правовой ситуации, в которой один из субъектов (правонарушитель, преступник) отказывается от психологической установки на нарушение норм закона и, при этом, потерпевший (жертва правонарушения или само общество) получают возмещение причиненного вреда с целью оправдания назначенного наказания, подтолкнуть обидчика к покаянию.

Ключевые слова: прощение, прощение в праве, помилование, амнистия, прощение долга, примирение.

По мнению В.И. Даля, прощение берет свое начало от слова «простой» – «порожний», «пустой». Слово прощать означает: «делать простым от греха, вины, долга, освободить от обязательств, кары, миловать» [1].

Понятия «вина», «помилование» встречаются в уголовном законе; «долг», «освобождение от обязательств» – в гражданском праве; «кара», «грех» – в т.н. церковном праве.

Концепт «прощение-примирение», по мнению Д.А. Томильцевой, имеет перспективы использования для восстановления отношений в дифференциальной действительности. В данном концепте наличие множества нетождественных по отношению к друг другу и, тем самым, не доминирующих и разобщенных актов прощения обеспечивается восстановлением отношений на уровне общности, что, в свою очередь, является

Anna V. Alyokhina
Master student,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
daniilzykov@mail.ru

Vadim V. Ryabchikov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
Public Law disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
daniilzykov@mail.ru

FORGIVENESS AS A GOAL SETTING IN LAW

Annotation. In the article the authors raise the complex problem of forgiveness in law, its goals and objectives. On the basis of the analysis of pre-revolutionary and modern sources, the authors come to the conclusion that the purpose of forgiveness in law is reduced to the formation of a legal situation in which one of the subjects (offender, offender) refuses to psychological installation on violation of the law and at the same time, the victim (the victim of the offense or the society itself) receive compensation for the harm caused in order to justify the punishment and push the offender to repentance.

Keywords: forgiveness, forgiveness in law, pardon, Amnesty, debt forgiveness, reconciliation.

фактором, конституирующим эту общность [2, с. 8].

Существует позиция, согласно которой прощение в праве представляет собой одностороннюю сделку, что отличает его, например, от дарения, которое является двусторонней сделкой (ст. 415 ГК) [3, с. 159]. Таким образом, прощение в праве преследует правовые цели не двух, а одного субъекта правоотношений.

В то же время, А. Эрделевский отмечает, что есть основания считать прощение долга двусторонней сделкой. Так, двусторонней абстрактной сделкой считается и прощение долга, предусмотренное, например, в параграфе 397 Германского Гражданского Уложения (далее – ГГУ). При этом, однако, данный параграф прямо устанавливает, что прощение долга совершается по соглашению между кредитором и должником, в

то время как в ст. 415 ГК соглашение сторон прямо не указано в качестве основания прощения долга, что и обуславливает отмеченные выше различия в толковании этой нормы [4, с. 13].

Мы считаем, что особенно важным является установление целевой позиции прощения в праве при изучении законодательства криминального цикла (уголовного и уголовно-процессуального права). Так, устойчивой целевой позицией может стать значимость необходимости получить прощение от пострадавших, исправиться (измениться) и соблюдать закон. Этот комплекс имеет значение для достижения целей уголовного наказания в целях отсутствия оснований для продолжения криминального поведения.

Особый интерес вызывает соотношение в исследуемых группах (при проведении прикладных исследований) степени важности целей не нарушать закон и не попасть в места лишения свободы. Эти цели отражают различный характер установок личности по отношению к закону. Если первая характеризует установку на правопослушное поведение, то вторая свидетельствует о наличии установки на избегание наказания, т.е., возможно, на более осмотрительное поведение, в том числе, в процессе совершения преступления. Значимых различий в оценке степени важности соблюдения закона между группами нет, а в установке на избегание лишения свободы различаются только условно осужденные и заключенные [5, с. 21].

Так, в отечественном уголовном законе расширены категории преступлений, за совершение которых возможно применение принудительных мер воспитательного воздействия вместо наказания (в отношении несовершеннолетних – освобождение от уголовной ответственности с назначением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ).

Например, Пленум Верховного Суд РФ указал судам на недопустимость случаев применения уголовного наказания к несовершеннолетним, впервые совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности, если их исправление и перевоспитание может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90 УК (п. 13) [6, с. 11].

Отказ от наказания в отношении конкретной категории лиц (по амнистии, в случае помилования или несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой и средней тяжести впервые), и выступает с позиции реализации принципа гуманизма истинным прощением в праве.

Однако прощение как целеустановка в современном праве может вступить в противоречие с концепцией категоричного императива И. Канта, изложенного им с позиции запрета на отказ в применении наказания со стороны государства. Наказание как выражение категоричного императива, осуществляя требования справедливости, вместе с тем, защищает прирожденные права личности преступника как разумного существ-

ва. Оно отдает должное личности самого преступника. В силу того, что наказание является требованием категоричного императива, его применение есть не только право, но и обязанность государственной власти. А так как уголовный закон есть категорический императив, то недопустим отказ не только от всего наказания, но даже от части его [7, с. 53]. Таким образом, теория наказания И. Канта есть абсолютная теория наказания.

Осуществление карательной справедливости по Канту сегодня выглядит весьма категорично (прим. авт.: однако заслуживает интереса в современных условиях). Так, за изнасилование и педерастию, по Канту, следует применять кастрацию; за скотоложество – удаление навсегда из гражданского общества, так как своими действиями преступник уничтожил человеческое достоинство и сделал себя неспособным быть членом гражданского общества; в случае совершения убийства преступник должен умереть. В этом смысле, по мнению А.А. Пионтковского, И. Кант отрицательно относится к институту помилования [9, с. 62]. Допустимость помилования полностью отрицается И. Кантом, так как безнаказанность преступника является глубочайшей несправедливостью по отношению к потерпевшему.

Мы хотим обратить внимание еще на один аспект прощения. Теологическая концепция прощения состоит в прощении грехов людьми, чтобы их не засчитывал и Бог. Во время службы прихожане и священнослужители просят прощения друг у друга и прощают друг другу обиды. Это может показаться странным, поскольку маловероятно, чтобы каждый прихожанин явно обидел каждого из других. Однако цель этого ритуала – подчеркнуть теологическую истину: грехи нарушают межличностные отношения в целом [9, с. 44–45]. Рецепция лучших образцов православного законодательства даст возможность российскому светскому праву несколько приподнять планку «минимума нравственности», необходимого для прощения [10, с. 68–69].

Таким образом, прощение, как современная целеустановка в праве (прим. авт.: прежде всего, в уголовном праве, выраженном активной ролью государства при гуманизации и либерализации закона) есть выражение односторонней сделки, заинтересованной стороной которой является лицо, совершившее преступление, но не в коей мере не потерпевший, ибо последний не получает ни реальной правовой защиты, ни компенсации ущерба (физического, материального и морального). А поскольку прощение относится к категории морально-нравственной, то и выражение в праве института прощения для потерпевшей стороны слабо выражено. При этом, цель прощения в праве сводится к формированию такой правовой ситуации, в которой один из субъектов (правонарушитель, преступник) отказывается от психологической установки на нарушение норм закона и при этом, потерпевший (жертва правонарушения или само общество) получают возмещение причиненного вреда с целью оправдать назначенное наказание и подтолкнуть обидчика к покаянию.

Литература:

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов). М., 1998.
2. *Томильцева Д.А.* Опыт прощения: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Екатеринбург, 2010.
3. Комментарий к ГК РФ (Часть вторая). М., 1999.
4. *Эрделевский А.М.* Прощение долга и договор дарения // Российская юстиция. 2000. № 3.
5. *Чиркина Р.В.* Изменение установок противоправного поведения личности у несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
6. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.
7. *Пионтковский А.А.* Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. Юрид. изд-во НКЮ СССР. М., 1940.
8. *Пионтковский А.А.* Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. Юрид. изд-во НКЮ СССР. М., 1940.
9. *Мень А.* Прощеное воскресенье / Свет во тьме светит. М., 1994.
10. *Куприянов А.* Церковное право и его рецепция в российское законодательство // Российская юстиция. 2001. № 2.

Literature:

1. *Dal V.I.* Explanatory dictionary of the living great Russian language (modern spelling of words). M., 1998.
2. *Tomiltseva D.A.* The experience of forgiveness: socio-philosophical analysis : abstract. dis. ... cand. philosopher. sciences'. Yekaterinburg, 2010.
3. Comment to the civil code (Part two). M., 1999.
4. *Erdelevsky A. M.* the Forgiveness of debt and deed of gift // The Russian justice. 2000. № 3.
5. *Chirkina R.V.* Change of attitudes of illegal behavior of the person at minors : autoref. dis. ... cand. the course of studies. sciences'. M., 2008.
6. Bulletin of the Supreme Court. 2000. № 4.
7. *Piontkovsky A.A.* Criminal law views of Kant, A. Feuerbach and Fichte. The faculty of law. publishing house NKJU of the USSR. M., 1940.
8. *Piontkovsky A.A.* Criminal law views of Kant, A. Feuerbach and Fichte. The faculty of law. publishing house NKJU of the USSR. M., 1940.
9. *Men' A.* forgiveness Sunday / Light shines in the darkness. M., 1994.
10. *Kupriyanov A.* Church law and its reception in Russian lawmaking // Russian justice. 2001. № 2.

Афаунов Анзор Зурабович

кандидат социологических наук,
заместитель начальника
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет
МВД России,
майор полиции
anzor.afaunov@list.ru

Хавдок Анзаур Моратович

преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет
МВД России,
подполковник полиции
anzor.afaunov@list.ru

Татлок Адам Казбекович

преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет
МВД России,
подполковник полиции
anzor.afaunov@list.ru

**ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ
АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация. В статье отмечается, что социальное взросление российской молодежи сопряжено с рядом системных противоречий, связанных как с объективными условиями внешней среды, так и субъективными социально-психологическими, социокультурными характеристиками подрастающего поколения. Одной из актуальных социально-правовых проблем применительно к молодежной среде выступает правовой нигилизм. Подобное состояние индивидуального и группового сознания молодежи оказывает непосредственное влияние на соблюдение норм права, на правомерное либо преступное поведение.

Ключевые слова: государство, право, молодежь, правовой нигилизм, нормы права, правомерное поведение, сознание молодежи.

Право как интегральный элемент институциональных структур государства выполняет критически важные функции, обеспечи-

Anzor Z. Afaunov

Candidate of Sociological Sciences,
Deputy Chief Departments
of Special Disciplines,
Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Police Major
anzor.afaunov@list.ru

Anzaur M. Havdock

Teacher of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Police Lieutenant Colonel
anzor.afaunov@list.ru

Adam K. Tatlock

Teacher of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Police Lieutenant Colonel
anzor.afaunov@list.ru

**LEGAL NIHILISM
OF RUSSIAN YOUTH:
OBJECTIVE AND SUBJECTIVE
ASPECTS OF THE PROBLEM**

Annotation. The article notes that the social maturation of Russian youth is associated with a number of systemic contradictions associated with both objective environmental conditions and subjective socio-psychological, socio-cultural characteristics of the younger generation. Legal nihilism is one of the actual social and legal problems in relation to the youth environment. Such a state of individual and group consciousness of young people has a direct impact on compliance with the law, on lawful or criminal behavior.

Keywords: the state, law, youth, legal nihilism, the rule of law, good behavior, the minds of young people.

вающие социальный порядок и стабильность – как на макро-, так и микроуровнях социума. В этой связи сложно переоценить значимость пра-

ва именно как регулятора поведения индивидов, групп, общностей. Государство в своей деятельности должно стремиться к популяризации права, пропаганде правовых ценностей, идеалов, установок – только так можно дробиться осознания гражданами важности права, добровольного правомерного поведения. В этой связи феномен правового нигилизма представляет собой угрозу социальному порядку, выступает фактором дестабилизации, дезорганизации социальной системы. Несмотря на различные точки зрения правоведов, социологов, философов относительно содержательной сути понятия «правовой нигилизм», все же можно определить некое объединяющее смысловое начало в понимании этого опасного социально-правового явления современного общества.

Смысловое содержание понятия «правовой нигилизм» тесно связано с самим феноменом нигилизма как состояния индивидуального, группового и массового сознания. Как указывает Н.И. Матузов, «нигилизм – одна из форм мироощущения и социального поведения, разновидность фрондерства, бунтарства» [8, с. 8–24]. Подобный стиль жизни, форма жизнеощущения проникает в духовную культуру, отражается в правовой сфере. Именно потому, как справедливо отмечает исследователь, «одной из проблем современной России выступает тотальный правовой нигилизм, который имеет глубокие исторические корни – наплевательское отношение к закону свойство ментальности российского обывателя» [8, с. 8–24].

Следует отметить, что в научной литературе не сформировался консенсус по поводу содержательной сути понятия «правовой нигилизм». Различные исследователи по-своему расставляют акценты в данном термине. Ситуация осложняется и междисциплинарным характером исследования проблематики правового нигилизма.

Согласно мнению ряда исследователей, «правовой нигилизм – разновидность социального нигилизма. Его сущность в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку. Его причины заключаются в юридической невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения» [8, с. 8–24].

В то же время, Ю.В. Лукьяненко акцентирует внимание на психологических аспектах проблемной ситуации. Как полагает автор, «правовой нигилизм – психологически отрицательное (негативное) отношение к праву со стороны граждан, должностных лиц, государственных и общественных структур, а также фактические правонарушающие действия указанных субъектов» [5, с. 100]. Следует принимать во внимание дифференциацию основных векторов социального реагирования индивидов, групп, общностей. Как правило, наблюдается акцент либо на рационально-логическое, либо, напротив, на эмоционально-чувственное восприятие окружающего мира, феноменов, в том числе и права. При этом формируется опасное противоречие для

института государства, его правоохранительной системы. В частности, если люди демонстрируют в большинстве своем психологические, эмоциональные реакции на право, различные правовые явления, феномены и т.д., это вступает в логическое противоречие с самим характером позитивного права – обезличенной, предельно рациональной конструкцией. В данном аспекте наблюдается формирование социально-управленческой проблемы, связанной с тем, что государство стремится в максимально обезличенной объективированной форме осуществлять правовое регулирование социальных действий и взаимодействий, а обычные граждане, в силу особенностей обывденного сознания, оказываются объективно неспособными к мышлению и действию в данной системе координат. Система государственной власти должна учитывать эту проблему, выявлять ее средствами объективного научного эмпирического анализа и принимать соответствующие меры реагирования с целью устранению опасных последствий.

В научной литературе представлены и иные точки зрения на проблему правового нигилизма. Так, К.Г. Федоренко связывает правовой нигилизм с феноменом мироощущения, т.е. эмоционально-чувственного восприятия людьми окружающей, в том числе, и правовой действительности. Автор указывает на то, что «правовой нигилизм – неотъемлемый элемент субъектного мироощущения правовой действительности (правопознания), включающий осознание (внутреннее, личностно мотивированное) либо признание (интуитивное либо опытно подтвержденное) несостоятельности идеолого-объективной ценности права (его норм, институтов, отраслей) в практической (жизненно-событийной) регламентации конкретных социальных отношений» [9, с. 9]. В данном случае перед нами более широкое позиционирование правового нигилизма в системе социокультурных, а не только социально-психологических координат. Подобное восприятие людьми права с необходимостью должно опираться на социокультурные конструкты сознания – ценностные ориентации, идеалы. Вместе с тем, именно мироощущение формируется под воздействием социальных чувств и настроений, что позволяет рассуждать о существенном влиянии и психологического фактора.

Анализ мнений исследователей показывает, что психологический фактор играет важную роль в формировании правового нигилизма. Здесь сказывается влияние особенностей менталитета обычных граждан, в котором сочетаются рациональные и иррациональные составляющие. Вместе с тем, в различных социальных группах баланс рациональных и иррациональных факторов может существенно разниться. Данное утверждение напрямую касается такой особой социально-возрастной группы как молодежь. В ходе процессов социализации и воспитания молодежь активно приобщается к системе права, однако не всегда это происходит эффективно. Среди различных факторов, снижающих эффективность интеграции молодежи в социально-правовую сферу, выступает и правовой нигилизм.

А.В. Арбузов предлагает «рассматривать правовой нигилизм как систему, в ходе развития которой, во-первых, образуется устойчивое пренебрежительное или иное негативное отношение к праву в форме отрицания социальной ценности правовых идеалов, лежащих в основе действующей в данном обществе правовой системы, правовых норм, созданных на основе указанных правовых идеалов и выраженных в различных правовых текстах, получивших свою социальную легитимацию, и, во-вторых, на базе указанного отношения к праву осуществляются конкретные поведенческие акты (в форме действий или бездействия), деформирующие правовую реальность» [3, с. 3].

Именно системные отрицательные качества правового нигилизма актуализируют риски и угрозы применительно не только к институту государства, но и обществу в целом. Правовой нигилизм нарушает основополагающие процессы социализации и воспитания молодежи, препятствует полноценной передаче социального и культурного опыта от старших поколений к младшим.

Исследователи справедливо обращают внимание на еще одну опасность: «правовой нигилизм деформирует духовную культуру человека, разрушает ее правовые элементы, прежде всего, правовое сознание и правовую культуру. Возросшие скорости коммуникаций позволили распространить установки правового нигилизма на значительные по численному составу сегменты общества» [2, с. 197–200]. Опасность распространения установок правового нигилизма связана как с самим его содержанием, способным подорвать позиции права (которое, как известно, выступает одним из интегральных элементов духовной сферы, наряду с моралью, религией, искусством и др.), так и с виртуализацией социальной реальности XXI в., когда негативные эффекты правового нигилизма расширяют ореол своего воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание посредством, прежде всего, интернет-коммуникации.

Однако правовой нигилизм – неоднозначное социально-правовое явление, способное принимать различные формы в зависимости от контекста своего существования и развития. Е.Н. Михайлова выделяет четыре формы правового нигилизма:

1. Отрицание роли права в деле обеспечения общественного порядка.
2. Отрицание права ввиду его несоответствия представлениям, не имеющим к праву никакого отношения.
3. Разрешение правовых ситуаций неправовыми способами.
4. Нераспространение норм права на некоторых субъектов при провозглашенном формальном равенстве [7, с. 48].

Научные изыскания Е.Н. Михайловой подтверждают сложность феномена правового нигилиз-

ма и ставят под серьезное сомнение возможность выработки унифицированных социально-управленческих моделей реагирования на проявления правового нигилизма. Каждая проблемная ситуация, связанная с правовым нигилизмом, требует отказа от шаблонных действий. Именно такое положение, на наш взгляд, сложилось применительно к молодежной среде современного российского социума. Как нам представляется, негативные эффекты, связанные с проявлениями правового нигилизма молодежи, отличаются значительно большими общественными рисками.

Корни проблемы правового нигилизма российской молодежи видятся в особом статусе данной социально-демографической группы, ее социально-психологических, социокультурных особенностях. Безусловно, свое влияние на генезис проблемы оказывают состояние институтов социализации и воспитания подрастающего поколения, так как именно семья и школа в обществе XXI в. постепенно утрачивают свое влияние на процесс социального взросления молодежи.

Изучение проблемы правового нигилизма российской молодежи невозможно без понимания содержательной сути дефиниции «молодежь», а также ключевых индикаторов этой особой социально-возрастной группы. В этой связи целесообразно обратиться к концепциям классиков отечественной социологии молодежи. Как полагал В.Т. Лисовский, молодежь представляет собой поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции» [4]. И.С. Кон определял молодежь как социально-демографическую группу, обладающую совокупностью возрастных характеристик, неустойчивым социальным положением и специфическими социально-психологическими свойствами [3].

Для молодежи характерно наличие уникальных субъективных и объективных характеристик, отличающих данную социальную группу от других. В частности, наряду с объективными характеристиками неустойчивого социального положения, включенности в процессы социализации и воспитания, важное значение имеют и субъективные, в частности, особая молодежная культура, которая в той или иной мере противостоит доминирующей культуре большинства населения. При этом в различные исторические периоды социокультурная ситуация может существенно изменяться. Именно о такой особенности статуса молодежи в социуме рассуждают исследователи: «молодежь – совокупность людей определенного возраста и соответствующего социального статуса. Выделение этой группы и отношение к ней в обществе связано с культурными традициями и актуальной социальной ситуацией» [8, с. 299–303].

Важность социокультурной составляющей применительно к процессам социального взросления молодежи объясняется тем, что право выступает, как известно, одним из ключевых элементов духовной культуры. Именно поэтому ос-

воение молодежью права не может рассматриваться в отрыве от других элементов духовной жизни. Например, уровень развития моральных, религиозных норм, наряду особенностями образования и искусства оказывают влияние на восприятие молодежью права, усвоение ей правовых норм и формирование индивидуально-личностного отношения к государству, позитивному праву. Как известно, элементы духовной жизни не действуют в отрыве друг от друга, они образуют определенную систему социокультурных координат, которую и усваивает молодежь в период социального взросления.

Корни правового нигилизма современной российской молодежи видятся нам, прежде всего, в особенностях самих процессов социализации, воспитания. В настоящее время основные агенты социализации и воспитания уже не выполняют в полном объеме те функции, которые позволяют достичь необходимых обществу эффектов изменения сознания и поведения молодежи. Все чаще в последние годы роль агентов социализации берут на себя Интернет, телевидение, подростковые лидеры, «значимые другие» в самой молодежной среде. В результате, возникает эффект волюнтаризма по отношению к праву, так как новые агенты социализации относятся к нему нейтрально или отрицательно. Достаточно ознакомиться с содержанием произведений массовой культуры (фильмы, сериалы, ток-шоу, пропагандирующие жестокость, агрессию, эгоизм), комментариями в социальных сетях, на форумах (где угрозы и агрессия иногда просто зашкаливают), чтобы оценить масштаб воздействия негативных факторов на неустойчивое правовое сознание молодежи. Кроме того, зачастую, отрицательную роль играет и социальное окружение, в котором происходит взросление молодого человека. Таким образом, «альтернативные» агенты социализации формируют отношение к праву как к чему-то второстепенному, лишнему, чуждому. Именно такие установки и стереотипы, проникая в сознание молодежи, формируют на долгие годы отношение её к праву, специфику его восприятия. Следует принимать во внимание и социально-биологические, а также социально-психологические особенности подрастающего поколения. Раннимость, агрес-

Литература:

1. *Арбузов А.В.* Правовой нигилизм: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
2. *Карнаушенко Л.В.* Правовой нигилизм как дисфункция соционормативной системы трансформирующегося российского общества // Общество и право. 2016. № 4.
3. *Кон И.С.* Психология ранней юности. М., 1989.
4. *Лисовский В.Т.* Социология молодежи. СПб., 1996.

сивность, максимализм, иррациональность – те черты, которые объективно противостоят объективированному рационально-логическому праву. Данный фактор также осложняет интеграцию молодежи в социально-правовую реальность.

Подводя некоторые итоги, целесообразно отметить, что в основе проблемы правового нигилизма современной российской молодежи лежит комплекс объективных и субъективных факторов.

Во-первых, речь идет о социальном положении молодежи в обществе в контексте процессов социализации и социального развития. Для большинства молодых людей оно нестабильно, противоречиво, неустойчиво, что создает дополнительные риски социальных отклонений вследствие сложного социального положения молодежи, нестабильного заработка, отсутствия семьи и детей, неустраивающей или вовсе отсутствующей трудовой занятости и т.д. В таких условиях молодежь воспринимает право сквозь призму своих сложных жизненных обстоятельств. Так формируется и правовой нигилизм – право позиционируется как эфемерный конструкт, далекий от повседневной жизни молодежи, ничем не помогающий ей в жизни и т.д.

Во-вторых, социально-возрастные характеристики молодежи зачастую провоцируют возникновение иррациональных эффектов восприятия права – в контексте позиционирования взрослого общества, государства и т.д. Опасной тенденцией в молодежной среде является понимание права как чуждого, репрессивного элемента, «мешающего жить», ограничивающего свободы молодежи. Именно так формируется психологическая мотивация к отрицанию права, развитию правового нигилизма.

Учитывая остроту проблемы правового нигилизма российской молодежи, важность полноценной интеграции молодых людей в социум, необходимо сосредоточить больше научных усилий для изучения эффекта правового нигилизма молодежи, в том числе, и эмпирическими мониторинговыми проектами, которые, к сожалению, в настоящее время практически не осуществляются в нашей стране.

Literature:

1. *Arbuzov A.V.* Legal nihilism: theoretical and legal research : dis. ... cand. the faculty of law. sciences. SPb., 2006.
2. *Karnaushenko L.V.* Legal nihilism as a dysfunction of the siconormative system of the transforming Russian society // Society and law. 2016. № 4.
3. *Kon I.S.* Psychology of early youth. M., 1989.
4. *Lisovsky V.T.* Sociology of youth. SPb., 1996.

5. *Лукьяненко Ю.В.* Правовой нигилизм как одна из причин антиобщественного поведения // Территория науки. 2014. № 6.

6. *Матузев Н.И.* Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 1.

7. *Михайлова Е.Н.* Социально-философский анализ российского правового нигилизма : дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2010.

8. *Тимченко А.А.* Молодежь в современном российском обществе: проблемы и перспективы // Общество и право. 2014. № 1.

9. *Федоренко К.Г.* Правовой нигилизм : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.

5. *Lukyanenko Yu.V.* Legal nihilism as one of the causes of antisocial behavior. Territory of science. 2014. № 6.

6. *Matuzov N.I.* Legal nihilism as a way of life // Bulletin of the Saratov state law Academy. 2012. № 1.

7. *Mikhailova E.N.* Social and philosophical analysis of Russian legal nihilism: dis. ... cand. philos. sciences. Novosibirsk, 2010.

8. *Timchenko A.A.* Young people in contemporary Russian society: problems and perspectives // law and Society. 2014. № 1.

9. *Fedorenko K.G.* Legal nihilism : dis. ... cand. the faculty of law. sciences. N. Novgorod, 2001.

Белевский Роман Александрович

кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел,
Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова
belevskiy@gmail.com

Roman A. Belevskiy

Candidate of Law Sciences,
Senior Lecturer
Departments of Operational
and Search Activities
of Internal affairs agencies,
Oryol Law Institute
Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.V. Lukyanova
belevskiy@gmail.com

**НЕКОТОРЫЕ ОПЕРАТИВНО-
РАЗЫСКИНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРОВЕДЕНИЯ ОПРОСА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

**SOME
OPERATIONAL ASPECTS
OF THE CURRENT SURVEY**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся проблем проведения оперативно-разыскных мероприятий, в частности, такого важного мероприятия, как «опрос». В краткой форме излагается сущность опроса, его основные классификации и приёмы проведения. Оперативно-разыскная деятельность по своей сути лежит за рамками Уголовно-процессуального кодекса, а потому является непроцессуальной. При этом это нисколько не умаляет важности ОРД в деятельности всего государственного аппарата по предупреждению и раскрытию преступлений.

Ключевые слова: оперативно-разыскные мероприятия, опрос, классификация опроса, приёмы проведения опроса, деятельность оперативных сотрудников.

Annotation. The article deals with issues related to the problems of carrying out operational and search activities, in particular, such an important activity as "survey." The summary outlines the essence of the survey, its main classifications and techniques. Investigative activities are inherently outside the scope of the Code of Criminal Procedure, and are therefore non-procedural. At the same time, this does not detract from the importance of the ORD in the activities of the entire State apparatus for the prevention and detection of crimes.

Keywords: investigation and search operations, poll, classification of poll, methods of holding poll, activity of quick employees.

Оперативно-разыскная деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий. При этом одним из наиболее распространенных ОРМ по праву следует считать «Опрос». Это вполне естественно, ведь опрос – наиболее действенный и, на первый взгляд, простейший способ получения информации. Именно опрос позволяет при минимальной затрате сил и средств получить максимум необходимой информации. При всей своей внешней простоте опрос является довольно сложным и многогранным оперативно-разыскным мероприятием. Это обуславливается большой вариативностью моделей поведения как самого сотрудника, так и опрашиваемого лица, необходимостью установления психологического контакта, необходимостью фильтрации получаемой информации, вариативностью тактики проведения. Именно поэтому всестороннее изучение данного ОРМ является весьма актуальной деятельностью.

Теория уголовно-процессуального права должна соответствовать действительности современного общества, быть гибкой, не стоять на месте. Результаты ОРД, в целом, так и опроса, в частности, принято считать незаконными, противоречащими законодательству.

Опрос относится к одному из оперативно – разыскных мероприятий, которые не требуют санкционирования. Опрос может проводиться непосредственно сотрудниками оперативных подразделений, без каких – либо санкций руководителя территориального органа либо решений суда, что является его особенностью, отличительной чертой.

Для проведения опроса обязательно наличие согласия граждан на его осуществление [1, с. 4].

Из социальной принадлежности лиц можно сделать вывод о том, что, чаще всего, истинные цели опроса зашифровываются или профессиональная принадлежность сотрудника скрывает-

ся. В тех случаях, когда опрашиваемое лицо требует конфиденциальности, то данные о нем не разглашаются, и указанное лицо не допрашивается в качестве свидетеля в ходе предварительного и, тем более, судебного следствия [1, с. 5].

Исходя из целей, условий и личности опрашиваемого могут использоваться различные виды опроса: гласный, негласный, зашифрованный, а также опрос с использованием полиграфа.

При первом виде опроса от опрашиваемых лиц не скрывается факт его проведения, сведения, получение которых необходимо. Сотрудниками формулируются цели, которые преследуются оперативными сотрудниками и обязательны для борьбы с преступностью [2].

Негласный опрос предполагает сохранение в тайне, как и самого опроса, так и сведений, получаемых в ходе проведения оперативно – розыскного мероприятия. Может быть произведено предварительное прогнозирование развития беседы. Также скрывается профессиональная принадлежность, цели осуществляемого опроса.

Суть зашифрованного опроса состоит в получении необходимой информации через беседу, в которой истинная цель самого опроса скрывается. Такой прием позволяет отвлечь опрашиваемое лицо, притупить его внимание, а впоследствии – подвести разговор к информации, которую официально никто узнавать не собирался, но на деле именно эта информация была целью опроса. Такой вид опроса наиболее эффективен при выведывании информации у лиц, которые сознательно могут исказить правдивость передаваемой им информации о личностях, действиях и событиях. Такими лицами могут быть как лично заинтересованные в запутывании правоохранительных органов лица, так и «покрывающие» своих друзей, родственников, поделщиков.

В процессе проведения опроса с применением полиграфа контролируются эмоции человека,

Литература:

1. *Бобров В.Г.* Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: Лекция. М., 2015.
2. *Алхименко В.В.* История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы: учебное пособие / В.В. Алхименко, В.П. Коряков, В.М. Курицын, Р.С. Мулукаев и др. ; Под ред. В.М. Курицына. М. : Щит-М, 1998. 200 с.
3. *Урлис М.Ю.* История возникновения опроса как оперативно-розыскного мероприятия и его правового регулирования // Наука и современность. 2017. № 15(4). С. 179–180.

например, страх, стресс, тревога, деятельность систем головного мозга и нервной системы, работы дыхательной и сердечно-сосудистой систем, в том числе, подвергаются оценке физиологические изменения в организме. В данном случае обращаются к помощи специалистов, которые прошли специальную подготовку в оперативно – техническом подразделении [2].

В зависимости от определенной обстановки опрос бывает предварительно подготовленным и неподготовленным.

При первом виде опроса тщательно изучается личность лица, в отношении которого будет проведено оперативно – розыскное мероприятие. Также анализируются его интересы, взгляды, круг общения, отношение к конкретному событию, его сильные и слабые стороны. Данные сведения могут быть получены и гласным, и негласным путем.

Неподготовленный опрос имеет место при опросе граждан непосредственно после совершения преступления либо, когда оперативно – розыскное мероприятие в силу стечения обстоятельств идет не по заранее подготовленному плану [3].

Таким образом, вышеперечисленные тактические приемы ведения опроса, его классификация, совокупность всех элементов подвидов опроса способствуют всестороннему и полному получению у опрашиваемого лица информации, которая в будущем может использоваться оперативными сотрудниками для решения задач оперативно – розыскной деятельности.

Судя по вышеперечисленным признакам, можно сделать вывод о том, что опрос занимает лидирующее место среди оперативно-розыскных мероприятий. Он является самым распространенным по форме его проведения, а также относительно простым в осуществлении оперативно – розыскным мероприятием. В свою очередь, необходимо отметить и его взаимосвязь с другими оперативно-розыскными мероприятиями.

Literature:

1. *Bobrov V.G.* Concept of operational and search activity. Grounds and conditions for carrying out operational and search activities: Lecture. M, 2015.
2. *Alkhimenko V.V.* History of the Russian police. Brief historical essay and main documents: tutorial / V.V. Alkhimenko, V.P. Koryakov, V.M. Kuritsyn, R.S. Mulukayev etc.; Under edition V.M. Kuritsyna. M. : Shield-M, 1998. 200 p.
3. *Urliis M.Yu.* History of the survey as an operational and search activity and its legal regulation // Science and modernity. 2017. № 15(4). P. 179–180.

Волковская Людмила Николаевна
старший преподаватель
предпринимательского
и энергетического права,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
volkovskay@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ ПРАКТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЕЩНЫХ ПРАВ И ЗАКОННОГО ВЛАДЕНИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья рассматривает сложившиеся тенденции в гражданском судопроизводстве Российской Федерации в спорах между гражданами и публично-правовыми образованиями, касаемых обеспечения вещных прав и права законного владения граждан.

В подавляющем большинстве случаев граждане, вынужденные отстаивать свои вещные права в спорах с органами государственной или муниципальной власти не могут обеспечить эффективное, равноценное юридическое оппонирование в судах юристам-профессионалам, представляющим на штатной основе интересы публично-правовых образований, которые имея несравнимо-большой опыт судебных разбирательств, способны вывести судебные органы на принятие решений в пользу органов власти, зачастую по основаниям, изначально не фигурировавшим в споре. Излюбленным приемом при этом становится применение понятия добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий (пункт 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации). С одной стороны, это говорит об эффективности юридических подразделений органов власти, с другой, ведет к фактическому ущемлению вещных прав граждан.

Ключевые слова: вещные права граждан, судебные споры, добросовестность.

Обеспечение вещных прав и законного владения граждан собственностью представляет собой системный институт функционирования любого развитого сообщества и обеспечивает его устойчивое социальное развитие, а также доверие членов сообщества, сформировавшимся властным структурам.

Ludmila N. Volkovskaya
Senior Lecturer
Enterprise and Energy Law,
Saint Petersburg State
University of Economics
volkovskay@mail.ru

MODERN LEGAL PRACTICE OF ENSURING THE SUBSTANTIVE RIGHTS AND LEGAL POSSESSION OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Article considers the developed trends in civil legal proceedings of the Russian Federation in disputes between citizens and public educations, rights in rem regarding providing and the right of lawful possession of citizens.

In most cases the citizens forced to assert the rights in rem in disputes with bodies of the state or municipal authority cannot provide effective, equivalent legal opposition in courts to the professional lawyers representing the interests of public educations which having incomparable and bigger experience of judicial proceedings on a regular basis are capable to bring judicial authorities to decision-making in favor of authorities, often on the bases which were initially not appearing in a dispute. Application of a concept of conscientiousness of participants of civil legal relationship and rationality of their actions (Paragraph 5 of Article 10 of the Civil code of the Russian Federation) becomes favorite method at the same time. On the one hand, it speaks about efficiency of legal divisions of authorities, with another, leads to the actual infringement of rights in rem of citizens.

Keywords: rights in rem of citizens, lawsuits, conscientiousness.

В современной России правовая модель защиты вещных прав и законного владения определена положениями Российской Конституции и Гражданского кодекса. В частности, статьей 212 Гражданского кодекса РФ определяется, что подлежат защите равным образом право собственности и другие вещные права граждан, юридических лиц, субъектов Российской Федерации и ее

муниципальных образований. В соответствии с положениями статьи 55 Конституции РФ данные права могут быть ограничены только нормами федерального закона [3, с. 80].

Вместе с тем, в российской практике судебной деятельности институт защиты вещных прав граждан в целом менее эффективен, нежели институт защиты прав юридических лиц, или права государственной собственности, особенно в части таких видов защиты прав, как истребование имущества из чужого владения, нарушение прав, не связанных с лишением владения, установление сервитута, границ земельного участка или освобождение имущества от ареста. Безусловно, на это есть объективные причины, связанные с обеспечением доступности правовой помощи для рядовых граждан и общим уровнем их правовой культуры [1, с. 91].

Анализируя правовые позиции судов первой и второй инстанции, а также Верховного суда в отношении имущественных прав граждан, можно сделать вывод, что в основании судебных тяжб, как правило, лежат ошибки государственных и муниципальных органов власти, в результате которых были незаконно приобретены (сохранены) права лиц на выморочное имущество, на жилье по социальному найму или делались незаконные отказы в приватизации жилых помещений.

Однако при этом решения судов, как правило, не выносятся в пользу граждан, даже в случаях, когда это может повлечь для таких граждан тяжелые социально-экономические последствия, связанные с потерей значительных сумм денег, собственности или даже места жительства. В то же время реализация таких судебных решений обычно не была связана с существенными потерями для конфликтующей стороны – представителей соответствующих органов, осуществляющих управление государственным имуществом субъекта Российской Федерации [3, с. 143].

В настоящее время отрицательные решения судов для граждан часто базируются на эксплуатации понятия добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий (пункт 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации). Иными словами, представители органов власти в судах, зачастую, пользуясь низкой правовой грамотностью оппонентов из числа рядовых граждан, не имея более весомых аргументов своей правоты, весьма успешно прибегают к приему позиционирования таких граждан как лиц, совершивших недобросовестные действия. Найти поводы для этого довольно просто – поскольку для того, чтобы произвести отчуждение в свою пользу какого-либо имущества или финансов, как например, в случае с приватизацией жилых помещений, или получения жилищной субсидии, гражданин должен соответствовать ряду требований, дающих ему такое право согласно нормам соответствующих нормативно-правовых актов, то любые действия, или даже бездействие, гражданина, направленные, или способствовавшие достижению им состояния, отвечающего условиям, обо-

значенным, как обязательные для получения права на отчуждение собственности или финансовых ресурсов от органов власти, могут быть объявлены как преднамеренные и недобросовестные.

В свете изложенного рассмотрим судебную практику отказа в защите вещного права на основании пункта 5 статьи 10 Гражданского кодекса РФ.

В рамках дела № 33-1963 от 15.06.2017 г. Тульского областного суда рассматривалась следующая ситуация. Гражданином С. 01.08.2016 г., 31.08.2016 г. и 10.10.2016 г. было получено от Администрации города Тулы три отказа в приватизации занимаемого им служебного жилого помещения. Основанием для отказа послужило то, что до обращения с заявлением о приватизации, гражданин С. вынуждено судился со своей сестрой гражданкой Ш., в результате чего утратил право собственности на принадлежавшую ему ранее ½ долю жилого помещения, расположенного за пределами города Тулы.

Сестра гражданина С., гражданка Ш. обратилась к нему с исковыми требованиями в Алексинский городской суд о признании за ней права собственности на ½ долю принадлежавшего гражданину С. по наследству жилого помещения в г. Алексин, в котором он более 20 лет не проживал, оспариваемым жилым помещением не пользовался и не исполнял обязанностей по его содержанию. При этом необходимо обратить внимание, что Алексинский городской суд, изучив все материалы дела, вынес решение об удовлетворении иска гражданки Ш. по делу № 2-109/2016, вступившего в законную силу 15.03.2016 г. не на основании признания иска гражданином С., сделанного в отношении представленных неопровержимых доказательств, а на основании тщательного изучения предоставленных доказательств, в т.ч. экспертного заключения, что следует из текста упомянутого решения.

Упомянутый судебный спор между гражданкой Ш. и гражданином С. возник в связи с тем, что унаследованная ими квартира не была своевременно продана и поделена между ними согласно их долей в праве унаследованной собственности. Гражданин С. в течение двадцати двух лет (с 1995 года) проживал и работал в г. Тула, и все это время не мог ею пользоваться, тогда, как гражданка Ш. фактически с 2001 года проживала в указанной квартире вместе со своей семьей. Гражданин С., проживал все это время в г. Туле, в т.ч. с 2013 г. – в служебной квартире, предоставленной ему администрацией города.

Когда в начале 2016 года у гражданки Ш. возникла необходимость в улучшении жилищных условий в связи с рождением второго ребенка, она подала на гражданина С. в суд, иск ее был удовлетворен в полном объеме.

01.08.2016 г. Комитетом имущественных и земельных отношений администрации г. Тула на

заявление гражданина С. был дан отказ в приватизации занимаемого им служебного жилого помещения на основании того, что согласно запрошенной Комитетом выписки из ЕГРП, гражданину С. до 01.04.2016 г. на праве собственности принадлежала ½ доля квартиры в г. Алексин, что, по мнению Комитета, свидетельствовало о совершении гражданином в период проживания в служебной квартире гражданско-правовой сделки по отчуждению принадлежавшего ему иного жилого помещения, что является препятствием для приватизации служебного жилого помещения, согласно п. 3 ч. 2.1 раздела 2 и п. 1 ч. 3.4 раздела 3 Порядка приватизации служебных жилых помещений, находящихся в собственности муниципального образования город Тула, утвержденного решением Тульской городской Думы от 23.10.2013 г. № 66/1513. Иными словами сотрудники комитета имущественных и земельных отношений администрации г. Тулы ошибочно отождествили гражданско-правовую сделку с решением суда

«30» января 2017 г. гражданин С. обратился в Пролетарский районный суд г. Тулы с иском о признании права собственности в порядке приватизации на служебную квартиру, Ответчик по делу Администрация г. Тулы. «16» марта 2017 г. иск гражданина С. был удовлетворен и вынесено Решение по гражданскому делу № 2-414/2017 о признании за ним права собственности в порядке приватизации на занимаемую им служебную квартиру, т.к. решение суда и признание иска не являются гражданско-правовой сделкой (стр. 6, абз. 5-10 Решения Пролетарского районного суда от 16.03.2017 г. по делу № 2-414/2017).

Далее Ответчиком – администрацией города Тулы в лице Комитета имущественных и земельных отношений была подана Апелляционная жалоба на решение Пролетарского районного суда г. Тулы по делу № 2-414/2017.

15 июня 2017 г. Судебной коллегией по гражданским делам Тульского областного суда было вынесено Апелляционное определение по делу № 33-1963, отменившее в полном объеме Решение Пролетарского районного суда от 16.03.2017 г. по делу № 2-414/2017.

В суде апелляционной инстанции на основании Апелляционной жалобы Администрации г. Тула гражданину С. было отказано в приватизации занимаемого им служебного жилого помещения на том основании, что гражданин С. в период проживания в служебной квартире совершил действия, фактически подменяющие собой сделку по отчуждению принадлежавшего ему жилого помещения, что может расцениваться как его недобросовестное поведение (пункт 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации),

Литература:

1. *Габолаев Г.В.* Понятие и способы защиты правомочий обладателей вещных прав // Вопро-

судебной практики говорит о том, что довольно часто встречаются случаи, когда суды в спорах между гражданами и публично-правовыми образованиями принимают решения в пользу последних не на основании буквальное положений нормативно-правовых актов, а базирясь на доводах представителей органов власти о недобросовестности в действиях (бездействии) гражданина. В свою очередь, граждане, отстаивающие свои вещные права в суде, даже при наличии хороших адвокатов, как правило, не бывают готовы к такому повороту событий и не всегда должным образом реагируют на попытки оппонентов подвести их под определение недобросовестности

хотя такого основания для отказа в приватизации и не содержится в буквальном прочтении Порядка приватизации служебных жилых помещений, находящихся в собственности муниципального образования г. Тулы, утвержденного решением Тульской городской Думы от 23.10.2013 г. № 66/1513. Более того, коллегией по гражданским делам Тульского областного суда в своем решении было отмечено, что суд первой инстанции при вынесении своего решения руководствовался буквальным прочтением вышеупомянутого Порядка приватизации.

Данная позиция Администрации г. Тула и Суда апелляционной инстанции была поддержана и Верховным Судом РФ на стр. 2, абз. 2 Определения от 27.09.2017 г. по жалобе № 38-КФ17-427.

Указанный подход судов к рассмотрению гражданских дел, когда за основу берется правовая модель защиты вещных прав граждан, уравнивающая их в правах с другими участниками правоотношений – юридическими лицами и государством не является единичным. Однако на практике возможности граждан по защите своих вещных прав и законного владения существенным образом ограничены даже в случае, если они касаются добросовестного владения.

Необходимо отметить, что подобная судебная практика может повлечь за собой другие судебные разбирательства, уже связанные с оспариванием гражданами нормативно-правовых актов, позволяющих предъявлять двойные стандарты и имеющие небуквальное прочтение.

В этой связи представляется значимым совершенствование правовой модели защиты вещных прав за счет нормативного определения признаков добросовестности граждан, оценку которых возможно осуществлять в рамках рассмотрения споров в судах только на основании разработанной и общепринятой методики определения добросовестности гражданина, а не на основании субъективного мнения отдельно взятых должностных лиц.

В этой связи представляется значимым совершенствование правовой модели защиты вещных прав за счет нормативного определения признаков добросовестности граждан, оценку которых возможно осуществлять в рамках рассмотрения споров в судах только на основании разработанной и общепринятой методики определения добросовестности гражданина, а не на основании субъективного мнения отдельно взятых должностных лиц.

Literature:

1. *Gabolayev G. V.* Concept and ways of protection of competences of owners of rights in rem //

сы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 3А. С. 91–97.

2. *Габолаев Г.В.* Современная правовая практика обеспечения вещных прав и законного владения граждан РФ // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 5-1. С. 143–150.

3. *Санников Д.В.* Особенности современных гражданско-правовых механизмов защиты вещных прав и законного владения // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 9А. С. 80.

Questions of the Russian and international law. 2018. Vol. 8. № 3А. P. 91–97.

2. *Gabolayev G.V.* Modern legal practice of providing rights in rem and lawful possession of citizens of the Russian Federation // Questions of the Russian and international law. 2019. T. 9. № 5-1. P. 143–150.

3. *Sannikov D.V.* Features of modern civil mechanisms of protection of rights in rem and lawful possession // Questions of the Russian and international law. 2018. T. 8. № 9А. P. 80.

Гришин Денис Александрович
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
уголовного права и процесса,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
volkovanata0710@gmail.com

Волкова Наталья Викторовна
аспирантка кафедры
уголовного права и процесса,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
volkovanata0710@gmail.com

Вопросы совершенствования уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность на примере зарубежных стран

Аннотация. Статья посвящена анализу отечественного и зарубежного опыта в области правового регулирования уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность. В работе используются методы ретроспекции, анализа, сравнения, графического исследования. Автор акцентирует внимание на глобальных последствиях преступлений, совершаемых в банковской сфере – для общества, государства, национальной экономики и самой банковской системы. Исследуются недостатки квалифицирующих признаков незаконной банковской деятельности в уголовном законодательстве Российской Федерации. На базе анализа правового регулирования уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность в зарубежных странах делается вывод о целесообразности установления в уголовном законодательстве Российской Федерации следующих квалифицирующих признаков незаконной банковской деятельности: совершение данного деяния по предварительномуговору; совершение данного деяния с использованием своего служебного положения.

Ключевые слова: правовое регулирование, уголовная ответственность, незаконная банковская деятельность, уголовное законодательство, банковская система.

Denis A. Grishin
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Criminal Law and Proceedings,
Russian Academy of Folk
and Public Service under the President
of the Russian Federation
volkovanata0710@gmail.com

Natalya V. Volkova
Graduate student of the Department
Criminal Law and Proceedings,
Russian Academy of Folk
and Public Service under the President
of the Russian Federation
volkovanata0710@gmail.com

QUESTIONS OF IMPROVING CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL BANKING ACTIVITY ON THE EXAMPLE OF FOREIGN COUNTRIES

Annotation. The article analyzes domestic and foreign experience in legal regulation of criminal responsibility for illegal banking activities. We use the techniques of flashbacks, analysis, comparison, graphical exploration. The author emphasizes the global implications of the crimes committed in the banking sector – for the community, state, national economy and the banking system. Examines the shortcomings of qualifying signs of illegal Bank activities in the criminal legislation of the Russian Federation. On the basis of the analysis of the legal regulation of criminal responsibility for illegal banking activities in foreign countries, the conclusion is made on expediency of establishing in the criminal law of the Russian Federation the following qualifying signs of illegal Bank activity: the Commission of the act on preliminary arrangement; the Commission of the acts with the use of his official position.

Keywords: legal regulation, criminal liability, illegal banking, criminal law, banking system.

Реформирование экономической и социальной сферы, проводившееся в 90-е годы XX века в условиях перехода Российской Федерации к рыночной модели экономического развития и радикальной трансформации отечественной политической системы, существенно детерминировало активное развитие банковского сектора, обеспечив банк институтам центральную роль в функционировании национальной экономики. Ретроспективный анализ становления и развития банковской системы иллюстрирует колоссальную значимость банков в удовлетворении кредитными ресурсами потребностей национальной экономики, рационализации и упорядочивании денежного оборота, аккумулировании свободных ресурсов и капитала, направленном на поддержание ускорения и непрерывности производства [8].

В настоящий период банки, являясь важнейшим общественным институтом и главенствующим звеном кредитной системы, призваны обеспечивать социальную стабильность общества и экономическое процветание государства. Одновременно с этим, как отмечает отечественный правовед Е.В. Мильчехина [6], либерализация экономической деятельности в России, базировавшаяся на неэффективных механизмах ее контроля и охраны от противоправных посягательств, сформировала благоприятные условия для криминализации финансовых отношений в стране. Об этом свидетельствуют официальные статистические данные, опубликованные Агентством правовой информации, согласно которым показатели регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 172 УК (незаконная банковская деятельность) демонстрирует устойчивую негативную тенденцию (рис. 1).

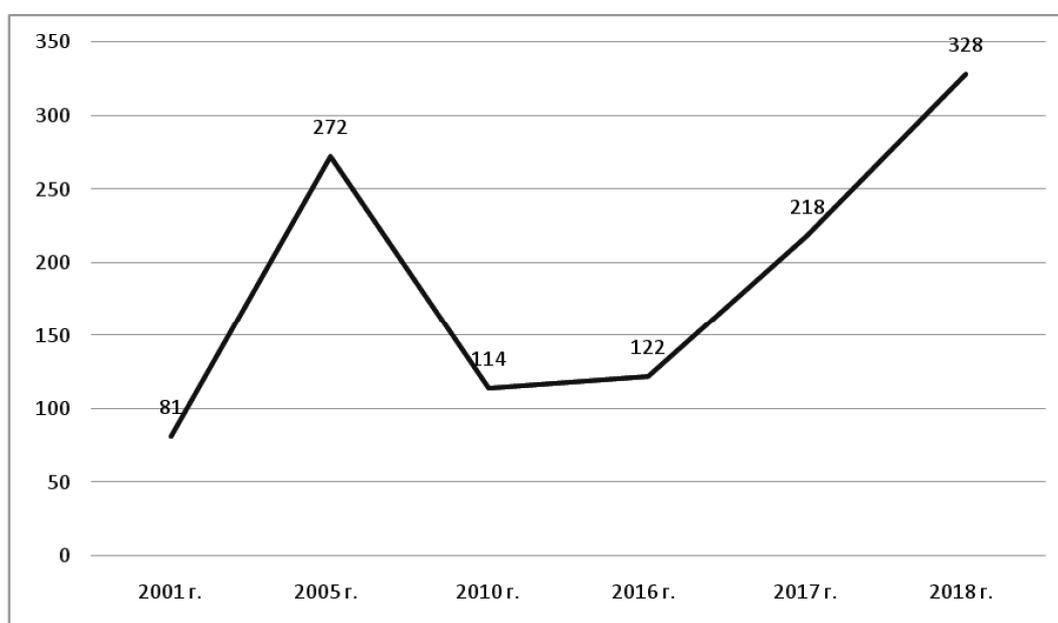

Рисунок 1 – Динамика преступлений в банковской сфере за период 2001–2018 гг. [3]

Основополагающая опасность преступлений, совершаемых в банковской сфере, заключается в формировании в массовом сознании негативного образа государственных институтов, ответственных за осуществление контроля и надзора за банковской деятельностью. Следствием подрыва доверительных отношений населения к кредитным и финансовым организациям может стать повторение ситуации, сложившейся на рубеже XIX–XX веков, когда граждане предпочитали хранить денежные сбережения дома, вопреки существовавшим высоким рискам, связанным их лишением «физическим путем» (пожары, кражи и т.п.). Это, в свою очередь, грозит дестабилизацией и кризисом всей банковской системы, поскольку функционирование банков без финансовых ресурсов невозможно. Данные обстоятельства сигнализируют о чрезвычайной опасности игнорирования и недооценки банковских преступлений в качестве важных факторов, угрожающих финансовой устойчивости и экономической безопасности страны, и актуализируют необходимость комплексного и системного ана-

лиза правового регулирования уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность.

В настоящий период ч. 2 ст. 172 УК РФ [1] предусматривает в качестве одного из квалифицирующих признаков незаконной банковской деятельности извлечение дохода в особо крупном размере. Согласно ст. 170.2 УК РФ, под особо крупным размером следует понимать сумму, превышающую девять миллионов рублей. При этом применительно к ст. 172 отсутствует четкое определение дохода. Вопрос о том, что подразумевать под данной формулировкой – прибыль или общую полученную сумму в денежной форме остается открытым.

Обращаясь к зарубежному опыту уголовной ответственности за незаконную банковскую деятельность, отметим, что обозначенное выше правовое упущение урегулировано в уголовном законодательстве бывшей союзной Республики Таджикистан, где в рамках уголовного регулиро-

вания преступлений в сфере экономической деятельности дается легальное определение дохода. Согласно ст. 260 УК Республики Таджикистан, под доходом понимается прибыль в виде разницы между израсходованными и полученными средствами. Более того, в примечании к ст. 268 УК РТ детализируется, что при определении размера причиненного ущерба необходимо учитывать помимо прямых убытков, также упущенную выгоду. Отметим, что уголовное законодательство стран ближнего зарубежья базируется на положениях Модельного Уголовного кодекса от 17 февраля 1996 года, в котором глава о преступлениях в сфере банковской деятельности содержится в главе «Преступления в сфере экономической деятельности» [7].

Вторым квалифицирующим признаком незаконной банковской деятельности является совершение деяния организованной группой, уголовная ответственность за которую установлена в ч. 2 ст. 172 УК РФ. Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ, под организованной группой лиц необходимо понимать устойчивую группу лиц заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Если группа лиц, осуществляющая незаконную банковскую деятельность, не отвечает признакам организованной группы, установленным Пленумом Верховного Суда РФ, то действия соисполнителей должны быть квалифицированы как совершение незаконной банковской деятельности группой лиц по предварительному сговору. В настоящий период ст. 172 УК РФ не содержит квалифицирующего признака, способствующего возложению уголовной ответственности на лиц, осуществляющих незаконную банковскую деятельность по предварительному сговору, по ч. 2 ст. 172 УК РФ. Данное обстоятельство является несправедливым, поскольку степень общественной опасности преступных деяний в банковской сфере, осуществляемых по предварительному сговору, эквивалентна степени опасности деяний, совершаемых организованной группой [5].

Статья 190 Уголовного Кодекса Республики Узбекистан, функционирующего с 1 апреля 1995 года, содержит такой квалифицирующий признак как занятие деятельностью без лицензии по предварительному сговору группой лиц и устанавливает уголовную ответственность за данное преступление в виде штрафа от семидесяти пяти до ста минимальных размеров заработной платы или обязательных общественных работ от трехсот до четырехсот восьмидесяти часов (что, на наш взгляд, является чрезвычайно мягкой мерой наказания). Также, §131 УК Дании «Преступления против государственной власти» устанавливает в качестве уголовной ответственности за осуществление незаконной банковской деятельности штраф или при особо отягчающих обстоятельствах – заключение под стражу.

Существенным недостатком квалифицирующих признаков незаконной банковской деятельности в уголовном законодательстве Российской Федерации является также отсутствие такого квалифицирующего признака, как осуществление незаконной банковской деятельности с исполь-

зованием виновным лицом своего служебного положения. Как отмечает Е.В. Мильчехина [5], значимость введения такого квалифицирующего признака детерминирована ролью руководящего звена кредитных организаций, заключающейся, главным образом, в обеспечении безопасности банка и банковских услуг. Осуществление незаконной банковской деятельности служащими банка подрывает банковский авторитет и доверие к кредитно-финансовой системе со стороны населения. Очевидно, что осуществление незаконной банковской деятельности с использованием своего служебного положения должно преследоваться по закону и предусматривать существенно более суровое наказание, чем за аналогичные деяния, совершенные физическим лицом. Уголовное законодательство зарубежных стран предполагает лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью лицам, осуществившим незаконную банковскую деятельность с использованием своего служебного положения.

К примеру, Испания, входящая в Континентальную систему права, наказывает лица, осуществляющие незаконную банковскую деятельность с использованием служебного положения, лишением должности на период с семи до десяти лет, квалифицируя подобные злоупотребления как преступления против государственного управления. Данное положение закреплено в ст. 404 Уголовного Кодекса Испании [4].

В УК Китайской народной республики 1997 г. в ст. 174 за аналогичные деяния предусмотрена существенно более жесткая мера наказания – лишение свободы на срок от 3 до 10 лет и штраф в размере от 50 до 500 тыс. юаней. Данная уголовная ответственность распространяется на руководителей банковских организаций и других лиц, несущих непосредственную ответственность за осуществление банковских операций.

Далее, в уголовном законодательстве Армении уголовная ответственность должностных лиц за незаконную банковскую деятельность закреплена в ст. 188 «Незаконное предпринимательство», предусматривающей наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок не свыше трех лет и штрафом в размере не свыше пятидесятикратного размера минимальной заработной платы или без такового, либо лишением свободы на срок не свыше двух лет. Данное преступление относится к категории тяжких и идентифицируется как крупный ущерб обществу и государству.

В новом УК Республики Беларусь, вступившем в силу с 1 января 2001 года, незаконная банковская деятельность рассматривается в составе незаконной предпринимательской деятельности, уголовная ответственность за которую закреплена в ст. 233 и также предусматривает лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной должностью с лишением свободы на срок от двух до семи лет, либо

штрафом за злоупотребления должностными полномочиями.

В современном уголовном законодательстве Республики Узбекистан ответственность за незаконную банковскую деятельность закреплена в главе XII «Преступления против основ экономики» и регулируется ст. 177 (незаконное приобретение и сбыт валютных ценностей); ст. 178 (сокрытие иностранной валюты); ст. 190 (занятие деятельностью без лицензии). Уголовный Кодекс Узбекистана за преступные деяния должностных лиц в сфере банковской деятельности предусматривает лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом от двадцати пяти до семидесяти пяти минимальных размеров заработной платы.

Таким образом, осуществив анализ отечественного и зарубежного опыта области регулирования уголовной ответственности за незаконную

банковскую деятельность в зарубежных странах, можно сделать вывод о целесообразности установления в уголовном законодательстве Российской Федерации следующих квалифицирующих признаков незаконной банковской деятельности:

– осуществление незаконной банковской деятельности группой лиц по предварительному сговору, поскольку степень общественной опасности в данном случае будет эквивалентна степени опасности деяний, совершаемых организованной группой;

– осуществление незаконной банковской деятельности с использованием своего служебного положения, поскольку такое преступление формирует в массовом сознании негативный образ государственных институтов, ответственных за осуществление контроля и надзора за банковской деятельностью и представляет собой повышенную общественную опасность [7].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ, 05.02.1996. № 6. Ст. 492.
3. Агентство правовой информации. Официальный сайт. URL : <http://stat.api-press.pf/stats/ug/t/14/s/17>
4. *Говенко Ю.А.* Уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность в зарубежном законодательстве / Ю.А. Говенко, Э.С. Таболова // Вестник ессентукского института управления, бизнеса и права. 2015. № 11. С. 34–39.
5. *Мильчехина Е.В.* Квалифицирующие признаки незаконной банковской деятельности: недостатки и способы совершенствования // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. С. 218–220.
6. *Мильчехина Е.В.* Уголовно-правовой и криминологический анализ незаконной банковской деятельности : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Мильчехина Елена Владимировна; Место защиты: Ур. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2010. 28 с.
7. *Мильчехина Е.В.* Незаконная банковская деятельность по уголовному законодательству стран СНГ // Бизнес в законе, 2010. С. 100–102.
8. *Саркисян А.Ж.* Незаконная банковская деятельность : уголовно-правовые аспекты : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. Ростов-н/Д., 2007. 25 с.

Literature:

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 06/13/1996 № 63-ФЗ (as amended on 08/02/2019) // Meeting of the legislation of the Russian Federation, 06/17/1996. № 25. Art. 2954.
2. The Federal Law «On Banks and Banking Activities» dated 02.12.1990 № 395-1 (as amended on 07.26.2019) // Collection of legislation of the Russian Federation, 05.02.1996. № 6. Art. 492.
3. Legal Information Agency. Official site. URL : <http://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17>
4. *Govenko Yu.A.* Criminal liability for illegal banking in foreign law / Yu.A. Govenko, E.S. Tabolova // Bulletin of the Essentuki Institute of Management, Business and Law. 2015. № 11. P. 34–39.
5. *Milchekhina E.V.* Qualifying signs of illegal banking: shortcomings and methods of improvement // Gaps in Russian law. Journal of Law. 2010. P. 218–220.
6. *Milchekhina E.V.* Criminal law and criminological analysis of illegal banking : abstract of the dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.08 / Milchekhina Elena Vladimirovna; Place of Defense: Lv. state legal Acad. Yekaterinburg, 2010. 28 p.
7. *Milchekhina E.V.* Illegal banking activities under the criminal law of the CIS countries // Business in Law, 2010. P. 100–102.
8. *Sargsyan A.Zh.* Illegal banking: criminal law aspects: abstract of the diss. ... candidate of legal sciences: 12.00.08 / Rost. legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Rostov-on/Don, 2007. 25 p.

Гурулева Эльвира Александровна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
Тюменский государственный университет
milena.555@mail.ru

Иванова Нелли Александровна

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
гражданского права,
Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина
milena.555@mail.ru

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ
И ВЗЫСКАНИЯ НЕУСТОЙКИ
КАК МЕРА ГРАЖДАНСКО-
ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

■ ■ ■

Аннотация. Актуальность темы обусловлена теми изменениями, которые претерпели нормы Гражданского кодекса РФ об ответственности, в связи с вступлением в законную силу Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Целью исследования является анализ возмещения убытков и взыскания неустойки как мер гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств в свете принятых в законодательстве изменений и выявление отдельных проблем, возникающих в современной правоприменительной практике в сфере гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, меры гражданско-правовой ответственности, убытки, реальный ущерб, упущенная выгода, неустойка, штраф, пеня.

■ ■ ■

Традиционно в российском гражданском законодательстве меры ответственности подразделяют на универсальные и специальные. Универсальной мерой гражданско-правовой ответственности является возмещение убытков. Не случайно, глава 25 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), посвящённая ответственности за нарушение обязательств, начинается статьей 393 «Обязанность должника возместить убытки». Закрепление в законодательстве института

Alvira A. Guruleva

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Civil Law and Process,
Tyumen State University
milena.555@mail.ru

Nelly A. Ivanova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of Department Civil Law,
Tambov State University
named after G.R. Derzhavin
milena.555@mail.ru

**PROBLEMS
OF DAMAGES AND RECOVERY
OF PENALTY FOR VIOLATION
OF OBLIGATIONS**

■ ■ ■

Annotation. The relevance of the topic is due to changes in the civil code of the Russian Federation. He entered into force of the Federal Law of March 8, 2015 № 42-ФЗ «On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation». The purpose of the study is the analysis of losses and recovery of forfeit. Losses and penalties – measures of civil liability for violation of contractual obligations.

Keywords: civil liability, civil liability measures, losses, real damage, lost profits, forfeit, fine, penalties.

■ ■ ■

возмещения убытков направлено на эффективную защиту имущественных интересов потерпевшего, восстановление нарушенного имущественного положения и наказание должника. Сами убытки рассматриваются в науке с двух позиций: во-первых, как денежное выражение ущерба, то есть убытки – «всякий имущественный вред в его денежном выражении» [1, с. 319]. С точки зрения другой позиции, убытки понимаются как «отрицательные последствия, которые

наступили в имущественной сфере потерпевшего» [2, с. 528]. Проанализировав ст. 15 ГК РФ, можно сделать вывод о том, что законодатель, формулируя данную статью, ограничился указанием на составляющие части убытков. В любом своем проявлении под убытками, на наш взгляд, следует понимать не денежное выражение ущерба, а сам ущерб, имущественные потери потерпевшего.

В зависимости от вида имущественных последствий убытки подразделяются на реальный ущерб и упущенную выгоду. Наибольшие споры, как в науке, так и в юридической практике вызывает проблема определения понятия «упущенная выгода». Как справедливо отмечает Е.А. Буланов, в судебной практике и разъяснениях высших судебных инстанций не существует единой позиции относительно содержания понятия упущенной выгоды, и предлагает понимать под упущенной выгодой «неполученные кредитором доходы в денежной форме, которые он получил бы при обычных условиях гражданского оборота, с учетом разумных расходов на их получение» [3, с. 425]. При этом автор уточняет, что под разумными расходами понимаются необходимые коммерческие и производственные затраты на производство товара, выполнение работ или оказание услуг, без учета расходов на налогообложение.

Возмещение убытков, в определённом смысле, является уникальной мерой гражданско-правовой ответственности, так как применяется эта мера, в силу указания закона, в любом случае нарушения права, влекущего возникновение имущественного ущерба, независимо от вида и характера нарушенного обязательства, за исключением случаев, установленных законом (например, в случае исключительной неустойки). Право на возмещение убытков может использоваться как самостоятельный способ защиты, так и наряду с другими способами защиты. Несмотря на универсальность этой меры ответственности, потерпевшие на практике, зачастую, прибегают не к взысканию убытков с контрагента, а к применению других мер ответственности, таких как взыскание неустойки, процентов за пользование чужими денежными средствами по той причине, что взыскание убытков является одной из самых сложных категорий судебных дел. Особенно проблематичным, как свидетельствует судебная практика, является взыскание с должника упущенной выгоды в виду отсутствия доказанной причинно-следственной связи между нарушением права и убытками, а также отсутствия возможности достоверно определить размер упущенной выгоды.

На практике до определенного момента для применения такой меры ответственности, как взыскание убытков, необходимо было установить следующие факты:

- наличие убытков и их размер;
- противоправность поведения, повлекшая причинение вреда;

– причинная связь между противоправностью поведения и наступившими убытками [4].

Отсутствие названных условий, а равно, их недоказанность, являлись основанием для отказа в удовлетворении исковых требований. Таким образом, на протяжении длительного времени сложилась довольно устойчивая судебная практика, предполагающая доказанность всех элементов состава убытков. В 2012 году положение дел стало меняться, в опубликованном 25 января 2012 году постановлении по делу № А56-44387/2006 Президиум ВАС РФ указал, что суд не может отказать в удовлетворении требований о взыскании убытков на основании того, что размер убытков не установлен.

С 1 июля 2015 года п.5 ст. 393 ГК РФ на нормативном уровне закрепил невозможность отказа в иске, если размер убытков не был установлен с разумной степенью достоверности. В марте 2016 года было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (Далее – Постановление № 7), в нем был сделан ряд разъяснений относительно правил, которые упростили порядок взыскания убытков. В пункте 3 названного Постановления разъяснено, что упомянутый в ст. 393 ГК РФ учет сделанных приготовлений не является обязательным условием для взыскания упущенной выгоды. В ряде случаев то, что кредитор реально мог извлечь доход, если бы не произошло нарушение его прав, настолько очевидно, что доказательства приготовлений к его получению не требуются. Верховным Судом РФ в пункте 5 Постановления № 7 закреплена важная правовая позиция в соответствии с которой, если возникновение доказанных истцом убытков в результате нарушения обязательства должником является обычным для оборота, типичным и вполне ожидаемым, то наличие причинной связи презюмируется, и бремя доказывания ее отсутствия переносится на должника.

Все вышеозначенные изменения в законодательстве и правоприменительной практике делают взыскание убытков все более распространенным явлением в деловом обороте, но, несмотря на это судебная практика по делам о взыскании убытков остается по-прежнему противоречивой.

Наряду с взысканием убытков, часто применяемой в гражданско-правовых отношениях мерой ответственности является взыскание неустойки. Широкое применение неустойки для обеспечения защиты прав кредитора в гражданском обороте обусловлено таким фактором, как отсутствие необходимости доказывать наличие причинных убытков, вызванных нарушением обязательства, достаточно представить доказательства самого факта нарушения условия обязательства. Анализ ст. 330 ГК РФ, в которой закреплено понятие неустойки, позволяет сделать вывод, что законодатель в зависимости от способа начисления неустойки предусмотрел два ее вида: штраф и пеню.

Институт неустойки урегулирован в различных главах ГК РФ, посвященных защите гражданских прав, обеспечению исполнения обязательств, ответственности за нарушение обязательств, что свидетельствует о сложной правовой природе неустойки. Неустойка, одновременно, является и способом обеспечения исполнения обязательства, и мерой гражданско-правовой ответственности. Особенность правовой природы неустойки обусловлена осуществляемыми ею функциями: неустойка выполняет обеспечительную функцию, побуждая должника надлежащим образом исполнить обязательство, компенсационную, возлагая на должника обязанность возместить потери кредитора, карательную, обязывая должника заплатить определенную денежную сумму даже в том случае, когда кредитор в результате нарушения обязательства должником не претерпел никаких убытков.

Правовая сущность неустойки по-разному проявляется в зависимости от стадии развития договорного правоотношения, в рамках каждой из которых осуществляются определенные функции неустойки [5, с. 292]. До момента нарушения обязательства неустойка, на наш взгляд, является способом обеспечения исполнения обязательства, побуждая должника к надлежащему исполнению, с момента нарушения обязательства неустойка в виде штрафа становится мерой гражданско-правовой ответственности, а неустойка в виде пени продолжает оставаться способом обеспечения и одновременно приобретает свойства меры ответственности.

В юридической литературе встречается «вывод о тройственной природе неустойки в рамках цели неустойки как правового института с позиции способа обеспечения обязательства, формы гражданско-правовой ответственности и способа защиты нарушенного права» [6, с. 7]. На наш взгляд, в подобных выводах допущено логическое нарушение, так как форму гражданско-правовой ответственности и способ защиты на-

рушенного права не следует рассматривать как разнопорядковые явления, они соотносятся между собой, как общее и частное: способы защиты включают в себя меры ответственности.

Неустойка может быть установлена как законом, так и договором. Размер договорной неустойки устанавливается по усмотрению сторон, но это не значит, что неустойка в случае нарушения обязательства может быть взыскана в любом размере, так как ст. 333 ГК РФ гласит: «Если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку». При этом условия договора, ограничивающие применение статьи 333 ГК РФ, считаются ничтожными.

С момента вступления в силу Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» стало действовать правило: уменьшение договорной неустойки, которая подлежит уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, возможно только в исключительных случаях при условии, что будет доказана возможность получения кредитором необоснованной выгоды в результате взыскания такой неустойки. Ныне действующая редакция ст. 333 ГК РФ, на наш взгляд, в большей мере отвечает принципу свободы договора и принципу справедливости.

Возмещение убытков и взыскание неустойки занимают особое место среди мер ответственности за нарушение договорных обязательств. Анализ современного отечественного законодательства об ответственности показывает, что оно постоянно совершенствуется, однако следует признать, что на сегодняшний день остаётся ряд важных проблем в правовом регулировании возмещения убытков и взыскания неустойки, которые должны разрешаться в нормотворческой практике и правоприменительной деятельности.

Литература:

1. *Агарков М.М.* Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. II. М., 2002. 428 с.
2. Гражданское право : учебник. Ч. 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1996. 776 с.
3. Договоры и обязательства: Сборник работ : в 2 т. / Сост. и отв. ред. А.В. Егоров и А.А. Новицкая. Т. 1. М. : РШЧП, 2018. 957 с.
4. Постановление ФАС Московского округа от 04.10.2012 по делу № А40-49046/11. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 11.08.2019).
5. *Сатина Э.А.* Взыскание неустойки как способ защиты гражданских прав / Э.А. Сатина, Н.А. Иванова // В сборнике: Тамбовские правовые чтения им. Ф.Н. Плевако. Материалы II Международной научной конференции. 2018. С. 291–294.
6. *Маликова Э.М.* Правовое регулирование неустойки на современном этапе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. 28 с.

Literature:

1. *Agarkov M.M.* Selected works on civil law : in 2 vol. M., 2002. Vol. 2. 428 p.
2. Civil law : textbook. Part 1 / Under the editorship of A.P. Sergeeva, Y.K. Tolstoy. M., 1996. 776 p.
3. Contracts and obligations: Collection of works : in 2 vol. / Editors A.V. Egorov and A. A. Novitskaya. Vol. 1. M., 2018. 957 p.
4. Resolution of the Federal Arbitrazh Court of Moscow district № А40-49046/11 Dated October 04, 2012. URL : <http://www.consultant.ru>.
5. *Satina E.A.* Penalty as a way to protect civil rights / E.A. Satina, N.A. Ivanova // In the collection: Tambov legal reading them. F.N. Plevako materials of the II International scientific conference. 2018. P. 291–294.
6. *Malikova E.M.* Legal regulation of the penalty at the present stage : abstract. dis ... Cand. of Law Sciences. Kazan, 2001. 28 p.

Дворжицкая Марина Андреевна
адъюнкт кафедры уголовного права,
Санкт-Петербургский
университет МВД России
dvorzhickaya91@mail.ru

Marina A. Dvorzhitskaya
Graduated in a Military Academy
of the Departments of Criminal Law,
St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
dvorzhickaya91@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF IMPLICATION TO A CRIME

Аннотация. В статье исследуются некоторые теоретические и практические вопросы прикосновенности к преступлению, предлагается ее авторское определение. Аргументируется, что она возможна не только к преступлению, но к общественно опасному деянию, совершенному лицом, не обладающим признаком субъекта преступления, например, в силу его неменяемости. Предлагается определение интеллектуального заранее не обещанного укрывательства преступления. Обосновывается введение нормы, предусматривающей ответственность за несообщение о преступлении, и включение ее в главу 24 УК РФ. Высказывается предложение о повышении возраста, с которого наступает ответственность за несообщение о преступлении.

Annotation. The article explores some theoretical and practical issues of implication, proposes its author's definition. It is argued that implication is possible not only to a crime, but to a socially dangerous act committed by a person who does not possess the sign of the subject of a crime, for example, because of his insanity. A definition of intellectual in advance not promised concealment of crime is proposed. The introduction of a norm providing for liability for failure to a crime and its inclusion in chapter 24 of the Criminal Code of the Russian Federation is justified. A suggestion is made to increase the age at which criminal liability arises for failure to failure to a crime.

Ключевые слова: прикосновенность к преступлению, укрывательство, несообщение, попустительство.

Keywords: implication to a crime, concealment, failure, acquiescence.

В настоящее время вопросы, касающиеся прикосновенности к преступлению, приобретают особую актуальность. Во многом это связано с расширением института прикосновенности к преступлению путем включения в УК РФ в 2016 году нормы, предусматривающей ответственность за несообщение о преступлении. Таким образом, на сегодняшний день он представлен нормами об укрывательстве преступления и несообщении о нем, о попустительстве как о самостоятельном составе в УК РФ не упоминается.

вещающегося, совершающегося или уже совершенного иным лицом общественно опасного деяния, которое возникает при условии наличия последнего, повышает вероятность его несвоевременного выявления, пресечения, раскрытия и выражаются в форме укрывательства преступления, несообщения о нем и попустительства преступлению. Отсюда следует, что прикосновенность к преступлению объединяет собой общественно-опасные деяния, которые в зависимости от форм, ее составляющих, могут выражаться в действии (укрывательство) или бездействии (несообщение и попустительство). Вместе с тем она возможна исключительно при наличии другого совершенного иным лицом преступления. Кроме этого, установлено, что при ней повышается вероятность несвоевременного выявления преступных деяний и изобличения лиц, их совершивших. Так, согласно изученным материалам уголовных дел, возбужденных по ст.ст. 2056 и 316 УК РФ в 39,5 % и 73,6 % случаев соответственно лицо, совершившее основное преступление, привлекалось к уголовной ответственности

Стоит отметить, что понятие прикосновенности к преступлению в УК РФ не раскрывается, разъяснения со стороны Пленума Верховного Суда РФ по данному поводу также отсутствуют. В результате этого, не наблюдается единообразного восприятия данного явления в доктрине уголовного права и на практике. Обобщение теоретических воззрений о прикосновенности к преступлению позволило сформулировать ее авторскую дефиницию и понимать под ней умышенное деяние лица, осведомленного о наличии другого гото-

спустя длительное время с момента его совершения им.

Особый интерес вызывает то, что проблема, касающаяся установления ответственности за прикосновенность к общественно-опасному деянию, совершенному лицом, не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности или невменяемым, решается неоднозначно в уголовно-правовой доктрине. Среди ученых доминирует мнение о том, что прикосновенность имеет место только по отношению к деянию, обладающему всеми признаками состава преступления [4, с. 95]. Однако представляется верным, что она применима также к общественно опасному деянию, совершенному лицом, не обладающим признаком субъекта преступления, например, в силу его невменяемости, поскольку это не снижает ее общественной опасности. Данная позиция подтверждается материалами 5,7 % изученных уголовных дел, возбужденных по ст. 316 УК РФ, в которых лицо привлекалось за прикосновенность к общественно опасному деянию, совершенному лицом, признанным невменяемым. Так, в качестве примера следует рассмотреть уголовное дело, возбужденное по ст. 316 УК РФ в отношении Б., который скрыл следы общественно опасного посягательства, подпадающего под признаки преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, совершенного лицом, признанным невменяемым [2].

Учитывая, что прикосновенность к преступлению это целое, объединяющее собой части (формы прикосновенности), можно утверждать, что они определяются посредством друг друга, при этом прикосновенность к преступлению познается через знание ее форм. Так, обращаясь к укрывательству преступления, нельзя не заметить, что в ст. 316 УК РФ отсутствует указание на то, с помощью физических или интеллектуальных действий оно может быть совершено. Среди юристов имеется мнение, что невозможно укрывать преступление и лицо, его совершившее, словами и жестами [5, с. 30]. Однако с данной позицией трудно согласиться, поскольку интеллектуальное заранее не обещанное укрывательство является не менее общественно опасным, чем физическое. При этом оно также препятствует нормальной деятельности органов, осуществляющих правосудие, по раскрытию преступлений и привлечению к уголовной ответственности лиц, их совершивших. Таким образом, укрывательство преступления может быть интеллектуальным, под которым следует понимать действие, направленное на сокрытие особо тяжкого преступления, выраженное в психическом воздействии на сознание лица, совершившего основное преступление или других лиц, путем дачи советов и указаний, разработки плана и предоставления информации. Данная позиция подтверждается следственно-судебной практикой. Так, В. признан виновным в совершении заранее не обещанного укрывательства преступления за оказание активной помощи в сокрытии следов убийства, а именно: в даче совета о его способе [3].

Обращаясь к форме прикосновенности несообщению о преступлении, следует отметить, что

введенная в УК РФ в 2016 году норма, предусматривающая ответственность за данную форму, вызвала среди юристов неоднозначную оценку. Представляется, что складывающаяся в стране обстановка, связанная с увеличением количества преступлений террористического характера, и необходимость защиты общества от указанных преступных посягательств послужили поводом к введению исследуемой нормы. Вместе с тем включение ст. 2056 УК РФ в главу 24 раздела IX УК РФ, на первый взгляд, свидетельствует о том, что видовым объектом несообщения о преступлении являются общественные отношения в сфере общественной безопасности, непосредственным – складывающиеся по поводу защищенности общества от террористических посягательств. Однако, как показал анализ диспозиции указанной нормы, преступления, несообщение о которых уголовно наказуемо, объединены различными видовыми объектами, поэтому общественная безопасность не признается объектом несообщения о преступлении. Отсутствуют основания полагать, что он совпадает с объектом основного посягательства, так, норма о несообщении появилась бы в трех различных главах УК РФ. Полагаем, следует согласиться с тем, что несообщение о преступлении, являясь формой прикосновенности к преступлению, посягает на общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления правосудия [1, с. 22]. При этом законодательную оценку несообщения о преступлении в главе 24 УК РФ следует расценивать как законодательный способ, упрощающий практическое применение нормы о несообщении о преступлении террористического характера.

Требуется уточнения то, что субъектом несообщения о преступлении является лицо, достигшее 14-летнего возраста. В этой связи полагаем, что ответственность за это деяние должна наступать с 16 лет, что устранило бы возникшие в УК РФ противоречия, в соответствии с которыми, ответственность за некоторые преступления, указанные в диспозиции ст. 2056 УК РФ, наступает с 16 лет, а за несообщение о них с 14 лет, а также за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений, которое, по сравнению с несообщением, обладает повышенной степенью общественной опасности, ответственность наступает с 16 лет. Наша точка зрения подтверждается мнением специалистов, которые на вопрос о том, с какого возраста должна наступать уголовная ответственность за несообщение о преступлении, «с 16 лет» ответило 35,6 % респондентов; «с 14» – 25,1 %; «с того возраста, за которое она наступает за основное преступление» – 21,9 %; «с 18» – 17,4 %. С учетом вышеизложенного предлагается рассмотреть вопрос о повышении возраста привлечения к уголовной ответственности за несообщение о преступлении по 16 лет.

Таким образом, исследование некоторых теоретических и практических аспектов прикосновенности к преступлению, в частности, отдельных ее форм позволяет установить отсутствие единообразного понимания данного уголовно-правового явления и необходимости его дальнейшего научного осмысления.

Литература:

1. *Москалев Г.Л.* Проблемы уголовно-правовой регламентации несообщения о преступлении (ст. 2056 УК РФ) // Академический юридический журнал. 2017. № 2.(69). С. 21–29.
2. Приговор по делу № 1-144/2015 // Архив Увельского районного суда Челябинской области.
3. Приговор по делу № 2–25/2017 // Архив Приморского краевого суда.
4. *Сережкина К.Н.* Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Самара, 2009. 221 с.
5. *Трифонов В.Г.* Укрывательство преступлений. Проблемы отграничения от смежных деяний и соучастия в преступлении в виде пособничества // Научный портал МВД. 2016. № 4(36). С. 30–38.

Literature:

1. *Moskalev G.L.* Problems of criminal law regulation of non-reporting of a crime (Article 2056 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Academic Law Journal. 2017. № 3(69). P. 21–29.
2. The verdict in the case № 2-25/2017 // Archive of the Primorsky regional court.
3. The verdict in case № 1-144/2015 // Archive of the Uvelsky district court of the Chelyabinsk region.
4. *Serezhkina K.N.* The implication of a crime in the criminal law of Russia: optimization of norms and practices of their application: dis. Cand. legal Sciences: 12.00.08. Samara, 2009. 221 p.
5. *Trifonov V.G.* Concealment of Crimes. Problems of delimitation from related acts and complicity in a crime in the form of aiding // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs. 2016. № 4(36). P. 30–38.

Жога Елена Юрьевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
boss.andrei888@mail.ru

Васенин Андрей Юрьевич
доцент кафедры специальных дисциплин,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
boss.andrei888@mail.ru

Тхаровская Ольга Юрьевна
старший преподаватель
кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
boss.andrei888@mail.ru

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФСБ РОССИИ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Аннотация. В статье анализируется правовое регулирование деятельности Федеральной службы безопасности России как основного государственного органа, осуществляющего борьбу с терроризмом, из числа наделенных специальными полномочиями. Авторами выделяется правовое закрепление осуществления функций по противодействию терроризму. Особое внимание уделено порядку применения огнестрельного оружия при осуществлении органами безопасности оперативно-боевых и иных мероприятий по борьбе с терроризмом.

Ключевые слова: терроризм, борьба, ФСБ России, законодательство, деятельность, правовое регулирование.

О значении и продуктивности борьбы правоохранительных органов с терроризмом можно судить по открытым данным: если в 2012 году предотвращено 92 преступления террористической направленности, пресечена деятельность ряда одиозных бандглаварей, причастных к организации террористических акций, то за 2015 год спецслужбами нашей страны удалось предотвратить около 30 терактов [7]. Эти данные свидетельствуют о закреплении тенденции снижения количества совершаемых преступлений

Elena Yu. Zhoga
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
of Public Affairs and Civil Law,
Novorossiyskiy branch
Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation
boss.andrei888@mail.ru

Andrew Yu. Vasenin
Associate Professor of Special Disciplines,
Novorossiyskiy branch
Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation
boss.andrei888@mail.ru

Olga Yu. Tharovskaya
Senior lecturer
Departments of State and Civil Law,
Novorossiyskiy branch
Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation
boss.andrei888@mail.ru

ON THE LEGAL REGULATION OF THE FSB OF RUSSIA IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM

Annotation. The article analyzes the legal regulation of the activities of the Federal Security Service of Russia as the main state body engaged in the fight against terrorism, from among those endowed with special powers. The authors highlight the legal consolidation of the implementation of the counter-terrorism functions. Particular attention is paid to the order of the use of firearms in the implementation by the security authorities of operational-combat and other measures to combat terrorism.

Keywords: terrorism, fight, FSB of Russia, legislation, activity, legal regulation.

террористической направленности на территории РФ, что подтверждает эффективность реализации государством антитеррористической функции. Примером успешного сотрудничества правоохранительных органов в исследуемой сфере выступают проведенные мероприятия на территории московского региона 19 октября 2015 г., где ФСБ России совместно с МВД России пресекли противоправную деятельность «организованной, глубоко законспирированной структуры международной террористической организации «Пар-

тия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами») [7], в соответствии с законодательством Российской Федерации, решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года данная организация признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Из значительного числа правоохранительных органов [2] особый интерес представляют те, деятельность которых направлена на обеспечение безопасности личности, в том числе от террористических угроз.

Проведя анализ законодательства, регламентирующего деятельность государственных органов по противодействию терроризму, можно утвердительно говорить, что оно зиждется на принципах противодействия терроризму, среди которых можно выделить: обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина; законность; приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности; неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности; системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму; соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности и другие [12].

Особый интерес представляет правовое регулирование деятельности Федеральной службы безопасности России как основного государственного органа, осуществляющего борьбу с терроризмом и координирующего деятельность других государственных органов в данном направлении, из числа наделенных специальными полномочиями, о деятельности которых можно судить по приводимым открытым статистическим данным. Так, за 2014 год ими было предотвращено 59 преступлений террористического характера, включая 8 готовившихся терактов. Благодаря проводимой профилактической работе, удалось склонить 30 человек, ранее участвующих в бандподполье, отказаться от террористической деятельности. На Северном Кавказе было нейтрализовано «233 бандита, в том числе 38 главарей» в результате проведенных 74 контртеррористических операций и более 16 тысяч оперативно-боевых мероприятий, при этом, задержано 637 членов бандподполья и их пособников, изъято 272 самодельных взрывных устройства из незаконного оборота, большое количество огнестрельного оружия и других средств поражения. К уголовной ответственности привлечено 219 лиц, включая совершивших террористические акты в г. Волгограде [8].

Антитеррористическая деятельность ФСБ России осуществляется на национальном (внутригосударственном) уровне в рамках общегосударственной системы противодействия терроризму в целях обеспечения национальной безопасности и международном уровне, осуществляемая на договорной и организационно-правовой основах при реализации программ международного

сотрудничества, направленного на противодействие международному терроризму. ФСБ России осуществляет международное сотрудничество по противодействию терроризму на основании положений Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений, распоряжений Правительства Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, выполнении международных договоров Российской Федерации, ведомственных и межведомственных нормативных правовых актов по вопросам, относящимся к ведению ФСБ Российской Федерации в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации; Концепцией внешней политики Российской Федерации [3].

В качестве правовой основы деятельности ФСБ России выступают федеральный закон «О Федеральной службе безопасности в Российской Федерации» [6], «Положение о Федеральной службе безопасности Российской Федерации» [10]. Согласно обозначенным актам, Федеральная служба безопасности Российской Федерации – орган исполнительной власти, подчиняющийся непосредственно Президенту России, представляющий собой единую централизованную систему, возглавляемую Директором ФСБ России. Указом Президента Российской Федерации определено, что директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации по должности является председателем Национального антитеррористического комитета. Сотрудниками ФСБ России также возглавляются антитеррористические комитеты, создаваемые на уровне субъектов Российской Федерации. Обеспечение безопасности на муниципальном уровне осуществляют городские и районные подразделения территориальных органов безопасности [9], входящие в состав антитеррористических комиссий на муниципальном уровне.

В целях обеспечения возложенных задач на ФСБ России (ст.8 Положения [10]), в контексте исследуемого вопроса выделим правовое закрепление осуществления им таких функций, как:

– участие в разработке и реализации государственных программ (п. 2 ст. 9);

– выработка предложений по предупреждению и нейтрализации угроз безопасности России на основе прогнозирования политической, социально-экономической и криминогенной обстановке в стране (п. 3 ст. 9);

– организация деятельности по борьбе с терроризмом, определение порядка осуществления органами безопасности оперативно-боевых и иных мероприятий по борьбе с терроризмом (п. 4.1 ст. 9);

– организация оперативно-разыскной деятельности в пределах своей компетенции по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений (п. 5 ст. 9, подследственность ряда деяний террористического характера отнесена к ведению ФСБ РФ ст. 151 УК РФ);

– участие в обобщении практики применения федерального законодательства в области обеспечения безопасности России, борьбы с террористической деятельностью и преступностью (п. 37 ст. 9);

– направление официальных представителей, советников и специалистов в иностранные государства и организации для повышения эффективности борьбы с терроризмом (п. 40 ст. 9);

– обеспечение деятельности Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба, организация обеспечения деятельности оперативных штабов в субъектах Российской Федерации (п. 45.1 ст. 1), а также осуществление иных функций, предусмотренных статьёй 9 обозначенного Положения. Большая часть этих функций осуществляется Департаментом по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Так, например, Указом Президента РФ «О мерах по

борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» [4] для улучшения координации и повышения оперативности действий сил и средств, задействованных в проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона России, руководство Региональным оперативным штабом возложено на руководителя Департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации закреплены полномочия начальника соответствующего подразделения органа федеральной службы безопасности, дислоцированного на конкретной территории, по реализации первоочередных мер по пресечению террористического акта на территории муниципальных образований [5]. Взаимодействие ФСБ РФ с другими правоохранительными органами обеспечивается принятием межведомственных нормативных актов [11].

Литература:

1. Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 11.08.2003 г. № 960. Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru

2. *Гуценко К.Ф.* Правоохранительные органы: учебник. М. : КНОРУС, 2014. С. 23–31.

3. Концепция внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 30 ноября 2016 года № 640. Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru

4. О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации: указ Президента РФ от 22.01.2001 № 61. Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru

5. О мерах по противодействию терроризму: указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116. Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru

6. О Федеральной службе безопасности: федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ. Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru

7. Официальный сайт Федеральной службы безопасности Российской Федерации. URL : <http://www.fsb.ru/>

8. Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. URL : <http://www.fedsfm.ru/>

9. *Патрушев Н.* Криминальные элементы активно пытаются проникнуть во властные структуры // Известия. 2006. 15 дек.

Literature:

1. Issues of the Federal security service of the Russian Federation: presidential decree № 960 of 11.08.2003. Official Internet portal of legal information. URL : www.pravo.gov.ru

2. *Gutsenko K.F.* law Enforcement agencies: textbook. M. : KNORUS, 2014. P. 23–31.

3. Foreign policy concept of the Russian Federation: presidential decree № 640 of 30 November 2016. Official Internet portal of legal information. URL : www.pravo.gov.ru

4. On measures to combat terrorism in the North Caucasus region of the Russian Federation: presidential decree № 61 of 22.01.2001. Official Internet portal of legal information. URL : www.pravo.gov.ru

5. On measures to counter terrorism: presidential decree № 116 of February 15, 2006. Official Internet portal of legal information. URL : www.pravo.gov.ru

6. On the Federal security service: Federal law № 40-FZ of 03.04.1995. Official Internet portal of legal information. URL : www.pravo.gov.ru

7. Official website of the Federal security service of the Russian Federation. URL : <http://www.fsb.ru/>

8. Official website of the Federal service for financial monitoring. URL : <http://www.fedsfm.ru/>

9. *Patrushev N.* Criminal elements actively try to get into power structures // Izvestia. 2006. 15 Dec.

10. Положение о Федеральной службе безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 11.08.2003 № 960. Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru

11. См., например: Об утверждении Инструкции о порядке предоставления органами федеральной службы безопасности, органами внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службой исполнения наказаний информации о преступлениях террористической направленности и результатах борьбы с терроризмом в аппарат Национального антитеррористического комитета: приказ ФСБ РФ, МВД РФ и Минюста РФ от 30.09.2010 № 465/699/240. Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru.

12. Ст. 2 О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ. Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru

10. Regulations on the Federal security service of the Russian Federation: presidential decree № 960 of 11.08.2003. Official Internet portal of legal information. URL : www.pravo.gov.ru

11. See, for example: On approval of the Instruction about the procedure for provision by organs of the Federal security service, bodies of internal Affairs of the Russian Federation and the Federal service of execution of punishments of the information about terrorist crimes and the results of the fight against terrorism in the office of the National anti-terrorism Committee: the order of the FSB, interior Ministry and the Ministry of justice of the Russian Federation of 30.09.2010 № 465/699/240. Official Internet portal of legal information. URL : www.pravo.gov.ru

12. Article 2 on combating terrorism: Federal law № 35-FZ of 06.03.2006. Official Internet portal of legal information. URL : www.pravo.gov.ru

Здунова Диана Ильдаровна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Казанский филиал
Российской Академии Правосудия
artemey78@yandex.ru

ФОРМА ГОСУДАРСТВА: ПРИЧИНЫ МНОГООБРАЗИЯ ФОРМ

Аннотация. Данная статья дополняет и раскрывает содержание факторов, влияющих на становление формы государства. Чаще всего, говоря о форме государства, правоведы упоминают сочетание трех элементов: форма правления, форма государственного устройства, политический (государственный) режим. При этом трудно оценить, что именно повлияло на становление в определенном государстве именно сложившегося баланса указанной триады. В данной статье мы приводим шесть факторов, которые, на наш взгляд, отвечают на вопрос, по какой причине в государстве формируется его определенная форма? Представленные в статье шесть факторов приводят примеры, что стало решающим вкладом в сформированную форму государства.

Ключевые слова: форма государства, факторы влияния, форма правления, форма государственного устройства, политический режим, способ организации государственной власти, причины многообразия форм государства.

Занимаясь проблематикой теории государства и права, мы часто сталкиваемся с вопросом о сущности и структуре формы государства.

Н.И. Матузов писал, что «существенные черты той или иной формы государства нельзя понять и объяснить, отвлекаясь от характера тех производственных отношений, которые сложились на данной ступени... развития» [2]. Ряд ученых-теоретиков утверждают, что «форма государства – это категория, определяющая способ организации и осуществления государственной власти; показывающая особенности внутренней организации государства, порядок образования и структуру органов власти, специфику их территориальной обособленности, характер взаимоотношений друг с другом и населением, а также те методы, которые используются для осуществления организующей и управленческой деятельности» [3]. Чаще всего, можно встретить формулировку, что форма государства является собой совокупность трех аспектов – это форма правления, форма государственного устройства

Diana I. Zdunova
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of Theory
and the history of the State and the Law,
Kazan branch
of the Russian Academy of Justice
artemey78@yandex.ru

STATE FORM: REASON FOR THE DIVERSITY OF FORMS

Annotation. This article supplements and reveals the factors affecting the formation of the state form. Most often, when speaking about the form of the state, jurists mention a combination of three elements: a form of government, a form of government, and a political (state) regime. At the same time, it is difficult to assess what exactly influenced the formation in a particular state of the prevailing balance of this triad. In this article, we present six factors that, in our opinion, answer the question, for what reason its specific form is formed in the state. The six factors presented in the article give examples, which became a decisive contribution to the formed form of the state.

Keywords: state form, factors of influence, form of government, form of government, political regime, method of organizing state power, reasons for the diversity of state forms.

и политический режим. Да, безусловно, данная триада неоспорима, другой вопрос: мало кто описывает факторы влияния на форму государства и причины многообразия данных форм. А ведь при этом следует помнить, что проблема формы государства имеет не столько теоретическое, сколько иное, более важное значение – практически-политическое. От того, насколько организованная государственная власть и как успешно она реализуется, зависят эффективность государственного руководства, устойчивость государственных институтов, авторитет и стабильность правительства, политическая жизнь в обществе и действенность управления страной [3]. При этом важно упомянуть также, что и М.Н. Марченко задавал вопросы, «какие, например, функции выполняет право в жизни общества и какова его реальная роль по отношению к государству? Меняются ли они применительно к разным формам государства и права или же остаются неизменными? Безусловно, меняются и весьма существенно вместе с изменением общества и государства» [1] Именно по-

этому вопрос формы государства стоит остро и имеет заметный политический аспект.

Если категория «сущность государства» отвечает нам на вопрос, в чем заключается закономерное и основополагающее в государстве?, то рассматриваемая нами категория «форма государства» ставит вопросы о том, как и каким образом правит в обществе (аспект формы правления)?, как устроены и взаимодействуют государственно-властные структуры (аспект государственного устройства)?, каким образом объединено население на данной территории (аспект государственного устройства)?, с помощью каких методов реализуется политическая власть (аспект политический режим)?

Исходя из того, что форма государства – это строение государства и способ организации государственной власти, проявляющейся в системе государственных органов и отношений, складывающихся между ними и обществом, следует четко понимать, что существует и ряд определенных факторов, влияющих на формирование формы государства.

Ряд ученых перечисляют в своих трудах такие влияющие факторы, как социально-экономические, природные условия, религиозные особенности и культурный уровень развития общества. Итого, всего четыре основополагающих фактора, что, несомненно, недостаточно для раскрытия их влияния на форму государства. Как писал В.В. Оксамытный, «время вносит свои коррективы в, казалось бы, непререкаемые суждения и в «самые окончательные выводы» [4]. В данной статье мы предложим всего шесть факторов влияния, то есть, дополним имеющийся список. Данными факторами мы подчеркиваем, что причины многообразия форм государства различны.

Первое, что следует подчеркнуть – это тип государства. К примеру, такая форма правления, как монархия больше присуща феодальному государству, а республика – буржуазному.

Вторым фактором является, на наш взгляд, соотношение классовых или социальных сил. Поясним подробнее, что имеется в виду: преобладание демократических сил ведет к установлению республики и демократических режимов. И

Литература:

1. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. Ч. 1. Теория государства : учебник / Под ред. М.Н. Марченко. М. : Издательство «Зерцало-М», 2011. 516 с.
2. *Матузов Н.И.* Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. Юрист, 2004
3. *Наумов С.Ю.* Общая теория государства и права : учебник / С.Ю. Наумов, А.С. Мордовец, Т.В. Касаев. Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018 392 с.
4. *Оксамытный В.В.* Общая теория государства и права. «ЮНИТИ-ДАНА», 2012.

наоборот – победа антидемократических сил, также их можно назвать реакционными силами, ведет к установлению военно-диктаторских, авторитарных либо тоталитарных режимов. Примером может служить такой исторический факт, как победа на референдуме демократических сил после Второй мировой войны в Италии привела к ликвидации в этой стране монархического строя, и, соответственно, к построению республики и демократического режима.

Третьим фактором будут являться конкретно-исторические условия, а именно, речь идет о поражениях в военных действиях. Примером тому будет являться поражение Японии во Второй мировой войне и, как следствие, оккупация ее войсками США. Это привело к тому, что под давлением американских войск установилась ограниченная монархия и вместе с ней либерально- демократический режим.

Четвертым фактором мы считаем национальный состав страны: для федеративного устройства, чаще всего, характерен многонациональный состав, для унитарного государства – мононациональный.

Пятым фактором влияния на форму государства являются традиции, уважаемые в конкретном государстве. Классический пример тому – это Англия с ее традиционно ограниченной монархией; Япония, чья монархическая династия насчитывает более чем тысячелетнюю историю.

И заключительным, шестым фактором является идеологический фактор. Он влияет непосредственно на форму правления. Исламская идеология предусматривает такую форму правления, которая подразумевает, что светская и религиозная власть совмещены в одном лидере государства. К примеру, в Иране высшим должностным лицом является аятолла, который имеет равный политический вес, наряду с парламентом и президентом.

Таким образом, мы видим, насколько многообразны причины влияния различных факторов на форму государства, как одной из важнейших содержательных характеристик теории государства и права.

Literature:

1. *Marchenko M.N.* Theory of Government and Rights. Part 1. State Theory : textbook / Ed. M.N. Marchenko. M. : Publishing house «Mirror-M», 2011. 516 p.
2. *Matuzov N.I.* Theory of State and Law / N.I. Matuzov, A.V. Malko. Lawyer, 2004
3. *Naumov S.Yu.* The general theory of state and law : textbook / S.Yu. Naumov, A.S. Mordovets, T.V. Kasaev. Saratov : Saratov Socio-Economic Institute (branch) REU named after G.V. Plekhanova, 2018 392 p.
4. *Oxamytny V.V.* General theory of state and law. «UNITY-DANA», 2012.

Кислицын Николай Александрович
преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
danser21@yandex.ru

Паранин Виталий Александрович
старший преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
velikiy11@mail.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ НА ТРАНСПОРТЕ

■ ■ ■
Аннотация. В статье рассмотрены основные вопросы и направления осуществления противоборства террористической деятельности на объектах транспорта. Дана классификация видов террористических атак на объектах транспорта с приведением реальных фактов. Определена концепция транспортной безопасности РФ, а так же меры по недопущению совершения террористических актов на объектах транспорта.

Ключевые слова: вербовка, терроризм, террористические организации, мусульмане, ИГИЛ, ислам, склонение, религия, социальные сети.

■ ■ ■
Основное и самое важное место в системе конституционных прав человека и гражданина Российской Федерации справедливо занимает право на жизнь, которое закреплено в 20 статье Конституции Российской Федерации. При этом статистика свидетельствует о том, что количество жертв по причине совершения террористических актов достаточно велико.

Верховный суд Российской Федерации признал террористическими организациями более семнадцати организаций, среди которых: «Исламское государство», «Аль-Каида», «Джебхат-ан-Нусра» и др. Данные организации причастны к терактам, совершенным в автобусе в Волгограде, в аэропорту Домодедово, в московском метро, на железнодорожном вокзале в Волгограде, в крушении пассажирского лайнера с русскими туристами над Синаем и других. Такой вид тер-

Nikolay A. Kislitsyn
Lecturer of the Department
of Special Disciplines,
Novorossiysk branch
of the Krasnodar University of the Ministry
of internal Affairs of Russia
danser21@yandex.ru

Vitaly A. Parakhin
Senior lecturer of the Department
of Special Disciplines,
Novorossiysk branch
of Krasnodar University of the Ministry
of internal Affairs of Russia
velikiy11@mail.ru

LEGAL ASPECTS OF COUNTERACTION AND SUPPRESSION OF TERRORIST ACTS ON TRANSPORT

■ ■ ■
Annotation. The article deals with the main issues and directions of counter-terrorist activities at transport facilities. The classification of types of terrorist attacks on objects of transport with real facts is given. The concept of transport security of the Russian Federation, as well as measures to prevent the Commission of terrorist acts on transport facilities.

Keywords: recruitment, terrorism, terrorist organizations, muslims, ISIS, Islam, persuasion, religion, social networks.

■ ■ ■
роризма, как терроризм на транспорте, по сути, – один из наиболее опасных его видов. Если проанализировать данные уголовных дел и статистики, то можно увидеть, что практически до 70 % террористических актов были совершены с использованием транспорта, через транспорт или с его помощью. Так, например, 8 января 2017 г. в Иерусалиме в толпу людей, среди которых были, в основном, военнослужащие, въехал грузовик. В результате погибли 4 человека, еще 15 человек получили ранения, за рулем находился житель Восточного Иерусалима, который был застрелен. Израильская полиция квалифицировала произошедшее как теракт. Другой печально известный пример терроризма с использованием грузового автомобиля. В ночь на 15 июля 2016 г. грузовик въехал в толпу на набережной в Ницце, погибли более 80 человек. Это происходило во время празднования Дня

взятия Бастилии. По данным очевидцев, грузовик специально ехал зигзагами, чтобы травмировать как можно больше людей. Он проехал по набережной около двух километров.

Безопасность на транспорте – одна из важных составляющих интересов национальной безопасности страны, именно в силу этого ей сегодня уделяется особое внимание. Понятие «транспортная безопасность» дано в статье 1 Федерального закона РФ от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», где под транспортной безопасностью в РФ понимается «состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства». Концепция транспортной безопасности РФ включает в себя:

– определение и учет национальных интересов в транспортной сфере;

– установление факторов, которые создают угрозу национальным интересам;

– установление системы противодействия угрозам и вышеназванным факторам в этой сфере;

– описание комплекса мер, которые способны качественно повысить уровень транспортной безопасности, а также приведение его в соответствие с мировыми стандартами.

Если говорить о классификации видов терроризма на транспорте, в основу которого положены типы транспортных средств, то можно выделить следующие его виды:

– терроризм в городском общественном транспорте (метро, автобус и другие виды общественного транспорта);

– воздушный терроризм;

– терроризм на объектах водного (морского и речного) транспорта; — терроризм на железнодорожном транспорте;

– автомобильный терроризм;

– терроризм трубопроводного транспорта.

Приведем также и различные уровни борьбы с терроризмом на транспорте: международный, региональный, национальный, личный и общественный. Заметим, что каждый из названных видов терроризма характеризуется своими особыми криминалистическими свойствами, выраженными и специфике оставляемых на месте происшествия следов. Нам представляется, что с учетом последних событий в нынешних условиях есть необходимость в принятии новой стратегии по борьбе с терроризмом, которая будет разработана с учетом специфики различных типов. В Федеральном законе от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» четко обозначены основы для безопасного, четкого и устойчивого функционирования транспортного комплекса. Там же предусмотрены и меры защиты государства в сфере транспортного комплекса от актов незаконного вмешательства. Полагаем, что их

четкое соблюдение позволит также предупредить и действия террористического характера. Причем обеспечение безопасности указанных объектов возложено непосредственно на собственников и пользователей. К числу таких мер можно отнести следующие:

1. Необходимо систематическое проведение оценки транспортных средств и транспортных комплексов на предмет их уязвимости. А к сведениям о результатах такой проверки должен быть ограниченный доступ.

2. Объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства должны быть поделены на соответствующие категории в зависимости от степени угрозы совершения акта незаконного вмешательства и его последствий.

3. На сегодняшний день имеются определенные ограничения при приеме на работу лиц, которые непосредственно связаны с обеспечением транспортной безопасности.

С учетом того, что борьба с терроризмом предполагает конкретную деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению, минимизации последствий террористической деятельности, профилактическая работа должна быть направлена на устранение условий, способствующих совершению терроризма на транспорте. Если проанализируем практику, то на сегодняшний день, по нашему мнению, актуальными проблемами все еще остаются следующие. Необходимо совершенствование методов и особенностей работы служб безопасности на транспорте. В частности, требуется модернизация инженерно-технических средств защиты, поскольку многие из них морально и физически устарели. Более того, большинство транспортных объектов вовсе не обеспечены средствами оптико-электронного наблюдения за охраняемой территорией, а также техническими средствами обнаружения ядерных материалов и взрывчатых веществ. Названные факторы значительно снижают эффективность принимаемых мер, и поэтому угрозы совершения в отношении них террористических актов имеются. Большая часть профилактических мероприятий по предупреждению терроризма возложены, как на органы внутренних дел на транспорте, так и на сами транспортные организации.

В этом ключе необходимо проведение следующих мероприятий:

– создание перечня особо важных транспортных объектов, подлежащих охране, и закрепление за ними ответственных сотрудников органов внутренних дел на транспорте;

– собственники должны организовать постоянное обследование основных объектов транспортного комплекса;

– должны систематически проводиться режимные мероприятия, направленные на ограничение въезда автотранспорта на территории вокзалов, аэропортов;

– необходимо ограждать подъездные пути массового скопления граждан специальными грузовыми автомобилями, которые помешают вероятным террористам проехать на грузовике и нанести непоправимый урон гражданам на мероприятиях;

– необходим систематический инструктаж сотрудниками органов внутренних дел на транспорте всех работников транспортных компаний. России также следует учитывать и использовать положительный международный опыт борьбы с терроризмом.

Например, в Израиле сформирована единая база данных о членах и лидерах террористических организаций, а также об их связях. Там имеется эшелонированная система контроля важных транспортных объектов (подозритель-

ные машины из общего потока выводятся на специальные парковки, специальные психолого-полицейские задают соответствующие вопросы при проверке документов). Подробно опрашиваются пассажиры, которые собираются лететь на израильских авиалиниях: уточняется, в какой гостинице он жил, что покупал, если у него чеки? Довольно активно проводится в Израиле и агентурная работа, в частности мотивирование граждан на оказание помощи госорганам в борьбе с терроризмом является составной частью контртеррористической стратегии Израиля. И наконец, в этой стране на автобусных станциях есть приборы для определения наличия взрывчатки в багаже или на человеке-смертнике. Для эффективной борьбы с терроризмом необходимо объединить усилия всего международного сообщества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 года.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2013) "Об оперативно-розыскной деятельности".
3. Федеральный закон РФ от 07.02.2011г. № 3-ФЗ «О полиции».
4. Федеральный закон «О транспортной безопасности» от 09.02.2007 № 16-ФЗ.
5. *Дикаев С.У.* Террор, терроризм и преступления террористического характера. 2006.
6. *Емельянов В.П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование «Издательство Юридический центр». 2002.
7. *Чурков Б.Г.* Мотивационные и идейные основания современного терроризма. // В сб.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 4. Терроризм. С. 49.
8. *Попов Е.Ф.* Статья: Криминалистические особенности террористических преступлений, совершенных на транспорте, и меры по их предотвращению.

Literature:

1. Constitution of the Russian Federation 12 December 1993.
2. Federal law of 12.08.1995 № 144-FZ (edition of 28.12.2013) «About operatively-search activity».
3. Federal law of the Russian Federation of 07.02.2011 № 3-FZ «on police».
4. Federal law «on transport security» of 09.02.2007 № 16-FZ.
5. Terror, terrorism and crimes of a terrorist nature. 2006.
6. *Emelyanov V.P.* Terrorism and crimes with signs of terrorizing the criminal investigation, «The Publishing Law cente». 2002.
7. *Churkov B.G.* Motivational and ideological foundations of modern terrorism // In sat.: Social conflicts: expertise, forecasting, resolution technology. Vol. 4. Terrorism. P. 49.
8. *Popov E.F.* Article: Criminalistic features of the terrorist crimes committed on transport, and measures for their prevention.

Козлова Мария Вячеславовна
соискатель,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
Mano173317@yandex.ru

Mariia V. Kozlova
Applicant,
Russian State Academy
of Intellectual Property
Mano173317@yandex.ru

АВТОРЫ И ИХ НАСЛЕДНИКИ КАК УЧАСТНИКИ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

AUTHORS AND THEIR HEIRS AS PARTICIPANTS OF LEGAL RELATIONS IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с участием авторов и их наследников в правоотношениях, возникающих при несостоятельности (банкротстве). Отмечается, что в таких правоотношениях автор может выступать в роли должника, кредитора или иного заинтересованного лица, при этом существует значительное разнообразие ситуаций, в которых правовые последствия участия автора или его наследника также должны быть различными.

Автор предлагает меры, которые позволят обеспечить формирование сбалансированного подхода к решению вопросов, связанных с удовлетворением интересов авторов и их наследников при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан.

Ключевые слова: автор, авторское право, произведение, исключительное право, банкротство, лицензионный договор, переход исключительного права.

Annotation. The article considers the problems associated with the participation of authors and their heirs in legal relations arising in insolvency (bankruptcy). It is noted that in such legal relations the author may act as a debtor, creditor or other interested person, and there is a significant variety of situations in which the legal consequences of the participation of the author or his heir should also be different.

The author proposes measures that will ensure the formation of a balanced approach to addressing issues related to the satisfaction of the interests of authors and their heirs in insolvency (bankruptcy) of legal entities, individual entrepreneurs and citizens.

Keywords: author, copyright, work, exclusive right, bankruptcy, license agreement, transfer of exclusive right.

В условиях современной рыночной экономики, основанной на сложном взаимодействии значительного числа субъектов имущественного оборота, институт несостоятельности банкротства играет важнейшую роль в оздоровлении экономики и поддержании конкурентоспособности, обеспечивая реализацию предупредительных, восстановительных и, при необходимости, ликвидационных процессов [1, с. IV].

Само по себе такое явление, как несостоятельность (банкротство) является важным элементом рыночной экономической модели, объективно обусловленным результатом ее функционирования, обеспечивающим ее постоянное оздоровление за счет ликвидации неконкурентоспособных предприятий или реорганизации их деятельности [2, с. 3], что позволяет ограничить их негативное влияние на других хозяйствующих субъектов и состояние экономической системы, в целом.

Развитие института несостоятельности, первоначально призванного гарантировать прежде всего интересы кредиторов, привело к постепенному признанию необходимости учета интересов должников и иных категорий лиц, в частности, авторов и иных правообладателей, интересы которых могут существенным образом отличаться от характерных для других участников конкурсного процесса.

В правоотношениях, возникающих при несостоятельности (банкротстве), автор может выступать в роли должника, кредитора или иного заинтересованного лица, при этом существует значительное разнообразие ситуаций, в которых правовые последствия участия автора или его наследника также должны быть различными.

В соответствии с абзацем третьим статьи 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» должник определяется как «гражда-

нин, в том числе индивидуальный предприниматель, или юридическое лицо, оказавшиеся неспособными удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение срока, установленного настоящим Федеральным законом». Таким образом, одним термином оказались охвачены совершенно разные категории субъектов, не способных выполнять свои обязательства: физические лица, индивидуальные предприниматели и юридические лица.

Автор или его наследник может сам оказаться неплатежеспособным должником в качестве физического лица или индивидуального предпринимателя, а также быть участником юридического лица, в отношении которого начало дело о несостоятельности. При этом автор мог внести исключительные права на свои произведения или права их использования на условиях исключительной или неисключительной лицензии в уставный капитал такого юридического лица либо предоставить их для использования на основании договора.

Во всех указанных случаях, как представляется, наиболее важной задачей является соблюдение намерений и воли автора и тех разумных ограничений, которые следуют из положений действующего законодательства и заключенного автором договора. Так, например, если права на использование произведения предоставлены автором по договору, то при отсутствии в таком договоре условия о возможности дальнейшей передачи полученных прав такие права в случае банкротства юридического лица должны быть возвращены автору.

Права на произведения в большинстве случаев управляются наилучшим образом, если они принадлежат автору или непосредственно заинтересованному в их использовании правообладателю, приобретшему права у автора по договору или по иному законному основанию, например, в качестве работодателя автора. При этом именно автор как создатель произведения должен иметь возможность определения случаев и условий его использования, включая передачу прав на произведение или предоставление лицензий на его использование заинтересованным лицам, предоставление полномочий для управления правами на произведения профессиональным агентствам и организациям по управлению имущественными авторскими правами на коллективной основе.

С учетом приоритетного значения соблюдения прав авторов по сравнению с удовлетворением требований кредиторов представляется возможным предложить общий принцип необходимости точного исполнения условий заключенных автором договоров с исключением возможности их расширительного толкования. В случае, если в заключенном автором или его наследником договоре не было выражено отчетливым образом согласие автора на дальнейшую передачу прав,

такая передача представляется недопустимой вне зависимости от наличия требований со стороны иных лиц.

При принятии мер, направленных на возврат прав и прекращение действий предоставленных лицензий в случае несостоятельности должника, которому такие права или лицензии были предоставлены, авторы и их наследники должны рассматриваться не как одни из кредиторов, а в качестве особой категории заинтересованных лиц, которые вправе отстаивать свои интересы и реализовать права, предоставленные им согласно положениям части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. Существующий в настоящее время подход не позволяет в полной мере учесть особенности указанной категории заинтересованных лиц.

Понятие «заинтересованные лица» определяется в статье 19 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которой заинтересованными признаются аффилированные лица, руководитель должника – юридического лица, члены совета директоров, коллегиального исполнительного органа и иного органа управления должника, главный бухгалтер, лица, находящиеся с такими лицами в отношениях, лица, признаваемые заинтересованными в совершении должником сделок в соответствии с гражданским законодательством о соответствующих видах юридических лиц. Заинтересованными лицами по отношению к должнику-гражданину признаются его супруг, родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, сестры, братья и их родственники по нисходящей линии, родители, дети, сестры и братья супруга (пункт 3 статьи 19 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)») и др.

В отнесении лица к числу заинтересованных судом может быть отказано с учетом обстоятельств конкретного дела. Так, в Определении от 23 августа 2019 г. № 306-ЭС19-13302 по делу № А57-18867/2017 суд указал на «указал на необоснованность требований общества, основанных на мнимых сделках заинтересованных лиц, заключенных с целью причинения вреда имущественным правам независимых кредиторов», то есть при оценке наличия заинтересованности суд исходил из учета всей совокупности факторов, предшествующих обращению заявителя в суд.

Ни одна из указанных в законе категорий заинтересованных лиц не имеет отношения к вопросам охраны прав авторов и их наследников, в связи с чем представляется целесообразным сохранить наименование данной группы лиц с применением терминологии, закрепляемой частью четвертой ГК РФ.

Законодательство о несостоятельности (банкротстве) предусматривает организацию собрания работников должника, в том числе бывших работников должника, которое в соответствии со статьей 12.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» должен организовывать и проводить арбитражный управляющий,

причем такое собрание должно быть проведено не позднее чем за пять рабочих дней до даты проведения собрания кредиторов.

В условиях роста интеллектуалоемкой деятельности предприятий, наличия у все большей части юридических лиц нематериальных активов, основанных на использовании результатов творческой деятельности авторов, представляется необходимым предусмотреть обязанность арбитражного управляющего по выявлению у должника произведений, исключительные права на которые предоставлены авторами произведений или их наследниками и проведению собрания таких авторов и их наследников для согласования условий дальнейшего использования произведений в период проведения реабилитационных процедур либо порядка расторжения договоров, возврата переданных исключительных прав и прекращения действия предоставленных лицензий. Уведомление о проведении такого собрания может направляться в том же порядке, который предусмотрен для уведомления о проведении собрания кредиторов.

Заключенными с авторами и их наследниками договорами может предусматриваться выплата вознаграждения в виде роялти или иных платежей. Такие платежи с учетом их социальной значимости, обусловленной особенностями субъектного состава заключенных договоров должны рассматриваться как «текущие платежи» в смысле, придаваемом данному термину статьей 5 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и приравниваться к предусмотренным пунктом 1 указанной статьи требованиям о выплате выходных пособий и оплате труда работникам должника.

Действующим законодательством предусмотрено, что при существенном нарушении приобретателем обязанности по выплате правообладателю вознаграждения за приобретение исключительного права в срок, установленный договором об отчуждении исключительного права, прежний правообладатель имеет право потребовать в судебном порядке перевода на себя прав приобретателя исключительного права, то есть возвращения исключительного права, и возмещения убытков, если исключительное право ранее перешло к его приобретателю (пункт 5 статьи 1234 ГК РФ). Аналогичные положения предусмотрены для случаев существенного нарушения условий о выплате вознаграждения, предусмотренных лицензионным договором (пункт 4 статьи 1237 ГК РФ).

В связи с этим, требования о выплате вознаграждения, предусмотренного заключенными договорами с авторами, должны удовлетворяться вне очереди за счет конкурсной массы преимущественно перед требованиями кредиторов по текущим платежам и иными требованиями. При невозможности осуществлять выплату вознаграждения в полном объеме в условиях несостоятельности должника (плательщика вознаграждения) авторы и их наследники должны быть наделены правом расторгать заключенные договоры об отчуждении исключительных прав

на произведения и лицензионные договоры об использовании произведений при существенном нарушении обязанности по выплате вознаграждения на основании положений пункта 5 статьи 1234 ГК РФ и пункта 4 статьи 1237 ГК РФ без обращения в суд путем направления арбитражному управляющему письменного уведомления о предстоящем расторжении в установленные законом сроки.

В настоящее время суды признают возможность одностороннего отказа только при существенном нарушении обязательств по выплате вознаграждения, причем обязанность доказывания существования такой невыплаты возлагается, как правило, на пострадавшую сторону, рассматривая дела на основании формальных признаков или дополнительных выводов, не основанных непосредственным образом на положениях закона. Так, в решении Арбитражного суда Республики Крым от 15 февраля 2019 г. по делу № А83-13505/2018 отмечается: «Существенным признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. Между тем, доказательства, свидетельствующие о том, что ответчиком допущено существенное нарушение договора, материалами дела не подтверждается. То обстоятельство, что истец произвел возврат суммы вознаграждения ответчику, свидетельствует о том, что данное нарушение не является существенным для истца».

Вместе с тем, судебная практика постепенно корректирует понимание требований, закладываемых рассматриваемыми законодательными положениями, в частности, исключая возможность уклонения от выплаты вознаграждения по причине неиспользования объекта, в отношении которого предоставлена лицензия, или в связи с невозможностью доказать такое использование. Так, в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2016 г. по делу № А41-92254/2015 отмечается, что: «суд апелляционной инстанции принял во внимание разъяснения, изложенные в пункте 13.7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.03.2009 № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которым по смыслу пункта 5 статьи 1235 в его взаимосвязи с пунктом 4 статьи 1237 Гражданского кодекса Российской Федерации вознаграждение по возмездному лицензионному договору уплачивается за предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. В связи с этим, лицензиару не может быть отказано в требовании о взыскании вознаграждения по мотиву неиспользования лицензиатом соответствующего результата или средства».

Удовлетворение требований по выплате вознаграждения в порядке, предусмотренном для кредиторов определенных законом очередей, при-

ведет к нарушению прав авторов и их наследников, так как при действующем договоре, предусматривающем выплату вознаграждения, имеет место длящееся нарушение, которое автор и его наследники не имеют возможности прекратить иным путем, кроме расторжения заключенного договора. Требования остальных кредиторов, отнесенные к какой-либо очереди в соответствии со статьями 135–137 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», являются сформированными, определенными на момент их признания в включения в реестр.

Дополнительно представляется необходимым распространить ответственность арбитражного управляющего, установленную статьей 20.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а также действие договора обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего, предусмотренного статьей 24.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», на случаи причинения убытков авторам и их наследникам в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей.

В случае банкротства индивидуального предпринимателя, получившего от автора или его наследника исключительные права на произведение или право его использования на условиях

Литература:

1. *Карелина С.А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М. : Волтерс Клувер, 2008. 568 с.
2. *Махнева Е.А.* Развитие гражданских правоотношений в процедурах банкротства : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. М., 2003. 175 с.

предоставленной лицензии, подход к решению возникающих проблем, как представляется, должен быть аналогичен вышеизложенному.

При банкротстве должника, являющегося автором или его наследником и обладателем исключительных прав на созданные автором произведения, порядок обращения взыскания не должен зависеть от того, является ли такой несостоятельный должник индивидуальным предпринимателем или банкротство осуществляется по правилам, установленным Главой X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» для банкротства граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, так как при проведении конкурсных процедур такой гражданин выступает в качестве физического лица, не осуществляя при этом предпринимательскую деятельность. Речь при этом должна вестись о сохранении прав авторов и их наследников в соответствии с общими правилами обращения взысканий, предусмотренными положениями статьи 1284 ГК РФ.

Предлагаемые меры, как нам представляется, позволят обеспечить формирование сбалансированного подхода к решению вопросов, связанных с удовлетворением интересов авторов и их наследников при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан.

Literature:

1. *Karelina S.A.* Mechanism of legal regulation of bankruptcy relations. M. : Walters Klover, 2008. 568 p.
2. *Makhneva E.A.* Development of the civil legal relations in the bankruptcy procedures : Thesis for the degree of candidate of legal sciences. M., 2003. 175 p.

Кошечкина Яна Александровна
студентка 2 курса магистратуры
заочной формы обучения,
магистерская программа –
«Судебная и прокурорская деятельность
по уголовным делам»,
Российский государственный
университет правосудия,
Северо-Кавказский филиал
sizova.yanina@yandex.ru

Шагинянец Софья Самвеловна
студентка 2 курса магистратуры
заочной формы обучения,
магистерская программа –
«Судебная и прокурорская деятельность
по уголовным делам»,
Российский государственный
университет правосудия»,
Северо-Кавказский филиал
s@senate.legal

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОГРАНИЧЕНИЕМ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН, ПРОВОДИМЫЕ ПО РЕШЕНИЮ СУДА

Аннотация. Статья посвящена анализу института следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан, проводимых по решению суда. Кроме того, в статье раскрываются такие понятия как «следственные действия», необходимость их проведения. Раскрываются права граждан при проведении следственных действий, и возможность органов следственных учреждений ограничивать конституционные права граждан по решению суда, а так же ситуации при которых законодатель видит необходимым применять нормы уголовно-процессуального законодательства для ограничения конституционных прав граждан.

Ключевые слова: следственные действия, права граждан, ограничение конституционных прав граждан.

Институт следственных действий – это, безусловно, одна из неотъемлемых частей процесса доказывания, поскольку именно данный институт обладает инструментарием для собирания и проверки доказательств по тому или иному уголовному делу. Без него не получится достичь целей уголовно-процессуального закона.

Yana A. Koshechkina
Female Master 's Degree 2 Student
Correspondence form of training,
Master 's program –
«Judicial and prosecutorial activities
in criminal matters»,
Russian State University of Justice,
North Caucasus branch
sizova.yanina@yandex.ru

Sofya S. Shaginiants
Female Master 's Degree 2 Student
Correspondence form of training,
Master 's program –
«Judicial and prosecutorial activities
in criminal matters»,
Russian State University of Justice,
North Caucasus branch
s@senate.legal

INVESTIGATIVE MEASURES RESTRICTING THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF INDIVIDUALS BY COURT ORDER

Annotation. The article is dedicated to the analysis of the concept of investigative measures restricting the constitutional rights of individuals by court order. Besides, this article reveals such terms as «investigative measures» and necessity of their performance. It also describes the rights of individuals during the performance of investigative measures and capability of investigative authorities to restrict the constitutional rights of individuals by court orders as well as situations in which the legislator believes it is necessary to apply norms of the criminal procedure legislation in order to restrict constitutional rights of individuals.

Keywords: investigative measures, rights of individuals, restriction of constitutional rights of individuals.

Нельзя забывать и о том, что следственные действия – работа комплексного характера, и поэтому от следователя или дознавателя требуются не просто усилия, а еще и, кроме всего прочего, специальные знания и навыки, при помощи которых весь процесс приобретет структурированный, рациональный и целенаправленный качественный уровень деятельности в целом.

Поэтому прежде чем говорить о том, что следственные действия имеют важное значение, правильным для начала будет сказать, что квалификация, а также уровень знаний и умений субъекта, руководящего следственными действиями, имеет первостепенное значение. Без последнего смысл института, что вполне логично, попросту пропадает.

Но объект исследования в данном конкретном случае именно следственные действия, и ничто иное.

Итак, что же они из себя представляют?

Разумеется, нельзя обойтись здесь без помощи доктрины, без мнения авторитетных ученых. Ведь именно мысли ученых как раз-таки очень полезны и в ключе любого исследования целиком, и конкретно в выявлении понятийного аппарата, и в выделении объективных признаков какого-либо явления и также во многих других исследованиях (качественных или количественных). Поэтому начать следует именно с этого.

Конечно, в первую очередь, нужно отметить понятие, предложенное Р.С. Белкиным, автором, должно быть, сильнейшего учебника по криминалистике, а также криминалистической энциклопедии, где он отмечает, что под следственными действиями понимаются «закрепленные уголовно-процессуальным законом отдельные комплексы познавательных и удостоверительных операций, направленные на формирование, исследование, использование и оценку собранных доказательств» [4]. Это же мнение поддерживают такие ученые, как О.Я. Баев [3], С.А. Шейфер [10] и некоторые другие.

Стоит отметить, что свое мнение относительно исследуемого явления имеет и А.Р. Белкин (сын Р.С. Белкина), который считает, что следственные действия – это «комплекс познавательных и удостоверительных операций, выполняемых в их совокупности в целях доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [8].

Но еще есть и такое утверждение за авторством И.Ф. Герасимова [7] и А.М. Ларина [9], где, исходя из субъекта деятельности, можно говорить о любых действиях следователя в деле, как о следственных. Суть заключается в том, что уголовно-процессуальный закон выделяет следователя (или дознавателя) как особого субъекта, наделенного определенными полномочиями и, что еще очень важно, процессуальной самостоятельностью в области проведения расследования по уголовным делам. То есть, именно по решению следователя возбуждается уголовное дело, выносится постановление о привлечении конкретного лица в качестве подозреваемого или обвиняемого, а что важнее и применительно к теме исследования – проводятся следственные действия, благодаря которым можно получить доказательную базу, необходимую для успешного расследования. Действительно, авторы ставят знак «равенство» между следственными и про-

цессуальными действиями, поскольку видят в них взаимосвязь, построенную таким образом, что одно без другого быть не может. Это выглядит логично с точки зрения сущности работы, проводимой следователем в рамках конкретного уголовного дела. Но для конкретизации все же важнее выделять объективные признаки тех или иных исследуемых понятий, потому что это позволит куда более точно и глубоко изучить не только базовые и сущностные начала, но и некоторые особенности понимания, а также специфику применения в некоторых ситуациях. Поэтому более детальной формулировкой понятия «следственные действия» следует все же считать те, что были приведены ранее. Это подтверждается исследованиями, проведенными в свое время отдельно И.Е. Быховским [5] и А.Н. Гусаковым [6], выводом которых стало утверждение об исключительно познавательном характере изучаемого явления. По мнению ученых, следственные действия должны давать какой-либо результат – доказательственную информацию (либо о невиновности лица, либо о причастности лица к событиям преступления, но не в качестве преступника, либо вовсе – о виновности лица в совершении конкретного преступления), а это значит, что перед этим нужно узнать (познать) определенные факты, проведя следственные действия, и уже на их основе делать выводы.

Впрочем, в данном конкретном исследовании есть один интересный момент. По мнению ученых, все следственные действия имеют тот необходимый познавательный характер, но, в то же время, и некоторые процессуальные действия тоже обладают этим качеством (речь идет, к примеру, об истребовании следователем или дознавателем документов или предметов, которые могут иметь значение для уголовного дела). Это означает, что и в данном научном обосновании имеется загвоздка относительно отождествления следственных и процессуальных действий, но, будет справедливым отметить, что взятый за основу познавательный характер деятельности следователя (или дознавателя) имеет приоритетное значение для правильного расследования дела в целях изобличения виновного лица. Это еще, к тому же, подтверждается логикой работы следственных органов, где следователь собирает скорее не доказательства, как это принято считать, а криминалистически важную информацию, которая станет доказательством только лишь при рассмотрении дела непосредственно в суде.

Стоит отметить, что по своей сути все следственные действия так или иначе ограничивают конституционные права граждан. Это логично, но, по мнению законодателя, существенно это делают лишь некоторые из них. Речь идет о статье 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] в части, касающейся исключительных полномочий суда на принятие решений применительно к следственным действиям (например, осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц или обыск во все том же жилище). То есть, те следственные

действия, которые упомянуты в вышеназванной статье, требуют судебного контроля, а значит они и являются ограничивающими в конституционных правах и свободах. Логика прослеживается и здесь тоже, поскольку, участие суда в такой работе дает гарантии защиты прав и свобод граждан, в отношении которых следственные действия производятся или будут производиться, и это не нарушает Конституцию Российской Федерации.

В частности, в статье 25 Конституции Российской Федерации [1] говорится, что «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения». Исходя из смысла приведенной нормы, можно утверждать, что права и свободы граждан, если и ограничиваются, то, опять же, в рамках закона, обладающего высшей юридической силой на территории страны, и именно поэтому суд в данном случае будет гарантом защиты этих самых прав и свобод граждан как участников уголовного судопроизводства. Собственно, отсюда – исключение произвола или злоупотребления своими полномочиями со стороны органов следствия во время проведения тех или иных следственных действий.

Теперь, перейдем к вопросу о порядке проведения следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы. Здесь логика действий любого следователя (или дознавателя) довольно проста. Причем, заключается она целиком и полностью в мыслительном процессе, где каждый шаг должен быть осознан и продуман, поскольку действие – есть следствие, прежде всего, разумного вывода.

Во-первых, нужно понять, необходимо ли производить то или иное следственное действие вообще, поскольку случается так, что преступника поймали с поличным на месте преступления, и тот уже дает признательные показания. Но если необходимо все же следственное действие, то следователь должен решить, какое именно. Кроме того, должно быть достаточное количество оснований, по которым следственные действия можно назначать в соответствии с законодательством, поскольку нельзя опираться только лишь на слухи и догадки.

Во-вторых, если есть все основания, то нужно принять решение о производстве определенного следственного действия, а также вынести перед судом постановление о возбуждении соответствующего ходатайства. В этом решении следователя, собственно говоря, и проявляются гарантии прав и свобод участников уголовного судопроизводства, поскольку следственные действия, ограничивающие конкретно конституционные права и свободы, должны обязательно быть согласованы с судом.

В-третьих, необходимо согласие руководителя следственного органа или прокурора. Хотя и

подробно данная процедура законодателем не регламентирована, для поддержания контроля работы органов следствия, субординации и реализации принципа законности такое действие произвести необходимо.

В-четвертых, направление материалов в суд. В этом случае необходимо соблюсти территориальную подсудность и направить ходатайство в суд того района, где осуществляется расследование по уголовному делу.

В-пятых, непосредственное рассмотрение ходатайства судом. Здесь на заседании суд уже решает, достаточно ли оснований для проведения следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан. Стоит отметить, что в условиях конфиденциальности проведения расследования не требуется извещать иных заинтересованных лиц о рассмотрении судом ходатайств подобного рода, поскольку это может навредить следствию. Вполне логичное решение законодателя.

В-шестых, вынесение судом решения относительно заявленного ходатайства. У суда два логичных пути в этом случае – удовлетворить ходатайство или отказать в нем. Об этом выносится соответствующее постановление. В случае удовлетворения судом заявленного ходатайства, копия постановления вручается заявителю, и следственное действие разрешено выполнить в ту же минуту.

И, наконец, в-седьмых, собственно проведение следственного действия. Здесь уже организуются все необходимые мероприятия, достигаются цели (или нет, потому что можно не получить необходимую информацию или не найти предмет, имеющий значение и т.д.), фиксируются данные, следы и в общем-то все, что имеет значение для уголовного дела. Далее подводятся результаты, и следователь, опираясь на полученную информацию, например, может выстраивать какие-либо версии по делу или сопоставлять полученные факты с уже существующими и т.д.

Важно отметить, что ограничение конституционных прав и свобод любого гражданина всегда должно быть соразмерно другим конституционным ценностям, а кроме всего прочего – еще и отвечать целям, изложенным в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации [1]. Только тогда и только таким образом можно говорить о реально функционирующих гарантиях соблюдения, а также защиты прав и свобод каждого гражданина страны. Поэтому следственные действия пусть и ограничивают конкретно конституционные права и свободы, эти же самые действия в то же время не преследуют какие-то негативные цели, а только лишь направлены на достижение целей уголовно-процессуального закона, а именно – на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и на защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [2].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. Федерального Конституционного закона от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 315-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31.
3. *Баев О.Я.* Криминалистический комментарий к процессуальному порядку производства следственных действий по Уголовно-процессуальному кодексу России / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. М., 2009.
4. *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 84.
5. *Быховский И.Н.* Развитие процессуальной регламентации следственных действий // Советское государство и право. 1972. № 4. С. 108.
6. *Гусаков А.Н.* Следственные действия и тактические приемы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973.
7. *Герасимов И.Ф.* Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975.
8. Криминалистическая тактика : учебник / Под. общ. ред. А.Ф. Аубакирова, А.Р. Белкина, А.Я. Гинзбурга. Алматы, 1998. С. 40.
9. *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970.
10. *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания и процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004.

Literature:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by the national referendum on 12th December 1993) (as revised by the Federal Constitutional Law № 11-ФКЗ dated 21st July 2014) // RossiyskayaGazeta. 1993. № 237 // Official gazette of the Russian Federation. 2014. № 30.
2. Russian Criminal Procedure Code dated 18th December 2001 № 174-ФЗ (as revised by the Federal law № 315-ФЗ dated 2nd August 2019) // Official gazette of the Russian Federation. 2001. № 52. Art. 4921 // Official gazette of the Russian Federation. 2019. № 31.
3. *Baev O.Ya.* Criminalistic commentary on the procedural order of investigative measures under the Russian Criminal Procedure Code / O.Ya. Baev, D.A Solodov. M., 2009.
4. *Belkin R.S.* Criminalistic encyclopaedia. M., 1997. C. 84.
5. *Bykhovsky I.N.* Development of procedural regulation of investigative measures // Soviet State and Law. 1972. № 4. C. 108.
6. *Gusakov A.N.* Investigative measures and tactics: Dissertation of the candidate of legal sciences. M., 1973.
7. *Gerasimov I.F.* A few crime solving problems. Sverdlovsk, 1975.
8. Criminalistic tactics: Textbook / under general editorship of A.F. Aubakirov, A.R. Belkin, A.Ya. Ginzburg. Almaty, 1998. C. 40.
9. *Larin A.M.* Criminal Investigation. Planning and organisation. M., 1970.
10. *Sheifer S.A.* Investigative measures. Grounds, procedural order and evidential significance. M., 2004.

Куракина Светлана Ивановна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
kursi@inbox.ru

Круглов Дмитрий Николаевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
dkrugl@mail.ru

Svetlana I. Kurakina

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Theory
and History of State and Law,
Perm State National Research University
kursi@inbox.ru

Dmitrii N. Kruglov

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Theory
and History of State and Law,
Perm State National Research University
dkrugl@mail.ru

**О ПЕРСПЕКТИВАХ ЦИФРОВОГО
ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА**

Аннотация. В статье акцентируется внимание на современных тенденциях цифровизации всех сфер общества. Данное явление рассматривается сквозь призму актуальности применения информационных технологий в процессе правотворчества. Приводятся аргументы в пользу перспективности создания качественной экспертной системы, способной уже на ранней стадии разработки нормативного документа обнаружить, насколько он соответствует действующему законодательству, вскрыть внутренние противоречия и пробелы в самом документе.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, правотворчество, цифровые технологии, цифровизация, экспертные системы, искусственный интеллект, технологический прорыв.

К онец двадцатого и начало двадцать первого века ознаменовались качественными изменениями в общественных отношениях. Этот период времени можно уверенно назвать очередной научно-технической революцией.

По мнению А.И. Ракитова, мы наблюдаем пятую информационную революцию [10, С. 6; 11, С. 9]. Имеются и другие точки зрения. Так, Д. Белл указывал на третью технологическую революцию [5, С. 3], а Э. Тоффлер считал, что сегодня речь идет о третьей информационной волне [12]. Но каковы бы ни были данные авторские подходы, суть их одна и та же – общество переживает очередной виток своего развития, и связан он с информационными технологиями.

С точки зрения специалистов в области информационных технологий, знаковым стал 2015 год, когда начала резко сокращаться стоимость хра-

**ON THE PROSPECTS
OF DIGITAL LAWMAKING**

Annotation. The article focuses on the current trends of digitalization of all spheres of society. The authors consider this tendency through the prism of the relevance of information technology to the process of law-making. The authors argue about the prospects of creating a high-quality expert system that can detect at an early stage of the development of a normative document whether it complies with the current legislation, as well as reveal internal contradictions and gaps in the document itself.

Keywords: lawmaking, lawmaking, digital technologies, digitalization, expert systems, artificial intelligence, technological breakthrough.

нения больших данных, появились новые эффективные решения для их обработки. Однако, с точки зрения обозначенных процессов в отечественном праве, условным водоразделом можно считать 2017 год, когда Распоряжением Правительства РФ № 1632-р была утверждена Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая, в свою очередь, явилась частью Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы [3]. Позднее данные документы трансформировались в утвержденный 24 декабря 2018 года на заседании президиума Совета при Президенте России по стратегическому развитию и национальным проектам Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Вышеуказанная Программа предусматривает развитие следующих цифровых технологий:

большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный интернет; компоненты робототехники и сенсорика; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальности.

Кроме того, в этом же году была принята Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013 (INL) P8_TA-PROV (2017) 0051, которая в рекомендательном порядке призвана закрепить общие положения, касающиеся развития робототехники и искусственного интеллекта [1].

Наконец, Президент России В. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 года особо подчеркнул: «...В мире сегодня накапливается громадный технологический потенциал...Технологическое отставание, зависимость означают снижение безопасности и экономических возможностей страны, а в результате – потерю суверенитета. Именно так, а не иначе обстоит дело. Отставание неизбежно ведет к ослаблению, размыванию человеческого потенциала... Именно отставание – вот главная угроза и вот наш враг» [2].

В мае того же года, на прошедшем в Санкт-Петербурге международном юридическом форуме «Будущее юридической профессии» председатель Правительства РФ Д.А. Медведев подчеркнул: «Для обеспечения доверия необходимо, чтобы была решена приоритетная задача устранения дефектов законодательных актов, которые обуславливают сложность соблюдения ряда правовых актов и, как следствие, снижают доверие к ним, поэтому масштабно нарастает острая потребность современного российского общества в качественном законодательстве...» [8].

Таким образом, данные инициативы как на уровне Правительства РФ, так и на уровне Европарламента, свидетельствуют об одном: о чрезвычайной значимости новых явлений в области развития цифровых технологий и робототехники.

Технологический прорыв в экономике, равно как и в других сферах общества, невозможен без современной качественной нормативной правовой основы. В этих условиях значение института правотворчества возрастает, оно становится одним из важнейших стратегических направлений государственной деятельности. В то же время, на страницах ведущих российских изданий современные исследователи размышляют о необходимости кардинальных перемен в сфере правотворчества и в большинстве своем резюмируют, что дефекты принимаемых нормативно-правовых актов в России достигли критического уровня.

К примеру, профессор М.Л. Давыдова, оценивая качество современного правотворчества, подчеркивает: «...Чем выше положение нормативного правового акта в иерархии действующего законодательства, тем заметнее негативный эффект от его недоработок и дефектов. На ав-

торах проектов федеральных законов лежит поэтому особая ответственность...» [7, с. 358].

Е.С. Аничкин также указывает на проблемы современного правотворчества: «...Частыми недостатками законодательства субъектов Российской Федерации являются бесосновательное дублирование норм федерального законодательства в законах субъектов Российской Федерации, противоречия норм регионального законодательства нормам Конституции РФ и федерального законодательства, чрезмерная подвижность (поправочность) регионального нормативно-правового массива...» [4, с. 409].

Н.А. Власенко отмечает, что перед юридической наукой встают вопросы, связанные с цифровым документированием, такие, как: «...усиление потока информации и роль документирования, значение собственно юридических документов, роль права в придании юридического статуса официальным документам и, конечно же, вопросы качества документов, в том числе правовых...» [6, с. 346].

И.М. Мацкевич, рассуждая о путях решения проблемы дефектов современного правотворчества предлагает: «...Должна быть создана законодательная конструкция, в которой словно химические элементы в таблице Д.И. Менделеева будут приведены в соответствие со своим значением и целеполаганием все нормативные правовые акты. В этом процессе должны быть задействованы, помимо обязательных юристов, – математики. Важно, чтобы соблюдались пропорции, а это без представителей математики невозможно...» [9, с. 336].

Дефекты законодательства характерны для всех государств, для российского же носят в основном системный, а значит, особо тяжелый характер. К основным системным дефектам относят: нестабильность, низкий уровень систематизации, неоправданно излишнее количество нормативных актов, что не является следствием разовых технических ошибок законодателя, а, скорее, результатом поспешности принятия законодательных актов и концентрации систематических просчетов, допускаемых законодателем при их подготовке и принятии.

В то же время, юридическая профессия должна эволюционировать: как отмечает управляющий директор московского офиса компании «The Boston Consulting Group» М. Хаузер, наступают новые времена, появляются новые направления [13]. Подобные же заявления звучали и на VIII Петербургском международном юридическом форуме. Технология и техника, методика и методология нормотворчества настолько специфицировались, что очередная дифференциация юридической профессии оказывается неизбежной, а соответствующая ей особая область юридической науки (нормология) приобрела свою собственную предметную область. Юридическое сообщество все более убеждается, что на новую профессию норморайтера возлагается исключительно важная задача решения проблем дефектов законотворческих актов и нормотворческой

деятельности в целом, без чего эволюция всей юридической отрасли остается только пожеланием.

Относительно новым и перспективным направлением использования компьютерных технологий являются экспертные системы (ЭС), способные накапливать, обрабатывать знания из некоторой предметной области, на их основе выводить новые знания и решать на основе этих знаний практические задачи, объясняя ход решения. На наш взгляд, назрела сегодня необходимость создания Экспертной Системы для российского правотворческого процесса, способной делать логические выводы и на их основе осуществлять обобщения, формулировать заключения. Необходимо создание такой ЭС, которая в состоянии уже на ранней стадии разработки нормативного документа (НПА, локального акта, договора и пр.) обнаружить, соответствует ли он действующему законодательству,

Литература:

1. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013 (INL) P8_TA-PROV (2017) 0051. URL : http://robopravo.ru/riezoliutsia_ies (дата обращения 29.09.2019).
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976 / (дата обращения 12.07.2019).
3. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утратило силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. 7 августа. № 32. Ст. 5138.
4. *Аничкин Е.С.* Профессия «нормрайтер» – потребность современного правового развития России? // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2(42). С.409–411.
5. *Белл Д.* Третья технологическая революция и ее возможные социо-экономические последствия: Реферат. ИНИОН АН СССР. М., 1990.
6. *Власенко Н.А.* Дифференциация юридической профессии – актуальная задача современности / Н.А. Власенко, Р.Г. Новикова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2(42). С. 346–348.
7. *Давыдова М.Л.* Профессия нормрайтера: массовость или элитарность? // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2(42). С. 357–360.
8. Дмитрий Медведев принял участие в пленарном заседании форума на тему «Будущее юридической профессии» на VIII Петербургском международном юридическом форуме. URL : <http://government.ru/news/32592/> (дата обращения 29.09.2019).

а также вскрыть внутренние противоречия и проблемы в самом документе.

На сегодняшний день в России присутствуют лишь отдельные экспертные системы, но базы знаний в них не правовые, а технические и управленческие. Юристы пользуются компьютерными справочными системами исключительно для отыскания соответствующих актов, в лучшем случае – шаблонов документов. Нормотворческая интеллектуальная деятельность никак не автоматизирована и, соответственно, на рынке юридических экспертных систем в России пока существует свободная ниша. Представляется, что развитие автоматизированных систем поддержки законотворческой деятельности может в будущем сделать законодательную систему способной отвечать вызовам нашего времени и нивелировать субъективные просчеты законотворческих органов.

Literature:

1. European Parliament resolution of 16 February 2017 2015/2013 (INL) P8_TA-PROV (2017) 0051. URL : http://robopravo.ru/riezoliutsia_ies (date accessed 29.09.2019).
2. The message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on 01.03.2018 «presidential address to the Federal Assembly». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (accessed 12.07.2019).
3. The decree of the RF Government of July 28, 2017 № 1632-p «On approval of the program» Digital economy of the Russian Federation" (repealed) //collected legislation of the Russian Federation. 2017. August 7th. 32. Art. 5138.
4. *Anichkin E.S.* Profession of a «normalite» – the need of the modern legal development? // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian interior Ministry. 2018. № 2(42). P. 409–411.
5. *Bell D.* Third technological revolution and its possible socio-economic consequences: Abstract. INION AN USSR. M., 1990.
6. *Vlasenko N.A.* Differentiation of the legal profession – an urgent task of our time / N.A. Vlasenko, R.G. Novikova // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2018. № 2(42). P. 346–348.
7. *Davydova M.L.* Profession normaliter: mass or elite? // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian interior Ministry. 2018. № 2(42). P. 357–360.
8. Dmitry Medvedev took part in the plenary session of the forum on «Future of the legal profession» at the VIII St. Petersburg international legal forum. URL : <http://government.ru/news/32592/> (accessed 29.09.2019).

9. *Мацкевич А.М.* Субъекты законотворчества: к вопросу о норморайтерах и не только // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2(42). С. 333–340.

10. *Ракитов А.И.* Информационная революция как фактор экономического и социального развития / А.И. Ракитов; Рос. акад. наук. ИНИОН; Редакт.: В.А. Виноградов (гл. ред.) и др // Информационная революция: наука, экономика, технология : Реф. сб. М., 1993. С. 5–16

11. *Ракитов А.И.* Информация, наука, технология в глобальных исторических измерениях. М. : РАН. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, 1998.

12. *Торффлер Э.* Третья волна. М. : АСТ, 2004. 781 с.

13. *Хаузер М.* Выступление партнёра и управляющего директора московского офиса компании The Boston Consulting Group. URL : <http://government.ru/news/32592/> (дата обращения 29.09.2019).

9. *Matskevich A.M.* Subjects of lawmaking: on the issue of law writers and not only // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2018. № 2(42). P. 333–340.

10. *Rakitov A.I.* Information revolution as a factor of economic and social development // Information revolution: science, Economics, technology. M., 1993.

11. *Rakitov A.I.* Information, science, technology in global historical dimensions. M., 1998.

12. *Toffler E.* Third wave. M. : AST, 2004. 781 p.

13. *Hauser M.* Performance partner and managing Director of the Moscow office of The Boston Consulting Group. URL : <http://government.ru/news/32592/> (accessed 29.09.2019).

Манаенков Кирилл Львович
юридический факультет,
Санкт-Петербургский
государственный университет,
генеральный директор
ООО «Квартирабезрисков»
kirill.manaenkov@gmail.com

ПРАВОВОЙ СТАТУС АПАРТАМЕНТОВ. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В последние годы популярность помещений без жилого назначения в России постоянно растет. В России существует ряд правовых проблем, связанных с проживанием в формально нежилых помещениях.

Собственники таких нежилых помещений используют их для постоянного проживания и не всегда осознают, что подобный правовой статус негативно влияет на их положение, как если бы они были собственниками жилого помещения. При этом экономические последствия приобретения апартаментов могут быть значимым фактором для принятия решения о такой сделке. Данная статья анализирует общую ситуацию, сложившуюся в сфере приобретения и использования апартаментов, а также анализирует актуальную судебную практику правоприменения.

Ключевые слова: жилищный кодекс, жилое помещение, апартаменты, квартира.

Понятие «квартира» четко определено в российском законодательстве. К сожалению, это не относится к понятию «апартаменты», которым широко оперируют российские застройщики. Однако этот термин мы можем найти в Постановлении Правительства РФ от 16.02.2019 № 158 «Об утверждении Положения о классификации гостиниц»

В этом документе мы сталкиваемся со следующими терминами [1]:

- Апаротель – вид гостиниц, номерной фонд которых состоит исключительно из номеров категорий «студия» и «апартамент».
- Комплекс апартаментов (комплекс апартаментов): отель, который имеет апартаменты различных категорий, где каждый блок имеет свою собственную кухню и свой собственный туалет.

В этом же документе термин апартаменты определяется следующим образом:

Kirill L. Manaenkov
Law Department
St. Petersburg State University,
Director General
CEO of «Kvartirabezriskov» LLC
Kirill.manaenkov@gmail.com

LEGAL STATUS OF APARTMENTS. PROBLEM ISSUES OF JUDICIAL PRACTICE

Annotation. In recent years, the popularity of non-residential premises in Russia has been constantly growing. In Russia, there are a number of legal problems associated with living in formally non-residential premises.

The owners of such non-residential property use them for permanent residence and do not always realize that such a legal status negatively affects their situation, as if they were the owners of the residential property. At the same time, the economic consequences of acquiring apartments can be a significant factor in deciding on such a deal. This article analyzes the general situation in the field of acquisition and use of apartments, and also analyzes the current judicial practice of state courts.

Keywords: housing Code, housing, apartments, apartment.

Отдельный блок в пределах отеля площадью не менее 40 кв. м, состоящий по крайней мере из 2 комнат (гостиная/столовая и спальня(ы)) с двуспальной кроватью 2х2 метров и небольшой кухни, электрической плитой, микроволновой печью, посудомоечной машиной, духовкой, чайником, вытяжкой, посудой, холодильником и небольшой морозильной камерой. Важно иметь в виду, что это определение содержится в документе, который призван установить стандарт, позволяющий отнести отель к той или иной категории.

Поэтому определение «апартаменты» в упоминаемом Постановлении не является обязательным общим определением. Это не тот случай, когда апартаменты площадью менее 40 квадратных метров не являются апартаментами.

Несмотря на отсутствие четкого определения понятия апартаментов, можно с уверенностью сказать, что они официально предназначены для временного проживания, а не для постоянного

проживания, хотя бы по той причине, что упомянуты в документе, регулирующем правовой статус гостиничного фонда.

Первая проблема приобретателя апартаментов в связи с этим связана с невозможностью постоянной регистрации в апартаментах. Гостиничное использование предполагает только временную регистрацию максимальным сроком до 5 лет.

Вторая проблема апартаментов состоит в ином статусе налогообложения этой недвижимости. Владельцы квартир платят более низкую ставку налога на имущество, чем владельцы апартаментов. Кроме того, тарифы варьируются в зависимости от региона – от 0,1 до 0,3 % от кадастровой стоимости для квартир и от 0,5 до 2 % кадастровой стоимости для апартаментов.

Кроме того, необходимо учитывать, что 20 квадратных метров освобождены от налога на имущество для квартир. Для апартаментов такого освобождения нет.

Третье существенное различие правового статуса квартир и апартаментов состоит в возможности участия в управлении общим имуществом дома, в которых они расположены.

Собственник в силу 36 статьи Жилищного кодекса Российской Федерации [2] вправе участвовать в управлении общим имуществом жилого дома, в том числе путем участия в общих собраниях жильцов такого дома и путем выбора способа управления им.

В отношении апартаментов, застройщик, как правило, назначает свою управляющую компанию, переизбрать которую обычно непросто.

Управляющая компания жилого комплекса несет следующие обязанности по поддержанию совместной собственности в здании и вокруг него, а также предоставление коммунальных услуг.

Кроме того, тариф, который владельцы квартир платят за коммунальные услуги, значительно выше, чем то, что платят за квартиру (обычно разница составляет свыше 20 %). Далее, согласно действующему законодательству, никто не может быть лишен своей квартиры в судебном порядке, если это единственное жилье. Исключением из этого правила является случай, когда имущество находится в залоге. Поскольку апартаменты не являются жилыми объектами, они не подпадают под это ограничение. Налоговый резидент России может при определенных обстоятельствах получить налоговый вычет при покупке квартиры, что не предусмотрено для приобретения апартаментов.

Если проанализировать количество судебных споров, одним из вопросов в которых является правовой статус апартаментов, то по данным СПС «Консультант» с 2015 года по настоящее время то их количество в среднем превышает 350 споров в год с тенденцией на увеличение.

Далее представлены более подробные результаты анализа судебных споров по двум основным направлениям:

- по вопросам исполнения обязательств, вытекающих из предварительных договоров купли-продажи апартаментов (наибольшая часть споров);

- по вопросам строительства (использования) апартаментов (меньшее количество споров).

Основные судебные споры по вопросам исполнения обязательств, вытекающих из предварительных договоров купли-продажи апартаментов

В материалах судебной практики часто встречаются споры о неисполнении обязательств, вытекающих из предварительных договоров купли-продажи апартаментов. Именно с использованием такой схемы заключается большинство договоров, имеющих своим предметом апартаменты. Дело в том, что в соответствии с правовой конструкцией, зафиксированной в Федеральном законе от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 214-ФЗ), заключение договора участия в долевом строительстве не является обязательной схемой привлечения денежных средств граждан, связанной с возникающим у них правом собственности на нежилые помещения, к которым относятся в том числе апартаменты. В связи с этим на практике часто используется схема строительства и последующего приобретения прав на апартаменты по предварительному договору купли-продажи [3].

Так, например, примечательной является позиция суда в одном из споров, в котором истец, выступая покупателем по предварительному договору купли-продажи апартаментов, ходатайствовал о признании этого предварительного договора договором участия в долевом строительстве, а также об обязанности произвести регистрационные действия в отношении договора и зарегистрировать право собственности. Суд, сославшись на разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, отметил, что если сторонами заключен договор, поименованный ими как предварительный, в соответствии с которым они обязуются заключить в будущем на предусмотренных им условиях основной договор о продаже недвижимого имущества, которое будет создано или приобретено в последующем, но при этом предварительный договор устанавливает обязанность приобретателя имущества до заключения основного договора уплатить цену недвижимого имущества или существенную ее часть, суды должны квалифицировать его как договор купли-продажи будущей недвижимой вещи с условием о предварительной оплате [4]. Кроме того, как отметил суд, поскольку предварительный договор купли-продажи апартаментов не зарегистрирован в соответствии с пунктом 3 статьи 4, статьи 17 Федерального закона № 214-ФЗ, исходя из положений статьи 431 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), этот договор является договором купли-продажи не-

движимости, которая будет создана в будущем [5].

Также в практике имеются случаи заключения между сторонами предварительных договоров участия в долевом строительстве, предметом которых являются многофункциональные комплексы с апартаментами, однако суды склонны признавать их договорами участия в долевом строительстве [6].

Суды склонны, используя принцип аналогии закона, предусмотренный статьей 6 ГК РФ, а также ссылаясь на статью 36 ЖК РФ, признавать такие требования законными на том основании, что владельцам нежилых помещений, в том числе апартаментов, принадлежат вещные права на общее имущество здания, в число которого (имущества) входит и земельный участок, на котором расположено это здание, с элементами озеленения и благоустройства и иные объекты, предназначенные для обслуживания, эксплуата-

ции и благоустройства этого дома и расположенные на указанном земельном участке [7].

Ключевой вопрос правового статуса апартаментов состоит в том, что их покупатели фактически используют их как жилые помещения для постоянного проживания, в то время как правовой статус предполагает использование только для временного. Для этого есть причины, связанные, как правило, с невозможностью строительства жилых домов на земельном участке, либо заинтересованностью застройщика в строительстве офисного здания с встроенными отдельными апартаментами. О правовых последствиях своего выбора покупатель обычно узнает уже после приобретения. И пытается в судебном порядке сделать проживание в нежилом помещении более комфортным. Однако судебная практика в этом отношении единообразна – апартаменты это нежилые помещения и нормы о жилых помещениях к ним применяться не могут.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 16.02.2019 № 158 «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» // СПС КонсультантПлюс.

2. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СПС КонсультантПлюс

3. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июля 2011 года № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // СПС КонсультантПлюс.

5. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 декабря 2017 года по делу № 33-46207/2017 // СПС КонсультантПлюс

6. Решение Советского районного суда города Воронежа Воронежской области от 27 апреля 2018 года по делу № 2-1240/2018 // СПС КонсультантПлюс

7. Апелляционное определение Московского областного суда от 11 января 2017 года по делу № 33-206/2017 // СПС КонсультантПлюс.

Literature:

1. Decree of the Government of the Russian Federation of February 16, 2019 № 158 «On approval of the Regulation on the classification of hotels» // ATP Consultant Plus.

2. «Housing Code of the Russian Federation» dated December 29, 2004 № 188-ФЗ // ATP ConsultantPlus.

3. Federal Law of December 30, 2004 № 214-ФЗ «On participation in shared construction of apartment buildings and other real estate and on amendments to some legislative acts of the Russian Federation» // ATP Consultant Plus.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 11, 2011 № 54 «On some issues of dispute resolution arising from contracts for real estate that will be created or acquired in the future» // ATP Consultant Plus.

5. Appeal ruling of the Moscow City Court of December 20, 2017 in case № 33-46207/2017 // ATP Consultant Plus.

6. Decision of the Sovetsky District Court of the city of Voronezh, Voronezh Region, dated April 27, 2018 in case № 2-1240/2018 // ATP Consultant Plus.

7. Appeal ruling of the Moscow Regional Court of January 11, 2017 in case № 33-206/2017 // ATP Consultant Plus.

Маркелов Сергей Владимирович

профессор кафедры
уголовного процесса,
Краснодарский университет
МВД России
s.v.markelov@yandex.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. В данной статье анализируются различные формы применения инноваций в пенитенциарной системе Российской Федерации: информационные, организационные, социальные, технические и технологические, а также исследуются положения, нуждающиеся в урегулировании на законодательном уровне.

Ключевые слова: инновации, уголовно-исполнительная система, история уголовно-исполнительной системы, реформирование УИС, реорганизация, тюремная реформ.

В настоящее время в научном подходе к исследуемому вопросу выделяются следующие виды инноваций: информационные, организационные, социальные, технические, технологические:

– информационные – связаны с необходимостью упорядочить и оптимизировать на управленческом уровне использование современных информационных технологий в научных, технологических и инновационных сферах, что давало бы возможность быстрого доступа к достоверной информации;

– организационные – направлены на оптимизацию и рационализацию производственных, логистических, а также процессов реализации и поставок;

– социальные – сконцентрированы на уязвимых местах в таких отраслях, как здравоохранение, просвещение и образование, культура и нацелены на прогресс в организации работы кадров;

– технические – необходимость внедрения таких инноваций связана со стремительным ростом научно-технического прогресса, и, как следствие – использование в производственных процессах передовых технологий прогрессирующего свойства;

Sergey V. Markelov

Professor of the Department
of Criminal Procedure
Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
s.v.markelov@yandex.ru

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE RUSSIAN PENAL SYSTEM

Annotation. This article analyzes various forms of innovation in the penitentiary system of the Russian Federation: information, organizational, social, technical and technological, as well as the provisions in need of regulation at the legislative level.

Keywords: innovation, penal system, the history of the penal system, the reform of the penal system, reorganization, prison reform.

– технологические – используются в производственных процессах для оптимизации средств и порядка изготовления товаров.

Применяемые в российской пенитенциарной системе инновации будут рассмотрены в данной статье.

Статьей 17 Конституции Российской Федерации за российскими гражданами (включая осуждённых субъектов) зафиксированы права и гарантии: «признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина» [1]. Внедрение инновационных технологий в российской уголовно-исполнительной системе способствует эффективной реализации положений данной статьи Конституции РФ.

В настоящее время имеет местонеопределённость самого термина «инновация». Современные научные труды, связанные с инновационными технологиями, также не предоставляют корректной формулировки, применительно к такому термину, как инновация.

Выделяется несколько видов инноваций: организационные, управленческие, технические и экономические. В результате ученые предлагают разные определения, [3, с. 230] Мнения ученых разнятся в толкованиях [3, с. 230], часть из них рассмотрена в данной статье. Отсутствие опре-

делённости в научных исследованиях, связанных с понятием «инновация» указывает на недостаточность исследований в данной области.

Очевидна необходимость изучения характеристик инновационных технологий, применяемых во всех отраслях, в том числе и в современной уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, поскольку инновации являются мощным инструментом, способствующим прогрессу и оптимизации в организации труда сотрудников, чья деятельность связана с системой исполнения наказаний, что в значительной степени облегчает планирование и осуществление поставленных целей.

Применение инновационных технологий в уголовно-исполнительной системе России на управленческом уровне влечет за собой значительные перемены в организации работы и взаимодействия персонала пенитенциарных учреждений, и имеет своей целью найти широкое применение и распространение на ежедневное и повсеместное применение в работе представителей ФСИН Российской Федерации.

Основная задача внедрения организационных инноваций определяется как необходимость оптимизации процессов, связанных с исполнением наказаний.

Не стоит недооценивать влияние инновационных технологий на мотивированность работников, чьи должностные обязанности связаны с исполнением наказаний; также, инновации дают возможность оптимизации расходов и трат на обеспечение функционирования организаций, исполняющих приговоры.

Благодаря использованию организационных инноваций в пенитенциарной системе Российской Федерации, возникает возможность для использования новейших инновационных разработок и методик, способствующих решению поставленных перед Федеральной службой исполнения наказаний РФ задач.

Далее, мы подробно разберём базовые организационные инновации, применяемые в настоящее время ФСИН.

Достаточно распространено мнение о необходимости перекалфикации административно-исполнительной системы в невоенизированную структуру, с изменением управленческого аппарата на гражданских лиц [2, с. 34].

Вообще, тенденция к демилитаризации в пенитенциарной системе прослеживается достаточно давно, но, несмотря на это, очевидна невозможность полной замены силовых подразделений в административно-исполнительном аппарате. В настоящее время не представляется возможной полная замена гражданскими служащими представителей следующих подразделений: оперативно-розыскной службы, дежурных подразделений, отделов охраны и конвоирования, режима и надзора за осужденными, мерой пресечения которых установлено лишение свободы. В то же время, передача в гражданское управление уго-

ловно-исполнительной инспекции вполне возможна [2, с. 36].

Внедрение организационных инноваций ставит задачи, также, улучшение финансирования оплаты труда работников вышеперечисленных подразделений, чья деятельность напрямую связана с правонарушителями, мерой пресечения которым установлено лишение свободы, что влечет серьезные риски для работников.

Нам представляется вполне обоснованным разграничить структуру исправительных объектов, в частности выделить буферную, жилую и охранно-режимную зону. Администрирование буферной зоны возможно делегировать под общественное управление либо под бизнес-менеджмент для осуществления контрактов для исправительного учреждения, ведения переговоров с промышленными предприятиями, заинтересованными в приобретении изделий из исправительных учреждений. Охранно-режимная зона останется специализированным военным учреждением.

Частью программы по внедрению организационной инновации в уголовно-исправительной системе является формирование отдельной корпорации, не входящей в Федеральную службу исполнения наказаний и осуществляющей свою деятельность в соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ, вступившим в силу 12 января 1996 года. Данное нововведение предоставит дополнительные возможности для решения, как административных задач, так и вопросов финансирования российской уголовно-исполнительной системы, при этом появится возможность организовать оптимальным образом трудовые процессы субъектов, отбывающих наказание.

Для реализации поставленных задач также предложены следующие программы в рамках организационной инновации:

Формирование «ситуационных центров». Деятельность центров предполагается организовать таким образом, чтобы у осуждённых была возможность выполнять обработку и анализ текстовых файлов, аудиоматериалов и видеоизображений. Работа ситуационных центров будет координироваться и планироваться с учетом прогнозирования тех или иных экономических предпосылок, и направлении на вовлечённость осуждённых в трудовые процессы.

Создание ситуационных центров также будет способствовать положительным изменениям в системах безопасности и контроля над информацией, это неизбежно приведёт к значительному сокращению издержек в уголовно-исправительной системе и ослаблению коррупционных факторов [6].

В пенитенциарной системе предполагается разделить функции ситуационного центра между центром управления и обеспечения информационной безопасности и антикоррупционным центром.

Развитие институциональной науки в российской пенитенциарной системе в настоящее время направлено на систематизирование процессов, связанных с оптимизацией эффективности деятельности работников, чьи должностные обязанности напрямую связаны с исполнением уголовных наказаний, повышение уровня образования и аттестации работников в высших учебных заведениях ФСИН. Целью научных разработок, в том числе, являются детальные исследования в области социологии и демографии, исследование факторов, влияющих на возникновение рецидивов субъектами, мерой пресечения которым установлено лишение свободы, а также осуждённых лиц, в отношении которых избраны альтернативные меры наказания.

К числу вводимых организационных инноваций в уголовно-исполнительной системе России относится и формирование Центра инноваций и инновационной деятельности ФСИН Российской Федерации. Структура этого специального подразделения организовывается таким образом, чтобы появилась возможность осуществлять координацию инновационных процессов в отечественной пенитенциарной системе благодаря систематизации и анализу как входящих, так и исходящих информационных потоков. Также запланированы разработки по внедрению дополнительных инноваций в пенитенциарной системе, связанных с научно-исследовательскими процессами и дальнейшим практическим использованием.

Все перечисленное даёт основания говорить об актуальности процессов, связанных с введением организационных инноваций в уголовно-исполнительную систему, поскольку они предоставляют возможность не только сохранить уже имеющиеся положительные наработки, но и запустить преобразовательные процессы, в том числе, в сфере экономических интересов пенитенциарных учреждений. Формирование специальных отделов, координирующих соответствующие процессы, связанных с организационными инновациями, даст возможность оптимизировать работу ФСИН.

Современные инновации оказывают мощнейшее влияние на все без исключения социальные и государственные процессы. Было бы ошибкой полагать, что необходимость в инновационных разработках не возникнет в структурах государственных органов и правительственных организаций.

Консервативность мышления, препятствующая применению инновационных технологий на государственном уровне, приводит к существенным затруднениям в работе всех без исключения государственных организаций. Применение новейших разработок научно-технического прогресса, разработок в информационной области, а также современных технических устройств, даёт возможность значительно сократить трудозатраты в любой области, и предоставляет большие возможности для обработки и обобщения статистических данных, а также для обеспечения исследовательских процессов. [4, с. 63]

В настоящее время в уголовно-исполнительной системе России уже применяются современные инновационные разработки. Функционирование Федеральной службы исполнения наказаний РФ связано с огромными потоками информации, обработка которых невозможна без использования новейших разработок в информационно-вычислительной области, помогающих систематизировать, анализировать, фиксировать поступающую информацию. Внедрение таких инноваций даёт возможность задействовать новейшие информационные продукты для упорядочения баз данных в масштабах Российской Федерации, а также оперативного получения информации из удалённых отделов.

В переходный период, в связи с введением в работу системы исправительных учреждений новейших программных продуктов, приоритетным направлением является корректировка работы подразделений охраны и конвоирования, с целью профилактики и пресечения возможных побегов, либо организованных бунтов.

Приоритетным вопросом в функционировании Федеральной системы исполнения наказаний России остаётся внедрение централизованных информационных программ, благодаря ресурсам которых появится возможность обеспечить функционирование всей системы на высоком уровне, в частности, обобщение и систематизация входящей информации, статистических данных, данных удалённых структурных отделов, а также организация основных граней деятельности Федеральной службы исполнения наказаний, а именно: оптимизация научно-исследовательской работы, планирование производственных процессов, логистики.

Вместе с тем, не стоит забывать и о таком важном явлении, как необходимость поддержания на должном уровне функционирования внедряемых инновационных программ, а также развития используемых в настоящее время продуктов инновации, и, как следствие – фиксация изменений на законодательном уровне. Из этого следует, что преимущественной целью введения инноваций в функционирование ФСИН России является организация всех процессов в соответствии со стремительным развитием современных интеллектуальных инструментов.

Основное внимание при внедрении организационных инноваций следует обратить на создание центров инновационных технологий: республиканских, региональных, областных, районных, и т.д. Возникновение таких связанных между собой сетей центров новых информационных технологий (НИТ) предоставляет возможность сформировать своего рода инновационный и научно-технический культурный пласт, столь необходимый ФСИН, в результате чего появятся возможности для анализа деятельности, научно-исследовательских разработок, а также запуск инновационных внедрений, обучающих, консультационных и производственных механизмов во всех подразделениях.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // СПС Гарант
2. *Вилкова А.В.* Основные принципы построения компетентностно-ориентированной технологии обучения оперативно-розыскной деятельности в образовательных организациях высшего образования ФСИН России // Юрист. 2013. № 23. С. 32–36.
3. *Маркелова О.Н.* Теоретико-правовые основы инновационной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 228–236.
4. *Селиверстов В.И.* Уголовно-исполнительное право / Под ред. В.М. Анисимова, В.И. Селиверстова. М. : Феникс, 2016. 416 с.
5. *Твис Б.* Управление научно-техническими нововведениями / Б. Твис; Пер. с англ. М. : Экономика, 1989. С. 528.
5. Уголовно-исполнительное право : учеб. пособие для студентов вузов, обуч. по спец. «Юриспруденция». 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. С.Я. Лебедева, А.В. Симоненко. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2009. 231 с.

Literature:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // ATP Garant.
2. *Vilkova A.V.* Basic principles of the competence-oriented technology of training operational investigative activities in educational institutions of higher education of the FSIN of Russia // Lawyer. 2013. № 23. P. 32–36.
3. *Markelova O.N.* Theoretical and legal basis of innovation in the penal system // Bulletin of the Perm University. Legal science. 2012. № 3. P. 228–236.
4. *Seliverstov V.I.* Penal law / V.I. Seliverstov; Under the editorship of V.M. Anisimov. M. : Phoenix, 2016. 416 с.
5. *Twiss B.* Management of scientific and technical innovations / B. Twist; lane. with English. M. : Economy, 1989. P. 528.
6. Criminal Executive law: studies. a textbook for students of high schools trained on a speciality «Jurisprudence». 3rd edition, revised and amended / Ed. by S.Y. Lebedev, A.V. Simonenko. M. : UNITY-DANA : Law and law, 2009. 231 p.

Некрасов Василий Николаевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы
исполнения наказаний России
vnnekrasow@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ВИД ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЙ ИННОВАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений, которые претерпевает уголовный закон Российской Федерации в связи с активным развитием инновационной деятельности. В частности, автор освещает вопросы сущности, признаков, отличительных особенностей искусственного интеллекта. В ходе исследования им был сделан вывод о том, что искусственный интеллект представляет собой инновацию, так как является результатом инновационной деятельности. Кроме того, в связи с тем, что в настоящее время не только не определены сущность искусственного интеллекта, но и его возможности, анализируемое явление необходимо рассматривать как вид потенциально общественно опасной инновации.

Ключевые слова: инновационная деятельность, уголовный закон, искусственный интеллект, презумпция.

З а последние несколько лет в юридической литературе только «ленивый» не обратил внимание на проблемы в правовом регулировании таких явлений, как искусственный интеллект, роботы, беспилотные летательные и транспортные средства и т.п. Нередко, указанные понятия рассматриваются как синонимы. Вместе с тем, рассматриваемые термины, хотя и имеют много общего, однако, являются самостоятельными дефинициями. Говоря об искусственном интеллекте, необходимо обратить внимание на следующие вопросы. В частности, сегодня проблема искусственного интеллекта уже переместилась со страниц научных журналов в нормативно-правовые акты. Так, в перечне поручений по итогам совещания по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта, утвержденном Президентом РФ в качестве одной из приоритетных задач было указано на необходимость разработки проекта национальной стратегии развития технологий в области искусственного интеллекта в Российской Федерации [1].

Vasily N. Necrasov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of Criminal Law and Criminology,
Vologda Institute of Law
and Economics Federal Service
Execution of Sentences of Russia
vnnekrasow@mail.ru

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TYPE OF SOCIALLY DANGEROUS INNOVATION IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Annotation. The article is devoted to the analysis of the changes that the criminal law of the Russian Federation undergoes in connection with the active development of innovative activity. In particular, the author highlights the issues of the essence, features, distinctive features of artificial intelligence. The study concluded that artificial intelligence is an innovation, as it is the result of innovation. In addition, due to the fact that at present not only the essence of artificial intelligence, but also its capabilities are not defined, the analyzed phenomenon must be considered as a type of potentially socially dangerous innovation.

Keywords: innovation, criminal law, artificial intelligence, presumption.

Отмеченное подтверждает, что искусственному интеллекту и его последующему использованию, а, следовательно, и законодательному регулированию, в будущем будет уделяться все большее внимание.

Начать следует с определения сущности понятия «искусственный интеллект». В соответствии с ГОСТ Р 43.0.5-2009. «Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения» искусственный интеллект – это моделируемая (искусственно воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека... [2]. По мнению П.М. Морхата анализируемое понятие есть полностью или частично автономная самоорганизующаяся компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе, био-кибернетическая система, наделенная/обладающая рядом способностей и возможностей [3, с. 69].

Анализ приведенных определений анализируемого явления позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, искусственный интеллект нельзя путать с так называемым «естественным интеллектом» или интеллектом человека. Причем, интересно, что ни в словарях, ни в нормативных актах нам не удалось найти определение отмеченных понятий. Как следует из приведенных ранее определений, искусственный интеллект – это всегда системы, создающие подобие, имитацию и моделирующие мышление человека. В качестве примера можно привести понятие искусственного камня, закрепленное в Пояснении к Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Российской Федерации, где под ним понимается имитация природного камня, полученная путем агломерирования кусочков природного камня, крошки или муки, полученных из природного камня (известняка, мрамора, гранита, порфира, серлентина и т.д.) известью, цементом или другими связующими веществами (например, пластмассами). Изделия из искусственного камня включают такие изделия, как «тераццо», «гранито» и т.д. [4]. В этой связи, человек имеет первичное значение, нежели искусственный интеллект, и соотносятся первое со вторым, как оригинал и копия. Иными словами искусственный интеллект – это всегда копия или подобие человека.

Во-вторых, в понимании сущности искусственного интеллекта включаются различные составляющие мышления человека, где-то – это творческая деятельность, где-то – интеллектуальная и т.п. Вместе с тем, для уяснения сути рассматриваемого понятия это имеет важное значение. Так, интеллектуальная деятельность – понятие более общее, чем творческая и для нее характерна преимущественно логическая составляющая, в то время как творческой деятельности присущ скорее созидательный, подчас хаотичный характер. Причем, обозначенные примеры имеют не только теоретическое значение. Важным вопросом являются не только проблемы законодательного регулирования, но и аспекты правовой охраны результатов творческой деятельности самого искусственного интеллекта, когда с его помощью создаются результаты, имеющие творческое и коммерческое значение.

В-третьих, необходимо выделять виды искусственного интеллекта. Так, принято дифференцировать сильные и слабые системы искусственного интеллекта. Первые еще называют общими, а вторые прикладными. Сильный, или универсальный, искусственный интеллект сравним с человеческим, может учиться, как это делают люди, и не уступает по уровню развития большинству людей, а во многих смыслах даже превосходит их. Все остальные системы, называются слабыми, поскольку они могут делать только одно дело, например, осуществлять поиск по запросам в Интернете, ставить диагноз по конкретному заболеванию и т.д. [5].

По нашему мнению, искусственный интеллект представляет собой инновацию, так как является результатом инновационной деятельности. Кро-

ме того, в связи с тем, что в настоящее время не только не определены сущность искусственного интеллекта, но и его возможности, анализируемое явление необходимо рассматривать как вид потенциально общественно опасной инновации. Указанное правило распространяется и на отрасль уголовного права. В этой связи, при конструировании отечественным законодателем норм о преступлениях, связанных с искусственным интеллектом, они должны базироваться на опровержимой презумпции его (искусственного интеллекта) общественной опасности. Нам представляется, что на современном этапе развития общества законодателю впервые приходится встречаться с достаточно явной угрозой появления искусственного интеллекта. В этой связи, опыта в этом вопросе у него не имеется. Более того, в настоящее время ни законодатель, ни разработчики систем искусственного интеллекта не знают возможных последствий использования таких систем. Да, сейчас искусственный интеллект, в силу своего простейшего набора возможностей, является помощником человеку, но так будет не всегда, и с возрастанием его технических возможностей будет параллельно возрастать и его общественная опасность. Так, например искусственный интеллект может быть использован не только во благо человека, но и вопреки ему. В частности, одной из наиболее опасных угроз являются самостоятельные системы вооружения, которые запрограммированы на убийство и представляют реальный риск для жизни людей. Другими примерами могут стать манипуляции общественным сознанием человека при помощи искусственного интеллекта, вторжение в личную жизнь и т.п. К сожалению, по мере расширения возможностей искусственного интеллекта мы все чаще будем видеть, что он применяется и для общественно опасных или вредоносных целей.

К сожалению, анализ отражения в уголовном законодательстве возможностей технологий и искусственного интеллекта позволяет сделать вывод, согласно которому законодатель, нередко, игнорирует указанную презумпцию при конструировании уголовно-правовых норм. Следует отметить, что отечественный законодатель при создании уголовного закона ни разу не упоминает на его страницах понятия «робот» или «роботизированная система» и, тем более, «искусственный интеллект». Вместе с тем, как правило, отмеченные понятия включают в себя более общую, по мнению законодателя, дефиницию «техника».

В этой связи, законодателю при регулировании отношений человека и систем искусственного интеллекта следует исходить из презумпции общественной опасности последнего. Указанная презумпция, безусловно, является опровержимой, поскольку искусственный интеллект может быть использован для общественно полезных целей, как, например, для совершенствования диагностики заболеваний, поиска новых способов лечения рака, повышения безопасности использования транспортных средств, для помощи

людям с ограниченными возможностями и т.п. Вместе с тем, при всех общественно благих целях искусственного интеллекта использование его при совершении преступлений и других противоправных деяний грозит серьезными общественно опасными последствиями.

Презумпцию общественной опасности искусственного интеллекта следует учитывать и при конструировании уголовного закона. На сегодняшний день наиболее вероятно появление уголовно-правовых норм устанавливающих уголовную ответственность за нарушение правил безопасности функционирования беспилотных транспортных средств [6, с. 128–129].

Проведенный анализ позволил выявить следующие варианты участия искусственного интеллекта в совершении преступления.

Литература:

1. Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта Утвержден Президентом РФ 12.06.2019 № Пр-1030 // СПС Косультант Плюс (дата обращения 11.09.2019).
2. ГОСТ Р 43.0.5-2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 15.12.2009 № 959-ст) // СПС Косультант-Плюс (дата обращения 11.09.2019).
3. *Morhat P.M.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М., 2016.
4. Пояснения к Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Российской Федерации (ТН ВЭД России) (подготовлены ГТК РФ) (том 3, разделы XII–XVI, группы 64–84) // СПС КосультантПлюс (дата обращения 11.09.2019).
5. *Proydaikov E.M.* Современное состояние искусственного интеллекта. Научно-исследовательские исследования. 2018. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения 12.09.2019).
6. *Korobeev A.I.* Беспилотные транспортные средства, оснащенные системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования / А.И. Коробеев, А.И. Чучаев // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2018. № 3.

Во-первых, совершение преступления системами искусственного интеллекта по воле человека.

Во-вторых, совершение преступного деяния вследствие нарушения правил обращения с системами искусственного интеллекта.

В-третьих, совершение искусственным интеллектом преступления самостоятельно в виду естественного стечения обстоятельств.

Перечисленные варианты криминализации общественно опасных деяний с участием искусственного интеллекта следует реализовывать в сферах, которые поучат наибольшее практическое применение: робототехника, беспилотные летательные аппараты и т.п. В этой связи нормы уголовного закона в этой сфере будут носить бланкетный характер.

Literature:

1. The list of instructions following the meeting on the development of technologies in the field of artificial intelligence Approved by the President of the Russian Federation on June 12, 2019 № Pr-1030 // ATP Cosultant Plus (date of treatment 09.09.2019).
2. GOST R 43.0.5-2009. National standard of the Russian Federation. Information support of equipment and operator activity. Information-exchange processes in technical activities. General Provisions (approved and entered into force by the Order of the Russian Technical Regulation of 15.12.2009 № 959-st) // ATP Cosultant Plus (date of appeal 11.09.2019).
3. *Morhat P.M.* Artificial Intelligence. Stages Threats Strategies. M., 2016.
4. Explanations for the Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Russian Federation (TN FEA of Russia) (prepared by the State Customs Committee of the Russian Federation) (Volume 3, Sections XII–XVI, Groups 64–84) // ATP Cosultant Plus (date of access 11.09.2019).
5. *Proydaikov E.M.* The current state of artificial intelligence. Scientific research. 2018. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-iskusstvennogo-intellekta>. (date of appeal 09/12/2019).
6. *Korobeev A.I.* Unmanned vehicles equipped with artificial intelligence systems: problems of legal regulation / A.I. Korobeev, A.I. Chuchaev // Asia and the Pacific: economy, politics and law. 2018. № 3.

Моисеева Оксана Георгиевна

кандидат юридических наук,
доцент,
Алтайский государственный университет
oksanam0iseeva@yandex.ru

Печатнова Юлия Вадимовна

магистрант,
Юридический институт Алтайского
государственного университета
jp_0707@mail.ru

Стаценко Дарья Алексеевна

магистрант,
Юридический институт Алтайского
государственного университета
dariastatsenko01@gmail.com

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ
АНАЛИЗ ПРОЦЕССА
РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИИ
И КИТАЯ В ПЕРИОД XX–XXI ВВ.**

Аннотация. В статье анализируются процессы политико-правовых реформ России и Китая в переходный период (XX–XIX вв.). В сравнительно-правовом аспекте представлены цели, мотивы, этапы и результаты реформирования; подчеркнуты основные сходства и различия направлений политического реформирования; выявлены причины различных результатов при первоначально схожих целях. Исследование обобщает опыт «перестройки» двух государств и ориентирует на совершенствование государственного менеджмента.

Ключевые слова: право, политика, Россия, Китай, реформы, перестройка, социализм, политическая элита.

Сегодня Китай является одним из самых перспективных государств мира. Растущие экономические показатели, тактика политических маневров, внушительный военно-стратегический потенциал, своеобразие менталитета, культурная идентичность и многовековая история объясняют исследовательский интерес представителей различных научных дисциплин к феномену Китая.

Настоящая статья посвящена компаративистскому исследованию мотивов, целей, этапов и результатов реформирования России и Китая в период XX–XXI вв.

Новизна исследования проявляется в попытке выстроить максимально объективную позицию

Oksana G. Moiseeva

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Altai State University
oksanam0iseeva@yandex.ru

Yulia V. Pechatnova

Undergraduate,
Law Institute of Altay
State University
jp_0707@mail.ru

Daria A. Statsenko

Undergraduate,
Law Institute of Altay
State University
dariastatsenko01@gmail.com

**POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS
OF THE REFORM PROCESS
IN RUSSIA AND CHINA
IN XX–XXI CENTURIES**

Annotation. The political and legal reform process in Russia and China during the transition period of XX–XIX centuries is analyzed in the article. Purposes, motives, stages and results of the reforms are presented through the legal comparative aspects. The main similarities and differences of the political reforms directions are underlined. The reasons of differences between the results in spite of the common purposes are found. The research summarizes the experience of «perestroika» in the both states and orients on the government management development.

Keywords: law, policy, Russia, China, reforms, perestroika, socialism, political elite.

по отношению к обоим государствам. Вместе с тем, ряд современных научных анализов и сопоставлений России и Китая проведены в той или иной мировоззренческой плоскости и подвержены субъективной авторской оценке, в результате чего формируются диаметрально противоположные точки зрения в отношении одного и того же предмета изучения.

Выбор предмета исследования обусловлен тем, что оба указанных государства, несмотря на очевидные и существенные правовые, экономико-социальные, исторические и культурологические различия, обнаруживают ряд сходств.

Во-первых, XX век для России и Китая прошел под влиянием идей марксизма. Вместе с тем,

идеи марксизма, распространяющиеся в большей степени на более развитые европейские капиталистические страны, были чужеродны как для России, так и для Китая. Воспринимая идеи марксизма, государства ставили перед собой неодинаковые текущие задачи, но схожие конечные цели. Так, Россия и Китай, адаптировав теорию марксизма для локального применения, прошли через этап «государственного социализма».

Во-вторых, оба государства оказались «во власти социального утопизма и гигантомании», что нашло отражение в политике форсированного строительства коммунизма. Так, в 1958 председатель Центрального Комитета Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун провозгласил политику «трех красных знамен»: новая генеральная линия; большой скачок; народные коммуны. В 1961 г. первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза Н.С. Хрущев предпринял аналогичный шаг и инициировал принятие программы построения коммунизма в кратчайшие сроки (20 лет) [1].

В-третьих, оба государства в период 1950–1960 гг. отличались постановкой научно необоснованных задач, выдвиганием нереализуемых антинаучных инициатив и ложных теорий. Так, в СССР известность приобрели дело врачей, мичуринская агробиология и другие резонансные примеры антинаучного вмешательства государства в научную среду. В то же время в Китае проводилась крупномасштабная борьба против вредителей сельского хозяйства, которая еще сильнее обострила аграрную проблему.

В-четвертых, многие авторы отмечают схожесть стилей руководства И.В. Сталина и Мао Цзэдуна, стремившихся к исключительности и формированию культа личности.

Таким образом, главное сходством России и Китая сводится к единому общему знаменателю – социалистическое прошлое с характерными ему методами и целями управления государством. Примечательно то, что в переломный период, последняя треть XX – начало XIX вв., оба государства встали на путь рыночных преобразований и, как следствие, корректировки способов и методов управления, что свидетельствует о совпадении мотивов и целей реформирования. Вместе с тем, по состоянию на сегодняшний день Россия уступает передовым позициям Китая.

Следует отметить следующие отличительные черты в реформировании России и Китая, существенно повлиявших на результаты проведенных преобразований.

Во-первых, значительная разница – в качестве российской и китайской политической элиты. В переходный период китайская элита показала себя сплоченным, мотивированным идеей, креативным и мощным организмом, нацеленным на рыночные преобразования. Вместе с тем, российская элита периода 1990-х годов оказалась

расколота на два лагеря – воодушевленных сторонников, с одной стороны, и категоричных противников реформирования, с другой стороны.

Весьма примечательно то, что китайское решение о реформах («реформа и открытость») 1978 года по своему содержанию мало отличались от объявленной В.И. Лениным новой экономической политики, которая обладала мощным потенциалом, предлагала многообещающие результаты, но ввиду отсутствия единства мнения в кругу политических лидеров, была отвергнута.

Во-вторых, Китай избрал оригинальную модель выстраивания отношений со странами Запада. Не пренебрегая национальной идеей, государство сумело грамотно выстроить приоритеты в экономическом развитии, способы привлечения в страну капитала, новых технологий и современного менеджмента (различного типа открытые экономические зоны) [2]. Вместе с тем, большинство ученых в сфере сравнительного правоведения убеждены, что российская политико-правовая мысль в переходный период попала под значительное влияние западных идей, что впоследствии отразилось на экономической политике, ее целях и приоритетах [1].

В-третьих, реформаторская элита Китая с использованием административных ресурсов коммунистической партии нашла оригинальный путь проведения реформ: постепенно, без разрушения политического, экономического и государственного строя. Оптимальным представляется новое толкование социализма, выдвинутое китайскими управленцами. Так, в переходный период в Китае зафиксирован новый социальный идеал, под которым подразумевается социализм с китайской спецификой [3]. Такой подход позволил партийной элите Китая безболезненно внедрить рыночные идеи и наполнить «социализм с китайской спецификой» несвойственным марксистско-ленинскому учению смыслом.

Тем самым, в теории, экономике и политике Китая переходного периода господствующим стал принцип градуализма, исключая шоковые методы, характерные для России 1990-х годов [1]. Если для России можно обозначить конкретные даты, с которыми связаны переходы к демократии и рынку, то в Китае менялось название экономического строя, его содержание и, разумеется, менялась сама социальная структура общества. Вместе с тем, конкретную дату периода обозначить достаточно сложно.

В-четвертых, в двух государствах неодинаково формировался культ личности. Так, лидеры обоих государств отличались стремлением сформировать образ своей исключительности. В то же время, в советском прошлом на примере перехода полномочий Генерального секретаря ЦК КПСС от И.В. Сталина к Н.С. Хрущеву произошел резкий мировоззренческий скачок от чрезмерного возвеличивания до резкого спада и переосмысления культа личности. Вместе с тем, в Китае после инициированных Мао Цзэдуном

массовых репрессий перед его преемником Дэн Сяопином также встал выбор: разрушить культ личности или, наоборот, не допускать этого. На примере советского опыта он уже знал, какиенегативные последствия может повлечь за собой разоблачение грубыхошибочных решений и преступных деяний первого руководителя, с которым связано рождение нового государства и новой общественной системы, при которой выросло несколько поколений людей. Поэтому Дэн Сяопин заявил, что деятельность Мао Цзэдуна на 70 % была правильной и только на 30 % – ошибочной. Такая оценка не вызвала раскола в обществе и не затруднила движение страны вперед. Так, несмотря на тяжелые последствия политики «большого скачка» и «культурной революции», несмотря на массовые репрессии граждан, Мао Цзэдун продолжает оставаться в Китае высоко почитаемым государственным деятелем. Этим подчеркивается, что для китайского менталитета огромную роль играет не разрыв с прошлым, что характерно для России, а преемственность достижений поколений руководителей [1].

Литература:

1. *Кива А.В.* Реформы в Китае и России: сравнительный анализ // Институт востоковедения РАН. М. : Центр стратегической конъюнктуры, 2015. 304 с.
2. *Овчинников В.* «Пятая модернизация». Политические реформы создали современный Китай // Российская газета, 27.09.2005 (дата обращения 29.09.2019).
3. *Цзян Цзэминь.* О социализме с китайской спецификой // Памятники исторической мысли. М., 2004. Т. 2.
4. Китай стал второй страной в мире по числу миллиардеров. URL : newsland/news/detail/id/1280639 (дата обращения 29.09.2019).

Итак, в результате реформирования масштабы достижений, которые показывает Китай уже более трех десятилетий, по всем показателям экстраординарные. Китайская Республика провела индустриализацию в три раза быстрее, чем страны Запада. Это государство ведет наиболее успешную борьбу с коррупцией и, в целом, с преступностью. За первые 30 лет реформ (начиная с 1979 г.) ВВП Китая увеличился в 15 раз, а промышленное производство – более чем в 20 раз. Внешнеторговый оборот вырос более чем в 100 раз. Более того, рост Китая продолжился и в период мировых кризисов, что подчеркивает независимость китайской экономики от скачков на мировом рынке [4].

Таким образом, в сопоставлении с советским и российским опытом можно сделать вывод о том, что мудрость китайского государственного менеджмента состоит, прежде всего, в осторожности, преемственности и приверженности самобытности. Видится, что именно эти качества китайской политики предопределили успешные итоги реформирования Китая.

Literature:

1. *Kiva A.V.* Reforms in China and Russia: the comparative analysis // Institute of Oriental Studies RAS. M. : Center for Strategic Market Situation, 2015 .304 p
2. *Ovchinnikov V.* «Fifth modernization». Political reforms created modern China // Rossiyskaya Gazeta, 09/27/2005 (date accessed 09/29/2019).
3. *Jiang Zemin.* About the socialism with Chinese characteristics // Monuments of historical thought. M., 2004. T. 2.
4. China has become the second country in the world in the number of billionaires. URL : newsland/news/detail/id/1280639 (date accessed 09/29/2019).

Пушкарёв Евгений Александрович
доктор политических наук,
профессор кафедры теории и
истории права и государства,
Краснодарский университет МВД России
kr_evg@mail.ru

ЮРИДИЗАЦИЯ ОБЫДЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

■ ■ ■

Аннотация. В статье исследуются пределы юридизации обыденных отношений в России, условия и принципы определения этих пределов в свете конституционных норм, отражающих позитивную и естественную теории права. Отмечается, что уровень юридизации обыденных отношений в России должен определяться сбалансированностью интересов граждан, общества и государства, их устойчивыми взаимосвязями в социокультурном контексте.

Ключевые слова: юридизация, обыденные отношения, правовое государство, менталитет, позитивное и естественное право.

■ ■ ■

Обыденные отношения отражают представления общества о справедливом устоявшемся порядке, которые, в случае отсутствия негативных последствий, должны ложиться в основу правовых норм в правовом государстве.

Основным принципом формирования права является справедливость. Свобода, равенство, общее благо, классовый интерес, национальный интерес и личный интерес, по выражению О.В. Мартышина, признаются, если они справедливы, при этом право должно быть связано с объективной или исторической необходимостью [1].

В теории правового государства можно выделить два подхода к пониманию его сущности: правовой позитивизм и естественность прав. Правовой позитивизм связан с юридизацией отношений по усмотрению государственных органов, наделенных функциями правотворчества и правоприменения. Естественность прав вытекает из естественной сущности человека, носящего в нормативном выражении установленный минимум прав для осуществления полноценной жизнедеятельности.

Конституционные нормы российского государства сформированы на основе обоих подходов к пониманию сущности правового государства,

Evgeny A. Pushkarev
Doctor of Political Science,
Professor of Theory and History
of Law and State,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
kr_evg@mail.ru

LEGALISATION OF EVERYDAY RELATIONS IN RUSSIA IN THE ASPECT OF THE THEORY OF THE RULE OF LAW

■ ■ ■

Annotation. The article examines the limits of the legal system of ordinary relations in Russia, the conditions and principles of determining these limits in the light of constitutional norms reflecting the positive and natural theory of law. It is noted that the level of legal regulation of ordinary relations in Russia should be determined by the balance of interests of citizens, society and the state, their stable relationships in the socio-cultural context.

Keywords: legal system, ordinary relations, legal state, mentality, positive and natural law.

■ ■ ■

причем приоритет отдан именно второму подходу.

Согласно Конституции, Российская Федерация является правовым государством, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а единственным источником власти является народ. Тем самым, можно сделать вывод, что государство должно регулировать общественные отношения с помощью правовых норм в интересах его граждан и отождествлять эти интересы со своими.

Юридизация отношений не всегда направлена на сохранение и нормативное закрепление их обыденности, может быть продиктована также интересами власти. Выстраивание правоотношений в обществе под влиянием только государственных интересов противоречит теории естественного права.

В последнее десятилетие основной упор национального законодательства был сделан на ограничительные меры по обеспечению антитеррористической защищенности, защите элементов политической идеологии, противодействию информационным угрозам, а также на увеличение значимости административного ресурса в избирательном процессе. Коммерческие и обыден-

ные отношения получили дополнительную нормативно-фискальную нагрузку для пополнения бюджета страны.

Установленные нормы способствовали увеличению роли государства в жизнедеятельности российского общества. На фоне сужения социальных обязательств, в средствах массовой информации стали появляться высказывания властной элиты о необходимости изменения Конституции в соответствии с политической конъюнктурой последнего времени.

Так, председатель Конституционного суда России В.Д. Зорькин основными недостатками Конституции видел отсутствие статуса администрации президента и полномочий прокуратуры, излишнюю самостоятельность органов местного самоуправления, несовершенную модель народовластия (многопартийность), отсутствие «контрлимитов» для наднациональной юрисдикции (Европейского суда по правам человека) [2].

Проанализировав актуальность действующей Конституции на предмет соответствия принятым в последние годы положениям предлагал председатель Государственной Думы России В.В. Володин [3]. Также было предложено закрепить конституционные нормы, направленные на увеличение контрольных функций парламента над формированием и деятельностью правительства [4]. Как нам представляется, контрольные функции парламента вполне могут быть реализованы в процессе коллегиального нормотворчества.

Несомненно, сворачивание демократических институтов одним из ключевых членов международного сообщества приведет к новому витку конфронтационных процессов с весьма неопределенными перспективами.

Отдельные исследователи утверждают, что игнорирование законодателем представлений россиян о праве как правде и справедливости, провоцирует существование обыденных отношений вне нормативных рамок. Образующийся в следствии бездействующего законодательства вакуум, как полагает Н.В. Галустян, заполняют неформальные способы социально-экономической саморегуляции, нередко носящие преступный характер, способствуют образованию «реальной этики» [5].

Ментальность каждого народа образует свое самобытное правовопонимание, свой смысл права. В правосознании российского общества правовое воспринимается не только как юридическое. Право не отождествляется с личными притязаниями и интересами. Основу народного правосознания, прежде всего, составляет нравственный идеал – «правда» (истина) и «социальная справедливость».

В научной литературе можно встретить мнения о несоответствии современных международных демократических правовых стандартов исторически сложившемуся правосознанию россиян. Исследователь Э.Л. Панеях, в частности, отмечает, что российское законодательство было

создано по чужим образцам, направлено на слом органично существовавших ранее в обществе образцов поведения, не соответствует культурно-историческим представлениям о справедливости, привычному и естественному способу урегулирования конфликтов [6].

В свою очередь, современные правоведы Л.И. Карнаушенко и А.С. Палазян выделяют характерными чертами правового менталитета российских граждан избирательное отношение к праву и скептическое отношение к действительности закона. Обесценивание правомерного поведения ученые связывают с влиянием исторических событий на «культурную память» народа, а именно активного применения тоталитарного насилия и господства единой идеологии [7].

Очевидно, процессы конвергенции и унификации правовых систем являются сегодняшней реальностью. Тем не менее, нивелированная от социокультурных особенностей российского общества, правовая система подвержена рискам формализации, бюрократизации, коммерциализации, нигилизма и экстремизма, развития неформальных обыденных отношений вразрез правовым предписаниям.

В современной России сложившаяся юридическая бюрократизация как крайняя негативная форма избыточной юридизации обыденных отношений с превалированием контрольных функций чиновничества приводит к длительности, дороговизне и низкой эффективности правовых процедур защиты интересов граждан, увеличению государственного аппарата.

Несовершенство механизмов реализации гражданских инициатив в законотворчестве также приводят ослаблению действенности нормативных предписаний на уровне правосознания населения России.

Преобладание в России в политическом управлении административных механизмов государственной власти обусловлено не только политической волей и ментальными взглядами, но и низкой эффективностью проводившихся реформ и, как следствие, апатичной политической культурой самих граждан.

Административные механизмы управления в современной России преобладают над демократическими. Соблюдение демократических процедур нередко сопровождается отсутствием стимулов к их реализации и использованием «административного ресурса». Прямое администрирование позволяет осуществлять управление в большой стране с наименьшими затратами, но, с другой стороны, происходит подавление низовой инициативности и стимулов к самореализации, так необходимых для прогрессивного развития. Поэтому доля демократических механизмов в политическом управлении, как представляется, должна в перспективе возрасти.

Отсутствие должного внимания власти к развитию общественного сектора в России привело к его значительному финансированию зарубеж-

ными правительственными и неправительственными фондами с последующим определением направлений их деятельности, к обострению социальных противоречий. Созданные органами власти в последние годы административные и правовые барьеры для получения иностранного финансирования, безусловно, имели положительные результаты, однако в условиях общего экономического спада произошла парализация общественной деятельности. В сложившейся ситуации гражданское общество в России может существовать, только разделив с государством его социальные функции (организация культурных, научных и спортивных массовых мероприятий, арбитраж между гражданами и государственными органами в разрешении социально-политических конфликтов).

Практика показывает, что в современной России в ходе борьбы с экстремизмом под пристальным контролем государственных органов оказываются все общественные инициативы. Как отмечают исследователи, «в процессе бесконечного ограничения прав и свобод современное российское государство не ограничено, по сути, ничем», а «термин «правозащитник» воспринимается практически, как термин «предатель национальных интересов» [8].

Слабо развитые, а порой, отсутствующие механизмы многоуровневого решения социально-бытовых проблем населения, приводят к эскалации социальной напряженности и радикализму. Следует согласиться, что «нам практически нереально вернуться к архаичным жестким системам контроля над людьми, к более древним формам существования государства; современное общество диктует необходимость поиска совершенно иных форм повышения эффективности государственной власти» [9].

Заметим, государственная власть предпринимает меры к улучшению социально-экономического состояния страны. Указом Президента России от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года» в качестве главных целей развития определены:

- вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира;
- прорывное научно-технологическое развитие за счет увеличения технологических организаций и внедрения цифровых технологий;
- увеличение численности населения вследствие увеличения средней продолжительности жизни до 78 лет, повышение уровня жизни граждан путем роста реальных доходов граждан и пенсионного обеспечения выше уровня инфля-

Литература:

1. *Мартышин О.В.* Теория государства и права в постсоветское десятилетие. Некоторые итоги // Право и политика. 2000. № 7. С. 8, 13.

ции, создание комфортных условий проживания для 5 миллионов семей ежегодно, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека в основном за счет образовательных программ и научных центров.

Как нам видится, для реализации намеченных целей необходима не только политическая воля, но и отлаженный многоуровневый механизм политического управления. Решение поставленных задач зависит не только от статистических данных по их реализации, но, в первую очередь, от конкретно проведенных работ в форме национальных проектов.

При этом, согласно «Основным направлениям бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов», планируемый Минфином России по итогам 2019 года темп роста валового внутреннего продукта на уровне 1,3 %, связанный с как с умеренным замедлением инвестиционной активности, так и со снижением темпов роста потребительского спроса, ставит под угрозу реализацию стратегических задач вышеупомянутого Указа. Выходу российской экономики на траекторию более высоких темпов роста, по мнению Минфина России, будет способствовать развитие строительного сектора за счет средств частных инвесторов и создание условий для иной инвестиционной активности.

Кроме того, планируемая к повсеместному запуску в регионах автоматическая информационная система управления реакцией на негативные мнения и информационные поводы в социальных сетях под названием «Инцидент менеджмент» также призвана усилить контроль за реакциями местных властей на социально-политические проблемы граждан.

Тем самым, можно сделать вывод о том, что уровень юридизации обыденных отношений в России должен определяться сбалансированностью интересов граждан, общества и государства, их устойчивыми взаимосвязями в социокультурном контексте, реализацией норм не только позитивного, но и естественного права. В настоящее время баланс отечественной политической триады подвержен частым как качественным, так и динамическим изменениям, что говорит о слабом взаимодействии и конфликтности ее элементов в силу исторических и субъективных факторов. Позитивный подход к юридизации обыденных отношений, не смотря на формально-декларативное закрепление естественного, используется как инструмент защиты и продвижения интересов власти, определяет приоритеты внутригосударственного и глобального развития России.

Literature:

1. *Martyshin O.V.* Theory of state and law in the post-Soviet decade. Some results // Law and policy. 2000. № 7. P. 8, 13.

2. *Зорькин В.* Буква и дух Конституции // Российская газета. – Федеральный выпуск. № 7689 (226). 9 октября 2018 г.

3. URL : <https://rg.ru/2018/12/25/volodin-predlozhit-prezidentu-ocenit-konstituciu-na-sootvetstvie-realiyam.html> (дата обращения: 23.08.2019).

4. URL : <https://rg.ru/2019/04/07/viacheslav-volodin-predlozhit-usilit-parlamentskij-kontrol.html> (дата обращения 23.08.2019).

5. *Галустян Н.В.* Тенденции формирования и условия повышения активности личности в правовой жизни современного российского общества / Н.В. Галустян; Под ред. П.П. Баранова, С.О. Беляева // Региональная власть: политико-правовые аспекты. Ростов н/Д., 2007. С. 301.

6. *Панеях Э.Л.* Неформальные институты и формальные правила: закон действующий – закон применяемый // Политическая наука. 2003. № 1. С. 37.

7. *Карнаушенко Л.И.* Развитие конституционно-правовой культуры российского общества 1990-х годов в контексте проблемы правового менталитета / Л.И. Карнаушенко, А.С. Палазян // Вопросы государства и права: сборник научных статей. Краснодар, 2018. С. 12–14, 18.

8. *Баранов П.П.* Конституция Российской Федерации и перспективы формирования конституционно-правовой культуры общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 60–61.

9. *Карнаушенко Л.В.* Электронное государство в России: проблемы и перспективы // Юрист-Правоведъ, 2018. № 1. С. 20.

2. *Zorkin V.* Letter and spirit of the Constitution // RossiyskayaGazeta. – Federal issue. № 7689 (226). 9 October 2018

3. URL : <https://rg.ru/2018/12/25/volodin-predlozhit-prezidentu-ocenit-konstituciu-na-sootvetstvie-realiyam.html> (date accessed 23.05.2019).

4. URL : <https://rg.ru/2019/04/07/viacheslav-volodin-predlozhit-usilit-parlamentskij-kontrol.html> (date accessed 23.05.2019).

5. *Galustyan N.V.* Trends in the formation and conditions of increasing the activity of the individual in the legal life of modern Russian society // Regional power: political and legal aspects / ed. P.P. Baranova, S.O. Belyaeva. Rostov on/D., 2007. P. 301.

6. *Paneyakh E.L.* Informal institutions and formal rules: the law in force – the law applied // Political science. 2003. № 1. P. 37.

7. *Karnaushenko L.I.* Development of constitutional and legal culture of the Russian society of the 1990s in the context of the problem of legal mentality / L.I. Karnaushenko, A.S. Palazyan // Questions of state and law: collection of scientific articles. Krasnodar, 2018. P. 12–14, 18.

8. *Baranov P.P.* Constitution of the Russian Federation and prospects of formation of constitutional and legal culture of society // North Caucasus legal Bulletin. 2018. № 4. P. 60–61.

9. *Karnaushenko L.V.* Electronic state in Russia: problems and prospects // jurist-Jurist, 2018. № 1. P. 20.

Савенко Ирина Алексеевна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
Milena.555@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И МЕРЫ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового содержания понятия «международный терроризм» и меры, предпринимаемые для борьбы с ним, как на международном уровне, так и российского уголовного законодательства. Автор отмечает, что основными целями международного терроризма являются дезорганизация государственного управления, нанесение экономического и политического ущерба, нарушение устоев общественного устройства, которые должны побудить, по замыслу террористов, правительство к изменению политики.

Ключевые слова: международный терроризм, акт международного терроризма, нарушение мирного существования государств и народов, международно-правовые средства борьбы.

Двадцатый век ознаменован возникновением и устойчивым существованием целой системы глобальных опасностей для личности, общества и государства, одна из которых приняла форму терроризма и представляет собой проявление еще более опасного явления - политического терроризма.

Угроза безопасности личности, общества и государства получила во многих странах мира воплощение в криминализации части, составляющих это явление, наиболее опасных действий, прежде всего, в форме принятия законодательства о борьбе с терроризмом.

Заинтересованность мирового сообщества в поддержании международной безопасности, а также в обеспечении невмешательства во внутренние дела других государств обусловила широкий поиск путей противодействия. Этим и вызвана необходимость изучения действующей системы международно-правовых норм, регулирующих сотрудничество государств по борьбе с международным терроризмом, возможностей использования правового регулирования борьбы

Irina A. Savenko
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Criminal law and Criminology .
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

PROBLEMS OF DEFINITION AND MEASURES TO COMBAT INTERNATIONAL TERRORISM

Annotation. The article deals with the legal content of the concept of international terrorism and measures taken to combat it, both at the international level and the Russian criminal legislation. The author notes that the dream targets of international terrorism are the disorganization of public administration, economic and political damage, violation of the foundations of the social order, which should induce, according to the plan terrorists, the government to change policy.

Keywords: international terrorism, act of international terrorism, violation of peaceful coexistence of States and peoples, international legal means of struggle.

с данным видом преступлений. Прежде всего, попробуем разобраться в понятии и сущности международного терроризма.

Международный терроризм – специфическая форма терроризма, зародившаяся в конце 1960-х годов [5] и получившая значительное развитие к концу XX началу XXI века. Основными целями международного терроризма является дезорганизация государственного управления, нанесение экономического и политического ущерба, нарушение устоев общественного устройства, которые должны побудить, по замыслу террористов, правительство к изменению политики [6].

В 1972 году в рамках Шестого (правового) комитета Генеральной Ассамблеи ООН был учрежден специальный комитет по вопросам международного терроризма, на который была возложена задача выработки определения международного терроризма, изучения коренных причин, его порождающих, и разработки мер по их предотвращению. Оказалось, что разные государства толкуют понятие «международный терроризм» по-разному: в одних случаях, под этим термином

подразумевались террористические акты, осуществляемые государством, в других – насильственные действия, совершаемые частными лицами. Так, ряд неприсоединившихся стран употребляет термин «международный терроризм» для обозначения политики террора, проводимой правительством внутри страны и вовне, связанной с массовыми нарушениями основных прав и свобод человека, а также при оказании помощи наемникам, террористическая деятельность которых направлена против других суверенных государств. Ряд иностранных государств предлагает определять под этим термином не только насильственные действия государства, но и физических лиц, но таким образом, чтобы включить сюда и действия, предпринимаемые в ходе борьбы с организациями, борющимися за свое национальное освобождение. Освободившиеся государства акцентируют внимание на агрессивных действиях государств по отношению к другим субъектам международного права и, в первую очередь, против народов, борющихся за свое национальное освобождение, и государств, недавно добившихся своей независимости. Обращает на себя внимание то, что в ходе дискуссии термины «террор», «терроризм», «международный терроризм», «террористический акт» и «акт международного терроризма» употребляются как равнозначные понятия. Что касается определения «международный терроризм» как преступления международного характера, то высказанные по этому поводу в разное время в российской юридической литературе точки зрения можно условно разделить на две группы, в зависимости от квалификации его как международного преступления либо как преступления международного характера.

Некоторые юристы (Л.Н. Галенская, Е.Г. Ляхов) определяют международный терроризм как международное преступление. За основу берется степень опасности международного терроризма для коренных интересов всех народов и государств, а также прямое посягательства на мир и международные отношения субъектов международного права в этом случае выступает государство, а непосредственными исполнителями террористических акций являются физические лица [7].

В качестве обязательного признака состава международного терроризма должно быть наличие прямо связи между непосредственным исполнителем террористического акта и государством. Иначе говоря, отсутствие такой связи между ними действия исполнителя не могут быть и не должны квалифицироваться как международный терроризм. Все террористические акты подобного рода объединяются под общим названием «государственный терроризм». Это приводит к освобождению государств, виновных в совершении терактов или причастных к ним, от международно-правовой ответственности, так как действующие в настоящее время международные соглашения, направленные на борьбу с преступлениями международного терроризма, такой ответственности государств не предусматривают.

С другой стороны, введение в качестве обязательного признака в состав преступлений международного терроризма наличие обязательной связи между исполнителями и государством не только осложняет квалификацию, но и позволяет преступникам, фактически, уклониться от ответственности, ибо, на практике, преступную связь между террористами, их организациями, государством, чаще всего, не только трудно, но, порой, невозможно доказать. В этой связи, определение международного терроризма как международного преступления, на наш взгляд, представляется неправомерным. Другие юристы определяют международный терроризм как преступление международного характера (И.П. Блищенко, Н.В. Жданов, Ю.Н. Малеев) [8]. К ним они относят террористические акты, представляющие существенную опасность для международных отношений, в составе которых имеется международный элемент, субъектами выступают индивиды или их организации, действующие вне связи с каким-либо государством. Выделение общего объекта посягательства дает возможность разграничить преступления международного терроризма и террористические акты внутреннего характера. Кроме того, установление общего объекта посягательства позволяет утверждать, что международный терроризм по своей природе и направленности отличается от общеуголовных преступлений, с которыми государства ведут борьбу (рабство и работорговля, торговля женщинами и детьми, подделка денежных знаков и ценных бумаг и др.)

Например, в последние годы резко возросло количество преступлений против гражданской авиации, дипломатов, официальных представительств иностранных государств.

Сначала, эту проблему рассматривали вне связи с международным терроризмом, однако впоследствии, Комиссией международного права в докладе Генеральной Ассамблеи ООН эти преступления было предложено считать частью преступлений международного терроризма. В этой связи появились предложения, связанные с разработкой соглашений, направленных на борьбу с конкретными видами преступлений международного терроризма.

В настоящее время отсутствует общепризнанная классификация преступлений международного терроризма. Большинство государств, формулируя определение международного терроризма, чаще всего прибегают к простому определению конкретных насильственных актов. К ним относят:

- захват и угон самолетов гражданской авиации;
- нападения на иностранные представительства и захват заложников;
- похищения и убийства дипломатов;
- поджоги иностранных представительств, административных и общественных зданий, промышленных объектов;
- покушения на руководящих деятелей различных стран;

– террористические акции на морских судах;

– использование для совершения террористических актов писем, бандеролей и посылок со взрывными устройствами.

Таким образом, независимо от того, на какие объекты посягают террористы, им всегда сопутствует такой объект, как жизнь и здоровье, честь и достоинство человеческой личности. Это обстоятельство берется за основу и им обычно ограничивается большинство ученых, пытающихся выработать определение понятия «международный терроризм». При этом игнорируется то обстоятельство, что насилие при международном терроризме осуществляется не ради насилия, а с целью удовлетворения выдвигаемых террористами различного рода требований к государству (группе государств), международным организациям и другим субъектам международного права. Проводя разграничения по непосредственным объектам посягательства, можно выделить конкретные виды преступлений международного терроризма, отличающиеся друг от друга, как по характеру объекта, так и по степени опасности:

1. Посягательства на безопасность лиц, представляющих государства или международные организации, а также иностранцев, в связи с их общественной деятельностью и положением на международной арене, которые в целом пользуются правом на международную защиту.

2. Посягательства на безопасность дипломатических и иных официальных представительств иностранных государств и международных организаций.

3. При посягательстве на безопасность международных транспортных средств наносится ущерб их верховенству на своей территории и независимости в международных отношениях, независимости международных организаций. В этой связи, государства объективно заинтересованы в обеспечении своей безопасности путем принятия совместных мер в борьбе с международным терроризмом.

В основе любого акта международного терроризма лежит физическое насилие или угроза такого насилия над личностью, и в тех случаях, когда к действиям террориста причастно государство через свои органы, в соответствии с международным правом, квалифицируются не как международный терроризм, а как агрессия, вмешательство во внутренние дела и т.п.

Решение проблемы подобным образом позволяет шире использовать международно-правовые средства борьбы, поскольку традиционные меры по предупреждению и пресечению данных преступлений, принимаемые на национальном уровне, не всегда являются достаточно эффективными.

Например, Монреальская конвенция достаточно подробно регулирует вопросы выдачи, оказания уголовно-правовой помощи, установления юрисдикции государства и других действий, призван-

ных обеспечить неотвратимость наказания. В целях предотвращения наступления международных осложнений и уменьшения материального ущерба от совершаемых преступлений, в Гаагской [1] и в Монреальской конвенциях нашла закрепление договоренность государств в кратчайшие сроки возвращать воздушное судно и грузы законным владельцам и содействовать дальнейшему следованию пассажирами экипажа [3].

Европейская конвенция вступила в силу в 1977 году и при всей положительной значимости имеет существенные недостатки. Главным из них является исключение из него положения о том, что мотивы совершения указанных преступлений не принимаются во внимание [5]. В связи с этим, открываются возможности принимать во внимание политические мотивы при юридической оценке деяния. А так как преступления международного терроризма, чаще всего, совершаются по политическим мотивам или маскируются политическими лозунгами, то эти моменты могут быть использованы для освобождения преступников от наказания. Несмотря на эти неувязки, можно констатировать, что в современных условиях необходимо заключить международные соглашения, направленные на борьбу с отдельными видами преступлений, входящими в систему международного терроризма. В этой связи на первое место выдвигается необходимостью, опираясь на положения действующих в этой сфере соглашений, продолжить разработку новых международно-правовых норм. Они должны быть направлены, в первую очередь, против таких преступлений международного терроризма, вопросы борьбы с которыми в настоящее время неурегулированы, а сами они представляют серьезную угрозу для безопасности государств и международных отношений.

Таким образом, все международно-правовые договоры, конвенции, кодексы, касающиеся борьбы международного сообщества против международного терроризма, перечисляют конкретные виды преступных актов. Терроризм и международный терроризм определяются как уголовные преступления, совершаемые физическим лицом (лицами) против конкретного предмета внутригосударственных или международных отношений. Тем самым, субъект и объект преступления и его социально-политический характер определяются недостаточно полно и точно, что, в значительной степени, снижает эффективность борьбы с международным терроризмом.

Что касается приведения российского национального законодательства в соответствие с международно-правовыми нормами, то в этом направлении сделаны определенные шаги вперед, хотя и здесь остается еще много нерешенных проблем.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни в Федеральном законе «О противодействии терроризму», ни в уголовном законодательстве не раскрывается сущность термина «международный терроризм», однако, в 2016 году

была введена статья, предусматривающая ответственность за совершение акта международного терроризма.

Исходя из буквального толкования диспозиции ст. 361 УК РФ, следует, что наказуемы неправомерные действия, сопряженные с совершением акта международного терроризма, которые затрагивают интересы граждан России при условии, что место преступления находится вне пределов нашего государства. Данное преступление нарушает общественные отношения, ставящие под охрану жизнь здоровье свободу и неприкосновенность граждан РФ и интересы России. Размещение статьи 361 в главе 34 «Преступления против мира и безопасности человечества», затрагивающей сферу соблюдения норм международного права и основы мирного и безопасного сосуществования государств, нарушает структурно-логическую схему построения уголовного законодательства.

Также следует отметить, что законодатель при описании действий, входящих в объективную сторону состава ст. 361 УК РФ, использует фор-

мулировку «иные действия», которая включена в диспозицию ст. 205 УК РФ «Террористический акт». Учитывая, что в уголовное законодательство не содержит абсолютно идентичных норм, кажется логичным предположение о наличии различного содержания «иных действий», однако, это понятие в законе не раскрыто. Кроме того, учитывая, что обязательный признак субъективной стороны цель в рассматриваемом составе сформулирована как «нарушение мирного сосуществование государств и народов» и нарушение «интересов РФ» указанные формулировки тоже требуют конкретики.

Отсутствие следственно-судебной практики применения квалификации по ст. 361 УК РФ тормозит процесс выработки единообразного подхода к пониманию и применению уголовного законодательства. Во избежание в дальнейшем возможных ошибок необходимо раскрыть сущность вышеуказанных формулировок в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Литература:

1. Гагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Заключена 16.12.1970) // Борьба с терроризмом касается каждого. Библиотечка «Российской газеты». Вып. 13. М., 2003. С. 145–150.
2. Конвенция от 14 декабря 1973 г. Генеральной Ассамблеи ООН о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов // Действующее международное право. М. : Московский независимый институт международного права. 1997. Т. 3. С. 18–23.
3. Монреальская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Заключена 23.09.1971) // Борьба с терроризмом касается каждого. Библиотечка «Российской газеты». Вып. 13. М., 2003. С. 145–150.
4. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Принята 17.12.1979 Резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН) // Сборник международных договоров СССР. М., 1989. С. 99–105.
5. Европейская конвенция о пресечении терроризма ETS N 090 (Страсбург, 27 января 1977 г.). URL : <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2541141/chapter/4d6cc5b8235f826b2c67847b967f8695/>
6. *Возжеников А.В.* Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. М. : Российская академия государственной службы при Президенте РФ, 2005. С. 504 56 с.
7. *Куликов А.* Современный международный терроризм – ответные меры // Глобальный терроризм и международная преступность: Мате-

Literature:

1. The Hague Convention for the suppression of unlawful seizure of aircraft (Concluded 16.12.1970) // The Fight against terrorism concerns everyone. A library of «Rossiyskaya Gazeta». Vol. 13. M., 2003. P. 145–150.
2. Convention of 14 December 1973 of the UN General Assembly on the prevention and punishment of crimes against internationally protected persons, including diplomatic agents / / Current international law. M. : Moscow independent Institute of international law. 1997. T. 3. P. 18–23.
3. Montreal Convention for the suppression of unlawful acts against the safety of civil aviation (Concluded 23.09.1971) // The Fight against terrorism concerns everyone. A library of «Rossiyskaya Gazeta». M., 2003. Vol. 13. P. 145–150.
4. International Convention for the suppression of the taking of hostages (Adopted 17.12.1979 Resolution 34/146 of the UN General Assembly) / / Collection of international treaties of the USSR. M., 1989. P. 99 105.
5. European Convention for the suppression of terrorism ETS № 090 (Strasbourg, 27 January 1977). URL : <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2541141/chapter/4d6cc5b8235f826b2c67847b967f8695/>
6. *Vasenkov A.V.* international terrorism: the struggle for geopolitical dominance. M. : Russian Academy of public service under the President of the Russian Federation, 2005. P. 504. 56 p.
7. *Kulikov A.* Modern international terrorism-response measures // Global terrorism and international crime: Materials of the 4th world anti-

риалы 4-го Всемирного антикриминального и антитеррористического форума. Герцлия: Институт международной политики по борьбе с терроризмом, 2008. С. 39.

8. *Ляхов Е.Г.* Терроризм и межгосударственные отношения. М. : Междунар. отношения, 1991. 213 с.

9. *Абашидзе А.Х.* Международные организации : учебник / А.Х. Абашидзе, Н.С. Барчукова, А.Е. Биколов, И.П. Блищенко, и др.; Под ред.: Блищенко И.П. М. : Изд-во РУДН, 1994. 305 с.

criminal and anti-terrorist forum.Herzliya: Institute for international policy on counter-terrorism, 2008. P. 39.

8. *Lyakhov E.G.* Terrorism and interstate relations. M. : Mezhdunar. relations, 1991. 213 p.

9. *Abashidze A.H.* International organization : textbook / A.H. Abashidze, N.S. Barchukova, A.E. Bikulov, I.P. Blishchenko, et al.; ed.: I.P. Blishchenko. M. : publishing house of RUDN, 1994. 305 c.

Савин Андрей Александрович
преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний,
аспирант кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Владимирский
государственный университет
Aasavin33@mail.ru

Andrey A. Savin
Teacher of the Department
Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences,
Graduate student of the Department
Criminal Law disciplines,
Vladimir State University
Aasavin33@mail.ru

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ, БОЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ. ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

PAROLE OF CONVICTS, PATIENTS WITH SOCIALLY SIGNIFICANT DISEASE. PROBLEMS AND SUGGESTIONS

■ ■ ■
Аннотация. Целью статьи ставится обращение внимания на наличие слабых правовых регуляторов, дающих уверенность в том, что меры медицинского характера, в том числе, принудительные, направленные на излечение осужденных от социально значимых заболеваний, а именно – от наркозависимости, действительно, в полной мере отвечают всем законодательным требованиям. При рассмотрении вопроса об УДО не оказывается должного внимания отношению осужденного к назначенному лечению, степень его излеченности и отсутствия тяги к пагубной привычке.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, наркозависимость, рецидив, излечение.

■ ■ ■
Annotation. The aim is to draw attention to the presence of weak legal regulators that give confidence that medical measures of a medical nature, including compulsory ones, aimed at curing convicts from socially significant diseases, namely drug addiction, do fully meet all legislative requirements. When considering the issue of UDO, due attention is not paid to the attitude of the convict to the prescribed treatment, the degree of his cure and the lack of craving for a harmful habit.

Keywords: parole, drug addiction, relapse, cure.

■ ■ ■
Актуальность темы исследования. Возвращение освобожденных условно-досрочно от назначенного наказания к употреблению наркотических средств далеко не редкость. Также, не редко то, что в поисках средств для приобретения очередной «дозы», указанные лица идут на совершение новых преступлений, что говорит о слабом оказанном на них исправительном воздействии в условиях пенитенциарных учреждений. Не в полной мере учитывается характеристика личности осужденного и уровень его пагубного пристрастия к наркотикам. Одновременно, не точно отрегулированы специальными нормами правовые отношения, появляющиеся при осуществлении процедуры условно-досрочного освобождения лицами, больными наркозависимостью. Общим вопросам условно-досрочного освобождения уделено большое ко-

■ ■ ■
личество внимания, однако, вопросам, связанным с освобождением больных наркоманией, не так много. Отсутствуют четко определенные критерии, которые указывают на возможность досрочного освобождения лица, слабо регулируется вопрос контроля за условно-освобожденными больными. Считаем, безусловно, актуальным вопрос теоретического осмысления и научного обоснования предложений, связанных с осуществлением и регулированием института условно-досрочного освобождения лиц, больных наркоманией.

Цель статьи. Минимализация проблемных вопросов и предложение теоретических положений, связанных с правоотношениями, проявляющимися при процедуре рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении лиц при

диагностировании у них заболевания «наркомания».

Значимым этапом института условно-досрочного освобождения стало принятие в 1999 году Закона «Об условном досрочном освобождении», содержащим в себе настолько детализированные и прогрессивные на то время положения, что они могли бы быть применимы и в сейчас действующем законодательстве. Однако с учетом развития уголовно-правовой мысли, совершенствованием уголовного, уголовно-исполнительного законодательства, расширения видов и категорий совершаемых преступлений, возникла необходимость его совершенствования.

Рассматривая условно-досрочное освобождение (далее, иногда УДО) со стороны существующих подходов к данному институту, нельзя не согласиться с мнением ряда ученых, представляющих такое освобождение как поощрительную меру уголовно-правового характера. При отсутствии четких критериев оснований для предоставления условно-досрочного освобождения, принято руководствоваться рекомендациями, содержащимися в Постановлении Пленума ВС РФ от 21.04.2009 года «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания...» [1]. Необходимо учитывать, что в указанном документе не находит своего отражения четко структурированный и материализованный на правовой основе перечень требований, необходимых для условно-досрочного освобождения, а закреплена лишь процедура осуществления рассмотрения такого вопроса. Определение «совокупности других характеризующих материалов» должно быть конкретизировано и обязательно содержать сведения, которые могли бы дать полную характеристику лица, претендующего на УДО, к таковым, как мы полагаем, необходимо также отнести сведения о пристрастии лица к употреблению наркотических средств до его помещения в исправительное учреждение. Данные сведения будут необходимы для проверки прохождения лечения осужденного от наркозависимости в условиях изоляции и его отношения к такому лечению. Сведения о прохождении лечения от наркомании и отношении к нему осужденного должно быть приоритетным фактором при решении вопроса об УДО.

Вопросы досрочного освобождения от отбывания наказания больных наркоманией являются частью антинаркотической политики государства [2]. Нормы Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ), регулирующие порядок применения отсрочки отбывания больным наркоманией [3], по сути, не затрагивают права лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях и, соответственно, законодательно остаются без внимания. С учетом усиления борьбы государства с незаконным оборотом наркотических средств очевидно, что число осужденных за «наркотические» преступления будут только расти, что, в свою очередь, приведет к увеличению количества обращений с ходатайствами об условно-досрочном освобождении.

Особого внимания заслуживает определение юридического (правового) статуса лица, страдающего немедицинским потреблением наркотических средств. В отечественном законодательстве отсутствует понятное и конкретное разделение лиц по категориям, в зависимости от личностных качеств и отношения к имеющемуся у них заболеванию, желанию проходить лечение, а также участвовать в программах по реабилитации и профилактики болезни. Упущен, по нашему мнению, вопрос выявления лиц, страдающих наркоманией. Полагаем, что есть необходимость законодательного закрепления обязательного (принудительного) проведения медицинской экспертизы каждого лица, привлеченного к уголовной ответственности и осужденного за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств.

С учетом возможного освобождения от дальнейшего отбывания наказания осужденного, страдающего наркоманией, актуален вопрос контроля за поведением осужденных, больных наркоманией в период их нахождения на свободе и осуществления надзора за исполнением ими дополнительных обязанностей, которые были на них возложены судом. Проанализированная судебная практика по данным вопросам говорит о фактическом неприменении нормы закона, которая бы обязывала условно освобожденного пройти курс излечения от наркозависимости. Полагаем, что инициатором возложения такой дополнительной обязанности, которая бы, в том числе, способствовала исправлению осужденных, должна быть администрация учреждения, где лицо отбывает наказание и ходатайствует о досрочном освобождении. Это обуславливается тем, что именно сотрудники администрации пенитенциарного учреждения, как никто другой, за период длительного общения могут дать развернутую характеристику осужденному, его поведению, пристрастиям, отношение к лечению от наркозависимости, если такое назначалось и т.д. Поддерживая или не соглашаясь с заявляемым ходатайством, администрация предоставляет информацию или заключение, которое формируется на совокупности выводов служб, под наблюдением которых находился осужденный (психологическая, медицинская, социальная и т.д.). Именно оно отражает, в полной мере, возможность или невозможность условно-досрочного освобождения. Данное заключение в обязательном порядке должно отражать психическое или соматическое состояние осужденного с обязательным указанием глубины пристрастия к наркотическим средствам в начале лечения и последующее улучшение здоровья, если таковое произошло. Не лишним было бы возложение на условно осужденных обязанности систематического наблюдения у врача-нарколога с обязательностью обязательной сдачи анализов на наличие наркотических средств в организме.

Рассматривая вопрос о порядке условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания и обязанностей, которые могут или должны быть возложены на условно осужденного, необходимо создавать условия, которые должны этому способствовать. Необходи-

мость четкого регулирования осуществления указанных функций вызвана требованиями законодательства о социализации условно освобожденных лиц и помощи им в восстановлении социального положения. Также, необходимо привлекать иные организации, а лучше – относящиеся к органам Министерства здравоохранения РФ, причастные к определению причастности к обороту наркотиков, их потреблению, лечению от зависимости и т.д. Рассматривая вопрос прохождения амбулаторного лечения от наркозависимости уже после освобождения, нельзя не затрагивать вопрос о помощи трудоустройства освобожденного лица. В начале нашего исследования уже указывалось о том, что основная масса распространения преступности среди наркозависимых – это лица, ищущие возможность добычи средств для приобретения наркотических средств. Один лишь контроль за соблюдением порядка исполнения освобожденным ли-

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» с изменениями и дополнениями от 9 февраля 2012 г. № 3; 23 декабря 2010 г. № 31; 17 ноября 2015 г. № 51.
2. Указ Президента РФ от 9 июня 2010 года № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года».
3. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.07.2019), ст. 82.1.

цом, возложенных на него обязательств, не сможет социализировать его как личность только по причине наличия достойного труда дохода и освобождения от общения с маргинальной составляющей общества.

Выводы исследования. Необходимость определения категории и понятия «порядок освобождения условно-досрочно осужденных с заболеваниями наркозависимостью» занимает важное место в общей структуре этого института и требует законодательного регулирования. Кроме того, мы полагаем, что отсутствие разработки механизма регулирования и возложения определенных обязанностей на условно освобожденных и условно осужденных лиц является необходимым условием в совершенствовании законодательства в этой части. Судебная практика должна быть принята во внимание при регулировании отношений, обозначенных настоящей статьей.

Literature:

1. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 8 of 21 April 2009 «On the judicial practice of parole from serving a sentence, replacing the outstanding part of the sentence with a lighter form of punishment», as amended and supplemented by № 3 of 9 February 2012; December 23, 2010, № 31; November 17, 2015, № 51.
2. Presidential Decree № 690 of 9 June 2010 approving the Strategy for the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation until 2020.
3. The criminal code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ (with changes and additions as of 26.07.2019), Article 82.1.

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказания
alyonapov@mail.ru

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказания
alyonapov@mail.ru

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА УСТАВА КАК
ОСНОВНОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО
ДОКУМЕНТА КРЕДИТНОГО
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО
КООПЕРАТИВА**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению гражданско-правовой характеристики устава как основного учредительного документа кредитного потребительского кооператива. Основным документом в деятельности любого кредитного потребительского кооператива выступает устав. Он выполняет две важные функции: доводит информацию о юридическом лице, что имеет значение для лиц, которые вступают в сделки с данной организацией, а так же определяет круг отношений между участниками по распределению прибыли, управлению и т.д.

Ключевые слова: устав, кредитный потребительский кооператив, пайщик, локальный нормативный акт, паевой взнос.

Основным локальным нормативно-правовым актом является учредительный документ – устав кредитного потребительского кооператива (Далее – КПК), который утверждается общим собранием пайщиков.

Sergey A. Semenov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
Public and Legal Disciplines,
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penal Enforcement Service
alyonapov@mail.ru

Elena V. Shanazarova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
Public and Legal Disciplines,
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penal Enforcement Service
alyonapov@mail.ru

**CIVIL AND LEGAL
CHARACTERISTICS
OF THE ARTICLES
OF ASSOCIATION AS THE MAIN
CONSTITUENT DOCUMENT
OF THE CREDIT CONSUMER
COOPERATIVE**

Annotation. The article is devoted to the consideration of the civil-legal characteristics of the articles of association as the main constituent document of the credit consumer cooperative. The main document in the activities of any credit consumer cooperative is the articles of association. In addition to the articles of association members of the cooperative adopted a number of legal acts of a local nature, a list of which is given in this article. The articles of association performs two important functions: brings information about the legal entity, which is important for persons who enter into transactions with this organization, as well as determines the range of relations between the participants in the distribution of profits, management, etc.

Keywords: the articles of association of credit consumer cooperative, shareholder, local regulation, share of contribution.

Проведем анализ устава кредитного потребительского кооператива на соответствие требованиям законодательства, а именно положениям п. 1 ст. 8 Федерального закона № 190-ФЗ «О кредитной кооперации».

Согласно вышеназванной норме закона, устав кредитного потребительского кооператива должен содержать определенные положения. При этом положения локальных нормативно-правовых актов должны соответствовать нормам, закрепленным уставом кооператива.

1. Устав кооператива должен содержать полное наименование и сокращенное, а так же место нахождения кооператива.

2. Уставом должны быть определены предмет и цели деятельности кредитного кооператива [1]. Предмет деятельности КПК может определяться в уставе как организация финансовой взаимопомощи, которая реализуется с помощью объединения паев и привлечения денежных средств пайщиков и юридических лиц, которые не являются членами кооператива, а так же для размещения указанных средств в займы, которые предоставляются пайщикам.

3. Устав должен предусматривать порядок и условия приема в члены кооператива, основания и порядок прекращения членства в кредитном кооперативе.

Прием в пайщики и исключение из членов КПК определяется определенным разделом устава, а также регулируется Положением о членстве в КПК.

Согласно указанным внутренним документам, членами кредитного потребительского кооператива могут стать:

– физические лица, которые достигли возраста 16 лет;

– юридические лица;

– физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей.

Согласно требованиям пп. 2 п. 3 ст. 1 Федерального закона № 190-ФЗ «О кредитной кооперации», уставом кооператива определяются принципы объединения пайщиков.

Решение о принятии лица в члены кредитного потребительского кооператива принимается Правлением КПК на основании заявления, поданного указанным лицом в Правление кооператива.

4. Устав должен содержать информацию о размере паевых взносов, о порядке их внесения, и об их составе, а так же об ответственности членов кооператива за нарушение обязательств по внесению паевых и прочих взносов (табл. 1).

Таблица 1

Взносы, уплачиваемые пайщиками КПК

Наименование взноса, уплачиваемого членом кооператива	Основание	Размер	Порядок уплаты
Вступительный взнос	ст. Устава КПК; ст. Положения о порядке формирования и использования имущества КПК	100 руб. независимо от категории пайщика	Является обязательным взносом и уплачивается при вступлении в кооператив
Обязательный паевой взнос	ст. Устава КПК; ст. Положения о порядке формирования и использования имущества КПК	Физические лица – 100 руб.; Физические лица, являющиеся индивидуальным предпринимателем – 2500 руб.; Юридические лица – 6000 руб.	
Добровольный паевой взнос	ст. Устава КПК; ст. Положения о порядке формирования и использования имущества КПК	Определяется пайщиком самостоятельно	Не определен
Ежегодный членский взнос	ст. Устава КПК; ст. Положения о порядке формирования и использования имущества КПК	500 рублей не зависимо от категории пайщиков	Оплачивается один раз в год
Членский взнос в резервный фонд		Установлен в процентном соотношении от размера займа	Оплачивается при заключении договора
Членский взнос в страховой фонд		Установлен в процентном соотношении от размера сбережений	

Согласно положениям локальных нормативно-правовых актов КПК, отказ от уплаты или неполная уплата вступительного и обязательного паевого взноса влечет отказ в принятии соискателя в члены кооператива.

Также, указанными документами определена ответственность за неуплату ежегодного членского взноса в виде исключения пайщика из членов КПК.

5. Уставом должны быть определены права, обязанности и ответственность пайщиков.

6. В уставе КПК необходимо обязательно определить структуру, количественный состав, порядок создания и сроки полномочий органов кредитного потребительского кооператива, а также их компетенцию.

В кооперативе функционируют следующие органы управления:

– общее собрание пайщиков кооператива – высший орган управления;

– Правление кооператива, которое осуществляет управление КПК в периоды между проведения

общих собраний членов кооператива. Требования, установленные к численному составу и сроку полномочий, определены локальными нормативно-правовыми актами;

– единоличный исполнительный орган (председатель Правления);

– ревизионная комиссия, которая проводит проверку финансово-хозяйственной деятельности кооператива, финансовой (бухгалтерской) отчетности до ее утверждением общим собранием членов кооператива, а также дает согласие на предоставление займов лицам, которые избраны в органы управления кооператива;

– комитет по займам. Это орган, который принимает решение о предоставлении займов членам КПК и об их возврате;

– наблюдательный совет также является контролирующим органом.

7. Уставом КПК устанавливается порядок определения размера и внесения дополнительного взноса в целях покрытия пайщиками понесенных кредитным кооперативом убытков.

8. Уставом кредитного потребительского кооператива должен быть определен порядок расчетов с членом кредитного кооператива при прекращении его членства в кредитном кооперативе.

Выплата указанных сумм производится не позднее чем через три месяца со дня подачи заявления о выходе из кооператива, либо со дня принятия решения о ликвидации или реорганизации, предусматривающей прекращение членства в кооперативе. Если имеются неисполненные обязательства пайщика перед кооперативом, то обязательства по выплате паевого накопления, а так же другие обязательства прекращаются зачетом встречного требования кооператива к пайщику.

В уставе кооператива имеются положения, которые определяют процедуру формирования и использования фондов: паевой фонд, резервный фонд, фонд финансовой взаимопомощи, фонд восстановления и развития кооператива, страховой фонд, фонд социальной поддержки, фонд обеспечения деятельности.

Обязательными фондами, формируемыми в кредитном потребительском кооперативе, являются паевой фонд и резервный фонд [2].

Источники формирования и направления использования фондов, формируемых в кредитном потребительском кооперативе, приведены в таблице 2.

9. Уставом кредитного кооператива должен быть определено, как распределяются доходы КПК и выплачиваются начисления на паевые взносы.

Таблица 2

Источники формирования и направления использования фондов, формируемых в КПК

Наименование фонда	Источники формирования	Направления использования
Паевой фонд	– паевого накопления членов кооператива	Используется для осуществления уставной деятельности (оказание финансовой взаимопомощи)
Резервный фонд	– часть доходов кооператива, – взносы членов кооператива	Используется для покрытия убытков и непредвиденных расходов кооператива
Фонд финансовой взаимопомощи	– часть имущества кооператива, – привлеченные средства членов кооператива, – иные денежные средства	Используется для предоставления займов
Фонд восстановления и развития кооператива	– часть доходов кооператива, определенных по данным финансовой (бухгалтерской) отчетности за финансовый год, – членские взносы пайщиков, – добровольные паевые взносы, – пожертвования	Используется для создания резерва будущих расходов, для покрытия непредвиденных расходов, покрытия убытков кооператива
Страховой фонд	– страховые взносы пайщиков	Используется для страхования сбережений и списания безнадежных долгов

10. Устав должен предусматривать порядок созыва и сроки проведения общего собрания пайщиков, порядок организации подсчета голосов.

11. Уставом кооператива должен быть определен порядок реорганизации и ликвидации кредитного кооператива.

Положениями устава кооператива должно быть установлено, что ликвидация КПК может быть осуществлена по одному из следующих оснований: по решению общего собрания пайщиков, на основании решения суда.

12. В уставе кооператива устанавливается порядок ведения реестра пайщиков кредитного кооператива, а также перечень сведений, которые удостоверяют членство в КПК.

Таким образом, положения устава должны соответствовать требованиям действующего законодательства, а именно Федеральному закону № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» в части обязательных положений учредительного документа кредитного потребительского кооператива.

Литература:

1. Федеральный закон о кредитной кооперации от 02.07. 2009 № 190-ФЗ (ред. от 02.08.2019). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89568/64e78ef78c9e35584e503bb38562a18b0ac3bd38/

2. *Байтенова А.А.* Комментарий к федеральному закону «О кредитных потребительских кооперативах граждан» (постатейный). М. : Юстицинформ, 2005. URL : <https://www.lawmix.ru/commlaw/2026?page=10>

Literature:

1. Federal law on credit cooperation of 02.07. 2009 № 190-FZ (ed. from 02.08.2019). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89568/64e78ef78c9e35584e503bb38562a18b0ac3bd38/

2. *Baitenova A.A.* Comment to the Federal law «on credit consumer cooperatives of citizens» (article-by-article). M. : Justicinform, 2005. URL : <https://www.lawmix.ru/commlaw/2026?page=10>

Семенова Екатерина Геннадьевна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России
e-g-semenova@mail.ru

Ekaterina G. Semenova
Candidate of Law Sciences,
Assistant Professor ,
Associate Professor
of Public Affairs and Civil Law
Crimean branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
e-g-semenova@mail.ru

ПЕРЕДАЧА НЕДВИЖИМОСТИ В КОНСТРУКЦИИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ПО ДОГОВОРУ ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОСТИ

TRANSFER OF REAL ESTATE IN THE CONSTRUCTION OF ACQUISITION OF PROPERTY RIGHTS UNDER THE REAL ESTATE SALES AGREEMENT

Аннотация. В статье установлено место передачи недвижимости в конструкции приобретения права собственности по договору продажи недвижимости. Заключение договора продажи недвижимости, как способ приобретения вещных прав, определяет различную форму совершения юридических действий, в том числе договора продажи недвижимости как основания перехода права собственности, государственной регистрации перехода права собственности. В статье обосновывается, что сохранение элемента передачи вещи в институте перехода права собственности на недвижимость по договору не имеет порождающего значения, ее следует рассматривать как проявление волеизъявления с тем содержанием, что имеется намерение произвести регистрацию перехода права собственности.

Annotation. The article establishes the place of transfer of real estate in the construction of the acquisition of property rights under a real estate sale agreement. The conclusion of a contract for the sale of real estate, as a way of acquiring property rights, defines a different form of legal action, including a contract for the sale of real estate as the basis for transfer of ownership, state registration of transfer of ownership. It is substantiated that the preservation of the element of transfer of things in the institution of transfer of ownership of real estate under the contract does not have any rightful value, it should be considered as a manifestation of will with the content that there is an intention to register the transfer of ownership.

Ключевые слова: договор продажи недвижимости, передача недвижимости, переход права собственности, способ приобретения права собственности, владение вещью, государственная регистрация перехода права.

Keywords: property sale contract, transfer of real estate, transfer of ownership, method of acquiring ownership, possession of a thing, state registration of transfer of law.

В гражданском обороте довольно часто возникают проблемные вопросы, связанные с моментом приобретения права собственности по договору продажи недвижимости, установлением значения государственной регистрации перехода права собственности и, собственно, передачи недвижимой вещи в конструкции приобретения права собственности по договору. В частности, выделение передачи недвижимого имущества как юридически значимого обстоятельства в механизме перехода права собственности (п. 1 ст. 549, 556 ГК РФ) легло в основу доктринальных разногласий относительно установления юридического состава возникновения вещных и обязательственных прав в пределах договорных отношений по продаже недвижимости.

В исследованиях, посвященных договорам, направленным на отчуждение имущества, достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой такие договоры включают в себя две части: одна порождает обязанность передать вещь (обязательственная сделка), а другая – непосредственно направлена на выполнение договора – передачу вещи [14, с. 55–64; 2; 7, с. 82]. Сделка по переносу права собственности расценивается и как распорядительная сделка, которая имеет самостоятельный и абстрактный характер [9] (хотя в некоторых источниках обосновывается ее каузальность [15, с. 25; 7, с. 80]), и как исполнительская, при недействительности которой договор в целом сохраняет свою действительность и обязательственный

эффект [12]. Обе части, хотя и являются взаимосвязанными между собой, вместе с тем, в договорных правоотношениях имеют свое собственное функциональное назначение, что позволяет некоторым исследователям отделять одну часть договора от другой, проводить между ними определенную границу.

Одновременно можно встретить позицию, согласно которой «договор об отчуждении имущества представляет собой единое обязательство, способное само по себе в силу ст. 223 ГК РФ привести к возникновению вещного права у контрагента [7, с. 67]». «Именно обязательственный договор определяет цель перехода права, а передача прав лицу (исполнение данного договора) служит не целью имущественного договора, а является средством достижения указанной цели на условиях, определенных договором» [3, с. 280; 8].

Исторически предпосылки разграничения обязательственной и вещной частей правоотношений по переходу прав усматривают в римском праве, которое строилось на позиции, что одного лишь договора даже в том случае, если он предусматривал переход права собственности, недостаточно для того, чтобы изменился его субъект. Для такого перехода необходим промежуточный акт передачи – *traditio*, то есть передача одним лицом другому действительного владению вещью и признание его владельцем такой вещи [8, с. 111]. В этой части правоотношений обязательственной и вещной стадиям купли-продажи отвечали договоренность о продаже вещи и ее передача. При этом договор купли-продажи выступал основанием для приобретения права собственности путем *traditio*, т.е. основанием (*causa*) передачи вещи.

В настоящее время разграничение обязательственно-правовой и вещно-правовой сделок наглядно демонстрируется положениями немецкого гражданского законодательства. В частности, отличительной особенностью немецкой *traditio* является принцип абстракции, согласно которому перенос права собственности осуществляется посредством сделки, самостоятельной по отношению к обязательственному договору [4]. В текстах законов данный принцип выражается в том, «что в распорядительных составах предпосылок отсутствует какая-либо связь с правовым основанием (*causa*), то есть, с обязательственной сделкой как условием действительности, а принимается во внимание одно только - именно абстрактное соглашение участвующих сторон или единственное волеизъявление управомоченного лица [4]». «Покупатель приобретает право собственности даже при возможных пороках каузального договора купли-продажи, за исключением, когда пороком воли поражены и каузальный договор-основание, и соглашение с вещно-правовым эффектом [4]».

В соответствии с п. 2 ст. 218 ГК РФ, право собственности на недвижимое имущество не может приобретаться отдельно от обязательственной части договора купли-продажи. Договор признается заключенным в момент получения лицом,

направившим оферту, ее акцепта (п. 1 ст. 433 ГК РФ). В то же время, положения, регулирующие непосредственно передачу недвижимости, позволяют прийти к выводу о том, что заключение обязательственной сделки не влияет на переход права собственности. В соответствии с п. 2 ст. 551 ГК РФ, несмотря на действительное соглашение о продаже недвижимости, распоряжающееся лицо (продавец) во внешних отношениях остается обладателем принадлежащего ему вещного права. Оно может поэтому как правомочное лицо, порождая правовые последствия, распоряжаться своим правом в отношениях с третьим лицом, в том числе заключая другие договоры купли-продажи [4].

В свою очередь, из возможности существования нескольких обязательств в отношении одного и того же недвижимого имущества исследователи приходят к выводу, что «обязательство не несет вещно-правовой «нагрузки»: вещное право непосредственно из него возникнуть не может [7, с. 68]». «На основании обязательства у кредитора возникает лишь право требования, обращенное к обязанному лицу, о совершении определенных действий, являющихся объектом данного обязательства. Более того, по сути, законодатель предоставляет продавцу возможностью односторонними действиями собственной волей прекратить существующее обязательственное правоотношение между ним и покупателем, передав, до составления передаточного акта, недвижимость третьему лицу в собственность, хозяйственное ведение или оперативное управление (п. 1 ст. 556 ГК РФ, ст. 398 ГК РФ) [6, с. 27]».

Таким образом, для перехода права собственности на недвижимость по российскому праву требуется основание, в качестве которого выступает обязательственный договор отчуждения, и еще одно необходимое условие. Так же как и в римском праве в качестве такого условия рассматривается владение вещью.

Передача недвижимого имущества покупателю в соответствии с действующим законодательством влечет ряд юридически значимых последствий, связанных с определением момента перехода риска случайной гибели имущества (п. 1 ст. 459 ГК РФ), возникновением права титульного (законного) владельца на защиту, в том числе против собственника (ст. 305 ГК РФ). В судебной практике владение недвижимым имуществом оценивается как доказательство факта перехода права собственности. В соответствующих спорах относительно перехода права собственности на земельный участок суды устанавливают, пользовался ли покупатель, считавший свои права нарушенными, земельным участком, был ли подписан акт приема-передачи, предоставлены ли доказательства того, что земельный участок был передан фактически [5]. При анализе вопроса о заключенности договора исследуется, имела ли место традиция [5].

Определенное развитие указанные положения относительно взаимосвязи передачи владения недвижимым имуществом и перехода права собственности на него получили в связи с приняти-

ем Пленумом Верховного Суда РФ и Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ Постановления от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». В п. 61 данного постановления устанавливается, что владение обеспечивает преимущество иска перед остальными покупателями при заключении нескольких договоров купли-продажи в отношении одного и того же недвижимого имущества; требование о передаче владения может быть соединено с требованием о регистрации перехода права; более того, государственная регистрация права невозможна, если суд отказал заявителю в удовлетворении требования о традиции [5].

Как мы можем видеть, установление системы традиции ориентировало гражданский оборот РФ на предположение о том, что владелец недвижимой вещи является ее собственником, не признавая никакого правового преимущества за тем, кто обладает требованием о передаче вещи. В то же время, в отношениях между сторонами момент перехода права собственности на недвижимую вещь по договору должен определяться не фактом физической передачи вещи, а волевым моментом, выражающимся, среди прочего, в рамках соответствующего гражданско-правового основания и способа правоприобретения [5].

Нами уже отмечалось, что гражданское законодательство РФ, как и правовая наука, четко не придерживается критериев разделения в праве способов и оснований приобретения и прекращения вещных прав. Не способствует этому и определенное совпадение в названии некоторых способов и оснований приобретения вещных прав [11]. Так, ГК РФ определяет договор купли-продажи в качестве основания возникновения права собственности (п. 2 ст. 218 ГК РФ). Одновременно закрепляется определенная юридическая процедура – возможность заключать договор (в том числе договор продажи недвижимости) (ст. 549 ГК РФ), благодаря которому, приобретение соответствующего права становится возможным. Такое совпадение в основании и способе приобретения права собственности создает ошибочное представление о возможности синонимичного применения обеих категорий. Однако следует помнить о том, что именно способ приобретения вещных прав, находясь в основе механизма динамики вещных прав на недвижимость, определяет различную форму совершения юридических действий, являющихся основанием возникновения вещных прав, придает качественную характеристику конкретному вещному праву [11].

Договор продажи недвижимости, выступая способом приобретения права собственности, отображает со стороны отчуждателя волю на перенос права собственности, а со стороны приобретателя – волю на его приобретение. Непосредственно передача вещи служит не целью имущественных отношений, а преследует иную цель, а именно прекращение договорной обязанности действующей стороны [12].

Известно, что цель создает сделку как действие, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в отношении определенного объекта (ст. 153 ГК РФ). Следовательно, сделки с участием одних и тех же субъектов в отношении одного и того же объекта не могут приводить к одному и тому же результату. Осуществление обязанностей, возникших на основании сделки, подчинено цели самой сделки и, соответственно, не имеет собственной самостоятельной цели. Таким образом, наделение передачи недвижимого имущества свойствами сделки, на основании которой осуществляется перенос права собственности является необоснованным.

Использование конструкции передачи недвижимой вещи может представлять собой средство подтверждения воли, направленной на перенос права собственности, однако следует отметить, что не всегда смена владения является признаком перехода права собственности. «...Например, передается вещь для пользования, передается залогопринимателю, передается как поклажа и т.п.; но ни в одном из этих случаев – отмечает Д.И. Мейер – передача не представляется способом приобретения права собственности [10, с. 381, 390–391]». По мнению Е.А. Барановой, «признание перехода вещного права зависимым от фактической передачи имущества не позволило бы произвести отчуждение имущества, переданного по договору аренды, найма, ссуды и т.д., в то время как Гражданский кодекс непосредственно предписывает подобную возможность (п. 1 ст. 617, ст. 675, п. 1 ст. 700 ГК РФ) [1, с. 135].

Иными словами, самой по себе, передачи имущества недостаточно для квалификации ее последствий. Последствия могут определяться только основанием для передачи имущества, которое и устанавливает цель такой передачи. В связи с этим законодательство некоторых стран (например, Германии) указывает на существование кроме обязательственного договора, на основании которого возникают права требования о переносе права собственности, соглашения – носителя волевого характера непосредственного переноса такого права. Российское гражданское право, как и законодательство иных постсоветских стран, такого вида сделок не закрепляет. Регистрационное законодательство допускает в качестве основания государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество наличие договора продажи недвижимого имущества (ст. 14 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»).

В связи с указанным выше, передачу недвижимого имущества следует рассматривать скорее как изменение отношения владения, корреспондирующее с переносом права собственности, которое стороны намеревались совершить в договоре продажи недвижимости. Одним из первых в российском правоведении на эту проблему обратил внимание еще в начале XIX в. М.М. Сперанский, определяя предмет передачи следующим образом: «Во всех законных приоб-

ретениях не столько предмет права, сколько власть над ним, т.е. право на него, приобретает-ся. В приобретении недвижимого имущества приобретает также власть располагать им по произволу. Часто лицо, их приобретающее, не вступает в действительное их употребление, но имеет власть употреблять их, т.е. приобретает на них право» [13, с. 195].

В современных исследованиях придерживаются взгляда, что «факт ввода во владение вещь не может квалифицироваться как объективное выражение воли сторон на перенесение вещного права и иметь влияние на изменение их вещно-правового статуса [1, с. 132]». Отмечается, что транслятивный эффект наступает тогда, когда обе стороны согласованным образом выразили свою волю перед компетентной инстанцией – Единым государственным реестром недвижимости [1, с. 135].

Согласно п. 1 ст. 551 ГК РФ, переход права собственности на недвижимость по договору продажи недвижимости к покупателю подлежит государственной регистрации. В рамках механизма перехода прав на недвижимое имущество такая регистрация играет роль юридического факта, который знаменует возникновение (прекращение) вещных отношений для всех участников имущественного оборота.

Особенность государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество заключается в том, что она осуществляется на основании заявления сторон договора, которое выражает обоюдную волю на перенос права собственности, при наличии соответствующего основания, в частности, договора или иной сделки в отношении недвижимого имущества (ст. 14 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»).

К компетенции органа регистрации прав при осуществлении им государственной регистрации

Литература:

1. *Баранова Е.А.* Оборот недвижимости в российском и германском праве: сравнительное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
2. *Бекленищева И.В.* Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. М., 2006.
3. *Брагинский М.И.* Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М., 1999.
4. *Будилов В.М.* Приобретение права собственности по договору в концепции вещного права Германии: к дискуссии о развитии российского вещного права. М., 2015.
5. *Буднецкий Н.С.* Гражданско-правовое регулирование перехода права собственности на

прав относится проверка действительности поданных заявителем документов и наличия соответствующих прав у подготовившего документ лица или органа власти (п. 3 ст. 3 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»). Таким образом, орган регистрации прав проверяет не только наличие договора продажи недвижимости, но и действительность материальных волеизъявлений, необходимых для переноса права.

Указанное выше позволяет сделать вывод, что перенос права собственности на недвижимость происходит в тот момент, когда действительное волеизъявление сторон, которое в договоре купли-продажи направлено на определение нового собственника недвижимости, содержательно совпадает с записью о переходе права собственности в Едином государственном реестре недвижимости.

Таким образом, в случае обязательной государственной регистрации перехода права собственности следует говорить о фактическом составе возникновения правоотношений, в котором государственная регистрация наряду с другими правовыми средствами обеспечивает оборот недвижимости. В рамках заключения договора продажи недвижимости как способа приобретения права собственности, каждый юридический факт влечет определенный эффект: договор продажи недвижимости как основание перехода права собственности влечет обязательственный эффект; регистрация перехода права собственности придает обязательно-правовому притязанию вещных действий в смысле вещной связанности недвижимого имущества с новым собственником. Сохранение элемента передачи вещи в институте перехода права собственности на недвижимость по договору не имеет порождающего значения, ее следует рассматривать как проявление волеизъявления с тем содержанием, что имеется намерение произвести регистрацию перехода права собственности.

Literature:

1. *Baranova E.A.* The turnover of real estate in the Russian and German law: a comparative study : dis. ... cand. of law. M., 2005.
2. *Beklenishcheva I.V.* Civil Law Contract: Classic tradition and modern trends. M., 2006.
3. *Braginsky M.I.* Contract law. Book I: General Provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. M., 1999.
4. *Budilov V.M.* The acquisition of property rights under a contract in the concept of German property law: to discuss the development of Russian property law. M., 2015.
5. *Budnetskiy N.S.* Civil law regulation of the transfer of ownership of land under the laws of

земельные участки по законодательству России и Германии (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

6. *Волколупов Р.Е.* Правовое положение продавца в отдельных договорах купли-продажи, поименованных гражданским кодексом Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.

7. *Волочай Ю.А.* Приобретение права собственности на недвижимое имущество по договору: сравнительный анализ законодательства России и Германии. М., 2013.

8. *Дормидонтов Г.О.* Система римского права. Вещное право. Казань, 1913.

9. *Козлова Н.В.* Правосубъектность юридического лица // Законодательство. 2003. № 12; 2004. № 1.

10. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М., 2003.

11. Семенова Е.Г. Приобретение вещных прав на недвижимость: проблемы определения способов // Вестник экономической безопасности. 2019. №2.

12. *Слыщенко В.А.* Обязанность передать право собственности на товар в связи с некоторыми проблемами современной купли-продажи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2.

13. *Сперанский М.М.* Философские размышления о праве и государстве // Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб, 2002.

14. *Тузов Д.О.* Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М., 2007.

15. *Черепакхин Б.Б.* Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962.

Russia and Germany (comparative study) : dis. ... cand. of law. М., 2019.

6. *Volkolupov R.E.* The legal status of the seller in separate sales contracts named by the civil code of the Russian Federation : dis. ... cand. of law. Volgograd, 2006.

7. *Volochay Yu.A.* Acquisition of title to real estate under an agreement: a comparative analysis of the laws of Russia and Germany. М., 2013.

8. *Dormidontov G.O.* The system of Roman law. Property law. Kazan, 1913.

9. *Kozlova N.V.* Legal personality of a legal entity // Legislation. 2003. № 12; 2004. № 1.

10. *Meyer D.I.* Russian civil law. М., 2003.

11. *Semenova E.G.* Acquisition of real estate rights: problems of determining methods // Bulletin of economic security. 2019. № 2.

12. *Slyshenkov V.A.* The obligation to transfer ownership of the goods in connection with some problems of modern sale // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. № 2.

13. *Speransky M.M.* Philosophical reflections on law and the state // Speransky M.M. Guide to the knowledge of laws. SPb., 2002.

14. *Tuzov D.O.* Restitution when the invalidity of transactions and the protection of bona fide purchaser in Russian civil law. М., 2007

15. *Cherepakhin B.B.* Succession in Soviet civil law. М., 1962.

Смирнов Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

КАКОВА ЖЕ НА САМОМ ДЕЛЕ ДИНАМИКА ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ, И ЧТО НА НЕЕ ВЛИЯЕТ?

Аннотация. В статье актуализируется проблема определения, соответствующей действительности, динамики преступности в современной России как необходимого компонента понимания реальной криминологической обстановки в стране и оценки работы правоохранительных органов в этом направлении. Автором делается вывод о том, что статистика преступности в настоящее время далека от совершенства и предопределяется различными факторами.

Ключевые слова: преступность, динамика преступности, криминологическая статистика, латентная преступность.

Статистика преступности имеет важное значение для понимания криминологической ситуации, и чем она реальнее, тем более отчетливее видна общая «картина» преступности, позволяющая выработать наиболее эффективные меры по ее профилактике.

Следует отметить, что в настоящее время официальная статистика МВД Российской Федерации демонстрирует хотя и очень незначительное, но снижение уровня «общей» преступности в стране и достаточно ощутимое сокращение тяжких и особо тяжких преступлений.

Вместе с тем, все ученые-криминологи единодушны во мнении, что реальная «картина» преступности в нашей стране совершенно иная. Национальная статистика не в полной мере отражает реальное положение дел с преступностью в стране. Преступность продолжает оставаться на очень высоком уровне и даже растет, особенно в своих качественных характеристиках – все больше коррумпируется, глобализируется и интеллектуализируется [1], приобретая еще более дерзкие, изощренные формы [2].

Alexander M. Smirnov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Leading Researcher of SIC-2,
FKU «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service
of Russia»
Milena.555@mail.ru

WHAT IS THE DYNAMICS OF CRIMINALITY IN RUSSIA, AND WHAT INFLUENCE IT?

Annotation. The article actualizes the issue of determining the corresponding dynamics of crime in Russia, as a necessary component of understanding the real criminological situation in the country and assessing the work of law enforcement agencies. It is concluded that crime statistics are currently far from perfect and are predetermined by various factors.

Keywords: crime, crime dynamics, criminological statistics, latent crime.

Ученые довольно скептически относятся к наблюдаемому в последние 10–15 лет, как в России, так и во всем мире, «великому снижению количества преступлений», демонстрируемом уголовной статистикой и не соответствующему реальной действительности, особенно в России, в которой, по официальным данным МВД России, преступность снижается, однако, реальные условия для этого в нашей стране не созданы, наоборот, условия для позитивного социального развития для граждан России постоянно сокращаются [3].

В целом же, ученые-криминологи отмечают, что современные тенденции развития преступности в мире и, особенно, в России не дают повода для ее благоприятного криминологического прогноза.

Снижение показателей легальной преступности криминологи объясняют конъюнктурными сообщениями тех, кто регистрирует преступления, и устаревшей системой фиксации противоправных деяний. В качестве аргументации данных соображений они приводят следующие данные.

Например, в России в 2015 г. было зарегистрировано 11 тыс. убийств. В то же время, числятся без вести пропавшими около 120 тыс. человек. Кроме того, за последние 6 лет было найдено 72 тыс. неопознанных трупов [4].

Между реальными криминологическими данными и мошеннически регистрируемой преступностью существует давний системный конфликт, — пишет В.В. Лунеев, — обусловленный политическими, экономическими, социальными, организационными, правовыми, идеологическими и психологическими проблемами страны. Согласно исследованиям этого ученого, огромное число преступлений (до 20 млн. деяний) по различным причинам просто не регистрируются. При этом он отмечает, что снижению официального уровня преступности в России способствуют подход к регистрации преступлений не по числу потерпевших, а по фактам и наличию квалифицирующих признаков. Для иллюстрации этого вывода он приводит такой пример: если в США был совершен умышленный поджог и в доме сгорело шесть человек, то деяние квалифицируется как умышленный поджог и шесть умышленных убийств, т.е., семь отдельных преступлений. У нас же это деяние будет квалифицироваться как убийство двух и более лиц, совершенное общественно опасным способом (п. «а», п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ), и учитываться уголовной статистикой как одно преступное деяние [5].

Приведенные примеры высказываний ученых-криминологов корреспондируются с точкой зрения руководства страны. Так, на Всероссийском координационном совещании руководителей правоохранительных органов страны 21 февраля 2011 г. Президент России подверг резкой критике работу по сбору статистической информации, после чего задача по обеспечению ее полноты и достоверности была возложена на органы прокуратуры [6]. Тем не менее, улучшение ситуации в этой сфере пока не наблюдается.

В рамках формирования полной «картины» преступности в стране на основании данных офици-

альной статистики не следует забывать о существовании латентной преступности, исследователи которой говорят о гораздо больших и имеющих иную динамику (зачастую противоположную) показателях криминальной активности граждан. Исследователи этого вопроса сравнивают зарегистрированную преступность с «надводной частью айсберга», указывая на ее «виртуальность». Не соответствующие действительности (заниженные) показатели преступности в стране связаны с искусственной латентностью (умышленным утаиванием сотрудниками правоохранительных органов преступлений от учета). По оценкам некоторых экспертов, реальная преступность превышает латентную в 4–6 раз. Ученые НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ в течение 10-ти лет анализировали состояние преступности в стране и пришли к выводу, что, на самом деле, фактическая преступность все последнее десятилетие росла в среднем на 2,4 % в год и составила не менее 26 млн. преступлений, т.е., реальные цифры преступности в разы отличаются от регистрируемой. В предстоящее десятилетие ученые прогнозируют увеличение преступности к 2020 году до 30 млн, а это порог развала государства [7].

Необходимо отметить, что проблема с регистрацией преступлений, объективно отражающей реальную «картину» преступности в стране, не только российская, но и международная. Многие зарубежные исследователи вопросов противодействия преступности отмечают, что государственные учреждения во многих странах косвенно поощряют манипулирование со статистической отчетностью о состоянии преступности в свою пользу [8].

Таким образом, статистика преступности в настоящее время далека от совершенства и предопределяется различными факторами. Необходимо выработка единой позиции по поводу проведения ее в соответствие с реальными показателями. Только это позволит проводить эффективную работу по профилактике совершения преступных деяний.

Литература:

1. *Мацкевич И.М.* Преступность и преступление 21-го века: точки несоприкосновения // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 50.
2. *Побегайло Э.Ф.* Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2007. Вып. 9. Экономические и юридические науки. С. 4–8.
3. *Клейменов М.П.* Снижается ли преступность в России? // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 1(54). С. 157–162.
4. *Мацкевич И.М.* Новая преступность // Криминологические основы уголовного права: Мат-лы X Российского конгресса уголовного права / И.М. Мацкевич; Отв. ред. В.С. Коммисаров. М., 2016. С. 160–164.

Literature:

1. *Matskevich I.M.* Crime and the crime of the 21st century: points of contact // Legal technology. 2017. № 11. P. 50.
2. *Pogegailo E.F.* The criminal policy of modern Russia: the author's concept // Bulletin of the Russian State University. I. Kant. 2007. Issue. 9. Economic and legal sciences. P. 4–8.
3. *Kleimenov M.P.* Is crime falling in Russia? // Bulletin of the Omsk University. Series «Law». 2018. № 1(54). P. 157–162.
4. *Matskevich I.M.* New crime // Criminological foundations of criminal law: Proceedings of the X Russian Congress of Criminal Law / I.M. Matskevich; ed. ed. V.S. Kommisarov. M., 2016. P. 160–164.

5. *Лунеев В.В.* Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М. : Юрлитинформ, 2014.

6. *Душкин С.В.* Актуальные проблемы уголовной статистики // Преступность, уголовная политика, закон. М., 2016. С. 30–31.

7. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / Под ред. С.М. Иншакова. М., 2011.

8. *Reiner R.* Crime and control in Britain // *Sociology*. 2000. Т. 34. № 1. P. 71–94.

5. *Luneev V.V.* The origins and vices of Russian criminal law. M. : Yurlitinform, 2014.

6. *Dushkin S.V.* Actual problems of criminal statistics // *Crime, criminal policy, law*. M., 2016. P. 30–31.

7. Theoretical foundations of research and analysis of latent crime / ed. C.M. Inshakova. M., 2011.

8. *Reiner R.* Crime and control in Britain // *Sociology*. 2000. Т. 34. № 1. P. 71–94.

Смирнов Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЛЕГИТИМНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ХАРАКТЕРУ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье изложены некоторые вопросы легитимности необходимой обороны, относящиеся к характеру посягательства, возникающие из юридической формулы данного обстоятельства, исключающего преступность деяния, регламентированного в российском уголовном законе. По мнению автора, именно степень общественной опасности выступает ограничительным обстоятельством для определения характера и степени вреда, причиняемого посягающему лицу, предопределяя тем самым прямую зависимость – чем общественно опаснее посягательство, тем более, обширными являются пределы допустимости причинения вреда его источнику.

Ключевые слова: необходимая оборона, правомерность необходимой обороны, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Анализ механизма реализации необходимой обороны позволил сделать вывод о том, что условия ее легитимности, относящиеся к посягательству, являются: характер совершенного посягательства, его наличие и реальность.

С точки зрения уголовного закона, посягательство, против которого допустима необходимая оборона, может быть любым: как общественно опасным (ч. 1 и 2 ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)), так и не являться таковым (ч. 2.1. ст. 37 УК РФ). Оно не обязательно должно быть совершено им виновно, быть преступным и наказуемым; оно может содержать элементы насилия, а может и не содержать их. Однако, согласно п. 5 ППВС РФ № 19, недопустима необходимая оборона от малозначительного деяния, не представляющего большой общественной опасности.

Условием легитимности рассматриваемой обороны при устранении посягательства, связанного

Alexander M. Smirnov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Leading Researcher of SIC-2,
FKU «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service
of Russia»
Milena.555@mail.ru

SOME ISSUES OF LEGITIMACY OF NECESSARY DEFENSE RELATING TO THE CHARACTER OF TREATMENT

Annotation. The article sets out some questions of the legitimacy of the necessary defense related to the nature of the attack arising from the legal formula of this circumstance, which excludes the criminality of an act regulated in Russian criminal law. According to the author, it is the degree of public danger that is a restrictive circumstance for determining the nature and extent of harm caused to the intangible person, thus predetermining direct dependence – the more socially dangerous the more extensive are the limits of the admissibility of harm to its source.

Keywords: necessary defense, lawfulness of necessary defense, circumstances precluding criminal acts.

с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица либо с непосредственной угрозой осуществления такого насилия, является ценность защищаемого блага, а при устранении посягательства, не связанного с таким насилием – ценность защищаемого блага, пределы обороны и неожиданность посягательства. Отсюда следует, что именно степень общественной опасности выступает ограничительным обстоятельством для определения характера и степени вреда, причиняемого посягающему лицу, предопределяя, тем самым, прямую зависимость – чем общественно опаснее посягательство, тем более обширными являются пределы допустимости причинения вреда его источнику [1].

Буквальное толкование ст. 37 УК РФ приводит к выводу о том, что необходимая оборона допустима только от умышленного действия, поскольку в ней говорится о посягательстве, реализуемом с определенной целью. Вместе с тем, в науке уголовного права дискутируется вопрос о допустимости данной обороны от бездействия и

неосторожных деяний. Противники допустимости данной обороны от бездействия утверждают, что оно не может быть причиной чего-либо, в том числе, и опасности. Оно может лишь не препятствовать обстоятельствам, обуславливающим эту опасность [2]. Согласно такой точке зрения, посягательство, от которого происходит защита при необходимой обороне, заключается только в нападении [3]. При этом они опираются на то, что оборона – это, по сути, противодействие нападению [4], поэтому она невозможна против бездействия. Сторонники данной допустимости аргументируют свою точку зрения тем, что бездействие также может иметь преступный результат, выраженный в причинении вреда правам и свободам личности, интересам общества или государства. Более того, необходимая оборона тем более правомерна, если преступному бездействию предшествовали активные действия, носящие умышленный характер и направленные на потенциальное или вероятное достижения указанного результата.

Что касается научной полемики относительно допустимости необходимой обороны от неосторожных посягательств, то одни авторы убеждены, что данная оборона дозволительна от неосторожных деяний [5], другие, наоборот, категорично заявляют, что она правомерна только лишь от умышленных действий или бездействий [6].

Судебная практика (п. 3. постановления Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (ППВС РФ № 19)) и мы, в том числе, придерживаемся точки зрения о том, что необходимая оборона возможна от любых деяний: действий и бездействий; умышленных и не осторожных.

В науке уголовного права и юридической практике дискуссионным является вопрос о правомерности необходимой обороны от действий, совершаемых в состоянии данной обороны, а также – крайней необходимости. Одни авторы считают, что невозможна необходимая оборона от действий, в свою очередь, являющихся необходимой обороной или крайней необходимостью [7]. Другие, наоборот, убеждены в том, что право на необходимую оборону возникает у причинителя вреда и источника грозящей опасности в случае превышения пределов легитимности обороняющимся или устраняющим опасность лицом [8]. Мы считаем, что последняя точка зрения более справедлива. Помимо этого, мы убе-

Литература:

1. Баулин Ю.В. Российское уголовное право. Общая часть / Ю.В. Баулин; Под ред. В.С. Комиссарова. СПб., 2005.
2. Малинин В.Б. Объективная сторона преступления / В.Б. Малинин, А.Ф. Парфенов. СПб., 2004.

ждены, что необходимая оборона правомерна и от действий, совершаемых при задержании лица, совершившего преступление, в случае превышения их допустимости.

В уголовно-правовой науке существует дискуссия по поводу легитимности необходимой обороны при защите чести и достоинства личности от словесного оскорбления [9] или оскорбления действием [10]. В этих случаях необходимо следовать букве закона – УК РФ не указывает объект посягательства, при воздействии на который возникает право необходимой обороны, и не конкретизирует способы реализации посягающих деяний, поэтому она допустима и от указанных действий.

При рассмотрении вопроса об условиях легитимности необходимой обороны, относящихся к посягательству, возникает необходимость уяснения характеристик посягающего лица.

Допустимость данной обороны от вменяемого физического лица, достигшего возраста уголовной ответственности, не вызывает сомнений, чего нельзя сказать о ее легитимности от посягательств несовершеннолетних и невменяемых лиц, которая породила в науке уголовного права оживленную дискуссию, в рамках которой можно выделить три основные точки зрения. Представители первой из них предлагают рассматривать подобные ситуации на грани необходимой обороны и крайней необходимости [11], второй – как крайней необходимости [12], третьей – высказывают категоричное мнение о недопустимости необходимой обороны в отношении указанных лиц ни при каких обстоятельствах [13].

Анализ юридической практики указывает на то, что необходимая оборона допустима и против действий или бездействий должностных лиц. Однако в этом случае необходимо понимать, что право на необходимую оборону не образует правомерные действия этих лиц, связанные с исполнением ими своих служебных обязанностей, даже если эти действия носят вредоносный характер (п.п. 6, 27 и 28 ППВС РФ № 19).

Мы поддерживаем точку зрения о допустимости необходимой обороны от посягательств любых лиц, поскольку неприменение никаких защитных действий от насильственных посягательств указанных лиц неразумно и противоречит идее обеспечения безопасности личности. С этим согласен и законодатель, не конкретизировавший в ст. 37 УК РФ признаки субъекта посягательства, и судебная практика (см. п. 5 ППВС РФ № 19).

Literature:

1. Baulin Yu.V. Russian criminal law. General Part / Yu.V. Baulin; ed. V.S. Komisarova. SPb., 2005.
2. Malinin V.B. The objective side of the crime / V.B. Malinin, A.F Parfenov. SPb., 2004.

3. *Портнов И.П.* Необходимая оборона в теории и практике // Журнал российского права. 1997. № 10. С. 77–87.
4. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М. : Альта-Принт, 2005.
5. *Баранова Е.А.* Необходимая оборона в уголовном законодательстве России и ее отличие от смежных институтов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
6. Уголовное право России: Общая часть : учебник / Под ред. В.П. Ревина. 2-е изд. М., 2009. (Автор главы – В.П. Ревин).
7. *Якунков М.А.* Необходимая оборона: уголовно-правовая регламентация и ее совершенствование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005.
8. *Ткаченко Т.* Преступление совершено в состоянии аффекта // Российская юстиция. 1996. № 11. С. 52–53.
9. *Атабаева Т.Ш.* Необходимая оборона: теория, законодательство, практика применения: дис. ... кандидат. юрид. наук. Барнаул, 2004.
10. *Истомин А.В.* Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
11. *Тишкевич И.С.* Право граждан на задержание преступника. Мн. : Изд-во БГУ, 1974.
12. *Крысанов О.О.* Необходимая оборона: теория и практика применения (размышления на тему) // Следователь. 1997. № 2. С. 62–65.
13. *Голубых Н.В.* Применение положений уголовного законодательства о необходимой обороне в деятельности сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2001.
3. *Portnov I.P.* Necessary defense in theory and practice // Journal of Russian Law. 1997. № 10. P. 77–87.
4. *Ushakov D.N.* Large explanatory dictionary of the modern Russian language. M. : Alta-Print, 2005.
5. *Baranova E.A.* Necessary defense in the criminal legislation of Russia and its difference from related institutions : dis. ... cand. legal sciences. M., 2006.
6. Criminal law of Russia: General part : textbook / ed. V.P. Revina. 2nd ed. M., 2009. (The author of the chapter is V.P. Revin).
7. *Yakunkov M.A.* Necessary defense: criminal law regulation and its improvement : author. dis. ... cand. legal sciences. Tyumen, 2005.
8. *Tkachenko T.* Crime committed in the heat of passion // Russian Justice. 1996. № 11. P. 52–53.
9. *Atabaeva T.Sh.* Necessary defense: theory, legislation, application practice : dis. ... cand. legal sciences. Barnaul, 2004.
10. *Istomin A.V.* Responsibility for killing when exceeding the limits of necessary defense : abstract. dis. ... cand. legal sciences. M., 1995.
11. *Tishkevich I.S.* The right of citizens to detain a criminal. Mn. : BSU Publishing House, 1974.
12. *Krysanov O.O.* Necessary defense: theory and practice of application (reflections on the topic) // Investigator. 1997. № 2. P. 62–65.
13. *Golubykh N.V.* Application of the provisions of the criminal law on necessary defense in the activities of employees of internal affairs bodies : author. dis. ... cand. legal sciences. Yekaterinburg. 2001.

Смирнов Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Alexander M. Smirnov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Leading Researcher of SIC-2,
FKU «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service
of Russia»
Milena.555@mail.ru

УСЛОВИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ВО ВРЕМЕННЫХ ПРЕДЕЛАХ

LEGITIMATE CONDITIONS OF NECESSARY DEFENSE IN TEMPORARY LIMITS

Аннотация. В статье изложена научная дискуссия по поводу условий легитимности необходимой обороны, как обстоятельства, исключающего преступность деяния, с учетом временных пределов ее реализации и представлено авторское видение решения этого вопроса. По мнению автора, для определения наличия посягательства для возникновения права на необходимую оборону от него необходимо установление начального и конечного момента этого посягательства, которые определяются наличием двух совпадающих критериев – объективного и субъективного.

Annotation. The article sets out a scientific discussion about the conditions of legitimacy of the necessary defense, as a circumstance that excludes the crime of an act, taking into account the time limits of its implementation, and presents the author's vision of a solution to this issue. In the author's view, in order to determine the existence of an infringement in order to establish the right to the necessary defence against it, it is necessary to establish the initial and final point of the attack, which is determined by the existence of two concurring criteria, – objective and subjective.

Ключевые слова: необходимая оборона, правомерность необходимой обороны, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Keywords: necessary defense, lawfulness of necessary defense, circumstances precluding criminal acts.

У становление оптимальных условий легитимности необходимой обороны является одним из актуальных и серьезных задач уголовного права и практики противодействия преступности. Именно поэтому решению этой задачи посвящено достаточно большое число научных исследований.

очевидностью следует, что необходимая оборона всегда предполагает пресечение только наличного и реального посягательства при отсутствии ошибки в личности посягающего лица [1].

В настоящей статье мы уделим внимание научной дискуссии, касающейся установления легитимности данной обороны в рамках временных пределов ее реализации.

С семантической точки зрения «наличный» означает имеющий лицо, в наличии [2]. Поэтому для определения наличия посягательства для возникновения права на необходимую оборону от него необходимо установление начального и конечного момента этого посягательства, которые определяются наличием двух совпадающих критериев – объективного и субъективного. Объективный критерий начала данной обороны – посягающий совершает деяние, наносящее вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, благам и интересам, в том числе, создает реальную угрозу причинения этого вреда; субъективный – обороняющийся полностью осознает, что указанные действия являются общественно опасными и создают реальную угрозу причинения этого вреда, либо уже причиняют его. Объективный критерий окончания – посягающий достиг своей преступной цели; отказался от продолжения действий, направленных на ее достижение; прекратил эти действия в силу их пресечения обороняющимся лицом или ины-

В ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) отсутствует указание на временные границы необходимой обороны – момента ее начала и окончания, определить которые можно только путем логического толкования данной статьи, согласно которому она начинается с момента фактического начала посягательства на права обороняющегося или других лиц, охраняемые общественные или государственные интересы или возникновения угрозы данного посягательства и заканчивается его фактическим окончанием, причем, оба этих момента должны быть полностью понятны обороняющемуся лицу и осознаваемы им. Отсюда со всей

ми лицами; субъективный – осознание обороняющимся лицом факта окончательного прекращения общественно опасного посягательства [3].

Судебная практика придерживается справедливой точки зрения о том, что в случае совершения преступлений, в которых моменты окончания посягательства де-юре и де-факто не совпадают, защитные действия в рамках необходимой обороны актуальны до момента фактического прекращения общественно опасного посягательства (п. 5 ППВС РФ № 19). Поэтому состояние данной обороны может быть вызвано как длящимися, так и продолжаемыми общественно опасными деяниями. При совершении первых из них данное право сохраняется до того момента, пока не будет полностью исключена опасность для охраняемых уголовным законом отношений; вторых – оно возникает в момент осуществления его отдельных эпизодов или непосредственной реальной угрозы их совершения [3]. Например, при похищении человека (длящееся преступление) правомерной будет оборона и при захвате потерпевшего, и при его перемещении к месту удержания и при его нахождении там. При продолжаемом преступлении, например, неоднократной краже имущества из дома, охватываемой единым умыслом, необходимая оборона правомерна на любом из эпизодов хищения этого имущества.

Требование о наличии посягательства, от которого допустима необходимая оборона, предопределяет правило, согласно которому, если обороняющемуся лицу не ясен момент окончания посягательства, то состояние данной обороны для него не прекращает существовать [4]. В силу этого, посягательство следует считать наличным до тех пор, пока посягающее лицо не предоставит защищаемому лицу объективные гарантии безопасности и подтверждения полного отказа от совершения своих противоправных действий и их возобновлении через какое-либо время [5]. Поэтому если защищаемому лицу, исходя из обстоятельств совершения посягательства, не ясно, закончилось оно или нет, это лицо вправе продолжать осуществлять защитные действия от него.

Во избежание каких-либо дальнейших дискуссий по изложенным вопросам в п. 8 постановления Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» указано условие применения защиты в зависимости от

Литература:

1. *Васин Д.М.* Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния: место и роль в уголовно-правовом регулировании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013.
2. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М. : Альта-Принт, 2005.

осознания обороняющимся лицом момента окончания посягательства, согласно которому действует принцип – пока не ясно, что посягательство закончилось, защита от него правомерна. Кроме того, данный пункт содержит одно очень важное уточнение для определения личности необходимой обороны, в соответствии с которым переход оружия или других предметов, использованных в качестве такового, от посягавшего лица к оборонявшемуся лицу, не может указывать на окончание посягательства, при условии, если сохранялась реальная угроза продолжения такого посягательства.

Следует отметить, что окончание посягательства, обусловленное покиданием посягающим лицом места преступления, дает основание для перерастания необходимой обороны в право причинения ему вреда в порядке ст. 38 УК РФ.

В науке уголовного права дискутируется вопрос о легитимности необходимой обороны от общественно опасного посягательства на стадиях приготовления и покушения. Поводом для данной полемики послужили совпадения в ряде преступных деяний стадий покушения и начального момента общественно опасного деяния, а также признаваемой уголовным законом общественной опасности приготовления к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Так, например, И.И. Слуцкий утверждает, что посягательство может быть наличным, представлять реальную, непосредственную опасность уже в стадии приготовления и обнаружения умысла [6]. Т.Ю. Орешкина убеждена в том, что при покушении посягательство уже осуществляется, поскольку виновный начинает выполнять объективную сторону преступления [7]. Н.Н. Паше-Озерский и И.С. Тишкевич полагают, что необходимая оборона допустима на стадии неоконченного преступления, в случае реальности перерастания его в окончательное [8]. По мнению А.Н. Попова, стадия приготовления к преступлению образует реальную угрозу посягательства [9].

По нашему мнению, необходимая оборона на данных стадиях совершенно очевидна и правомерна, поскольку было бы величайшей глупостью и признаком полного отсутствия инстинкта самосохранения не предпринимать никаких защитных действий и дать возможность лицу подготовиться к совершению преступления, чтобы начать противодействовать ему (например, позволить лицу зарядить оружие и направить его на себя).

Literature:

1. *Vasin D.M.* Necessary defense as a circumstance excluding the criminality of an act: place and role in criminal law regulation : author. dis. ... cand. legal sciences. Yekaterinburg, 2013.
2. *Ushakov D.N.* Large explanatory dictionary of the modern Russian language. M. : Alta-Print, 2005.

3. *Дмитренко А.П.* Необходимая оборона (пределы допустимости): уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

4. *Заря А.В.* Условия и пределы легитимности необходимой обороны по уголовному праву России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

5. *Перцев Д.В.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2004.

6. *Слуцкий И.И.* Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1956.

7. *Орешкина Т.Ю.* Спорные вопросы института необходимой обороны // Уголовное право. 1998. № 3. С. 25–33.

8. *Паше-Озерский Н.Н.* Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1962.

9. *Попов А.Н.* Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001.

3. *Dmitrenko A.P.* Necessary defense (limits of admissibility): criminal law and criminological aspects : author. dis. ... cand. legal sciences. M., 1998.

4. *Zarya A.V.* Conditions and limits of the legitimacy of necessary defense under the criminal law of Russia : author. dis. ... cand. legal sciences. M., 2009.

5. *Pertsev D.V.* Criminal law and criminological problems of the necessary defense : abstract. dis. ... cand. legal sciences. Kaliningrad, 2004.

6. *Slutsky I.I.* Circumstances precluding criminal liability. L. : Publishing house of Leningrad University, 1956.

7. *Oreshkina T.Yu.* Controversial issues of the institute of necessary defense // Criminal law. 1998. № 3. P. 25–33.

8. *Pache-Ozersky N.N.* Necessary defense and extreme need for Soviet criminal law. M. : Gosyurizdat, 1962.

9. *Popov A.N.* Offenses against the person under extenuating circumstances. SPb. : Legal Center Press, 2001.

Терещенко Алексей Петрович
кандидат экономических наук
AlexPetr99@yandex.ru

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ И ЗАРУБЕЖНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НАЛОГОВЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ КАК УГРОЗЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются отечественные и зарубежные законодательные аспекты противодействия уклонению от уплаты налогов как угрозе экономической безопасности государства, виды ответственности за совершенные налоговые преступления и практика национального правоприменения. Как полагает автор, важная роль должна отводиться постоянному совершенствованию правовых и организационных форм государственного управления, отвечающим современным вызовам и угрозам, выполнять функции противодействия всему спектру преступлений в сфере экономической деятельности, в том числе с применением уголовных мер воздействия.

Ключевые слова: налоговые преступления и правонарушения, экономическая безопасность, уголовное законодательство, уголовная ответственность, правоприменение.

Главной целью государства является решение общих проблем и обеспечение общего блага при сохранении порядка на определенной территории. Экономическим фактором деятельности государства является наличие права сбора налогов – обязательных, безвозмездных, невозвратных, собираемых на регулярной основе платежей (в различных формах в зависимости от исторического этапа развития общества), взыскиваемые уполномоченными органами (субъектами) с целью удовлетворения потребностей государства в финансовых ресурсах. Таким образом, появляется потребность в структурах, обеспечивающих сбор налогов, контроль над соблюдением порядка их уплаты, а в случае выявления нарушений данного порядка, применение различного рода принудительных, карательных мер, способствующих обеспечению экономической безопасности государства.

Академик Российской академии наук С.Ю. Глазьев экономическую безопасность определяет как «состояние экономики и производительных сил

Alexey P. Tereshchenko
Candidate of Economic Sciences,
AlexPetr99@yandex.ru

DOMESTIC AND FOREIGN LEGISLATION ON COMBATING TAX CRIMES AS A THREAT TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

Annotation. The article considers domestic and foreign legislative aspects of counteracting tax evasion as a threat to the economic security of the state, types of liability for the committed tax crimes and the practice of national law enforcement. According to the author, an important role should be given to the continuous improvement of legal and organizational forms of government, responding to modern challenges and threats, to perform functions to counter the full range of crimes in the field economic activities, including the use of criminal measures of influence.

Keywords: tax crimes and offences, economic security, criminal legislation, criminal liability, law enforcement.

общества с точки зрения возможностей самостоятельного обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, поддержания необходимого уровня национальной безопасности государства, а также должного уровня конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальной конкуренции».

Повышение уровня экономической безопасности России предполагает осуществление мер по усилению противодействия криминализации экономических отношений. Важная роль должна отводиться постоянному совершенствованию правовых и организационных форм государственного управления, отвечающим современным вызовам и угрозам, выполнять функции противодействия всему спектру преступлений в сфере экономической деятельности, в том числе с применением уголовных мер воздействия.

В России нормы уголовного права и ответственности традиционно сведены в единый Кодекс, в котором «преступлениям в сфере экономической

деятельности» посвящена специальная глава 22 [1]. Следует отметить, что в статистике органов внутренних дел России используется термин «преступления экономической направленности». К ним относят ряд преступлений, которые выйдут за рамки главы 22 УК РФ и включают в себя противоправные действия, ответственность за которые предусмотрена главой 21 «Преступления против собственности», главой 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» УК РФ.

В последние годы наибольший удельный вес в количестве зарегистрированных преступлений экономической направленности в порядке убывания имеют «Мошенничество» (УК РФ гл. 21 ст. 159), «Присвоение или растрата, то есть хищение чужого имущества» (УК РФ гл. 21 ст. 160), «Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» (УК РФ гл. 22 ст. 186), «Получение взятки» (УК РФ гл. 30 ст. 290), «Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов» (гл. 22 ст. 198), «Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов» (УК РФ гл. 22 ст. 199, ст. 199.1–199.4).

Однако наиболее ощутимый прямой ущерб государству и его бюджетной системе в денежном выражении наносит именно уклонение от уплаты налогов. По данным СКР, только в первом полугодии 2018 года было выявлено 49 млрд. руб. причиненного ущерба от уклонения от налогов [2]. Для сравнения: бюджет Республики Адыгея в 2018 году составил 12,8 млрд руб., Карачаево-Черкесской Республики 9,4 млрд руб., Республики Тува 7,2 млрд руб., Республики Калмыкия 7,1 млрд руб.

Без должного поступления налогов и сборов в бюджетную систему страны, затруднительным становится выполнение функций государства по «устойчивому социально-экономическому развитию страны» как одному из основных факторов экономической безопасности государства и регионов.

Несмотря на устоявшиеся многовековые традиции в законотворчестве и почитании законов, как особенной национальной черте, неоднозначным является отношение к налоговому законодательству в странах Европы и США. Там законопослушные граждане с большим пиететом чтут законы, но одновременно считают, что уплачиваемые ими налоги и сборы расходуются на корыстные нужды государственной бюрократии и чиновничества.

В отличие от России, в ряде развитых зарубежных стран нормы уголовного права содержатся не в единых Кодексах, а в отдельных законодательных актах (Великобритания, Италия, Япония).

В Германии «Положение о налогах» включает в себя, помимо норм уголовного права, и порядок ведения уголовного процесса по делам о налоговых преступлениях.

Во Франции регулирует налоговые вопросы и преступления «Общий кодекс о налогах» 1950 года. Интересной особенностью в этой стране является то, что граждане платят налог сами. Налоговый агент (работодатель) не производит в течение года удержаний налога с фонда оплаты труда (за исключением отчислений в социальные фонды), а в конце года работнику почтой доставляется декларация, которую он собственноручно заполняет и оплачивает в установленный срок.

Существенное отличие между странами имеют и подходы в привлечении к ответственности за уклонение от уплаты налогов. В России, в зависимости от характера и степени общественной опасности, деяния, предусмотренные УК РФ, подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления.

Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов (УК РФ ст. 198) относится к преступлениям небольшой тяжести, максимальное наказание за которые не превышает трех лет лишения свободы, даже если они совершаются в крупном и особо крупном размере (УК РФ ст. 198, Примечание п. 2.).

Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией (УК РФ ст. 199) может относиться к преступлениям небольшой тяжести, средней тяжести, а в отдельных случаях к тяжким преступлениям (УК РФ ст. 199.1., ст. 199. 2.)

В США преступления по степени тяжести подразделяются на фелонии (felony – тяжкие) и мисдиминоры (misdemeanor – менее тяжкие). Уклонение от уплаты налогов относится к категории фелонии считается тяжким преступлением. Виновное в совершении фелонии лицо может быть привлечено к ответственности в виде штрафа в размере 100 тыс. долларов или подвергнуто лишению свободы на срок до пяти лет. По решению суда виновник может быть привлечен и к обоим наказаниям одновременно, с уплатой понесенных судебных издержек.

В Германии налоговое законодательство четко разграничивает налоговые преступления и налоговые правонарушения. Налоговые преступления подразумевают уголовное наказание – лишение свободы или штраф, налоговые правонарушения – административный штраф. За систематическое уклонение от уплаты налогов или получение незаконных налоговых льгот максимальным наказанием в Германии является лишение свободы на срок от шести до десяти лет.

Законодательство Франции подразделяет уголовные правонарушения на три вида: преступления (crimes), деликты (фр. delits, лат. delictum «проступок») и нарушения (contraventions). Данная классификация соответственно определяет

и наказание: за преступления – уголовное; за проступки – исправительное; за нарушения – более мягкое наказание. За совершение преступлений виновных могут лишить гражданских прав, отправить в ссылку, срочно лишить свободы. Деликты предполагают исправительные наказания (арест на срок более двух месяцев и штраф на сумму свыше 10000 евро). За умышленное сокрытие доходов, занижение налогооблагаемой базы, связанное с прямыми налогами, наступает ответственность в виде штрафа от 3,6 тыс. евро до 30 тыс. евро и (или) тюремное заключение на срок от одного года до пяти лет.

Более строгим по отношению к уклонению от уплаты налогов до недавнего времени являлось законодательство Китая. УК КНР предусматривал смертную казнь за совершение преступлений по 68 статьям, затем число таких статей бы-

ло сокращено до 55. Исключение из списка коснулось и налоговых преступлений. Кроме того, из ст. 201 (уклонение от уплаты налогов) были исключены конкретные денежные суммы, в зависимости от которых определялась степень тяжести правонарушения. Также были исключены точные размеры штрафов за данное преступление.

Сокрытие доходов при подаче фальсифицированной налоговой декларации, если сумма уклонения от уплаты составляет более 10 % от общей суммы подлежащих уплате налогов, в КНР наказывается лишением свободы до 3 лет или краткосрочным арестом, а также штрафом. В случае суммы уклонения более 30 % от общей суммы подлежащих уплате налогов, нарушителю грозит лишение свободы от 3 до 7 лет и штраф [3].

Таблица 1

Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов

Страна	Максимальное наказание в виде лишения свободы
Германия	до 10 лет
Китай	до 7 лет
Россия	до 7 лет
США	до 5 лет
Франция	до 5 лет

В России за уход от уплаты налогов в первом полугодии 2016 года было осуждено 269 человек, при этом за неуплату налогов с физических лиц – лишь 22 человека. Среди всех осуждённых за преступления, связанные с неуплатой налогов, реальные сроки получили лишь 26 человек, 59 % осуждённых за налоговые преступления были по приговору суда освобождены от наказания.

В США за неуплату налогов в 2015 году были вынесены решения в отношении 561 подсудимого, в 95 % случаев были вынесены обвинительные приговоры, к реальным срокам приговорили 53 % осуждённых. Средняя продолжительность срока – полтора года [4].

Литература:

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.). «Российская газета», № 113, 18.06.1996 г., № 114, 19.06.1996 г., № 115, 20.06.1996 г., № 118, 25.06.1996 г.
2. СКР: Налоговых преступлений стало меньше, но ущерб по ним – больше. Федеральное агентство новостей. URL : <https://riafan.ru/>
3. Соловьёв И.Н. КНР: уклонение и наказание. Налоговая политика и практика. 2012. № 5(113).
4. Урман А. Как наказывают за экономические преступления в России и других странах. URL : <https://secretmag.ru/>

Отечественные законодательные нормы об уголовной ответственности за налоговые преступления, в общем, находятся в рамках общемировой практики противодействия этому общественно опасному деянию, одновременно представляющему и угрозу экономической безопасности государства. Законодательство России об ответственности за совершение налоговых преступлений является не самым жестким, однако особое внимание заслуживает практика правоприменения. Не всегда за совершенным преступлением следует неотвратимость наказания.

Literature:

1. Criminal Code № 63-ФЗ of 13 June 1996. «Russian Gazette», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.
2. RTC: Tax crimes have become less, but the damage on them – more. Federal News Agency. URL : <https://riafan.ru/>
3. *Nightingale I.N.* PRC: evasion and punishment. Tax Policy and Practice. 2012. № 5(113).
4. *Urman A.* How punished for economic crimes in Russia and other countries. URL : <https://secretmag.ru/>

Шищенко Елена Андреевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
shishhenko.e@kubsau.ru

Elena A. Shishchenko

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Criminal Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
shishhenko.e@kubsau.ru

НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

VIOLATION OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS: CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTIC AND PROBLEMS OF QUALIFICATION

Аннотация. В статье исследуются признаки состава нарушения авторских и смежных прав в российском уголовном законодательстве, а также анализируются отдельные проблемы квалификации данного преступного посягательства с целью формулирования предложений по совершенствованию действующего законодательства. Как отмечает автор, субъективная сторона нарушения авторских и смежных прав характеризуется прямым умыслом. Субъектом посягательства может выступать любое физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцати лет.

Annotation. The article explores the elements of the violation of copyright and related rights in Russian criminal legislation and analyzes certain problems of qualification of this crime in order to formulate proposals for improvement of the current legislation. As the author notes, the subjective side of copyright and related rights infringement is characterized by direct intent. The subject of the attack may be any physical sane person who is under the age of sixteen.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, уголовный закон, авторские права, состав преступления.

Keywords: intellectual property, criminal law, copyright, corpus delicti.

Нарушение авторских и смежных прав относится к преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина, ответственность за такие посягательства закреплена в статье 146 Уголовного кодекса РФ. Родовым объектом признаются общественные отношения, возникающие по поводу реализации личностью ее основных прав и свобод, а видовым – общественные отношения, обеспечивающие конституционные права и свободы человека и гражданина. В качестве основного непосредственного объекта выступают отношения по реализации гражданами права на свободу научного, литературного и художественного творчества, дополнительным являются имущественные интересы правообладателей, а факультативным могут быть честь, достоинство, деловая репутация автора или правообладателя [1].

авторства принято понимать издание чужого произведения под своим именем полностью или частично; выпуск под своим именем произведения, которое было создано совместно с иными лицами.

Диспозиция статьи 146 УК РФ сконструирована по типу бланкетной, следовательно, для точного ее толкования необходимо изучение ряда терминов, закрепленных в гражданском законодательстве.

Объективная сторона данного преступления включает присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю. Под присвоением

В данном составе преступления имеется предмет, который играет немаловажную роль в механизме причинения вреда и в процессе определения объекта преступления и формулирования итоговой квалификации содеянного [2].

В науке уголовного права есть мнение о необходимости дополнения данной статьи. Проведя сравнение ее содержания со статьей 147 УК «Нарушение изобретательских и патентных прав», где описывается наиболее близкий к рас-

смаатриваемому по содержанию состав преступления, автор выявил ряд отличий. В частности, это касается отсутствия в диспозиции нарушения авторских и смежных прав принуждения к соавторству. В связи с тем, что эти два посягательства близки по содержанию, то логично было бы конструировать нормы по сходной схеме. В уголовно-правовой науке есть несколько мнений по вопросу квалификации подобных действий, в связи с чем, нам представляется необходимым унифицировать содержание статей 146 и 147 УК РФ по набору признаков объективной стороны [3].

Состав рассматриваемого сконструирован по типу материального, поэтому крупный ущерб является обязательным признаком состава [4] и может заключаться в материальном вреде либо в нарушении конституционных прав. Данный признак вызывает споры в науке уголовного права, так как есть мнение, что его наличие делает статью «нежизнеспособной» и трудноприменимой в правоприменительной практике [5]. В связи с тем, что термин «крупный ущерб» в тексте уголовного закона не поясняется, а также, учитывая сложность установления размера реально причиненного ущерба собственнику, возможны затруднения в работе правоприменительных органов и затягивание процесса расследования. Также не всегда ясно, по какой стоимости необходимо рассчитывать размер вреда: по оптовой, розничной или среднерозничной [6]. Принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ, где пояснено, что судебные органы, устанавливая крупный ущерб, учитывают обстоятельства конкретного дела [7]. Однако эта методика не учитывает многообразия вариантов возможных нарушений на практике [8], в связи с чем, принятие разъяснения Пленума Верховного Суда не принесло достаточной ясности в понимание понятия «крупный ущерб». Учитывая наличие в части второй указания на крупный размер, а его толкования в примечании к статье, представляется целесообразным замена признака «крупный ущерб» на признак «цель совершения преступлений в виде получения дохода или иного вознаграждения в крупном размере» [9].

Субъективная сторона нарушения авторских и смежных прав характеризуется прямым умыслом. Субъектом посягательства может выступать любое физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцати лет.

В части второй статьи 146 УК РФ установлена ответственность за незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно за приобретение, хранение, перевозку

контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, совершенные в крупном размере.

Под использованием понимается модификация чужого произведения, которая не придает ему художественной или научной самостоятельности, а также незаконное воспроизведение или распространение произведения при отсутствии воли автора на совершение этих действий.

Отдельные исследователи полагают, что под незаконным использованием объектов авторского права согласно статье 146 УК РФ следует понимать совершение любых действий, не ведущих к нарушению интеллектуальных прав, причем не важно, указан ли конкретный способ нарушения прав в гражданском законодательстве в качестве способа использования произведения. В связи с этим, есть мнение о необходимости исключения из данной нормы указания на незаконное использование авторских и смежных прав [10].

Признаки субъекта и субъективной стороны данного состава преступления совпадают с признаками состава, закрепленного в части первой, дополнительно указывается цель сбыта для случаев совершения незаконных приобретения, хранения, перевозки контрафактных экземпляров.

В третьей части статьи 146 УК РФ предусмотрено наказание за совершение аналогичных деяний при наличии квалифицирующих признаков. Признаки совершения преступления «группой лиц по предварительному сговору» и «организованной группой» обладают разной степенью общественной опасности, и обычно помещаются в разные части статьи [11], чего нельзя сказать о статье 146 УК РФ.

Завершая рассмотрение состава нарушения авторских и смежных прав, следует также отметить, что в ряде зарубежных уголовных законов выделяются специальные главы, посвященные охране интеллектуальной собственности. Такие решения законодателя следует признать прогрессивными. Учитывая проведение систематизации российского гражданского законодательства о правовом регулировании интеллектуальной собственности, целесообразным будет систематизировать и уголовное законодательство в этой сфере и переместить составы преступлений против интеллектуальной собственности в отдельную главу УК РФ. Также, возможным было бы использовать термин «интеллектуальная собственность» в тексте уголовного закона.

Литература:

1. Лысак Е.А. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности по зарубежному законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 113–114.

Literature:

1. Lysak E.A. Criminal-legal guarding of intellectual property under foreign law: diss. ...Cand.legal sciences. Krasnodar, 2012. P.113–114.

2. *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – Академия МВД СССР, 1980. С. 86.
3. *Курманов А.С.* Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России о защите конституционных прав и свобод человека: сравнительное теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 44.
4. *Шищенко Е.А.* Нарушение изобретательских и патентных прав: понятие и проблемы квалификации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. № 101(07), сентябрь, 2014. Дата выпуска: 30.09.2014.
5. *Кузьмина И.К.* Уголовно-правовая охрана авторских, смежных, изобретательских и патентных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 9.
6. *Юсуфов А.Ш.* Правоприменительная практика по уголовным делам и делам об административных правонарушениях в сфере оборота объектов интеллектуальной собственности // Сборник материалов конференции для работников судов, прокуратур, Министерства внутренних дел и таможенных служб «Защита интеллектуальной собственности. Законодательство и его применение в борьбе с пиратством» (тезисы докладов). М., 2004. С. 29–30.
7. Постановление Пленума Верховного Суда от 26 апреля 2007 года № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. « 7, июль.
8. *Речкин Р.В.* Авторство и воровство // ЭЖ-Юрист. 2007. № 19. С. 4–5
9. *Лысак Е.А.* Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: проблемы и пути решения // Общество и право. 2011. № 5(37). С. 176–178.
10. *Бондарев М.Ю.* Возможности правовой защиты нарушенных интеллектуальных прав // Право интеллектуальной собственности. 2008. № 1. С. 33.
11. *Лысак Е.А.* Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности по зарубежному законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 126.
2. *Korzhanskiy N.I.* Object and subject of criminal-law protection. – Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1980. P. 86.
3. *Kurmanov A.S.* State and Prospects of Development of Criminal Legislation of Russia on Protection of Constitutional Rights and Freedoms of Man: Comparative Theoretical and Legal Study : author. dis. ... dr. legal sciences. Yekaterinburg, 2008. P. 44.
4. *Shishchenko E.A.* Violation of Inventive and Patent Rights: Concept and Problems of Qualification // Political Network Electronic Scientific Journal of the Cuban State Agrarian University. № 101(07), September, 2014. Issue date: 30.09.2014.
5. *Kuzmina I.K.* Criminal-legal guarding of copyright, related, inventive and patent rights: author. dis. ... cand. legal sciences. Samara, 2010. P. 9.
6. *Yusufov A.S.* Law Enforcement Practice in Criminal Cases and Cases of Administrative Offences in the Field of Intellectual Property Trafficking // Collection of Conference Materials for Employees of Courts, Prosecutor 's Offices, Ministry of Internal Affairs and Customs Services «Protection of Intellectual Property. Legislation and its application in the fight against piracy» (theses of the reports). M., 2004. P. 29–30.
7. Decision of the Plenum of the Supreme Court №. 14 of 26 April 2007 «On the Practice of Courts in Considering Criminal Cases Concerning Infringement of Copyright, Related, Inventive and Patent Rights, and the Illegal Use of a Trademark» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2007. № 7, July.
8. *Rechkin R.V.* Authorship and Theft // EJ-Lawyer. 2007. №. 19. P. 4–5
9. *Lysak E.A.* Criminal-legal guarding of intellectual property: problems and ways of solving//Society and law. 2011. № 5(37). P. 176–178.
10. *Bondaryev M.Yu.* Possibilities of legal protection of violated intellectual rights//Intellectual property right. 2008. №. 1. P. 33.
11. *Lysak E.A.* Criminal-legal guarding of intellectual property under foreign law : dis. ... cand. legal sciences. Krasnodar, 2012. P. 126.

Якушева Тамара Васильевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Алтайский государственный университет
tamara.yakysheva@mail.ru

Горовая Виктория Юрьевна

магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
v.deminova@inbox.ru

Горовой Святослав Александрович

магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
svyatoslav_gorovoy@inbox.ru

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В настоящей статье поднимаются актуальные вопросы применения методов нейролингвистического программирования в уголовном судопроизводстве. Авторами освещаются основные технологии нейролингвистического программирования, предлагаются изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство по противодействию психического воздействия на участников уголовного судопроизводства посредством методов нейролингвистического программирования. По их мнению, помощью анализа употребляемой участником уголовного процесса лексики можно устанавливать ведущий канал восприятия. При производстве следственного действия, безусловно, установить психотип можно в ходе непосредственной коммуникации следователя (дознателя) с подозреваемым (обвиняемым), к примеру, при допросе.

Ключевые слова: нейролингвистическое программирование, НЛП, уголовный процесс, психическое воздействие.

Известный отечественный лингвист А.М. Пешковский полагал, что «умение говорить – это то смазочное масло, которое необходимо для всякой культурно-государственной машины и без которого она просто остановилась бы» [5, с. 246]. Несмотря на это, далеко не всегда речь «красивая», произнесенная при выступлении в зале суда, тождественна речи настоящему успешной, эффективной. Так,

Tamara V. Yakusheva

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
Criminal Procedure and Forensic Science,
Altai State University
tamara.yakysheva@mail.ru

Victoria Yu. Gorovaya

Undergraduate of Legal Institute,
Altai State University
v.deminova@inbox.ru

Svyatoslav A. Gorovoy

Undergraduate of Legal Institute,
Altai State University
svyatoslav_gorovoy@inbox.ru

APPLICATION OF NEUROLINGUISTIC PROGRAMMING METHODS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. This article raises topical issues of application of methods of neurolinguistic programming in criminal proceedings. The basic technologies of neurolinguistic programming are covered, changes in the current criminal procedural legislation on counteraction of mental influence on participants of criminal proceedings by means of methods of neurolinguistic programming are offered. In their opinion, the analysis of the vocabulary used by the participant can establish a leading channel of perception. In the investigation, of course, it is possible to establish a psychotype in the course of direct communication of the investigator (interrogator) with the suspect (accused), for example, during interrogation.

Keywords: neurolinguistic programming, NLP, criminal process, mental impact.

П.С. Пороховщиков в своей книге «Искусство речи на суде» отмечал: «Красота и живость речи уместны не всегда. Можно ли щеголять изяществом слога, говоря о результатах медицинского исследования мертвого тела, или блистать красивыми выражениями, передавая содержание гражданской сделки? Быть не вполне понятным в таких случаях значит говорить на воздух. Слушатели должны понимать без усилий. Оратор

может рассчитывать на их воображение, но не на их ум и проницательность. Поняв его, они пойдут дальше; но поняв его не вполне, попадут в тупик или забредут в сторону» [8, с. 38].

Полагаем, что для уголовного судопроизводства, который на современном этапе отличается невероятным формализмом, сказанное выше также является актуальным. Именно из-за такого признака уголовного процесса, как формализм, исследование приемов нейролингвистического программирования (далее – НЛП) в большей степени относимо к рассмотрению уголовного дела с участием коллегии присяжных заседателей, а также к производству отдельных следственных действий.

В разработках юридической психологии метод НЛП является относительно новым достижением. Сама система НЛП была разработана в 1970-х гг. в США Р. Бэндлером и Дж. Гриндером [4, с.5]. Суть данного метода сводится к определению особенностей сложившейся у лица системы хранения, восприятия и передачи информации, именуемой репрезентационной системой. Кроме того, под НЛП понимают один из видов психотерапии, который направлен на изменение поведения и восприятия человека посредством формирования новых заданных программ в вербальной форме (в непрямом виде) [1].

В уголовном судопроизводстве правильное и своевременное использование различных методов НЛП способно дать стороне обвинения или стороне защиты определенное процессуальное преимущество - опередить своего оппонента и быть намного убедительнее в глазах суда и коллегии присяжных заседателей. Впрочем, ошибочное и навязчивое воздействие насубъектов уголовного процесса может иметь абсолютно противоположный эффект.

С помощью анализа употребляемой участником уголовного процесса лексики можно устанавливать ведущий канал восприятия. При производстве следственного действия, безусловно, установить психотип лица можно в ходе непосредственной коммуникации следователя (дознавателя) с подозреваемым (обвиняемым), к примеру, при допросе. Несмотря на это, данными о психотипе лица следует располагать уже до начала следственного действия в целях использования этих сведений непосредственно в дальнейшем. Именно поэтому необходимо изучать процессуальные документы (протоколы допросов, писем, дневников), составленные участником уголовного судопроизводства; изучать записи телефонных переговоров; анализировать звукозаписи (видео-записи), фиксирующие ход процессуальных действий.

Определив психотип объекта воздействия, следователю (дознавателю) необходимо вырабатывать специальные тактические приемы, а при необходимости – корректировать реализацию приемов воздействия.

В качестве способа определения психотипа допрашиваемого следователь может использовать

так называемые «слова-предикаты». Так, визуал в своей речи, обычно, использует следующие слова: видеть, наблюдать, рассматривать, блеснуть, вспыхивать, отражать, темнеть, вид и т.п. Аудиалы в большей степени склонны к употреблению следующих терминов: говорить, бормотать, слушать, разговор, голос, громко, вслух, молча. Кинестетики, обычно используют подобные слова: чувствовать, ощущать, жарить, давить, жать, ударять, боль, желать, мять [9].

Как мы полагаем, значение вышесказанного будет в уголовном судопроизводстве достигаться только тогда, когда следователь (дознаватель) сможет преломить знания о психотипе участника уголовного процесса относительно конкретного следственного действия, повысить с помощью этого его эффективность.

Исходя из этого, визуалу наиболее эффективно предъявлять доказательства «живую», то есть, те предметы, которые он мог бы непосредственно обозреть и наблюдать. Исходя из специфики репрезентационной системы, для допрашиваемого-визуала эффективной будет демонстрация на допросе объектов, по мнению допрашиваемого, имеющих существенное значение по делу; а также произвольное восприятие им в ходе допроса объектов, не имеющих статуса вещественных доказательств, но в силу «виновной осведомленности» допрашиваемого воспринимаемых как относящихся к преступлению [7, с. 16–19]. Интересным примером из следственной практики служит уголовное дело, возбужденное по факту серии убийств, описанное в пособии Васильева В.Л. «Юридическая психология». Так, следователь при допросе потенциального «серийника», не сомневаясь в его вине, выставил на свой стол окровавленные туфли одной из потерпевших и немного прикрыл их газетой. Поначалу подозреваемый не подавал виду и не обращал внимания на это, но в дальнейшем при допросе стал проявлять агрессию и, в конце концов, не выдержал и закричал: «уберите эти туфли со стола», чем и выдал себя [10].

Эффективное воздействие на аудиала оказывает оглашение документов, имеющих доказательственную силу. В качестве таковых могут выступать заключение эксперта, протоколы допросов соучастников преступления, свидетелей. Тактически верным также может быть прослушивание аудиозаписи с обличающими показаниями либо же отдельных фрагментов записи телефонных переговоров и т.д.

В отношении кинестетика ключевую роль играют ощущения, при таких характеристиках вполне логично создание перед допросом ситуации, при которой допрашиваемый будет представлять, допустим, как ранее допрошенный соучастник преступления подписывает протокол и следователь говорит, что он может быть свободен (тем самым, следователь может достигнуть большей истинности получаемых показаний).

При рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, стороны обвине-

ния и защиты также могут воспользоваться отдельными методами НЛП, тем самым склонив мнение народных судей в свою пользу.

Так, представляется эффективной технология «иллюзии факта», при которой использование сослагательного наклонения и языковых структур с вероятностным значением позволяет создавать иллюзорность факта в подсознании слушателя, заменяя догадками и домыслами реальность. В данном методе НЛП используются такие обороты, как «если бы не..., то», «только чудо помешало» и т.п. Государственный обвинитель с целью воздействовать на коллегия присяжных может так применить данную технологию, например, в уголовном деле, возбужденном по факту покушения на убийство: «Подсудимый решил, что ему дано право решать – кому жить, а кому **умирать**. Удалось бы подсудимому довести умысел на **убийство** до конца, потерпевший бы уже не смог здесь с нами сидеть. Подсудимый хотел **убить** его только за то обстоятельство, что потерпевший богат и успешен. Так что вы тоже могли бы быть **убиты**, уважаемые присяжные».

Кроме того, в рамках судебного процесса приемлемой будет техника «рефрейминга». «С точки зрения психологии, подвергнуть что-либо рефреймингу означает трансформировать значение, поместив это в иные рамки или контекст» [2, с. 137].

Действительно, для стороны защиты выгоднее сказать: подсудимый, Петров, потерпевшая, не жели: вор, убийца, преступник, убитая. Обвинитель же напротив, уменьшает эффект от своей судебной речи, когда при рассмотрении дела об убийстве молодой девушки называет по фамилии и ее саму и ее обезумевшего от горя отца. Ведь, если бы он говорил: отец, дочь, девушка, эти слова постоянно напоминали бы присяжным о погибшей молодой жизни и о трагедии отца, похоронившего свою единственную дочь.

Кроме названных техник НЛП, можно назвать и такую, как «прожектор внимания». Суть этой технологии заключается в перенесении внимания с одного объекта, субъекта на другой, безусловно, выгодный стороне защиты или обвинения. К примеру, с оценки доказательств можно переключать внимание аудитории на личность потерпевшего, свидетеля, государственного обвинителя или защитника, а иногда – даже судьи. Соответственно, прожектор внимания позволяет участникам процесса увести аудиторию от опасных для себя обстоятельств или придать им новую форму и смысл.

Психологическое воздействие в ходе производства по уголовному делу может осуществляться и неосознанно. Бывает, что при увлечении версией о причастности лица, не очевидно иное объяснение события. Это может, в частности, проявиться при формулировании наводящих вопросов, запрещенных ч. 2 ст. 189 УПК РФ. А

допрашиваемый (особенно – человек с неустойчивой психикой, легко поддающийся внушению), понимая, что сторона обвинения пришла к определенному выводу, или просто не видит смысла возражать, (одна из причин самоговора).

Отсюда следует, что грамотное психологическое воздействие с использованием методик НЛП – это, прежде всего, рефлексия в мышлении участника уголовного процесса. Как заметил Полищук Д.А., это «мышление о мышлении по поводу расследуемого дела, мысленное моделирование возможных рассуждений» [6].

Таким образом, зачастую, эффективность процессуальных действий на различных стадиях уголовного судопроизводства зависит от навыков субъектов по применению скрытых методик воздействия на подсознание человека. Важно, чтобы методы НЛП применялись разумно, и стороны не допускали злоупотреблений своими правами. Кроме того, данные методы должны соотноситься с требованиями законодательства и, в первую очередь, с нормами УПК РФ.

В этой связи нам представляется целесообразным рассмотреть возможность внесения изменений в УПК РФ, связанных с недопустимостью негативного психического воздействия с помощью методов и приемов НЛП на допрашиваемое лицо. Это, по нашему мнению, должны быть изменения, прежде всего, в основных положениях УПК РФ. В частности, в ст. 9 УПК РФ (Уважение чести и достоинства личности).

Необходимо ввести п. 2.1 в следующей редакции: «Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться психическому насилию или принуждению». При этом под психическим насилием и принуждением будет необходимо понимать лишь те приемы и методы, которые станут средством достижения незаконной цели (например, использование лжи, обмана, заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение которых обязательно как элементы приемов НЛП).

Интересно в этом плане взглянуть на предшествующий действующему УПК. Ст. 141.1 УПК РСФСР 1960 г. предусматривала применение звукозаписи при допросе, как одну из гарантий неприменения физического или психического насилия. Решение о применении звукозаписи мог принять не только следователь, но и допрашиваемое лицо. Не допускалось частичное записывание следственного действия, равно как склонить допрашиваемое лицо повторить ту или иную фразу под запись звукозаписывающего устройства. После чего звукозапись воспроизводилась допрашиваемому, который подписывался о ее достоверности. Принятие данных мер будет способствовать разумности применения методов и приемов НЛП. Также, целесообразно и обязательно аудиопотоколирование судебного заседания в тех же целях.

Литература:

1. *Берулава Г.А.* Методологические основы деятельности практического психолога. М. : Высшая школа, 2003.
2. *Дилтс Р.* Коучинг с помощью НЛП. СПб., 2004.
3. *Коннор О.Дж.* НЛП. Практическое руководство для достижения желаемых результатов / О.Дж. Коннор; Пер. с англ. Т. Новиковой. М., 2005.
4. *Макдермот Я.* Введение в НЛП / Я. Макдермот, В.Яго. М., 2003.
5. Основы культуры речи: хрестоматия. М., 1984.
6. *Полищук Д.А.* Психологические особенности общения при допросе // Прокурорская и следственная практика. 2002. № 1–2.
7. *Савельева М.* Нейролингвистическое программирование в следственной практике / М. Савельева, В. Степанов // Законность. М., 2006, № 5.
8. *Сергеич П.* Искусство речи на суде. – М., 2012.
9. *Щеголева М.Е.* Определение психотипов личности с использованием экспресс-диагностической методики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 1.
10. *Васильев В.Л.* Юридическая психология : учебное пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.

Literature:

1. *Berulava G.A.* Methodological bases of activity of the practical psychologist. M. : High school, 2003.
2. *Dilts R.* Coaching with NLP. SPb., 2004.
3. *Connor O.J.* NLP. A practical guide to achieving the desired results / Connor O.J. translation from English. T. Novikova. M., 2005.
4. *McDermott I.* Introduction to NLP / I. McDermott, V. Iago. M., 2003.
5. Fundamentals of speech culture: reader. M., 1984.
6. *Polishchuk D.A.* Psychological features of communication during interrogation // Prosecutorial and investigative practice. 2002. № 1–2.
7. *Savelyeva M.* Neuro-Linguistic programming in investigative practice / M. Savelyeva, V. Stepanov // Legality. M., 2006. № 5.
8. *Sergeich P.* The Art of speech in court. M., 2012.
9. *Shchegoleva M.E.* Determination of personality psychotypes using Express diagnostic techniques // Psychopedagogics in law enforcement. 2006. № 1.
10. *Vasiliev V.L.* Legal psychology : textbook. L. : publishing house leningr. UN-TA, 1974.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Бакшеев Сергей Леонидович
кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра государственного
и муниципального управления
и управления персоналом,
Сургутский государственный университет
sergey.baksheev.55@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В данной статье рассматриваются теоретические аспекты концепции «бережливого производства». Кратко рассмотрены особенности, принципы и исторические корни данной концепции. Показано, что в основе бережливого производства лежат разные взгляды на промышленные революции. Одни из них рассматривают революцию с позиций прогрессивных изменений в энергетике, а другие – с позиций инновационных изменений в целом. Рассмотрены подходы и российских ученых в понимании сущности «бережливого производства». Указаны также проблемы в области научных исследований, как основы бережливого производства.

Ключевые слова: бережливое производство, промышленная революция, технологический уклад.

В современном обществе, когда ископаемые ресурсы постепенно исчерпываются, возникает вопрос – а что дальше? Одним из значимых мер в борьбе за экономию ресурсов, снижению себестоимости и решению некоторых актуальных проблем экологии является концепция «бережливого производства».

Бережливое производство (от англ. leanproduction) следует рассматривать как, во-первых, организацию производства с минимальными затратами всех ресурсов организации (предприятия) и максимальным «выходом» продукции (услуг), во-вторых, высокое качество продукции, в-третьих, применение новых, не традиционных ресурсов, что позволяет сократить использование традиционных (и более дорогостоящих) ресурсов и тем самым снизить затраты при производстве продукции, в-четвертых, снижение всех видов потерь, в-пятых, грамотный анализ не только микросреды, но и макросреды организации (предприятия).

Заявленные выше цели уже сами по себе делают бережливое производство сегодня весьма актуальной проблемой, тем более, что это ком-

Sergey L. Baksheev
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of State
and Municipal Administration
and Human Resources Management,
Surgut State University
sergey.baksheev.55@mail.ru

THEORETICAL ASPECTS OF LEAN PRODUCTION

Annotation. This article discusses the theoretical aspects of the concept of «lean production». The features, principles and historical roots of this concept are briefly considered. It is shown that the basis of lean production are different views on industrial revolution. Some of them view the revolution from the perspective of progressive changes in the energy sector, and others from the perspective of innovative changes in General. The approaches of Russian scientists in understanding the essence of «lean production» are considered. The problems in the field of scientific research as the basis of lean production are also indicated.

Keywords: lean production, industrial revolution, technological way of life.

плексный подход, учитывающий также и образ мышления работников. Отсюда следуют следующие принципы бережливого производства, которые учитывают интересы как производителей, так и потребителей: 1) «принятие» продукции со стороны потребителей как по качеству, цене, так и по экологической безопасности, 2) использовании в производстве новых технологических приемов, направленных на снижение затрат ресурсов, повышение производительности труда, формирование «грамотной» организации труда, 3) снижение производственных потерь до минимума, 4) вовлечение всего коллектива в реализацию идеологии «бережливого производства», 5) использование опыта передовых компаний по реализации концепции бережливого производства.

Считается, что данная концепция возникла в Японии после второй мировой войны в компании «Тойота», а автором был Тайити Оно, работавший в ней. Японские методы организации производства: «канбан», «кайдзен», «5-s», «точно в срок» и другие – основа этой концепции. Большой вклад в формировании этой концепции внес американский экономист Э. Деминг (которого

называют «революционером капитализма»), работавший после второй мировой войны в Японии и получивший орден от японского императора за вклад в возрождение японской промышленности. Парадоксально, но именно он в 1950 г. читал в Японии лекции «Элементарные принципы статистического контроля качества» ведущим менеджерам страны. Эти «уроки» дали свои результаты: в современной Японии есть несколько подходов к пониманию термина «качества». Во-первых, качество – отсутствие любых дефектов в продукции, во-вторых, это совокупность методов управления компанией, позволяющей ей производить конкурентоспособную продукцию, в-третьих, насколько продукция оправдывает ожидания потребителей по разным характеристикам [4, с. 73].

Бережливое производство имеет не только экономический, но и социальный имидж: стимулирует интерес организаций (предприятий) и населения к проблемам экономии всех ресурсов. В основе этого – прогрессивные социально-экономические изменения в обществе, связанные с ростом влияния информационных ресурсов. Это можно рассмотреть на примере Японии, где не случайно термин «информационное общество» возник в конце 60-х годов XX века, как и неправительственные организации: Институт развития компьютеризации, Институт информационного общества, Японское общество поощрения творчества. А японский ученый Е. Масуда в это же время высказал мнение, что главным в информационном обществе будет производство не материальных, а информационных ценностей. Таким образом, информация как и знания должны стать основой добавленной стоимости в обществе. Думается, что эти процессы – в основе развития бережливого производства, а «закон Гроша» определяет их геополитическое рассредоточение. Конечно, можно предположить, что «гипотеза отсрочки Дэвида» (откладывание во времени выгод от применения информационных технологий) может в определенной мере сдерживать развитие бережливого производства, но лишь на какое-то время, но в целом это объективный и необратимый процесс.

Все указанные выше изменения имеют мультипликационный эффект, являются «прерогативой» инновационных изменений (технологических, экономических, экологических и т.д.), а последнее – основа промышленных революций. По нашему мнению, это и является одной из концептуальных основ бережливого производства. Изменяющиеся технологии в основе подобных революций формируют «потребность» в бережливом производстве.

В самом общем представлении, промышленная революция – это коренные социально-экономические изменения в обществе, вызываемые техническим прогрессом, в основе которого новые технологии. По мнению Л. фон Мизеса, то, что называют промышленной революцией есть продукт идеологической революции, (вызванной учениями экономистов), в результате чего разрушаются институциональные и идеологические барьеры на пути к общественному прогрессу

[5, с. 12, 580]. А самое главное в промышленных революциях, по мнению этого известного австрийского экономиста – массовое производство товаров и услуг для удовлетворения потребностей населения [5].

С этими утверждениями трудно не согласиться, тем более, что в рыночной экономике не может быть «производства ради производства». Вместе с тем мнение Л. фон Мизеса о «зависимости» промышленных революций от учений экономистов, по нашему мнению, весьма актуально. Доказательством последнего является тот красноречивый факт, что по мнению Д. Рифкина (американского экономиста и предпринимателя) в XXI веке наступил период третьей промышленной революции, а по мнению К. Шваба (основателя и исполнительного председателя Всемирного экономического форума в Давосе), мы вступаем (стоим у истоков) в период четвертой промышленной революции. Факт, не вызывающий возражений: в основе революций – прогрессивные технологии.

Думается, что в основе указанных взглядов на промышленные революции лежат два несколько разных концептуальных подхода: Д. Рифкин рассматривает эти революции с позиций прогрессивных изменений в энергетике, а К. Шваб – с позиций инновационных изменений в целом.

По мнению Д. Рифкина, в основе третьей промышленной революции пять основных направлений: 1) использование возобновляемых источников энергии, 2) максимальное приближение источников производства электроэнергии к потребителям и рост числа этих источников («превращение всех зданий на каждом континенте в мини-электростанции»), 3) аккумуляция энергии, ее генерирование и использование для этого разнообразных современных технологий, 4) традиционные электросети должны превратиться в интеллектуальную электросеть (наподобие интернета), куда отдаются излишки электроэнергии от региональных электросетей, 5) электромобили должны вытеснить «традиционные авто» и подзаряжаться от интеллектуальной электросети, куда также возможно возвращать излишки электроэнергии. Эти направления создают инфраструктуру новой экономической системы будущего [6, с. 58, 104].

Эти идеи о третьей промышленной революции нашли понимание в мире. Так, в 2007 году Европарламент принял официальную декларацию, обязавшую «присягнуть» этой концепции все страны, объединенные в этом законодательном органе. [6]. Так, Евросоюз приступил к «Программе 20-20-20», которая позволит к 2020 году на 20 % сократить выбросы диоксида углерода по сравнению с 1990 годом, на 20 % повысить энергоэффективность производства и довести долю возобновляемых источников энергии до 20 % [8, с. 9]. Поддержано это и в ООН.

Таким образом, вслед за авторитетным мнением Д. Рифкина, считаем, что подобные прогрессивные изменения в энергетике ознаменует приход «новой эры» с практически нулевыми выбросами

в атмосферу и максимальное использование энергетических мощностей. Но это должно проходить при активном влиянии государства на частный сектор и результатом должно быть не только экономические, но и политические изменения (это «отражение сил, соперничающих за доминирование в коммерческой сфере») [6, с. 196].

В отличие от Д. Рифкина, идея о четвертой промышленной революции в интерпретации К. Шваба рассматривается как «новая глава в развитии человечества», где в основе – массовое распространение новейших технологий (он насчитывает двенадцать групп новых технологий) [9, с. 18, 19]. Но основные черты этой революции – интернет, миниатюрные производственные устройства, искусственный интеллект, обучающие машины [9]. Но одновременно эта революция должна решать и гуманитарные задачи: во-первых, все должны пользоваться в равной степени выгодами этой промышленной революции, во-вторых, контролировать и своевременно устранять отрицательные последствия промышленной революции (экологические, социальные и другие последствия), в-третьих, промышленная революция должна развиваться только в интересах человека и под его постоянным контролем [9, с. 19]. (Отметим, что данные задачи не новы, их можно и нужно ставить всегда, при любых прогрессивных изменениях в обществе).

В целом, во взглядах на концепцию четвертой промышленной революции, мы видим, в частности, продолжение идей Р. Акоффа о системах, о дегуманизации труда (о «иронии промышленной революции»), о системе, как мироощущении [1, с. 9–22]. Р.Акофф также заметил, что современная методология менеджмента основана в основном на «мышлении машинной эпохи» [1, с. 30]. В концепции четвертой промышленной революции можно отметить попытки преодоления такого стереотипного мышления: рассматривается не только роль машин, но и возрастающая роль человека в обществе через организационную культуру, биотехнологии, геоинженерию, искусственный интеллект и другое.

На наш взгляд, концепции о третьей (Д. Рифкин) и четвертой промышленной революции (К. Шваб) по-своему интересны и оригинальны, могут служить своеобразным руководством по изучению нашего будущего. Их объединяет актуальное и сегодня высказывание Л. фон Мизеса, что промышленная революция разрушает идеологические и институциональные барьеры на пути к прогрессу и благополучию [5].

Безусловно, что в основе бережливого производства, как и в теориях о промышленных революциях лежат нововведения, которые не только ускоряют общественный прогресс, но и создают условия неравномерного социально-экономического развития (об этом предупреждали Д. Рифкин и К. Шваб). Думается, что эти вопросы, актуальные для бережливого производства, затрагиваются и в работах российских ученых в теории и «технологических укладах» (С.Ю. Глазьев).

«Технологический уклад – это комплексное устойчивое образование, в рамках которого реализуются все стадии воспроизводственного цикла, включая добычу, переработку и выпуск конечной продукции. Жизненный цикл его составляет около ста лет. В основе каждого уклада – совокупность «технологически сопряженных» производств, которые формируют его ядро. По мнению С. Глазьева, насчитывается шесть таких укладов: 1) 1770–1830 гг., 2) 1830–1880 гг., 3) 1880–1930 гг., 4) 1930–1970 гг., 5) 1970–2010 гг., 6) 2010–2040 гг. [2, с. 78–80]. В состав последнего, пятого уклада входят такие «технологические совокупности», как программное обеспечение, услуги по обслуживанию вычислительной техники и т.д. В настоящее время формируется система экономики шестого уклада (включая его производственную и социальную инфраструктуру). Основные направления развития шестого уклада: биотехнологии, искусственный интеллект, космические технологии, нанотехнологии, новые средства доставки готовой продукции потребителям. Эти основные направления шестого уклада можно назвать его ядром. (Данные идеи созвучны концепции четвертой промышленной революции К. Шваба). Указанные прогрессивные направления позволяют не только снижать издержки производства (бережливое производство), но и происходит переход на энергосберегающие технологии. Конечно, это происходит не сразу исходя из «гипотезы отсрочки Дэвида» и в определенной степени этому противодействует «эффект Денисона» – перераспределение трудовых ресурсов между отраслями с разной производительностью труда [7, с. 158]. Здесь также правомерно отметить неравномерность социально-экономического развития стран, отмеченную еще в конце 20 столетия: если в США и в странах Европы доминируют наукоемкие отрасли, то в Японии – происходит развитие традиционных отраслей при одновременном развитии наукоемких (синхронизация развития всех отраслей). В Японии, в меньшей степени, чем в других странах действует «эффект Денисона». Указанная неравномерность (сдерживающая бережливое производство) формируется объективно – в результате «истощения» возможностей технологического уклада. Возникают условия для перехода к более прогрессивному укладу, где разрешаются возникшие ранее противоречия, начинается фаза роста «нового» технологического уклада.

Основа бережливого производства – научные исследования, а по ним в РФ есть определенные проблемы. Так, затраты на эти исследования с 2010 г. по 2016 г. сократились на 0.3 % к ВВП и составили в 2016 г. 1.10 % к ВВП. Для сравнения: в США – 2.76 %, а в Израиле – 4.25 % к ВВП в 2016 г. Численность персонала (в тыс. ч.), занятого исследовательскими разработками в РФ за указанный период сократилась с 736.3 до 722.3. Если рассматривать структуру внутренних затрат по секторам науки, то в РФ в 2016 г. основная доля приходилась на государственный сектор (32 %), что сопоставимо с бывшими советскими республиками (чем ниже социально-экономический уровень развития, тем выше до-

ля государства – Таджикистан, Узбекистан, республика Молдова). По данным социологических опросов, с 2010 г. по 2016 г. уровень проводимых в РФ научных исследований почти не изменился: так считает 31 % опрошенных [3, с. 25, 27, 271, 289]. Тревожным является еще и тот факт, что с 2011 г. по 2015 г. в сравнении приема и выбытия персонала, занятого научными исследованиями, наблюдается устойчивая динамика роста отри-

Литература:

1. *Акофф Р.* Акофф о менеджменте / Р. Акофф; Пер. с англ.; Под ред. Л.А. Волковой. СПб. : Питер, 2002. 448 с.
2. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика, 2010. 255 с.
3. *Городникова И.В.* Индикаторы науки : 2018: статистический сборник / И.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др. // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2018. 320 с.
4. *Лебедева И.П.* Японское качество: экономические аспекты // В сборнике: Япония 2013. Ежегодник. М. : «АИРО-XXL». 2013. С. 73–88.
5. *Мизес Л. фон* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Людвиг фон Мизес; Пер. с 3-го испр. Англ. изд. И.В. Куряева. Челябинск : Социум, 2012. 878 с.
6. *Рифкин Дж.* Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / Джереми Рифкин; Пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2014. 410 с.
7. *Стрелец И.А.* Новая экономика и информационные технологии. М. : Издательство «Экзамен», 2003. 256 с.
8. *Уринсон Яков Моисеевич.* Промышленная революция и экономический рост. М. : Либеральная миссия, 2018. 40 с.
9. *Шваб Клаус.* Технологии Четвертой промышленной революции. / Клаус Шваб, Николас Дэвис Пер. с англ. М. : Эксмо, 2018. 320 с.

цательного сальдо, что увеличивает разрыв поколений [3, с. 152].

В заключении отметим, что рассматриваемые в статье точки зрения по отношению к бережливому производству интересны, плодотворны и, по нашему мнению, могут рассматриваться как позиции, с разных сторон освещающие данный вопрос.

Literature:

1. *Akoff R.* Akoff on management / R. Akoff; edited by L.A. Volkova. SPb. : Peter, 2002. 448 p.
2. *Glazyev S.Yu.* Strategy of advanced development of Russia in the conditions of global crisis. M. : Ekonomika, 2010. 255 p.
3. *Gorodnikova I.V.* Indicators of science: 2018: statistical collection / I.V. Gorodnikova, L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky et al.: NATs. research. UN-t «Higher school of Economics». M. : HSE, 2018. 320 p.
4. *Lebedeva I.P.* Japanese quality: economic aspects // in the collection: Japan 2013. Yearbook. M. : «AIRO-XXL». 2013. P. 73–88.
5. *Mises L. von* Human activity: a treatise on economic theory / L. Mises; Ludwig von Mises; TRANS. from the 3rd ISPR. Eng. ed. I.V. Kuraeva. Chelyabinsk : Social Life, 2012. 878 p.
6. *Rifkin J.* The third industrial revolution: how horizontal interactions change energy, the economy and the world as a whole / Jeremy Rifkin; TRANS. M. : Alpina non-fiction, 2014. 410 p.
7. *Sagittarius I.A.* New economy and information technologies. M. : Publishing House «Exam», 2003. 256 p.
8. *Urinson Yakov Moiseevich.* Industrial revolution and economic growth / Ya. Urinson.- Moscow: Liberal mission, 2018.-40 С.
9. *Schwab Klaus.* Technologies of the Fourth industrial revolution: translation from English / Klaus Schwab, Nicholas Davis.-Moscow: Eksmo, 2018. 320 p.

Ежов Альберт Юрьевич
главный бухгалтер,
группа компаний
«Интерфлора Гэллери»
ealbert@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности методов управления предприятием, функционирующим в сфере разработки, внедрения и реализации инновационной продукции, технологий или услуг.

В современных условиях бурного развития новых технологий использование предприятиями инноваций в своей экономической и производственной деятельности является неотъемлемым условием конкурентоспособности и успешного развития. Вместе с тем, внедрение инноваций не должно являться самоцелью – напротив, разработка и внедрение каждого нового технологического процесса, любого инновационного нововведения должно иметь отчетливое экономическое обоснование, базирующееся на понимании экономических выгод для предприятия, тем более, что любые новые технологии, новое оборудование, любые инновационные нововведения требуют финансовых вложений.

Учитывая вышеизложенное, очевидным является тот факт, что методы управления современным инновационным предприятием должны выстраиваться не только исходя из наличия и возможности внедрения доступных новых технологий, но и с учетом целесообразности применения тех или иных инноваций, в целях соблюдения базового принципа эффективности деятельности любого экономического субъекта.

Ключевые слова: инновации, инновационные предприятия, методы управления, особенности, опережающее развитие.

Продолжающаяся глобализация мировой экономики наряду с обострением конкурентной борьбы между различными геополитическими структурами, представляющими собой сформировавшиеся к настоящему времени экономические союзы государств и надгосударственных образований, во главу угла ставят вопросы опережающего развития как перед Российским государством в целом, так и перед большинством его экономических резидентов в частности.

Albert Y. Ezhov
Chief accountant,
Group of companies
«Interflora Gallery»
ealbert@yandex.ru

FEATURES OF MODERN METHODS OF MANAGING AN INNOVATIVE ENTERPRISE

Annotation. The article discusses the peculiarities of the methods of management of the enterprise operating in the sphere of development, introduction and sale of innovative products, technologies or services.

In the current environment of the rapid development of new technologies, the use of innovation by enterprises in their economic and productive activities is an indispensable condition for competitiveness and successful development. However, innovation should not be an end in itself – on the contrary, the development and implementation of each new technological process, any innovative innovation should have a clear economic justification based on an understanding of the economic benefits for the enterprise, especially since any new technologies, new equipment, any innovative innovations require financial investments.

In view of the above, it is obvious that the methods of managing a modern innovation enterprise should be based not only on the availability and feasibility of introducing affordable new technologies, but also on the feasibility of applying certain innovations, in order to comply with the basic principle of efficiency of any economic entity.

Keywords: innovation, innovative enterprises, management methods, features leading development.

Решение данных задач в современных условиях не возможно без стимулирования и поддержки развития в России инновационных предприятий, а также широкого повсеместного внедрения инноваций во всех отраслях производства.

В сфере внедрения инновационных технологий, в последние годы Российская экономика совершает определенные, вполне ощутимые успехи, что отображают показатели Российской Федера-

ции в ведущих международных рейтингах инновационной активности. В частности российские позиции значительно укрепилась в рейтинге гло-

бальной конкурентоспособности Global Competitiveness Index, где страна поднялась с 63 в 2010 г. до 38 места в 2017 г. – график рисунка 1.

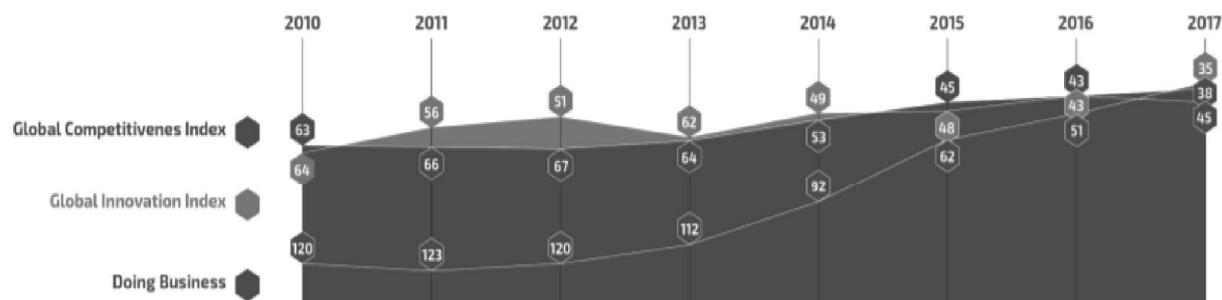

Рисунок – Динамика инновационной составляющей российской экономики в отображении международных инновационных рейтингов

В течение восьми лет Россия поднялась на 19 позиций в рейтинге развития инноваций Global Innovation Index, оказавшись, по итогам 2017 года на 45 месте, при этом в рейтинге Doing Business Российская Федерация достигла 35 места [1].

Отдельно стоит отметить, что в 2018 году Российская Федерация впервые была учтена при составлении ежегодного Европейского иннова-

ционного индекса EIS (European Innovation Scoreboard), в качестве одного из глобальных конкурентов Евросоюза [2]. При этом расчеты индекса EIS по 27 критериям ставят Россию на 25-е место среди стран, оцениваемых в EIS-2018. Ее показатели выше значений Польши, Турции, Греции, Хорватии, Словакии, Болгарии, Латвии, Венгрии и других стран Евросоюза, что наглядно отображено на диаграмме рисунка 2.

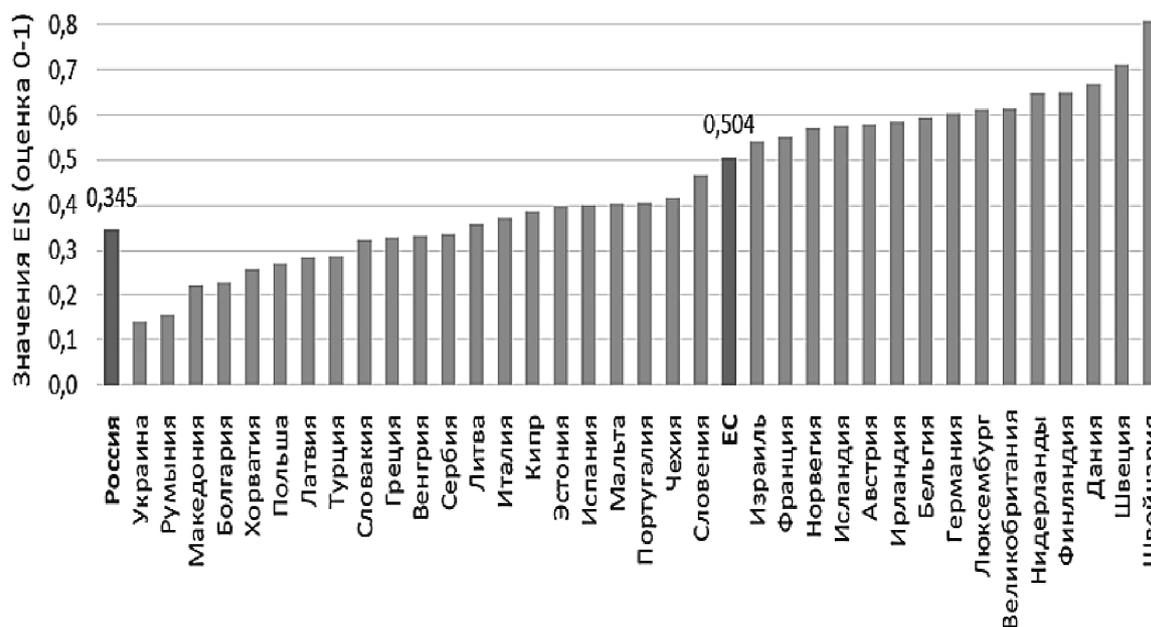

Рисунок 2 – Россия и страны Европейского инновационного индекса [2]

Вместе с тем, согласно данному рейтингу Россия отнесена все же к государствам с относительно низким в сравнении с Евросоюзом уровнем инновационного развития, при этом сильными сторонами инновационной системы в России отмечены: значительная численность населения, имеющего высшее образование, и как следствие высокий уровень занятости в видах деятельности, основанных на знаниях, патентная активность, непрерывное образование граждан, а также существенная доля вложений российского бизнеса в инновации. К слабым позициям отнесена ситуация в сфере управления, государст-

венной поддержки инноваций и публикатиной деятельности.

Иными словами, для дальнейшего улучшения ситуации в сфере инновационного развития экономики требуются качественные изменения к методикам управления предприятием, ориентированным на инновационную деятельность.

Внедрение инноваций субъектами экономики, всегда обусловлено рядом причин, продиктованных желанием менеджмента использовать открывающиеся в результате применения инноваций новых, дополнительных возможностей и

раскрывающихся конкурентных преимуществ, а также купировать потенциальные или реальные внешние и внутренние негативные факторы и угрозы предпринятию.

Многообразие существующих конкурентных стратегий и их комбинаций, в совокупности с предусмотренными законом типами хозяйствующих субъектов, обуславливает множество стратегических позиций и широкий простор для выбора стратегического поведения инновационной организации, для чего необходимо адекватное представление того, насколько технологические, организационные и кадровые ресурсы отвечают потребностям и внешним вызовам предприятия.

По своей сути инновационный менеджмент ориентирован, прежде всего на эффективное достижение целей, предполагающих получение результата, обладающего новизной и практической применимостью. Такие цели могут быть связаны с созданием принципиально новых или качественно улучшенных продуктов (товаров, услуг), технологических процессов, методов хозяйствования; коммерциализацией новых идей, результатов НИОКР, интеллектуальной собственности; внедрением новых образцов техники и оборудования, при этом в качестве основных функций управления инновационной деятельностью на предприятии целесообразно выделять такие направления, как планирование, организация, активизация, контроль, корректировка и оптимизация [3].

Соответственно, сформировавшийся на сегодняшний день набор инструментов, пригодный к использованию для целей управления инновационных компаний, включает следующие методики:

- методы планирования и прогнозирования;
- поисковые методы рассмотрения и выбора проектов;
- поисковые методы организации;
- поисковые методы управления НИОКР;
- методы обучения персонала и руководства;
- методы мониторинга и планирования использования технологий.

Основные компоненты главных функций управления инновационным предприятием представлены в таблице 1.

Данные функции в рамках того, или иного предприятия могут быть централизованы, или децентрализованы в зависимости от конкретных условий и целей деятельности, однако их наличие является необходимым условием эффективной работы инновационного предприятия, поскольку, каждое такое предприятие имеет общие черты, отличающие его от всех остальных типов экономических субъектов.

В частности, инновационное предприятие, стоит перед необходимостью постоянного мониторинга развития технологий, связанных со сферой деятельности предприятия и (или) принимать непосредственное участие в развитии таких технологий, а также оценивать целесообразность корректировки производственного процесса и внедрения технологических изменений. Кроме того, деятельность инновационного предприятия связана с применением новых, либо специфических процессов и технологий, что подразумевает необходимость затрат на обучение персонала и поддержание его квалификации на должном уровне.

Таблица 1

Главные функции управления инновационным предприятием и их компоненты

Функция	Компонент
Планирование	Формирование долгосрочного развития с учетом перспективных технологий и научно-технического прогресса. Разработка формализованных программ и планов в т.ч. мероприятий, связанных со своевременной заменой оборудования, корректировкой технологий и применяемого сырья
Организация	Назначение на должности управленцев и непосредственных исполнителей. Структурирование профильных подразделений подбор, обучение кадров, мероприятия по своевременному обучению и переобучению кадров, а также мероприятия по удержанию сотрудников, в которых заинтересована организация
Активизация	Стимулирование и поддержка инновационной деятельности, устранение барьеров, угроз и сдерживающих факторов развития, поиск новых идей, ресурсов, технологий, а также имеющихся резервов
Контроль	Отбор проектов, сопоставление и оценка расчетных показателей, учет и оценка ключевых показателей инновационных проектов. Определение показателей эффективности подразделений
Корректировка и оптимизация	Минимизация рисков и финансовых затрат. Выработка и принятие решений, направленных на максимизацию эффективности инновационной деятельности, совершенствование системы инновационного менеджмента. Анализ эффективности кадров и принятие кадровых решений

Соответственно, обученный персонал, имеющий кроме того навыки работы на конкретном предприятии с учетом его специфических индивидуальных особенностей, представляет интерес в

первую очередь для самого такого предприятия, а значит помимо перечисленных мероприятий по подбору и обучению кадров, предприятию необходимо еще и комплекс мер для удержания пер-

сонала, чтобы не превращаться в школу кадров для своих конкурентов.

Иными словами, методы, используемые в управлении инновационным предприятием,

Литература:

1. Динамика инновационного развития России. Национальный доклад об инновациях в России – 2017 // РБК. URL : <https://www.rvc.ru/upload/doc/1.pdf> (дата обращения 24.10.2019).
2. Инновационная Россия в сравнении // Стимул. Журнал об инновациях в России – 2019. URL : <https://stimul.online/news/innovatsionnaya-rossiya-v-sravnenii/>
3. *Маннапов А.Р.* Специфика современного инновационного менеджмента // Инновационная деятельность. 2014. № 12(363).

представляют собой систему процедур, характерных для практически любых сфер деятельности, но с акцентом на специфику, обусловленную именно инновационной деятельностью.

Literature:

1. Dynamics of innovative development of Russia. National Report on Innovations in Russia – 2017. URL : <https://www.rvc.ru/upload/doc/1.pdf> (date of appeal 24.10.2019).
2. Innovative Russia in Comparison // Incentive. Journal on Innovations in Russia – 2019. URL : <https://stimul.online/news/innovatsionnaya-rossiya-v-sravnenii/>
3. *Mannapov A.R.* Specifics of modern innovative management//Innovation activity. 2014. № 12(363).

Казибекова Наида Аликулиевна

доктор экономических наук,
профессор кафедры
социогуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

Исмиева Замира Муьминовна

старший преподаватель
кафедры социогуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

Казибеков Ислам Муьминович

аспирант
кафедры социогуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный
педагогический университет
naida_econom@mail.ru

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ УЧЕТ В МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация. В статье авторы затрагивают проблему управленческого учета в медицинских организациях в условиях финансовой самостоятельности и рассматривают определение рентабельности оказываемых услуг как один из методов управленческого учета. Для выработки стратегии поведения медицинских организаций на рынке медицинских услуг, авторы считают необходимым расчет показателя, отражающего место, занимаемое медицинской организацией на рынке медицинских услуг, и для этого предлагают формулу расчета. Авторы уверены в том, что проведение подобных расчетов послужит благоприятным фактором реализации современных форм и методов управления медицинскими организациями.

Ключевые слова: управление, управленческий учет, платные услуги, медицинская организация, затраты, рентабельность.

Важнейшим направлением развития государственной социально-экономической политики России является охрана здоровья граждан и повышение качества услуг, оказываемых медицинскими организациями. Для достижения поставленной цели необходимо провести реформирование системы здравоохранения и обеспечить высокоэффективную деятельность медицинских организаций.

Naida A. Kazibekova

Doctor of Economics,
Professor of the Department
of Sociohumanitarian Disciplines,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

Zamira M. Ismieva

Senior Lecturer of the Department
Sociogumanitarian disciplines,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru
Islam M. Kazibekov

Islam M. Kazibekov

Graduate student
of the Department
of Sociohumanitarian Disciplines,
Dagestan State Pedagogical University
naida_econom@mail.ru

MANAGEMENT RECORDS IN MEDICAL ORGANIZATIONS

Annotation. In the article the authors touches upon the issue of management accounting in medical organizations under conditions of financial independence and considers the definition of profitability of services provided as one of the management accounting methods. To develop a strategy for the behavior of medical organizations in medical services market, the authors consider it necessary to calculate an indicator that reflects the place occupied by a medical organization in the medical services market, and for this they propose a calculation formula. The authors are confident that such calculations will serve as a favorable factor in the implementation of modern forms and methods of managing medical organizations.

Keywords: management, management accounting, paid services, medical organization, costs, profitability.

За последние несколько лет Правительством Российской Федерации принят целый ряд нормативных документов, изменивших модель финансирования медицинских организаций:

- субсидии государственного бюджета;
- средства ФОМС;
- доходы от оказания платных услуг и т.д.

Переход современного российского здравоохранения по предоставлению бесплатных и платных медицинских услуг на интенсивные рыночные отношения является требованием нынешней системы финансирования отрасли. Дальнейшее развитие рыночных отношений в экономике требует от медицинских учреждений повышения эффективности деятельности и конкурентоспособности услуг на основе достижений науки и техники, эффективности хозяйственных форм и управления. Вместе с тем, медицинские организации должны гарантировать квалифицированную помощь пациентам независимо от организационно-правовой формы.

Адаптация медицинских учреждений к рынку включает в себя желание, способности и готовность к приспособлению и развитию в условиях конкурентной борьбы. Рассмотрим основные пути адаптации медицинских учреждений к рыночным условиям:

1. Нормативно-правовой, который предполагает, что нормативные и правовые акты регулируют организационные, имущественные и иные отношения, возникающие в процессе оказания медицинских услуг населению.
2. Экономический, позволяющий адаптироваться в условиях рыночной экономики через пополнение источников финансирования отрасли (перераспределение ВВП, сбор налогов, страховые взносы).
3. Административный, направленный на адаптацию медицинского учреждения [4].

Новые тенденции в подходах к экономической оценке деятельности медицинских организаций требуют изменений, как в инструментарии экономического анализа, так и в методологической основе. Экономический анализ работы медицинской организации выступает обобщающим анализом различных сторон деятельности хозяйствующего субъекта, который подразделяется на внутренний и внешний.

Целью внутреннего анализа является определение потребностей организации краткосрочного и перспективного управления финансовой, производственной и коммерческой деятельностью. Такая деятельность позволяет обеспечить планомерную работу организации, регулярное поступление денежных средств, получение максимальной прибыли. Для проведения внутреннего анализа необходимы следующие документы:

- финансовая отчетность;
- данные управленческого учета;
- данные бухгалтерского учета;
- нормативная информация;
- данные о реализации услуг и т.д.

Внешний анализ осуществляется на основании публичной финансовой и статистической отчетности органами хозяйственного управления,

банками, финансовыми органами, инвесторами, аудиторами, хозяйственными партнерами. Внешний анализ отличается не только множественностью субъектов анализа – пользователей финансовой информацией о деятельности организации, но и разнообразием целей и задач, которые они перед собой ставят [1].

Методологическую основу организации управленческого учета с применением инновационных медицинских информационных систем составляет сбалансированность процессов управления медицинской организации с полным анализом затрат на реализацию услуг и учетом оказанных населению услуг.

Управленческий учет – это четкая система прогнозирования, планирования, финансирования, распределения и контроля всех процессов, происходящих в медицинской организации, с помощью инструментов учета и отчетности для эффективной деятельности.

В медицинской организации основные задачи управленческого учета соотносятся с целями планирования, анализа затрат, системы контроля и принятия управленческих решений при отклонении фактических показателей деятельности от тех, которые были запланированы.

Содержание управленческого учета в медицинской организации включает в себя управленческий (внутренний) и финансовый (внешний) анализ деятельности. Управленческий анализ в медицинской организации – это определенная управленческая информация, охватывающая:

- виды медицинской помощи, оказываемой в медицинской организации;
- количество обращений в медицинскую организацию;
- качество оказываемых услуг;
- продолжительность лечения;
- удовлетворенность посетителей;
- количество обращений в дневной стационар.

Финансовый анализ деятельности медицинской организации состоит из информации о финансовом положении дел, учете затрат по видам оказываемых медицинских услуг, определении себестоимости услуги, формировании цен, контроле за движением денежных средств, учете и оптимизации расходов.

Для эффективной деятельности медицинской организации в условиях рыночной экономики необходима неразрывная и всесторонняя деятельность, которая может быть достигнута путем четкого планирования работы по всем направлениям деятельности на рынке медицинских услуг, включая:

- сегментацию рынка;
- разработку планов приема пациентов и реализации своих услуг;

- мониторинг спроса потенциальных потребителей медицинских услуг;
- обеспечение соответствия мощностей медицинской организации реальным потребностям населения в лечебных и профилактических услугах;
- повышение эффективности использования имеющегося у организации оборудования;
- расширение ассортимента и предложение новых видов услуг;
- позиционирование своих услуг на рынке;
- оценка деятельности медицинской организации.

Современные реалии по планированию и оценки результатов деятельности медицинской организации требуют значительных изменений, это касается, в том числе внедрения основных показателей и индикаторов качества медицинских услуг.

Одним из решающих факторов эффективного функционирования организаций, предоставляющих медицинские услуги, является обеспечение высокого уровня качества кадрового потенциала, достижение которого возможно только при наличии кадровой политики, являющейся элементом социальной политики в развитии сферы медицинских услуг. Управленческий учет медицинской организации в рамках одной организации основывается на калькуляции трудозатрат, которая выражается в единых нормах труда медицинского персонала.

Методология медицинских услуг и внедрение средств информатизации решает задачу учета трудозатрат каждого лечащего врача, реализующего определенные медицинские технологии диагностического и лечебного характера [3].

Для эффективного управленческого учета также важно знать место, занимаемое медицинской

организацией на рынке медицинских услуг, что позволит организации выработать дальнейшую стратегию поведения на данном рынке. Для расчета данного показателя, берется отношение объема предоставленных услуг медицинской организации к общему объему медицинских услуг на рынке.

$$N = \frac{P(t)}{P^{\wedge}(t)},$$

где N – позиция медицинской организации на рынке медицинских услуг, $P(t)$ – объем предоставленных медицинской организацией услуг, $P^{\wedge}(t)$ – общий объем медицинских услуг на рынке [2].

В настоящее время все шире применяются в медицинских организациях методы управления с целью повышения эффективности деятельности и рентабельности медицинских услуг.

Для определения рентабельности оказываемых услуг берется отношение прибыли от услуги к себестоимости выпускаемой единицы оказываемой услуги.

$$R = \frac{P_i}{S_i} \times 100\%,$$

где R – рентабельность медицинской услуги, P_i – прибыль от услуги, S_i – себестоимость услуги [2].

Также для эффективного управления расходами в медицинской организации необходимо определить порог рентабельности, который достигается при равенстве суммы затрат и выручки от реализации услуг (рис. 1).

Проведение расчетов по определению рентабельности медицинских услуг служит благоприятным фактором реализации современных методов управления в условиях хозяйственной самостоятельности медицинских организаций.

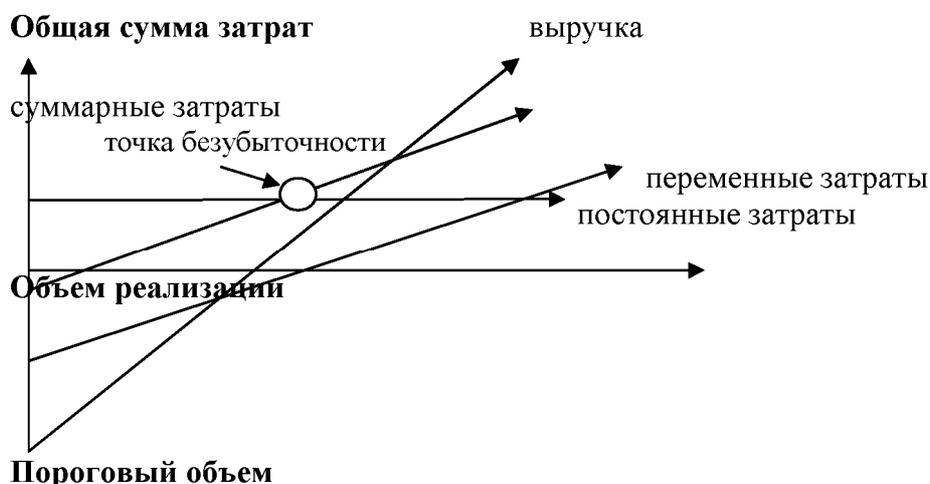

Рисунок 1 – График расчета порога рентабельности в медицинской организации

Литература:

1. *Кадыров Ф.Н.* Экономические методы оценки эффективности деятельности медицинских учреждений. М. : Менеджер здравоохранения, 2007. 458 с.
2. *Казибекова Н.А.* Медицинские услуги как основа социальных услуг государства. Европейский журнал социальных наук / Н.А. Казибекова, Д.Р. Ашуралиева, З.М. Исмиева. 2016. № 2.
3. *Мартыненко В.Ф.* Информационные средства управленческого учета и комплексного финансово-экономического анализа производственной деятельности ЛПУ / В.Ф. Мартыненко, Г.М. Вялкова, В.А. Полесский и др. // Главврач. 2007. № 8.
4. *Трифоновна Б.М.* Управление медицинскими учреждениями: методологические подходы и новые тенденции // Вопросы структуризации экономики № 2: Материалы 8-й Всероссийской конференции по маркетингу. Махачкала : ИСЭИ ДНЦ РАН, 2007.
5. *Цапиева О.К.* Приоритеты социальной государственной политики региона в условиях перехода к устойчивому развитию. Вопросы структуризации экономики / О.К. Цапиева, З.З. Абдуллаева, Н.А. Казибекова. 2008.

Literature:

1. *Kadyrov F.N.* Economic methods for evaluating the effectiveness of medical institutions. M. : Healthcare Manager, 2007. 458.
2. *Kazibekova N.A.* Medical services as the basis of the social services. European Journal of Social Sciences / N.A. Kazibekova, D.R. Ashuralieva, Z.M. Ismiyeva. 2016. № 2.
3. *Martynenko V.F.* Management accounting information tools and a comprehensive financial and economic analysis of the production activities of health facilities / V.F. Martynenko, G.M. Vyalkova, V.A. Polesky // Glavvrach. 2007. № 8.
4. *Trifonova B.M.* Management of medical institutions: methodological approaches and new trends / Issues of structuring the economy № 2: Materials of the 8th All-Russian Conference on Marketing. Makhachkala : ISEI DSC RAS, 2007.
5. *Tsapieva O.K.* Priorities of the social state policy of the region in the transition to sustainable development. Issues of structuring the economy / O.K. Tsapieva, Z.Z. Abdullaeva, N.A. Kazibekova. 2008.

Коновалова Татьяна Вячеславовна

кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой организации
перевозок и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Левоновна

старший преподаватель
кафедры организации
перевозок и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

АЛГОРИТМ ВЫБОРА ПОДВИЖНОГО СОСТАВА ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ

Аннотация. В данной статье рассмотрен алгоритм выбора подвижного состава для перевозки грузов. Проанализировав научную и учебную литературу, различные методы и способы выбора подвижного состава для выполнения транспортной работы, авторы разработали алгоритм, исходя из конкретных условий, наблюдаемых на автотранспортном предприятии.

Ключевые слова: экономика, себестоимость, транспортная работа, доступность, алгоритм, перевозки.

Проанализировав научную и учебную литературу, различные методы и способы выбора подвижного состава (ПС) для выполнения транспортной работы, авторы разработали алгоритм, исходя из конкретных условий, наблюдаемых на автотранспортном предприятии.

Как видно из рисунка первым основополагающим критерием выбора является вид груза по способу погрузки/разгрузки, исходя из которого определяется тип кузова автотранспортного средства (АТС). Если критерий удовлетворяет первому условию и груз является штучным перевозка будет осуществляться в автомобилях с закрытым кузовом типа «фургон» или в контейнерах, при этом не исключаются варианты перевозки особых видов груза, таких как крупногабаритный, например. Таким образом, под данный критерий также подходят все виды специализированных АТС.

Если груз относится к типу навалочных, то для осуществления данной перевозки требуется использование автомобилей и автопоездов с самосвальными кузовами.

Tatyana V. Konovalova

Candidate of Economic Sciences,
Manager of Department of the Organization
of Transportations and Traffic,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan

Senior teacher
Departments of the Organization
of Transportations and Traffic,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

THE ALGORITHM OF A CHOICE OF ROLLING STOCK FOR TRANSPORTATION OF GOODS

Annotation. In this article we consider the algorithm for choosing a rolling stock for the carriage of goods. After analyzing the scientific and educational literature, various methods and methods of selecting rolling stock for transport work, an algorithm was developed based on the specific conditions observed in the transport enterprise.

Keywords: economy, cost, transport work, accessibility, algorithm, transportation.

Для перевозки жидких грузов без тары необходимы автомобили-цистерны, либо контейнер-цистерна.

Следующим критерием выбора я принимаю наличие погрузочно-разгрузочных средств. В случаях, если в пунктах погрузки или разгрузки экономически не оправдано иметь стационарные погрузо-разгрузочные средства (ПРС), то в таких случаях целесообразно использовать автомобили-самопогрузчики. Средства механизации, устанавливаемые на эти АТС, уменьшают полезную грузоподъемность автомобиля на величину своей массы и снижают его производительность. Однако одновременно они позволяют уменьшить трудозатраты и простой автомобиля при выполнении погрузки и разгрузки [1]. Поэтому применение АТС такого типа, во многих случаях, является эффективным. Автомобили и автопоезда, которые предназначаются для перевозок между пунктами, оснащенными высокопроизводительными средствами стационарной или другой механизации погрузочных и разгрузочных работ (кранами, транспортерами, автопогрузчиками, экскаваторами, бункерами, автомобилеопроки-

двигателями и др.), должны выбираться приспособленными к использованию таких механизмов.

Одним из важнейших условий выбора АТС для перевозки груза является его масса и объем. Грузовые автомобили классифицируются по номинальной грузоподъемности, которая устанавливается заводом-изготовителем и показывает максимально допустимую нагрузку. В этом случае выделяют пять групп:

- 1) особо малой грузоподъемности (до 0,5 т);
- 2) малой (0,5–2,0 т);
- 3) средней (2,1–5,0 т);
- 4) большой (5,1–15,0 т);
- 5) особо большой (свыше 15,0 т).

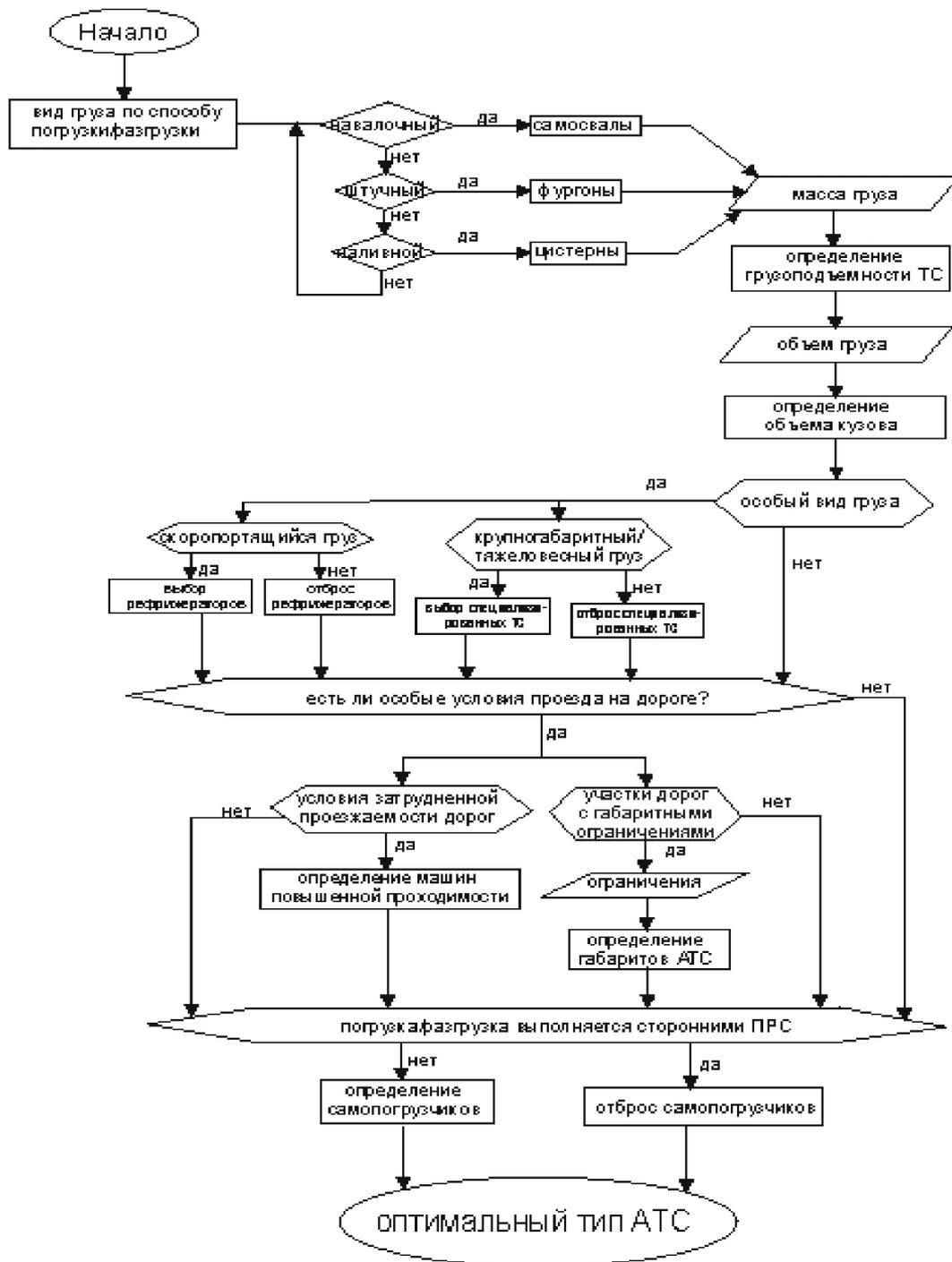

Рисунок 1 – Алгоритм выбора ТС для перевозки грузов

После того, как определена необходимая грузоподъемность автомобиля, рассмотрим груз, для которого необходимы особые условия доставки. К таким грузам относятся:

1. Скоропортящиеся. Данный вид груза требует соблюдения определенного температурного режима при перевозке, а также быструю скорость доставки. Основная часть скоропортящихся-

ся – продукты питания. Для транспортировки скоропортящихся грузов используются изотермические и рефрижераторные автомобили, грузоподъемность которых составляет 1,5–25 тонн. Механизмы функционирования этих двух видов термоизолированных фургонов различны. При доставке грузов автотранспортом этого типа перевозка скоропортящихся грузов осуществляется на небольшие расстояния [2].

2. Тяжеловесные. К тяжеловесному относится груз, масса которого с учетом массы транспортного средства превышает предельно допустимые массы транспортных средств или предельно допустимые осевые нагрузки.

Транспортные средства, предназначенные для перевозки тяжеловесных грузов отличаются от транспорта общего назначения по многим техническим параметрам.

3. Крупногабаритные. Крупногабаритный (негабаритный) груз – это груз, который, будучи погружен на транспортное средство, превышает хотя бы один из параметров по предельным габаритным размерам подвижного состава, определенных в нормативных документах. К негабаритному можно отнести также длинномерный груз, который, будучи погружен на транспортное средство, выступает за задний борт более чем на 2 метра.

Перевозка негабаритного, тяжеловесного груза – уникальный и, в тоже время, один из наиболее сложных и дорогостоящих видов автомобильных перевозок, предъявляющий особые требования к специалистам всех уровней, от водителя до инженера, участвующих в транспортном процессе. Выбор транспортных средств для перевозки того или иного негабаритного груза происходит с учетом особенностей негабаритных, тяжеловесных грузов и технических возможностей специализированных транспортных средств. Так, автопоезда с низкорамной платформой, оборудованной откидывающейся аппарелью, используются, как правило, для перевозки передвижных строительных и сельскохозяйственных машин (негабарит по высоте и ширине).

Однотипных перевозок, как правило, не бывает. Каждая перевозка уникальна и представляет собой четкое взаимодействие всех звеньев транспортной системы, что подразумевает выполнение широкого диапазона услуг, как подготовительных, так и, непосредственно транспортных, среди которых:

Литература:

1. *Коновалова Т.В.* Методика выбора системы транспортного обслуживания производственных предприятий. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, А.О. Недашковская. 2015. № 11-2. С. 38–40.

2. *Коновалова Т.В.* Анализ общих затрат на транспорт производственных предприятий при выборе инсорсинга или аутсорсинга. Гуманитар-

– подбор рационального по грузоподъемности, вместимости и стоимости перевозки транспорта;

– подготовка схем крепления и размещения негабаритных и тяжеловесных грузов на автотранспортных средствах;

– исследование и определение оптимального маршрута перевозки;

– разработка проектной документации по согласованию маршрута движения транспортного средства с негабаритным грузом;

– оформление специальных разрешений на перевозку негабаритных и тяжеловесных грузов;

– согласование перевозки с ГИБДД МВД РФ, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации;

– организация сопровождения автомобилями прикрытия, патрульным автомобилем ГИБДД при необходимости.

Федеральным законом Российской Федерации от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» пользователям автомобильных дорог запрещается осуществлять перевозки по автомобильным дорогам опасных, тяжеловесных и (или) крупногабаритных грузов без специальных разрешений [3].

Следующим условием выбора являются дорожные условия. К данному критерию относятся:

– труднопроходимые дороги. В условиях затрудненной проезжаемости дорог оправдано применение полноприводных автомобилей повышенной проходимости с колесными формулами 4x4 и 6x6;

– горные дороги, имеющие значительные уклоны. Важным качеством ПС, в данном случае, являются динамичность и тормозные свойства;

– участки дорог с габаритными ограничениями. В данном случае необходимо учесть габаритные параметры автотранспортного средства, а также его габариты с грузом, если тот выходит за пределы ТС.

Проведя анализ характеристик груза, данный алгоритм позволит подобрать рациональное автотранспортное средство для его перевозки.

Literature:

1. *Konvalova T.V.* Method of selection of transport service system of industrial enterprises. Humanities, socio-economic and social Sciences / T.V. Konvalova, S.L. Nadiryan, A.O. Nedashkovskaya. 2015. № 11-2. P. 38–40.

2. *Konvalova T.V.* Analysis of total transport costs of industrial enterprises when choosing insourcing or outsourcing. Humanities, socio-economic and

ные, социально-экономические и общественные науки / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, А.О. Недашковская. 2016. № 6–7. С. 198–200.

3. *Коновалова Т.В.* Оптимизация инвестиций в транспортно-логистическую деятельность предприятия. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян. 2013. № 3. С. 208–210.

social Sciences / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryan, A.O. Nedashkovskaya. 2016. № 6–7. P. 198–200.

3. *Konovalova T.V.* Optimization of investments in transport and logistics activities of the enterprise. Humanities, socio-economic and social Sciences / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryan. 2013. № 3. P. 208–210.

Курилин Владислав Валерьевич
студент 2 курса
магистратуры факультета менеджмента,
Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова,
региональный менеджер по ЮФО и СКФО
ООО «БАКУЛИН МОТОРС ГРУПП»
kurilin-96@mail.ru

Горячев Владислав Сергеевич
студент 2 курса
магистратуры факультета менеджмента,
Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова,
goryachev96.94@mail.ru

МОДЕЛИ ОЦЕНКИ СИСТЕМЫ АВТОМАТИЗАЦИИ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАКАЗОВ

Аннотация. В эпоху перехода страны к цифровой экономике, становится необходимой автоматизация процедур создания, формирования и оформления заказов клиентов торговых и производственных предприятий. В работе предложена математическая модель результатов внедрения автоматизированной онлайн-системы оформления заказов на промышленном рынке с сегментацией покупателей по закупочному признаку. Полученные выводы показывают, что оформление заявок покупателей в условиях цифровой трансформации экономики необходимо должно быть автоматизировано. Приведена теоретическая оценка влияния внедрения автоматизированной системы приема заказов в электронной форме на распределение рынка продукции.

Ключевые слова: цифровая экономика, цикл заказа, маркетинг промышленных предприятий, автоматизация фронт-офиса, оценка автоматизированной системы обработки заказов, IT-технологии управления.

Введение. Ускорение реакции поставщика на запросы потребителей является одним из источников конкурентного преимущества. В наибольшей степени это, преимущество, проявляется для тех производственных предприятий, для которых невозможно создание товарных запасов [1]. Автоматизацию процессов связанных с формированием заказа можно подразделить на следующие части:

1) автоматизацию работы фронт-офиса, непосредственно контактирующего с клиентами,

Vladislav V. Kurilin
2nd year student of Magistracy
of the Faculty of Management,
Russian Economic University
named after G.V. Pleanov,
Regional Manager
of «BAKULIN MOTORS GROUP»
kurilin-96@mail.ru

Vladislav S. Goryachev
2nd year student of Magistracy
of the Faculty of Management,
Russian Economic University
named after G.V. Pleanov
goryachev96.94@mail.ru

ORDERING AUTOMATION SYSTEM EVALUATION MODELS

Annotation. In the era when Russia is transitioning to the digital economy, it becomes necessary to automate the process of creating, forming and placing customer inquiries and orders of industrial and commercial enterprises. In the paper the authors present a mathematical model of evaluation results achieved in implementing an automatic online customer order service in the industrial market with segmentation of customers by purchasing attribute. The obtained results show that customer orders creation in a digital economy must become automated. A theoretical assessment of the impact of implementing an automated on-line system for the receipt of purchase applications in electronic form on the distribution of the product market is given.

Keywords: digital economy, order cycle, industrial marketing, automation in front-office, evaluating an automated order processing system, IT-based management technologies.

2) автоматизацию работы бэк-офиса, занимающегося распределением заказов на производство и сборку продукции филиалами фирмы, учетом товара, складированием, работой с поставщиками,

3) учет средств, история и статистика, прогнозирование товарного спроса исходя из анализа заказов покупателей.

Материалы и методы. Теоретическая и методологическая основа для написания этой статьи базируется на научных публикациях и докладах.

Используются методы теории массового обслуживания с дискретным временем перехода. Методология исследования основана на основе соотношения и сравнения теоретического и практического материала.

Объект исследования. В статье рассматривается промышленное предприятие, не имеющее запасов готовой продукции и конкурирующее за определенный рынок. Авторы статьи предлагают метод роста числа клиентов в результате автоматизации приема и обработки заказов. Предложенная модель должна помочь объективно оценить эффективность внедренной системы.

Примером предприятия, на котором полезно внедрение автоматизированной системы приема заказов является Российский машиностроительный холдинг ООО «БАКУЛИН МОТОРС ГРУПП» (бренд «Волгабас»). Особенностью предприятия является как массовое производство продукции большими партиями для муниципальных образований, так и производство небольшими сериями вплоть до одного изделия под заказ для частных фирм. Кроме того, требования тендеров, как для самого холдинга, так и для его покупателей, осуществляющих пассажирские перевозки, заставляют постоянно обновлять модельный ряд. Вся продукция производится исключительно под заказ. Эти особенности делают бессмысленным накопление запасов готовой продукции.

Заказчики промышленной продукции заинтересованы в сокращении сроков оформления и выполнения договора на поставку продукции. Поэтому в некоторых случаях покупатель при ускоренной его доставке товара, согласится приобрести его по более высокой цене [5]. Таким образом, срок оформления заказа является одним из маркетинговых факторов влияния на выбор потребителя и, следовательно, на сбыт продукции. Автоматизация работы фронт-офиса позволяет существенно ускорить реакцию на запросы клиентов. Поэтому автоматизация процесса обработки заказов в настоящее время осуществляется в различных сферах производства, торговли и услуг: в ресторанном бизнесе [2], сбыте продукции промышленных предприятий [3; 4], и т.д.

Математическая модель задачи. Мерой эффективности системы автоматизации заказов будем считать увеличение доли клиентов фирмы на рынке после ее внедрения.

Рассмотрим следующую ситуацию. Компания «А» перешла на автоматизированную систему заказов, а ее конкуренты – нет. Будем исходить той предпосылки, что имеется некоторый сегмент покупателей, существенно реагирующих на время оформления заказа.

Если такой покупатель тратит на оформление заказа более t_{crit} дней, срок выполнения заказа также увеличивается, что не устраивает покупателя. В этом случае заказ теряется и в последствие покупатель обращается к другому производителю. Предположим, что время оформления заказа в отсутствие автоматизиро-

ванной системы распределено по нормальному закону со средним значением m дней и стандартным отклонением σ дней.

Отметим, что результат конкурентной борьбы за рынок в данной модели существенно зависит от распределения продолжительности работ по оформлению заказа. Пусть t_{crit} – критическое время ожидания. Если время оформления заказа распределено по нормальному закону, то вероятность того, что заявка не будет обслужена за время меньше t_{crit} равна

$$q = \frac{1}{2} - \Phi\left(\frac{t_{crit} - m}{\sigma}\right).$$

Если время оформления заказа распределено по закону Эрланга, то эта же вероятность будет равна $q = \Gamma(k, \lambda t_{crit}) / \Gamma(k)$, здесь m – ожидаемое время оформления заказа, σ – среднее квадратичное времени оформления заказа, $\lambda = \frac{m}{\sigma^2}$,

$k = m\lambda$, $\Gamma(x) = \int_0^{+\infty} t^{x-1} e^{-t} dt$ – гамма функция

Эйлера, $\Gamma(k, a) = \int_a^{+\infty} t^{k-1} e^{-t} dt$ – верхняя неполная гамма функция.

Подразделим весь сегмент клиентов на четыре части:

- 1) I – множество покупателей не чувствительных к указанному фактору;
- 2) C – сегмент покупателей, для которых данный маркетинговый фактор является существенным в выборе поставщика продукции;
- 3) V – сегмент покупателей, некоторая доля которых f , переходит от одного поставщика к другому под влиянием рассматриваемого маркетингового фактора;
- 4) U – доля новых покупателей на рынке (для компании «Волгабас» эта доля составляет 15 % сегмента частных покупателей).

Обозначим через i , c , v , u доли сегментов I, C, V и U в общем сегменте покупателей, пользовавшихся товарами как компании «А», так и ее конкурентов. При этом $i + c + v + u = 1$. Доли указанных сегментов, приходящихся на компанию «А», обозначим a_1, a_2, a_3, a_4 . В таком случае общая доля фирмы составит:

$$a(0) = a_1 \cdot i + a_2 \cdot c + a_3 \cdot v + a_4 \cdot u.$$

Рассматривая процесс перехода покупателей как дискретный Марковский процесс, мы получаем, что доля $a(n)$ компании «А» на рынке через n лет описывается формулой:

$$a(n) = a(0) + K(n) + B(n) + Y(n),$$

где $K(n) = (1 - a_2) \cdot c \cdot (1 - (1 - q)^n)$;

$$B(n) = (1 - a_2) \cdot v \cdot (1 - (1 - fq)^n);$$

$$Y(n) = (1 - a_2) \cdot v \cdot (1 - (1 - gq)^n).$$

Параметр описывает меняющуюся год от года часть V_1 сегмента V , состоящую из клиентов фирм-конкурентов, для которых скорость оформления заказа существенна. Параметр qf представляет собой интенсивность случайного перехода совокупности клиентов, недовольных скоростью оформления заказа, из совокупности V_1 к более быстро обслуживающей фирме. Параметр g описывает долю сегмента новых покупателей, выбирающих фирму в зависимости от срока оформления заказа. Как легко видеть, формула для величины $\alpha(n)$ содержит слишком много параметров. Параметры $i, c, v, u, f, g, \tau_{срн}$ можно оценить по клиентской базе компании «А» путем опроса. Кроме того, для выяснения значения параметра q можно изучить статистическое распределение времени обслуживания потока заявок по историческим данным. Затем следует уточнить значения параметров путем сравнения значения функции $\alpha(n)$ за два года после внедрения автоматизированной системы.

Литература:

1. *Лысенко И.В.* Проблемы прогнозирования временных характеристик при проектировании логистической системы производственных корпоративных структур // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2011. № 17. С. 18–21.
2. *Chouhan M.* Automated Table Ordering System / Chouhan M., Tiwari A., Patkar P., Agarwal N., Kumbhar, N., Kulkarni P.S. // International Journal of Advance Research and Development. 2017. Vol. 2. Iss. 4. P. 72–76.
3. *Маркова Т.И.* Формирование цикла заказа на машиностроительную продукцию. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 4(43). С. 98–101.
4. *Андрюк Г.Л.* Механизм управления расходами и доходами промышленного предприятия в современных рыночных условиях // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. № 5(101). С. 124–130.
5. *Мушруб В.А.* Критическая ставка кредита и девальвация рубля / В.А. Мушруб, А.Н. Выборнов, И.И. Выборнова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8–9. С. 231–235.
6. *Дорохина Е.Ю.* Трехуровневая модель промышленной системы «продукт-сервис» / Е.Ю. Дорохина, С.С. Пантелеев // Путеводитель предпринимателя. Научно-практический сборник трудов. М. : Российская академия предпринимательства. 2017. № 4. С. 111–120.

Выводы. Как можно заметить из предыдущего анализа, компании, не внедряющие удобную автоматизированную систему приема заказов, теряют часть рынка сбыта продукции (или клиентской базы). Ранее общей тенденцией общения с потребителями было нежелание значительного их числа общаться с «роботом», т.е., интернет сервисом. Однако в настоящее время в связи с совершенствованием веб-дизайна, с ростом количества интернет-сервисов, ускорение работы протоколов связи, эта тенденция сменилась на обратную. Теперь покупатель хочет подружиться с «роботом». Модернизация системы приема и оформления заказов в сторону развития интернет сервиса, улучшения его удобства и прозрачности для покупателей в условиях формирования цифровой экономики становится правилом конкуренции в цифровом мире.

Авторы статьи выражают благодарность профессору Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова Дорохиной Елене Юрьевне, а так же доценту Мушруб Владимиру Александровичу за научное руководство и помощь в подготовке статьи к публикации.

Literature:

1. *Lysenko I.V.* Problems of predicting temporal characteristics in the design of the logistics system of industrial corporate structures // Bulletin of the Volga University. V.N. Tatishchev. 2011. № 17. P. 18–21.
2. *Chouhan M.* Automated Table Ordering System / Chouhan M., Tiwari A., Patkar P., Agarwal N., Kumbhar, N., Kulkarni P.S. // International Journal of Advance Research and Development. 2017. Vol. 2. Iss. 4. P. 72–76.
3. *Markova T.I.* Formation of an order cycle for engineering products. // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2012. № 4(43). P. 98–101.
4. *Andryuk G.L.* The mechanism of managing the costs and revenues of an industrial enterprise in modern market conditions // Bulletin of the Russian Economic University. G.V. Plekhanov. 2018. № 5 (101). P. 124–130.
5. *Mushrub V.A.* The critical rate of credit and the devaluation of the ruble / V.A. Mushrub, A.N. Vybornov, I.I. Vybornova // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. № 8–9. P. 231–235.
6. *Dorokhina E.Yu.* Three-level model of the industrial «product-service» system / E.Yu. Dorokhina, S.S. Panteleev // Putevoditel' predprinimatel'ya. Scientific and practical collection of works. M. : Russian Academy of Entrepreneurship. 2017. № 4. P. 111–120.

Мажанская Елизавета Владимировна
студентка магистратуры
кафедры экспертизы
и управления недвижимостью,
Сибирский федеральный университет
mazhanskaya97@mail.ru

Пасечник Анастасия Сергеевна
студентка специалитета,
кафедры строительства
уникальных зданий и сооружений,
Сибирский федеральный университет
mazhanskaya97@mail.ru

Шишкина Дарья Федоровна
студентка специалитета,
кафедры строительства
уникальных зданий и сооружений,
Сибирский федеральный университет
mazhanskaya97@mail.ru

Калинина Дарья Александровна
студентка специалитета,
кафедры строительства
уникальных зданий и сооружений,
Сибирский федеральный университет
mazhanskaya97@mail.ru

Гамаева Дарья Андреевна
студентка бакалавриата,
кафедры промышленного
и гражданского строительства,
Сибирский федеральный университет
mazhanskaya97@mail.ru

ЗДОРОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР КАЧЕСТВЕННОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

■ ■ ■

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день теме. В статье отмечено о том, что качественная производительность труда – это проблема российской экономики. Качественная производительность труда зависит во многом от уровня здорового населения. В статье приведены позиции разных авторов касательно понятий «производительность труда», «здоровье». Также рассмотрены мнения касательно того, что качественная производительность труда находится в прямой зависимости от здоровья населения. Помимо прочего, перечислены механизмы, через которые здоровье может оказывать влияние на производительность труда. В статье сделан вывод о том, что государство должно предпринимать меры, поддерживающие здоровье населения, нужно иметь эффективную систему здравоохранения.

Elizabeta V. Majanskaya
Master 's student Departments of Expertise
and Real Estate Management,
Siberian Federal University
mazhanskaya97@mail.ru

Anastasia S. Pasechnik
Student of a Specialist Programme,
Departments of Construction
Unique Buildings and Structures,
Siberian Federal University
mazhanskaya97@mail.ru

Darya F. Shishkin
Student of a Specialist Programme,
Departments of Construction
Unique Buildings and Structures,
Siberian Federal University
mazhanskaya97@mail.ru

Darya A. Calinina
Student of a Specialist Programme,
Departments of Construction
Unique Buildings and Structures,
Siberian Federal University
mazhanskaya97@mail.ru

Darya A. Gamayeva
Student of a Bachelor Degree,
Departments of Industrial
and Civil Engineering,
Siberian Federal University
mazhanskaya97@mail.ru

HEALTHY POPULATIONS AS THE MAIN FACTOR IN QUALITY LABOR PRODUCTIVITY

■ ■ ■

Annotation. The article is devoted to the current topic. The article notes that the quality of labor productivity is a problem of the Russian economy. High-quality labor productivity depends largely on the level of a healthy population. The article presents the positions of different authors with regard to the concepts of «labor productivity», «health». Also considered are the opinions regarding the fact that the quality of labor productivity is directly dependent on the health of the population. Among other things, the mechanisms through which health can have an impact on productivity are listed. The article concludes that the state should take measures to support the health of the population, it is necessary to have an effective health care system.

Ключевые слова: здоровье, труд, производительность, население, экономика.

Keywords: health, labor, productivity, population, economy.

Тема исследования весьма актуальна. Это связано с тем, что залогом успешного развития экономики страны является повышение производительности труда. Повышение производительности труда является не только необходимым условием для экономического роста, но и важным элементом национальной безопасности Российской Федерации.

На сегодняшний день проблема повышения производительности труда – одна из наиболее острых проблем российской экономики, тем самым представляет собой препятствие ее динамичному развитию и значительно ограничивает возможности роста ее конкурентоспособности. Решение проблемы повышения производительности труда в большей мере находится в зависимости от обеспечения здоровья населения. Качественная производительность труда находится в прямой зависимости от здоровья работающего населения.

Интерес к данной теме можно наблюдать у многих авторов (А.А. Романцов, О.В. Забелина, Т.В. Панова и другие). Каждый из которых придерживается своей точки зрения, но при этом они имеют схожесть.

Цель статьи – изучить здоровое население как основной фактор качественной производительности труда. Целесообразно начать с трактовки производительности труда. Приведем позиции разных авторов касаясь данного понятия.

С точки зрения А.В. Шаковой, под производительностью труда следует именовать показатель, благодаря которому можно оценить эффективность работы персонала [8, с. 50].

В свою очередь М.Л. Зидла пишет о том, что «производительность труда – важнейший экономический показатель, характеризующий эффективность труда в материальном производстве характеризующий как отдельного работника, так и коллектива предприятия в целом» [1, с. 597].

Интересна позиция Э.А. Султановой, изложенная в статье «Основные факторы, влияющие на производительность труда». Данный автор отмечает следующее: производительность труда, являясь показателем динамичным, имеет значение только в своем прогрессирующем тренде. Конкретно высокий уровень производительности труда и его положительная динамика – это основной фактор, благодаря которому достигается рост экономики, его развитие, высокий уровень благосостояния всех членов общества [6, с. 93].

М.Р. Зидла в статье «Повышение производительности труда как фактор экономического роста» отмечает о том, что на сегодняшний день наблюдается сильное отставание производительности труда в России от развитых стран мира [1, с. 598].

С позиции Э.А. Султановой, на производительность труда оказывает влияние множество факторов. В свою очередь под факторами следует понимать объективные и субъективные процессы и явления, обуславливающие изменение того или иного показателя. Факторы изменения производительности труда – это причины изменения её уровня, резервы роста производительности труда [6, с. 94].

Итак, проведя анализ экономической литературы, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день существует множество факторов, оказывающих воздействие на качество производительности труда, среди которых важное место занимает здоровье населения. Качественная производительность труда находится в зависимости, как от квалификации рабочего, так и от уровня его здоровья, физиологической и психологической пригодности к выполнению профессиональных обязанностей.

Стоит согласиться с позицией таких авторов как В.М. Черепова, Д.В. Ефремова, М.Ю. Калинина, изложенной в статье «Производительность труда и состояние здоровья работника». Итак, обозначенные авторы отмечают о том, что в России уровень здоровья как фактор производительности труда в отечественных работах чаще только упоминается, но исследован недостаточно. Данный вопрос в стране пока не стоит остро, так как не исчерпаны другие механизмы: модернизация производства, совершенствование управления и т.д. Состояние здоровья людей используется как механизм, влияющий на результативность деятельности компании. В условиях развитого индустриального общества качество рабочей силы переходит из второстепенного в группу основных факторов управления производительностью труда [7, с. 325].

Без здорового населения невозможно добиться качественной производительности труда в рамках рыночной экономики.

Приведем позиции разных авторов касаясь понятия «здоровья».

А.А. Романцов, О.В. Забелина пишут о том, что здоровье, как объект экономического анализа, является достаточно обширным понятием, поэтому достаточно сложно дать ему исчерпывающее определение. Многоаспектность понятия здоровья позволяет подвергать анализу данный показатель на разных уровнях экономики и в разных сферах жизни общества [5, с. 145]. С данной позицией стоит согласиться.

И.В. Попова, Л.Д. Котлярова, О.А. Котлярова приводят следующие трактовки данному понятию. С их точки зрения здоровье – это: «во-первых, интегральный показатель полного физиологического, психического и социального состояния человека; во-вторых, отсутствие выяв-

ленных расстройств и заболеваний; в-третьих, процесс снижения уровня смертности, заболеваемости, инвалидности; в-четвертых, состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [4, с. 285].

Также авторами указано то, что здоровье населения является ключевым компонентом качества его рабочей силы.

Интересна позиция Т.В. Пановой, изложенной в статье «Здоровье работающего населения важнейшее условие качества и производительности труда», которая под здоровьем работающего населения именуется фундамент человеческого капитала, представляющий собой фактор устойчивого экономического развития страны. Помимо прочего, данный автор пишет о том, что, проводя сравнение уровня производительности труда с зарубежными странами, можно говорить о том, что он очень низкий. Об этом свидетельствуют и официальные данные Организации экономического сотрудничества и развития, Международной Организации труда (МОТ) и Росстата. Это весьма серьезная проблема для экономики страны [3, с. 39].

Итак, рассмотрев позиции разных авторов касательно здоровья работающего населения, можно сделать вывод о том, что общее в этих определениях то, что здоровье понимается как нечто противоположное болезни, отличное от нее, как синоним общепринятой нормы. В связи с этим можно дать следующее определение понятию «здоровье». Итак, под ним надлежит понимать нормальное психосоматическое состояние человека, отражающее его полное физическое, психическое и социальное благополучие и обеспечивающее полноценное выполнение трудовых, социальных и биологических функций.

Весьма правильная позиция Т.В. Пановой. С точки зрения данного автора, от состояния здоровья работающего населения во многом зависит развитие национальной экономики и рост ВВП. В России в год на одного работника теряется из-за болезни в среднем до десяти рабочих дней. Данный вывод сделан на основании оценки ряда экспертов. Если брать в учет то, что на январь 2016 года численность, занятых экономической деятельностью людей, составляла 71,3 млн человек в экономике страны (данные Росстата), то общие потери рабочего времени составляют около 713 млн рабочих дней в год, или свыше 2,9 млн человек ежегодно по данной причине выведены из процесса производства или оказания услуг.

Помимо прочего обозначенный автор, отмечает о том, что проанализировав состояние здоровья работающих в России, можно сделать вывод о том, что данный анализ вызывает особую тревогу, так как по оценкам ряда экспертов, трудовые ресурсы России к 2025 году могут сократиться на 19 млн человек. Исходя из расчетов Росстата, будет наблюдаться сокращение численности населения трудоспособного возраста опережающими темпами и к обозначенному сроку чис-

ленность трудоспособного населения можно будет наблюдать за снижением на 16 %. В качестве главной причины сокращения численности трудоспособного населения выделяют повышенную смертность. Показатель смертности трудоспособного населения превышает аналогичные показатели по ЕС в 5 раз [3, с. 40].

В свою очередь Т.Л. Лепихина, Ю.В. Карпович считают, что неудовлетворительное состояние здоровья оказывает отрицательное воздействие на производительность труда: работники, которые весьма слабые физически и больны, никак не могут в полной мере свой потенциал реализовать. В связи с этим, мы можем наблюдать за тем, как организации и общество в целом экономически заинтересованы в инвестициях, которые направляются на здоровье работающего населения, выступающим одним из главных показателей качества производительности труда [2, с. 147].

Также весьма интересна позиция А.А. Романцова, О.В. Забелиной, изложенная в статье «Экономическая оценка здоровья и его влияния на производительность труда». Данные авторы, перечислили механизмы, через которые здоровье может оказывать влияние на производительность труда:

1. Совокупный доход находится в прямой зависимости от количества потраченного рабочего времени. Если часть времени будет потрачено на реабилитацию и восстановления здоровья, то и доходы будут меньше.
2. Здоровье – это важный фактор, оказывающий воздействие на показатель продолжительности жизни, т.е. на период использования человеческого капитала. Итак, здоровье оказывает прямое влияние на срок службы человеческого капитала.
3. Индивиды, которые имеют плохое здоровье, получают заведомо меньшую заработную плату и имеют ограниченный запас сил. В результате это может привести к недоинвестированию в человеческий капитал, т.е. получению образования более низкого качества, приобретению менее качественных профессиональных навыков [5, с. 148].

Таким образом, данные авторы еще раз подчеркнули, что от здоровья населения зависит качественная производительность труда.

Итак, проанализировав точки зрения разных авторов касательно темы исследования, можно сделать такие выводы: не возникает никаких сомнений, что здоровье – это важный фактор, влияющий на качественную производительность труда. Государство должно предпринимать меры, поддерживающие здоровье населения, нужно иметь эффективную систему здравоохранения. Решить проблему касательно сохранения и укрепления здоровья работающего населения, возможно благодаря концепции «Здоровье работающего населения России 2020». Основной акцент должен быть сделан:

Во-первых, на развитии профилактики профессиональных заболеваний у населения трудоспособного возраста;

Во-вторых, создании служб охраны труда на предприятиях.

Литература:

1. *Зидла М.Р.* Повышение производительности труда как фактор экономического роста / М.Р. Зидла; Под общей редакцией З.О. Адамановой. // В сборнике: Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства Сборник научных трудов : в 2-х томах. 2019. С. 597–600.

2. *Лепихина Т.Л.* Здоровьесбережение как фактор роста производительности труда в современных корпоративных социально-экономических системах / Т.Л. Лепихина, Ю.В. Карпович // В сборнике: Повышение производительности труда как ключевое направление региональной промышленной политики и основа неоиндустриального подъема инновационной конкурентоспособности корпораций Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2015. С. 146–152.

3. *Панова Т.В.* Здоровье работающего населения важнейшее условие качества и производительности труда // Экономические науки. 2018. № 161. С. 39–41.

4. *Попова И.В.* Здоровье работников как фактор производительности труда. проблемы измерения / И.В. Попова, Л.Д. Котлярова, О.А. Котлярова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 6. С. 284–289.

5. *Романцов А.А.* Экономическая оценка здоровья и его влияния на производительность труда / А.А. Романцов, О.В. Забелина // В сборнике: Факторы развития экономики России Материалы VII международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет» Великотырновский университет им. Святых Кирилла и Мефодия (Болгария), 2015. С. 144–149.

6. *Султанова Э.А.* Основные факторы, влияющие на производительность труда // В сборнике: Инновационное развитие современной науки: проблемы, закономерности, перспективы сборник статей XI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2019. С. 93–95.

7. *Черепов В.М.* Производительность труда и состояние здоровья работника / В.М. Черепов, Д.В. Ефремов, М.Ю. Калинина // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. Т. 25. № 6. С. 324–327.

8. *Шмакова А.В.* Факторы, влияющие на производительность труда в организации // Вестник науки. 2018. Т. 2. № 8(8). С. 50–52.

Работодателю необходимо кроме контроля за проведением обязательных медицинских осмотров работников, внедрять корпоративные программы, поддерживающие здоровый образ жизни.

Literature:

1. *Zidla M.R.* Increasing labor productivity as a factor of economic growth / M.R. Zidla; Under the General editorship of Z.O. Adnanboy // in the collection: National economic systems in the context of the formation of the global economic space Collection of scientific papers : In 2 volumes. 2019. P. 597–600

2. *Lepikhina T.L.* Health Saving as a factor of labor productivity growth in modern corporate social and economic systems / T.L. Lepikhina, Yu.V. Karpovich // in the collection: Increasing labor productivity as a key direction of regional industrial policy and the basis of neo-industrial rise of innovative competitiveness of corporations proceedings of the VIII International scientific and practical conference. 2015. P. 146–152.

3. *Panova T.V.* Health of the working population the most important condition of quality and productivity of labor // Economic Sciences. 2018. № 161. P. 39–41.

4. *Popova I.V.* Health of workers as a factor of labor productivity. problems of measurement / I.V. Popova, L.D. Kotlyarova, O.A. Kotlyarova // Vestnik Kostroma state University. N.A. Nekrasova. 2014. Т. 20. № 6. P. 284–289.

5. *Romantsov A.A.* Economic assessment of health and its impact on labor productivity / A.A. Romantsov, O.V. Zabelina // in the collection: Factors of development of the Russian economy Materials of the VII international scientific and practical conference. The Ministry of education and science of the Russian Federation Federal state budgetary educational institution of higher professional education «Tver state University» Veliko Tarnovo University. Saints Cyril and Methodius (Bulgaria), 2015. P. 144–149.

6. *Sultanova E.A.* The Main factors affecting labor productivity // In the collection: Innovative development of modern science: problems, patterns, prospects collection of articles XI International scientific and practical conference. Penza, 2019. P. 93–95.

7. *Skerepov V.M.* Productivity and health status of the employee. Problems of social hygiene, health care and history of medicine / V.M. Skerepov, D.V. Efremov, M.Yu. Kalinina. 2017. Vol. 25. № 6. P. 324–327.

8. *Shmakov A.V.* Factors influencing productivity in the organization // journal of science. 2018. Т. 2. № 8(8). P. 50–52.

Назарчук Наталия Павловна

старший преподаватель
кафедры экономики,
Тамбовский государственный
технический университет
korosteleva_olesya@mail.ru

Коростелева Олеся Александровна

магистр кафедры экономики,
Тамбовский государственный
технический университет
korosteleva_olesya@mail.ru

**ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ
РАЗВИТИЯ РЫНКА
ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Ипотечное кредитование в любой стране является неотъемлемой частью ее финансовой системы. Именно приобретение жилья при помощи кредитования – это единственный вариант в решении своих жилищных проблем. Для ориентирования в показателях ипотечного рынка, в его перспективах и, возможно, делать прогнозы, важно разбираться в его ключевых понятиях. Таким образом, ипотечное кредитование может стать не только локомотивом банковской системы, но и решения многих социальных проблем.

Цель написания данной статьи – исследование ипотечного кредитования в России, как инструмента в решении жилищных проблем в Российской Федерации. В процессе написания статьи рассмотрены главные проблемы ипотечного кредитования в России, предложены пути разрешения существующих проблем.

Ключевые слова: кредит, ипотека, недвижимость, жилье, банк, государство, страхование, процент, первоначальный взнос, ипотечный рынок, государственная поддержка.

Одной из главных потребностей, на данный момент, в России является необходимость в жилье и ипотечное кредитование нам представляется как один из вариантов решения этой проблемы. Из-за отсутствия финансовых сбережений и, в том числе, отсутствия реальных возможностей накопления подавляющее большинство россиян не в состоянии улучшить свои жилищные условия, поэтому для большинства граждан приобретение недвижимости без заемных средств невозможно; одной из главных причин является постоянное увеличение цен на жилье. Соответственно, это приводит к большим разрывам между реальными доходами граждан и ус-

Natalia P. Nazarchuk

Senior lecturer
of the Department Economics,
Tambov State Technical University
korosteleva_olesya@mail.ru

Olesya A. Korosteleva

Master of the Department Economic,
Tambov State Technical University
korosteleva_olesya@mail.ru

**ASSESSMENT OF TRENDS
IN THE MORTGAGE MARKET
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. Mortgage lending in any country is an integral part of its financial system. It is the acquisition of housing through credit – this is the only option in solving their housing problems. To navigate the indicators of the mortgage market, its prospects and, possibly, make forecasts, it is important to understand its key concepts. Thus, mortgage lending can become not only the locomotive of the banking system, but also the solution of many social problems.

The purpose of this article is to study mortgage lending in Russia as a tool in solving housing problems in the Russian Federation. In the process of writing the article, the main problems of mortgage lending in Russia are considered, ways of resolving existing problems are proposed.

Keywords: loan, mortgage, real estate, housing, bank, state, insurance, interest, down payment, mortgage market, government support.

тановленными ценами, поэтому один из способов приобретения своего жилья является ипотечное жилищное кредитование, что является главным направлением государственной жилищной политики. По данным социологических опросов, в нашей стране больше 67 % населения не удовлетворены своими жилищными условиями. В целом, уровень развития ипотечного рынка и доступность ипотеки для населения зависит от макроэкономической ситуации в государстве.

В первой половине 2020 года ставки по ипотечным кредитам в России впервые в истории ус-

тойчиво утвердятся на уровне ниже 9 процентов, а во втором полугодии достигнут 8,7 процента. Ставка в 8,7 процента – это целевой показатель, предусмотренный национальным проектом «Жилье и городская среда». Уменьшению стоимости жилищных кредитов в конце 2019-го – в 2020 году будут способствовать постоянное снижение стоимости фондирования, падение инфляции и ключевой ставки Центробанка. Сокращение ставок стало ключевой тенденцией российского рынка ипотеки в последние месяцы. Ставки по фактически выданным кредитам в августе 2019-го г. впервые оказались ниже 10 процентов и составили 9,91 процента, а ставки выдачи по кредитам на новостройки – 9,35 процента. По данным статистики ЦБ РФ, всего в период с января по август 2019-го г. российские банки выдали новых ипотечных кредитов на сумму 1,6 триллиона рублей, что выше показателя за аналогичный период 2018 года на 4 процента. Речь идет только о кредитах, выданных на приобретение жилья (без учета средств, предоставленных на рефинансирование ранее взятых кредитов).

Снижение Центробанком ключевой ставки до 7 % годовых может стать одним из главных стимуляторов как к более высокому спросу на жилье, так и активизации рефинансирования кредитов, выданных ранее по более высоким ставкам. Следующее заседание совета директоров Банка России, на котором будет рассматриваться вопрос об уровне ключевой ставки, запланировано на 25 октября 2019 года. При этом ставки должны быть снижены таким образом, чтобы провал одной части спроса компенсировался ростом другой. Можно ожидать, что к концу года ипотечный рынок может перейти к росту, который продолжится в 2020 году. Его будет поддерживать снижение процентных ставок: средневзвешенная процентная ставка по выданным ипотечным кредитам к концу 2020 года может оказаться несколько ниже 9 % годовых. Но при этом, динамика рынка ипотеки с начала 2019 года уже пять месяцев подряд был негативным: по итогам июля объем ипотечного кредитования в годовом отношении сократился на 9,9 %, количество выданных ипотечных кредитов – на 17,6 %. По итогам семи месяцев 2019 года объем ипотечного кредитования сократился на 4,5 % по сравнению с соответствующим периодом 2018-го.

Ипотечное кредитование в Российской Федерации это одно из приоритетных направлений развития страны, но у ипотеки есть ряд проблем, тормозящие этот процесс:

- нестабильность политической и экономической ситуации в стране после введения политико-экономических санкций со стороны Европейского Союза и США;
- высокий уровень налогообложения юридических и физических лиц;
- низкий уровень доходов большей части населения страны;

– большие расходы во время осуществления сделок с жилой недвижимостью;

– монополизация рынка;

– недоступность ипотечного кредитования в связи с завышенной стоимостью;

– высокие риски ипотечного жилищного кредитования, как для кредиторов, так и для заемщиков;

– несовершенное российское законодательство в области ипотечного кредитования;

– недостаточный уровень подготовленных специалистов;

– недостаточная стабильная помощь со стороны государства в организационных, финансовых, законодательных вопросах.

Для повышения эффективной деятельности и развития системы ипотечного кредитования в современных условиях экономики страны требуется реализовать целый комплекс мер по следующим направлениям:

– реализации мероприятий по улучшению инвестиционного климата в РФ;

– разработки государственных программ для поддержки заемщиков, оказавшихся в сложных положениях;

– снижения процентных ставок по ипотечному кредитованию для доступности всех слоев общества;

– упрощения структуры и требований к эмиссии ипотечных ценных бумаг;

– повышения уровня конкуренции на рынке ипотечного кредитования;

– повышения ликвидности банковской системы со стороны Центрального Банка.

К сожалению, непрозрачным остается рынок первичного жилья. В связи с отсутствием здоровой конкуренции в нашей стране между застройщиками искусственным образом повышаются и удерживаются высокие цены на жилую недвижимость. Руководители строительных компаний, желая получить большую прибыль, тем самым лишают граждан возможности приобрести жилье на первичном рынке. Коммерческие банки, предоставляющие жилищные займы, тоже зависят от цен, которые диктуются монопольными строительными компаниями, и только при снижении цен на жилье в новостройках можно такую проблему. А цены на квартиры на первичном рынке автоматически упадут до соответствующего уровня, когда на рынке долевого строительства между застройщиками появится конкуренция. Одним из главных событий прошлого года стало принятие Федерального закона № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации». Также важно отметить, что с 1 июня 2019 года все застройщики перешли на работу со специальными эскроу счетами в банках. С этой даты застройщики уже не смогут использовать ДДУ в качестве основания для покупки квартиры. Все средства покупателей будут проходить через эскроу счет в банке-партнере и строго контролироваться. Застройщик не имеет права расходовать эти деньги до момента ввода дома в эксплуатацию, а также не сможет использовать средства из одного проекта на финансирование другого.

Также стоит отметить, что с 1 октября 2019 года многие ведущие банки на рынке ипотеки объявили о снижении процентных ставок на ипотечные жилищные кредиты, что является очень важным. Главной причиной снижения ставок коммерческих банков является снижение ключевой ставки. В Сбербанке ставки кредитов на покупку готового и строящегося жилья, загородной недвижимости, гаража и машинно-места, а также на строительство жилого дома и нецелевых кредитов под залог недвижимости уменьшились на 0,3 процентного пункта (п.п.), а на рефинансирование ипотечных кредитов других банков – на 0,6 п. п. Минимальная ставка ипотеки на готовое жилье теперь составляет 8,8 % годовых для зарплатных клиентов Сбербанка при участии в акциях «Молодая семья» и «Скидка 0,3 % на ДомКлик», на покупку квартиры в новостройке в рамках программы субсидирования с застройщиками – 7,3 %, на рефинансирование – 9,5 %. Такие ставки действуют при наличии полиса страхования жизни, при отказе от него действует надбавка в 1 п.п.

В Газпромбанке ипотека подешевела на 0,5–0,6 п.п. Минимальная ставка опустилась до 8,7 % годовых – столько заемщики будут платить по кредитам на сумму от 10 млн руб. с первоначальным взносом не менее 20 % от стоимости квартиры при оформлении страхования жизни и здоровья, если они являются зарплатными клиентами или приобретают квартиру у партнера банка.

Альфа-банк снижает ставки ипотеки на новостройки, вторичное жилье и рефинансирование на 0,4–0,8 п.п., минимальную – до 8,49 % годовых. Под минимальный процент Альфа-банк обещает кредитовать покупки на первичном рынке жилья у партнеров банка при подписании кредитного договора в течение 30 дней после

Литература:

1. Назарчук Н.П. Детерминанты ипотечного кредитования // «Финансовые исследования». 2017.
2. Белотелова Ж.С. Деньги. Кредит. Банки : учебник. Дашков и К., 2014.
3. Литвинова, С.А. Ипотечное кредитование : учеб. пособие. Директ Медиа, 2016.
4. Мартынова, Т.А. Ипотека делает жилье недоступным // «Банковское обозрение». 2016.

одобрения заемщика и при страховании жизни и титула.

На 0,8 п.п. подешевела ипотека на строящееся и готовое жилье от банка Дом.РФ; базовая ставка при покупке новостроек составит 8,9 %, для зарплатных клиентов – 8,5 %, отмечается в его сообщении.

В Райффайзенбанке на 0,3–0,4 п.п. дешевеют кредиты на приобретение недвижимости на первичном и вторичном рынке, рефинансирование, а также на покупку недвижимости под залог квартиры в собственности. Минимальная ставка кредитов на сумму свыше 7 млн руб. составит 8,99 % годовых для всех категорий заемщиков, на 3–7 млн руб. – 9,29 %

После снижения ставок на ипотеку в текущем году в 2019–2020 годах ожидается продолжение тенденции, что сделает ипотеку еще более доступной. Кроме того, ключевыми факторами для ипотечного кредитования будут ставка рефинансирования и уровень инфляции.

Подводя итоги, следует сказать, что ипотечное кредитование является еще одной ступенью к повышению уровня социального развития населения, являясь одним из основных факторов формирования среднего класса, так как ипотечное кредитование предоставляет гражданам возможность приобретения собственного жилья. Но без государственной поддержки развитие ипотечного кредитования маловероятно. Чтобы ипотека стала основным инструментом в решении жилищных проблем в Российской Федерации, должны решиться многие комплексные проблемы в области экономики, политики, а также в социальном секторе. Но решить возникшие проблемы сразу не получится, следовательно, для этого потребуется длительное время, при этом в сложившихся обстоятельствах ипотечное кредитование – самый действенный механизм в решении жилищных проблем.

На данном этапе рынок ипотеки в России выходит на новый этап развития: в обозримом будущем в стране существенно уменьшится число потенциальных заемщиков, которым банки будут согласны выдать деньги на покупку жилья. Сокращение доли «качественных» потенциальных ипотечников произойдет из-за ужесточения требований к ним.

Literature:

1. Nazarchuk N.P. Determinants of mortgage lending // «Financial research». 2017.
2. Belotelova J.S. Money. Credit. Banks : textbook. Dashkov and K., 2014.
3. Litvinova S.A. Mortgage lending: a training manual. Direct Media, 2016.
4. Martynova T.A. / Mortgage makes housing inaccessible // «Banking Review». 2016.

Щербакова Екатерина Павловна
кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра бухгалтерского учета,
Ростовский государственный
экономический университет
kosh_ka@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

■ ■ ■

Аннотация. В современных условиях возрастает заинтересованность собственников и руководства хозяйствующих субъектов в эффективном и надежном функционировании внутреннего аудита. Широкая интерпретация целей и задач контрольной функции управления, большое разнообразие существующих форм организации службы внутреннего аудита на практике определяет сложность разработки оптимальной структуры критериев оценки функционирования внутреннего аудита. В статье рассмотрены проблемы оценки эффективности функционирования подразделений внутреннего аудита в коммерческих организациях на основе использования системы сбалансированных показателей.

Ключевые слова: система сбалансированных показателей, внутренний аудит, служба внутреннего аудита, оценка эффективности, показатели эффективности, компоненты эффективности, каскадирование.

■ ■ ■

Для обеспечения эффективного развития системы управления компании ее Совету директоров, Комитету по аудиту и руководителям исполнительных органов, как правило, требуются показатели и индикаторы работы подразделения внутреннего аудита как прогнозные, так и фактические. Прежде всего, следует отметить, что единого простого решения проблемы оценки качества, эффективности и полезного результата функционирования подразделения внутреннего аудита в настоящее время не существует. Однако в любом случае, по нашему мнению, перед тем как создать подразделение внутреннего аудита или в процессе анализа результатов его деятельности, необходимо сначала составить представление об основных общих составляющих эффективности систем внутреннего аудита.

Ekaterina P. Shcherbakova
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Accounting,
Rostov State
University of Economics
kosh_ka@bk.ru

PROBLEMS OF EVALUATING THE EFFICIENCY OF THE ACTIVITIES OF THE SERVICES OF THE INTERNAL AUDIT OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS

■ ■ ■

Annotation. In modern conditions, the interest of owners and management of economic entities in the effective and reliable functioning of internal audit is growing. A wide interpretation of the goals and objectives of the control function of management, a wide variety of existing forms of organization of the internal audit service in practice determines the complexity of developing the optimal structure of criteria for evaluating the functioning of internal audit. The article discusses the problems of evaluating the effectiveness of the functioning of internal audit units in commercial organizations based on the use of a balanced scorecard.

Keywords: balanced scorecard, internal audit, internal audit service, performance evaluation, performance indicators, performance components, cascading.

■ ■ ■

Как и многие другие корпоративные правила, любую систему внутреннего аудита можно представить в виде равенства, где реальный эффект от такой системы равен сумме качества регламентирующей документации и правил и мотивации ее применения, умноженной на профессиональные качества людей, эти правила выполняющих [1]. Данное равенство представлено на рисунке 1.

Исследование различных мнений относительно оценки эффективности функционирования службы внутреннего аудита показало, что ее в целом следует производить исходя из определенной ограниченной группы наиболее важных с точки зрения руководства показателей эффективности деятельности подразделения внутреннего аудита. В настоящее время в экономической литера-

туре освещается множество вариантов формулировки и расчета отдельных показателей эффективности функционирования внутреннего аудита, а наиболее распространенным вариантом их систематизации является распределение согласно определенным группам (качества, ре-

зультативности и продуктивности), что позволяет оценить результат в определенном направлении, однако, не сразу соотнести их (в особенности комплексно) при необходимости с определенными целями, стоящими перед конкретным подразделением или сотрудником.

Рисунок 1 – Компоненты эффективности системы внутреннего аудита

Каждая компания, как правило, сама определяет критерии эффективности деятельности службы внутреннего аудита.

Однако, как показывает практика, при попытках реализации стратегии в компаниях также возникают сложности. Очень часто она не работает из-за оторванности от процесса принятия оперативных решений – отсутствует концептуальная и технологическая связь между стратегией и принимаемыми решениями.

Для реализации определенной стратегии подразделения внутреннего аудита и решения проблемы контроля ее выполнения представляется целесообразным применение сбалансированной системы показателей (ССП) (Balance Scorecard – BSC), способной переводить стратегию развития внутреннего аудита в рамках холдинга в определенный набор целей и мероприятий. Отметим, что базовая концепция СПП была разработана на основе выводов исследования, проведенного в начале 1990-х годов профессором Harvard Business School Робертом Капланом (Dr. Robert S. Kaplan) и президентом консалтинговой фирмы Renaissance Solutions Дэвидом Нортоном (David P. Norton) в целях выявления новых способов повышения эффективности деятельности и достижения целей бизнеса [3]. В целом, СПП представляет собой систему управления, которая позволяет компании четко формулировать стратегию и планы на будущее и воплощать их в ре-

альные действия. Именно такая система способна обеспечивать обратную связь между внутренними бизнес-процессами и внешними показателями, являющуюся ключевой в целях повышения общей стратегической эффективности компании и достижения желаемых результатов. При полном внедрении СПП преобразуют стратегическое планирование в практическую деятельность организации. Важно учесть, что в целях обеспечения долгосрочной реализации стратегии подразделения внутреннего аудита, сформулированной в СПП, нами рекомендуется интегрировать данную систему на постоянной основе в общую систему управления компании, поскольку лишь с завершением этапа внедрения СПП действует как концепция управления, а не только как система отдельных показателей [2].

Подводя итоги, отметим, что оценка функционирования внутреннего аудита должна являться комплексной задачей, которая решается не по результатам формальной инспекционной проверки, а в ходе длительного процесса, учитывающего стратегические задачи, стоящие перед компаниями, а также изменения определенных условий в области внутреннего аудита, что в целом обеспечивается практическим использованием основ концепции СПП и приводит к повышению требований, предъявляемых к подразделениям внутреннего аудита, а следовательно, их совершенствованию в рамках систем управления компанией.

Литература:

1. *Скатерщиков С.* Прививка от Enron: Практическое руководство по организации комитета по аудиту, внутреннего контроля, внутреннего аудита в акционерных обществах. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005
2. *Щербакова Е.П.* Методологические аспекты организации и функционирования внутреннего аудита в коммерческих организациях : монография. Ростов н/Д. : Азов-Печать, 2011.
3. *Norton D.* The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action / D. Norton, R. Kaplan. Harvard Business School Publish, 1996.

Literature:

1. *Skaterschikov S.* Vaccination from Enron: A practical guide to organizing an audit committee, internal control, internal audit in joint stock companies. M. : Alpina Business Books, 2005
2. *Shcherbakova E.P.* Methodological aspects of the organization and functioning of internal audit in commercial organizations : monograph. Rostov on/D. : Azov-Print, 2011.
3. *Norton D.* The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action / D. Norton, R. Kaplan. Harvard Business School Publish, 1996.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 21.10.2019
Подписано в печать 25.10.2019
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 12,2
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 37

e-mail: id.yug2016@gmail.com